АЗБУКА ВЕРЫ

Дмитрий Михайлович Володихин

Государь Федор Иванович

Художественная литература · azbyka.ru

Государь Федор Иванович – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/gosudar-fedor-ivanovich

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Государь Федор Иванович

Дмитрий Михайлович Володихин

Федор Иванович был последним русским правителем из московской княжеской династии, основанной Даниилом Александровичем. В 1584 году он унаследовал престол после смерти своего отца Ивана Грозного. Ставший главой государства в непростые для страны времена государь был глубоко верующим, добрым и милосердным человеком. Таким предстает он и в книге «Государь Федор Иванович» доктора исторических наук Д. М. Володихина.
Издание дополняет пьеса А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

Научное предисловие доктора исторических наук Т. В. Черниковой
Приложение А. К. Толстой «Царь Федор Иоаннович»
Под общей редакцией В. Р. Мединского

Дорогой читатель!

Мы с Вами живем в стране, протянувшейся от Тихого океана до Балтийского моря, от льдов Арктики до субтропиков Черного моря. На этих необозримых пространствах текут полноводные реки, высятся горные хребты, широко раскинулись поля, степи, долины и тысячи километров бескрайнего моря тайги.

Это — Россия, самая большая страна на Земле, наша прекрасная Родина.

Выдающиеся руководители более чем тысячелетнего русского государства — великие князья, цари и императоры — будучи абсолютно разными по образу мышления и стилю правления, вошли в историю как «собиратели Земли Русской». И это не случайно. История России — это история собирания земель. Это не история завоеваний.

Родившись на открытых равнинных пространствах, русское государство не имело естественной географической защиты. Расширение его границ стало единственной возможностью сохранения и развития нашей цивилизации.

Русь издревле становилась объектом опустошающих вторжений. Бывали времена, когда значительные территории исторической России оказывались под властью чужеземных захватчиков.

Восстановление исторической справедливости, воссоединение в границах единой страны оставалось и по сей день остается нашей подлинной национальной идеей. Этой идеей были проникнуты и миллионы простых людей, и те, кто вершил политику государства. Это объединяло и продолжает объединять всех.

И, конечно, одного ума, прозорливости и воли правителей для формирования на протяжении многих веков русского государства как евразийской общности народов было недостаточно. Немалая заслуга в этом принадлежит нашим предкам — выдающимся государственным деятелям, офицерам, дипломатам, деятелям культуры, а также миллионам, сотням миллионов простых тружеников. Их стойкость, мужество, предприимчивость, личная инициатива и есть исторический фундамент, уникальный генетический код российского народа. Их самоотверженным трудом, силой духа и твердостью характера строились дороги и города, двигался научно-технический прогресс, развивалась культура, защищались от иноземных вторжений границы.

Многократно предпринимались попытки остановить рост русского государства, подчинить и разрушить его. Но наш народ во все времена умел собраться и дать отпор захватчикам. В народной памяти навсегда останутся Ледовое побоище и Куликовская битва, Полтава, Бородино и Сталинград — символы несокрушимого мужества наших воинов при защите своего Отечества.

Народная память хранит имена тех, кто своими ратными подвигами, трудами и походами расширял и защищал просторы родной земли. О них и рассказывает это многотомное издание.

В. Мединский, Б. Грызлов

Предисловие

Представленная вниманию читателя книга посвящена очень сложному периоду отечественной истории — второй половине XVI века. Книга предлагает взглянуть на это далекое прошлое через судьбу царевича, а потом и государя всея Руси Федора I Иоанновича. Этот монарх оказался последним представителем московской ветви Рюриковичей, родоначальником которой еще в XIII веке стал младший сын Александра Невского, первый удельный московский князь Даниил.

Царствование Федора I Иоанновича (1584–1598) оказалось для России временем одновременно и тяжелым, и подающим надежду.

Отец Федора великий князь, а с 1547 года и царь Иван IV Грозный (1533–1584) оставил сыну не лучшее наследство. За успешными централизаторскими реформами конца 1540-х — 1560 года, включением в состав Русского царства Среднего и Нижнего Поволжья в 1552–1556 годах и успешного начала в 1558 году. Ливонской войны последовала полоса внутренних и внешних трудностей. Это вызвало разлад Ивана IV с прежними его ближайшими сподвижниками, с легкой руки Андрея Курбского вошедшими в историю как Избранная рада. Опричный террор 1565–1572 годов, смертоносные эпидемии и поражение в 25-летней Ливонской войне ослабили Россию, страна погружалась в системный кризис.

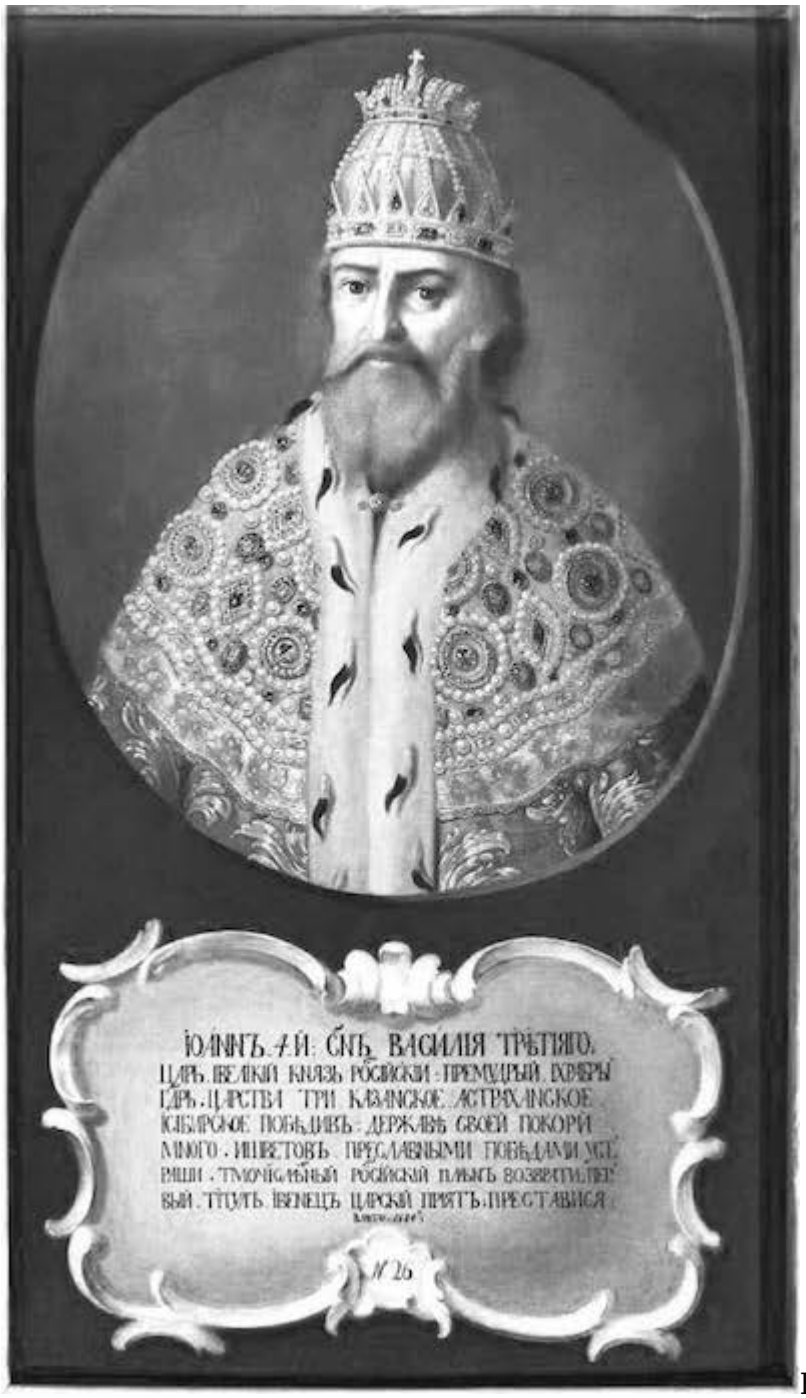
В конце царствования Ивана Грозного лежало в разорении сельское хозяйство. Большие проблемы испытывали городское ремесло и торговля. Крестьяне от налогов и голода бежали на окраины, на Дон, пополняя ряды вольного казачества, или, что самое опасное, «утекали» за русский рубеж в пределы Великого княжества Литовского, давнего внешнеполитического соперника Московской Руси, врага по недавней Ливонской войне. В этой ситуации власти показалось, что заповедные лета (временный запрет с 1581 года на переходы крестьян в Юрьев день и свободный выбор ими места жительства) будут меньшим из зол. А на деле так началось в России становление крепостного права.

Разорение владельческих крестьян больно ударило и по их господам, владельцам поместий. Многие служилые люди по отечеству (дети боярские и дворяне), составлявшие рядовой состав русского войска, обнищали и не могли исправно «конно, людно и оружно», как того требовало Уложение о службе 1556 года, выходить на государеву службу. Не имея средств к существованию, одни из них заключали кабальные грамоты и превращались из наследственных служилых людей в боевых боярских холопов. Другие превращались в лихих людей, сплачиваясь в разбойные банды с отчаянными простолюдинами из беглых крестьян, холопов и прочих «подлых», то есть простых, людей.

Внешнеполитический престиж страны после военного поражения в Ливонской войне (1558–1583) упал, а главное, в пользу Швеции отошло много старинных новгородских владений

вблизи Балтийского моря, и выход России к морю превратился в узенький коридор вдоль Невы.

Все это было фоном юности и молодости царевича Федора, второго из выживших сыновей Ивана Грозного. Федор родился 31 мая 1557 года. Матушка его, любимая супруга царя Ивана Васильевича Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева, тогда уже хворала, отчего и ребенок появился на свет слабенький и далее в здоровяка не превратился. Седьмого августа 1560 года царица Анастасия покинула этот мир. Это стало и для ее мужа, и для детей тяжким уроном. От переживаний и так эмоционально неустойчивый царь Ивана Васильевич обрел явные признаки психического нездоровья. Везде ему мерещились измены, которые он «грозой» — казнями и опалами — пытался искоренить.

Неизвестный художник. Портрет царя Иоанна IV Васильевича Грозного. Вторая половина XVIII в.

Но еще большей личной трагедией Ивана Грозного, да и великим несчастьем для сына его Федора, явилась гибель старшего царевича Ивана Ивановича в 1581 году. Обстоятельства происшедшего не совсем ясны, но большинство историков, опираясь на свидетельства

современников, полагают, что наследник престола пал жертвой вспышки гнева собственного царственного отца. Кончина Ивана Ивановича 19 ноября 1581 года сузила круг законных «природных» наследников московского трона до одного Федора Иоанновича. У последнего не было детей, и замаячила угроза династического кризиса. Малолетний царевич Дмитрий, младший сын Грозного от его седьмого брака, с Марией Нагой, родившийся 19 октября 1582 года, никак не мог считаться законным, так как церковь разрешала христианину только три брака. К тому же этот ребенок страдал падучей болезнью (эпилепсией).

Все эти печальные для царской семьи перемены происходили на фоне обострения противостояния внутри политической элиты России. Русскую аристократию раздирала вражда между бывшими земскими и опричными боярами. Придворный круг напоминал осиное гнездо. Самые родовитые бояре князья Мстиславские из рода Гедиминовичей и Рюриковичи князья Шуйские ненавидели «опричного выскочку» «худородного» Бориса Годунова, на сестре которого Ирине был женат царевич Федор.

Безнаказанность и беззаконные действия опричников нанесли удар по нравственным устоям, к тому же многие обиженные ожесточились и готовы были мстить, лишь бы представился такой случай. Страх и ненависть переполняли людей.

Одним словом, Россия к моменту смерти Ивана Грозного 18 марта 1584 года стояла на пороге бед Смутного времени, но еще не скатилась в пучину открытой гражданской войны, и оставалась возможность мудрой государственной политикой и примером власти попытаться все исправить.

Таким «окном возможности» и стало царствование Федора Иоанновича (1584–1598). Внутренний курс, проводимый правительством, во главе которого постепенно главным действующим лицом стал царский шурин Борис Годунов, привел к стабилизации экономического положения страны. Урочные лета 1597 года, позволившие пять лет искать и возвращать беглых крестьян, укрепили хозяйство дворян-воинников[1]. Построенный на севере на берегу Белого моря Архангельск и Астрахань в устье Волги на юге стали международными торговыми воротами России. Россия утверждалась в Западной Сибири, там поднялся Тобольск, строились и другие русские города.

Казалось также, что примирились различные русские сословия.

Появились успехи и во внешней политике. Был успешно отбит грандиозный набег крымского хана Казы-Гирея в 1591 году, а в 1594 году Крым заключил мир с Россией. Небольшая и удачная для России война со шведами 1590–1593 годов завершилась перемирием, а в 1595 году стороны пошли на Тявзинский мир, по которому Россия вернула себе все, что утратила в пользу Швеции по Плюсскому миру 1583 года.

В итоге неслучайно, что в воспоминаниях русских людей, переживших Смуту, царствование Федора I Иоанновича оценивалось как тихое благополучие в канун грозных испытаний.

Образ же самого монарха Федора как у современников (русских и иноземцев), так и у историков всегда вызывал споры и разные оценки. Для кого-то Федор был слабый, чуть ли не слабоумный правитель, которого сами подданные за глаза зовут *durak*. Так пишут, к примеру, польско-литовский посол Лев Сапега и швед Петр Петрей. А «Временник Ивана Тимофеева» рисует царя кротким богомольцем, угодным Богу и мыслью своей, и молитвой, отчего и милость небесная опускается в его царствование на уставшую от внутренних и внешних бед страну.

Именно такой образ царя Федора был подхвачен в XIX веке уже русской художественной литературой, которой история души и совести человеческой всегда казалась важнее политической истории.

Настоящая книга включает в себя две части — историческое исследование и художественно-литературное сочинение.

Открывает книгу исследование известного историка Дмитрия Михайловича Володихина, посвященное личности Федора Иоанновича. Ученый поставил перед собой задачу, проанализировав различные документы эпохи, представить читателю научную биографию Федора, показать его жизненный путь от рождения до кончины в контексте бурных исторических событий, свидетелем которых он стал по воле рока. По справедливому, на наш взгляд, мнению историка, царь Федор Иоаннович не был ни слабоумен, ни слаб. Летописи и записки современников запечатлели его выезжающим на охоту, а также частым зрителем любимых «молодецких забав» русского человека того времени — поединка кулачных бойцов или боя охотника с медведем. Федор искренне любил свою жену Ирину Годунову и, в отличие от старшего брата Ивана, даже отцу не позволил развести себя с ней, не говоря уже о подобном плане боярской «партии» Мстиславских — Шуйских. Д. М. Володихин рисует психологический портрет «запасного царевича», а потом царя, показывает, в каких условиях и как формировался характер второго сына Ивана Грозного.

Федора не готовили к трону, и сам он не помышлял о короне, предпочитая тихую семейную жизнь и церковные службы. Когда в Опричнину столицей его отца стала Александровская слобода, юный царевич любил там сам бить в колокола, за что заслужил у отца прозвище «звонарь» и упрек, что он больше похож на поповского сына, нежели на царского. Впрочем, это не особенно волновало Ивана Грозного. Своим преемником он видел старшего сына Ивана. Тот и нравом, и талантами был весь в него. А Федор был «тих» и «кроток», много болел. Были все основания думать, что не задержится он на этом свете.

Неизвестный художник. Портрет царя Федора Иоанновича. Вторая половина XVIII в.

Но по воле Проведения именно он, царевич-богомолец, а потом царь-инок, как называет его Володихин, оказался на московском престоле.

Знакомясь с позитивными итогами царствования кроткого царя, хочется поневоле задаться вопросом: а может, именно такой правитель и нужен был России для залечивания душевных ран ее народа после жестокого и трагического времени грозного царя?

Распространенная в научной и популярной исторической литературе версия о полной непричастности Федора Иоанновича к реальному управлению государством не выдерживает критики. Д. М. Володихин, знакомя читателя с документами конца XVI — начала XVII века, доказывает, что по мере сил Федор Иоаннович участвовал в государственных делах: вдохновлял своим присутствием войско в войне со Швецией, немало сил приложил к утверждению в России патриаршества в 1586–1589 годах, да и в борьбе придворных кланов сделал в целом правильный выбор, поддержав брата своей жены Бориса Годунова, человека, наделенного большим государственным талантом и способного нести груз повседневного

управления державой. Но самым большим вкладом царя Федора в судьбу России парадоксальным образом оказалась его внешняя отгороженность от власти — свидетельство и пример подданным истинно христианской духовной жизни.

После труда историка Д. М. Володихина книга дает возможность читателю окунуться в реконструкцию эпохи царя Федора Иоанновича, выполненную уже средствами художественной литературы. Образ Федора не так часто привлекал писателей исторического жанра, но трагедия Алексея Константиновича Толстого «Царь Федор Иоаннович», безусловно, относится к шедеврам российской исторической художественной литературы. Эту пьесу и сам А. К. Толстой, знаменитый писатель XIX века, считал лучшим своим произведением. Оно вызвало исключительный отклик у думающей публики второй половины XIX века, в том числе благодаря успеху постановки пьесы на сцене Московского художественного театра. Сама же трагедия «Царь Федор Иоаннович» явилась центральной частью трилогии, которую открывает трагедия «Смерть Ивана Грозного», а завершает трагедия «Борис Годунов».

Т. В. Черникова,
доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России

Государь Федор Иванович

Сколько крови проливает за меня народ.
О, если бы я мог за него умереть!

Государь Федор Иванович

Двоящийся монарх

У некоторых исторических личностей, вошедших и в наши учебники, и в русскую классическую традицию, и в массовое сознание, как будто два лица. Поколение за поколением интеллектуалы бьются, пытаясь доказать, что одно из этих лиц истинно, а другое — не более чем маска, или даже не маска, а случайная ужимка.

В России знают двух Иванов Грозных — мудрого государственного деятеля и кровавого маньяка; двух Петров I — реформатора и тирана; двух Николаев I — «жандарма Европы» и просвещенного охранителя; двух Георгиев Жуковых — бездумно расходующего солдатские жизни самодура и талантливого полководца… Да разве только эти фигуры двоятся? О нет, прозвучали только самые громкие примеры.

Попытки отыскать золотую середину между Сциллой одного мифа и Харибдой другого приводят лишь к тому, что вместо цельной личности вырастает бесконечный букет: «с одной стороны, нельзя не заметить, зато с другой — нельзя не признаться». В таких случаях мудрая на первый взгляд умеренность приводит к пустоте, к расплывчатости. И споры разгораются с новой силой.

Наверное, самое разумное в таких случаях — выложить все основные аргументы, а потом честно и открыто высказаться в пользу одной из двух принципиально различных точек зрения: «Я считаю, что аргументы в пользу *вот этой позиции* перевешивают».

Государь Федор Иванович (или в церковной традиции Феодор Иоаннович) — именно такая — «двоящаяся» — персона в русской истории. Любопытно, что главная суть обоих образов этого государя лаконично сформулирована для образованной публики одним человеком — Алексеем

Константиновичем Толстым.

В сатирическом стихотворении «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» он одним четверостишием вывел силуэт расхожего мнения о Федоре Ивановиче:

За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

Какой облик придают последнему государю-Рюриковичу эти строки? Дурачок, блаженненький, возможно, слабоумный…

Но тот же А. К. Толстой посвятил ему знаменитую, многократно ставившуюся пьесу «Царь Федор Иоаннович». И там царь предстает в совершенно ином свете. Это трагическая фигура, не лишенная обаяния, к тому же залитая светом благодати. Не блаженненький — блаженный! Не дурачок, но по-настоящему добрый, бескорыстный, глубоко верующий человек!

Что он такое, видно из собственной реплики царя, сказанной в споре с Годуновым:

Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить, и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль черно,
Избрать я должен — я не обманусь.
Тут мудрости не нужно, шурин, тут
По совести приходится лишь делать.

По ходу пьесы князь Иван Петрович Шуйский, враг монарха, оценивающий его человеческие качества весьма низко, вынужден признать свою ошибку:

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него —
Бог не велит! Я вижу, простота
Твоя от Бога, Федор Иоанныч, —
Я не могу подняться на тебя!

«Двоение» Федора Ивановича продолжается до наших дней. Для Русской православной церкви он прежде всего святой человек высокой нравственности и большого благочестия. Но когда об этом монархе речь заходит в светской публицистике, то раз за разом возникают пренебрежительные отзывы. За примером далеко ходить не надо. Так, в свежей книге Петра Романова «Преемники: от Ивана III до Дмитрия Медведева» (2008) обнаруживается именно такой пассаж: «Везло ли русским на преемников? Иногда да. Чаще не очень. Бывало, что России от преемника приходилось избавляться „хирургическим путем“. А бывало, страна десятилетиями терпела такое, о чем и вспоминать стыдно. Обычно подобное случалось, когда на вершине властной пирамиды начинали доминировать интересы свиты. Тогда вопросы ума, профессионализма и порядочности преемника, не говоря уже об интересах государства и народа, отходили на задний план… Так и появлялись во главе страны юродивые (Федор Иоаннович), бывшие прачки (Екатерина I), не самые образованные правители (Анна Иоанновна)…». Преемник Ивана Грозного назван здесь «юродивым», но не в смысле юродства Христа ради, а как живой позор для страны.

Кто прав в этом споре?

Принимая окончательное решение, следует помнить, каких успехов добилась Русская держава в годы правления кроткого царя Федора.

Именно при нем на Руси было введено патриаршество.

В его царствование полчища татарской конницы не сумели пробить брешь в русской обороне, в то время как его родитель, грозный государь Иван Васильевич позволил им сжечь столицу в 1571 году.

На Урале и в Западной Сибири подданным русского царя удалось закрепиться лишь при Федоре Ивановиче. Атаман Ермак, начавший войну с Крымским ханством еще при Иване Васильевиче, как известно, был убит, а войско его разгромлено. Зато несколько лет спустя служилые люди с именами не столь знаменитыми успешно продвинулись в том же направлении.

Наконец, Иван Грозный проиграл главную войну своей жизни — Ливонскую. Он не только утратил все завоеванное неимоверными усилиями, но и отдал врагу часть Новгородчины. При Федоре Ивановиче грянула новая война. В результате ожесточенной борьбы Россия отбила у шведов Ям, Копорье, Ивангород и Корелу. Москве удалось добиться частичного реванша за прежнее поражение в Ливонии.

При Федоре Ивановиче возникли новые города, монастыри, слободы.

Страна получила жизненно необходимую передышку между двумя безднами: опричниной и Смутой.

Так ли уж никчемен был монарх, в царствование которого Россия добилась столь значительных успехов? Или его память достойна более почтительного отношения? Что ближе к истине?

Стоит выслушать обе стороны.

Глава 1. В тени отца и брата

Венчан на Москве царем сын царя Ивана Васильевича Феодор Иоаннович; царствовал 13 лет и месяц 7.
Сей бе благ, и препрост и милостив.

Из летописного сборника, принадлежащего новогородскому Николаевскому Дворищенскому собору

Младенцы не выбирают время и место появления на свет. Искать в обстоятельствах рождения какие-то тайные знаки, напряженно всматриваться в гороскопы, трактовать «предзнаменования» — дело во всех отношениях дурное. Но та историческая и культурная атмосфера, которая питает разум и душу родившегося человечка, достойна всяческого внимания. Она многое может объяснить в его дальнейшей судьбе.

Будущему государю Московскому и всея Руси Федору Ивановичу, сыну первого русского царя Ивана Васильевича, получившего от потомков прозвище «Грозный», дарованы были самые лучшие обстоятельства рождения, какие только можно придумать. 31 мая 1557 года царица Анастасия Захарьина-Юрьева разрешилась от бремени мальчиком. В то время страна, где он родился, переживала счастливые времена.

За пять лет до того после жестокой борьбы пало перед нею сильное Казанское ханство.

Десятки тысяч русских пленников вернулись на свою землю, угроза разорительных нападений с востока перестала существовать. Несколькими годами позднее российской территорией стало Астраханское ханство, причем огромный успех этот русские воинские люди добыли малыми силами и малой кровью. Большое русско-шведское столкновение закончилось поражением северо-западного соседа. Степной юг был надежно заперт могучими полками от нападений крымской конницы. В Московском государстве шли крупные преобразования. Больше порядка пришло в армию, появилось стрелецкое войско, рос артиллерийский парк, а наши пушкари изощряли свое искусство в учениях на окраине столицы. Обновился новый общерусский судебник, по которому жила вся страна от Москвы до дальних приграничных городов. Церковь приняла Стоглав — кодекс установлений, направленных к исправлению нравственности, духовному просвещению, борьбе с ересями. Правил ею в ту пору мудрый пастырь и великий просветитель — митрополит Макарий. Возводились новые величественные соборы, и Покровский (Василия Блаженного), поныне украшающий Красную площадь, — в их числе. Трудились не покладая рук наши книжники, интеллектуальная жизнь была богата и пестра.

Отец и мать царевича Федора любили друг друга. К тому времени они прожили десять лет, деля горе и радости. Ни к одной из жен после Анастасии Захарьиной-Юрьевой царь Иван IV не относился столь бережно. Красавица из старинного боярского рода стала для мужа «лозой многоплодной», рожая ему дочерей и сыновей, один из которых впоследствии унаследует престол. Давным-давно венценосные супруги пережили страшные годы, когда умирали их первые дети — царевна Анна и царевич Дмитрий. У новорожденного царевича Федора был братик Иван, на три года старше, — здоровый мальчик, счастливо переживший все хвори малолетства. Они станут наперсниками по детским играм. Иными словами, царевичу предстояло жить в счастливой семье.

А. М. Васнецов. Москва при Иване Грозном. 1902

Его родитель, государь Иван Васильевич, с мальчишеских лет знал горечь полного сиротства. Он только-только преодолел рубеж восьмилетия, а уже и мать и отец его лежали в гробу. Все отрочество Ивана Васильевича да и юность прошли в обстоятельствах, когда он лишь именовался державным властелином, а правили государством совсем другие люди. Повзрослев (ему в год рождения сына Федора исполнилось двадцать семь), государь стал претендовать на

бóльшую власть, чем та, которой он пользовался в прежние годы. У кормила правления стояла титулованная знать — великородные «княжата» Бельские, Шуйские, Мстиславские, Голицыны, Глинские, Ростовские и т. д. Рядом с ними, взяв на себя значительную часть державных дел, обреталась аристократия нетитулованная — многочисленные потомки старинных московских боярских родов. С середины 1530-х годов первые были почти всевластны: предел их политической воле полагало лишь отсутствие единства. Различные «дворовые» (придворные) «партии» боролись друг с другом, не останавливаясь перед физическим уничтожением неприятельских вождей. Но превратиться в монолитную грозную силу, объединившись, они не могли. В 1547 году Иван Васильевич венчался на царство — впервые в русской истории. Его женой стала представительница могучего, влиятельного рода. Его поддерживал митрополит Макарий. Вокруг него постепенно рос круг союзников: кто-то честно служил Богом данному правителю, кто-то рассчитывал возвыситься, когда юноша вырастет и сможет подобающим образом вознаградить верных слуг своих, а кто-то видел в молодом человеке идеальную живую ширму, из-за которой можно осуществлять собственную волю в делах «дворовых» и государственных. Видя по историческим сочинениям и по словам высшего духовенства, чем были православные государи Византии, юный царь мечтал играть такую же роль, мечтал сделаться самодержцем. Постепенно, входя в возраст зрелости, он прибирал к рукам инструменты власти, коими до того владела служилая знать, — «княжата» прежде всего. Их первенство в России сделалось для него предметом для постоянных атак. Их неверность и амбиции, да основанное на древних, дружинных еще обычаях, стремление «отъехать», т е. пойти на службу к новому государю, когда прежний стал не столь тих и послушен, были в его глазах преступлением. Поэтому в конце 1550-х — начале 1560-х годов постепенно нарастает напряжение между царем и величайшими аристократическими родами России. Иван Васильевич жаждал полного, ничем не ограниченного единодержавия, а служилая знать искала сохранить контроль над важнейшими сферами управления, над армией и дипломатией. На протяжении нескольких лет противоборство будет усиливаться, и в конечном итоге военные неудачи приведут его к самым крайним формам — учреждению опричнины.

Но… пока идет 1557 год. Последний год безмятежности для Московской державы. Те труды, которые кажутся русским государственным людям бременем тяжким, несколько лет спустя будут выглядеть как сущий пустяк. Лишь в следующем году начнется страшная, разорительная, кровопролитная война за земли в Ливонии. Она продлится четверть века, и она, именно она окончательно рассорит Ивана IV с «княжатами». Еще нет ее… Еще государь и влиятельнейшая родовая знать балансируют, деля меж собою власть над страной, еще не пришло время большой крови. Еще стоит над Россией, в самом зените, спокойное жаркое солнце. Идет 1557 год, последний год безмятежности.

Младенец, огласивший своим криком царицыну почивальню, а затем принявший крещение в московском Чудове монастыре[2], знать не знает, что для страны, где он родился, *пока* все идет хорошо, *пока* тянутся счастливые времена. И *пока* никто не видит свинцовых облаков ближайшего будущего на горизонте.

Между тем темень уже рядом.

В 1558 году грянет Ливонская война, иссушившая Россию. Бесконечные ее тяготы будут сопровождать все детство, отрочество и молодость Федора Ивановича. Он вырастет под разговоры о битвах с немцами, поляками, шведами и литовцами. Он женится под гром сражений на Литовско-ливонском фронте. Душа его незадолго до вступления на престол получит изрядную порцию яда: страна потерпела поражение. Страшное, унизительное поражение. Отданы все прежние завоевания, да еще к ним в придачу неприятель забрал земли и города, издревле бывшие частью Новгородчины. Сильные полки русские побиты, десятки

военачальников страдают во вражеском плену, страна не имеет ни сил, ни желания продолжать борьбу. При всей кротости характера Федора Ивановича — а об этой черте его ниже будет сказано многое — он все-таки являлся сыном своего отца. И он сумеет вытравить яд поражения лишь после того, как потери родителя хотя бы отчасти удастся вернуть вооруженной рукой.

Итак, для понимания судьбы Федора Ивановича очень важно не забывать: он — дитя великой войны. Ливонская война стала той колыбелью, из которой он вырос, реляции воевод соперничали со сказками на ночь, а глаза царевича на протяжении двух десятилетий видели, как бесконечные колонны русских бойцов шагают по деревянным мостовым столицы на запад. И многие ли вернутся оттуда в очередной раз? Спины ратников удаляются по змеистым московским улицам и переулкам, а губы мальчика сами собою, привычно, начинают шептать молитву об одолении на враги, о милосердии Божьем к православному воинству, а потом… чтобы поменьше русских воинов легло костьми в землю на чужбине. Ему пять лет, а он, сжимая руку старшего брата своей рукой, наблюдает за отцом, едущим на коне во главе блестящей свиты — бить литву. Вернется ли он?.. И даже когда громыхнет опричнина, когда крови на тех же мостовых окажется не меньше, чем на театре военных действий, все это странное действо будет выглядеть как эпизод громадной, всепоглощающей войны.

Федор Иванович родился на исходе райского времени. Он этого рая — пусть не рая даже, а просто доброго покоя и процветания — не знал. Ему досталась эпоха великая и тяжелая.

Царевич претерпел многие беды из-за неустройства в его собственной семье.

Он знал материнскую любовь совсем недолго. Анастасия Захарьина-Юрьева умерла летом 1560 года. Ее сыну незадолго до того исполнилось три годика. С этого момента и до восшествия Федора Ивановича на престол о нем известно немногое. Отцу заниматься младшим сыном было некогда: Иван IV очень много ездил, часто бывал в походах и дальних богомольях[3]. К тому же он быстро обзавелся новой женой — Марией (Кученей) Темрюковной Черкасской из северокавказского рода. Новая царица крестилась перед замужеством и с азов постигала христианскую веру. Скорее всего, она не знала русского языка и русских обычаев — как минимум в первые годы замужества — и не имела никакого резона с душевной теплотой относиться к детям царя от другой женщины, иначе говоря, наследникам, которые в перспективе могут стать преградой к трону для ее собственных детей. А когда умрет Мария Темрюковна (1569), на ее месте скоро появится Марфа Собакина, затем Анна Колтовская и т. д., вплоть до Марии Нагой — последней супруги[4] Ивана Грозного. Какое им всем было дело до мальчиков, лишившихся матери — царицы Анастасии?

Но все же отец по-своему заботился о младшем сыне. Так, составляя в 1572 году «духовную грамоту» (завещание)[5], он повелевал дать Федору после своей смерти огромные владения. Иван IV завещал ему Суздаль, Ярославль, Кострому, Волок Ламский и множество других городов.

Родитель старался приучить царевича Федора к государственным делам. Если не к участию в них, то уж хотя бы к присутствию на разного рода важных событиях и церемониях. Конечно, отец должен был обращать внимание на сына, должен был воспитывать его так или иначе. Во всяком случае, хотя бы на закате жизни, когда другого наследника у него просто не оставалось.

Но источники содержат до крайности мало сведений о том, как именно воспитывал Иван IV младшего отпрыска. Известно, что царевичу сызмальства приходилось бывать на церемониях государственного значения. Так, в ноябре 1562 года Иван и Федор Ивановичи участвовали в

крестном ходе перед отправкой большой армии во главе с государем в поход на Полоцк[6]. Царевичи проводили отца до первого стана в Крылатском. Там же 20 марта 1563 года Федор встретил отца, возвращавшегося из победоносного похода. Этот крестный ход имел особый смысл. Наступлению на Полоцк придавалось значение православного крестового похода против «латын и безбожных лютор», утеснявших православное население Великого княжества Литовского. И крестный ход, в сущности традиционное православное действие, мыслился одновременно как часть идеологического оформления большой войны. В марте 1564 года мальчик, которому не исполнилось еще и семи лет, присутствовал на поставлении старца Афанасия в митрополиты Московские и всея Руси, а через два с небольшим года он был и на возведении в митрополичий сан игумена соловецкого Филиппа[7]. В декабре 1564 года, при учреждении опричнины, он — вместе с отцом и всей семьей и свитой государевой — отправился в Александрову слободу[8]. В 1567 году отец возил его на Вологду — смотреть «градское строение»[9]. И так далее. С младых ногтей Федор Иванович жил по соседству с делами державного правления, видел, как они совершаются, и даже немного участвовал в них…

Именно царь Иван выбрал невесту для сына. И выбор его должен был продемонстрировать отпрыску методы игры на матримониальном поле: дав царевичу в жены Ирину Годунову, он закрепил за ним небольшой, но крепкий клан надежных союзников. Годуновы относились к числу старинных московских боярских родов, приходились родней влиятельным Сабуровым, но сами по себе, помимо милости государя Ивана Васильевича, значили не столь уж много. Они даже среди семейств московской нетитулованной знати стояли не в первом ряду по родовитости, богатству, влиянию на «дворовые» дела. Те же Захарьины-Юрьевы, Шереметевы, Колычевы-Умные, Бутурлины превосходили их. О высокородной титулованной аристократии и речь не идет: князья Мстиславские, Шуйские, Трубецкие и т. п. превосходили их на порядок. Но по благоволению царя Годуновы поднялись выше того, что давала им кровь, выше того, что предназначалось им по рождению. Теперь их будущее оказалось накрепко связано с будущим царского сына. Поддержат, будут верны, станут «прямить», как говорили в XVI столетии, так и самих ждет судьба высокая. Ну а если срежутся в чем-то, сфальшивят… о, тогда их ждет падение с большой высоты. Иван Васильевич рассуждал прежде всего как политик. И, вероятно, политическому подходу пытался научить сына. А тот, женившись, безмятежно привязался к супруге. Вся отцовская «политика» отлетела от него напрочь. Другое дело, что отец все-таки *пытался* встроить сына в шахматную партию политической борьбы.

Иван IV, царевичи Иван и Федор с Казанской иконой Богоматери. Сказание о Казанской иконе Пресвятой Богородицы (лицевое) со Службой и Житие святителей Гурия и Варсонофия Казанских (лицевое) со Службой. XVII в.

Однако и в этом случае младшему сыну уделялось меньше внимания, чем старшему: Иван считался основным кандидатом в наследники царского престола, Федор — лишь «резервным». Иван был старше, ему отец доверял кое-какие дела, брал его в походы. С Федором все получалось сложнее: сначала ему было рано заниматься державными заботами, потом все внимание родителя сосредоточилось на его брате, как на будущем преемнике; незадолго до смерти самого Ивана Грозного этот преемник ушел из жизни; вот несчастие! надобно приучать к походам и сидению в Думе младшенького, а… уже поздно. Некогда. Да и вкуса никакого к политической деятельности царевич Федор не приобрел, ему милее казалась красота богослужения — с колокольным звоном, прекрасными голосами певчих, раскатистым басом дьякона… Иначе и быть не могло. На протяжении многих лет мальчику говорили: твой брат будет великим государем, а ты… ты… ну что за незадача, куда девать-то тебя? Давай-ка, в храм сходи, с монахами поговори, а то на охоту съезди. Нынче нет для тебя никакого дела… Московские дипломаты неоднократно выдвигали его как претендента на королевский трон в Речи Посполитой; однако знал ли он сам об этих переговорах? Мальчик стал юношей, юноша — молодым человеком, но, прожив четверть века бок о бок с крупнейшими политиками великой державы, он не получил простых начатков политической школы. Он вечно оставался в тени. Он постоянно находился на втором плане.

Кто окружал в ту пору царевича Федора? Мамки, няньки, когда пришла пора освоить Закон Божий и прикоснуться к винограду книжной премудрости, — ученые монахи. Имена их не дошли до наших дней. За исключением, пожалуй, одного человека — Андрея Петровича Клешнина. Его приставили к Федору Ивановичу «дядькой», т. е. частично слугой, частично же воспитателем. А. П. Клешнин — выходец из среды худородного дворянства, водивший дружбу с Годуновыми. Как видно, «дядька» и царевич поладили. Федор Иванович на всю жизнь сохранил к нему теплые чувства. Только этим можно объяснить фантастическую карьеру, сделанную Клешниным, несмотря на его незнатность. После восшествия Федора Ивановича на престол Андрей Петрович был пожалован высоким чином думного дворянина, а затем вышел в

окольничие, породнился с княжескими семействами, занимал воеводские посты, вершил дипломатические дела. И вот один любопытный штрих: вскоре после смерти Федора Ивановича и восшествия на престол Бориса Федоровича Клешнин постригся в монахи. Он являлся одним из доверенных лиц Б. Ф. Годунова и в его царствование мог бы преуспеть еще больше, но решил оставить мир. Старость? Хвори? Или дело в другом: Клешнин служил двум господам — государю Федору Ивановичу и боярину Годунову, реальному политическому лидеру страны. Знал о них обоих весьма много — по служебному положению. К первому из них относился хорошо и при нем служил в охотку. Что же касается второго… зная Бориса Федоровича *слишком хорошо*, Клешнин, быть может, не захотел служить такому государю. Впрочем, за недостатком источников, все эти рассуждения следует оставить в статусе гипотезы.

Другим «дядькой» при царевиче был Михаил Андреевич Безнин — думный дворянин грозненской эпохи. Однако он стоял намного выше Клешнина и являлся весьма занятым человеком — военачальником, дипломатом, — чтобы уделять много внимания царскому сыну.

Осенью 1581 года не стало Ивана Ивановича — брата царевича Федора[10]. Его отцу оставалось еще два с половиной года жизни. Он еще доводил до конца проигранную партию Ливонской войны, он еще мечтал о реванше над шведами и поляками, он еще наслаждался новым браком и, наверное, думал, что у него есть время приохотить сына к государственной деятельности. А если не получится, то, в конце концов, агукает в пеленках младенчик Дмитрий — последний отпрыск царя, — и только дайте срок, из него лет за пятнадцать можно сделать отличного государя!

Вот только не было у царя Ивана Васильевича этих пятнадцати лет. Ни на реванш, ни на воспитание сыновей, ни на восстановление страны после тяжкого кризиса и великого запустения у него не оставалось времени. На циферблате его жизни стрелки неумолимо приблизились к отметке «полночь».

Точно так же утекали последние годы, месяцы и дни спокойной жизни для Федора Ивановича. Отец самим фактом своего существования защищал его от престола, от царской доли. Но ведь подобная защита не вечна.

И Бог дал монарший венец тому, кого не готовили к этой ноше.

Глава 2. Венчание на царство

18 марта 1584 года наступил последний срок для царя Ивана Васильевича. Он прожил пятьдесят четыре года, из них бóльшую часть (с 1547-го) — под царским венцом. У него родилось пять сыновей и три дочери, он прославился как один из лучших писателей России XVI столетия и автор странной опричной реформы, с переменным успехом действовал как полководец и дипломат, проиграл главную войну своей жизни. По свидетельствам некоторых источников, первый русский царь принял насильственную смерть от рук собственных вельмож, после чего духовник, действуя вопреки церковным канонам, на холодеющее тело его возложил «монашеский образ»[11]. Другие источники сообщают о естественной смерти, незадолго до которой Иван Васильевич постригся во иноки с именем Иона[12]. Версия об уходе государя из жизни под действием яда или даже удушения весьма вероятна. Однако последнюю точку ставить рано, доказательств для того, чтобы сказать наверняка: «Да, его убили», — пока недостаточно.

Знать да и в целом «дворовые» люди не слишком-то огорчились, узнав о смерти государя. По словам одного из русских публицистов того времени, «…рабы его, все вельможи, страдавшие от его злобы… опечалились при прекращении его жизни не истинною печалью, но ложной, тайно

прикрытою. Вспоминая лютость его гнева, они содрогались, так как боялись поверить, что он умер, думали, что это приснилось им во сне. И когда, как бы пробудившись от сна и придя в себя, поняли, что это не во сне, а действительно случилось, чрез малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле. Как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Феодором, считали, как будто и нет его…»[13].

Портрет Ивана Грозного. Царский титулярник. 1672

Разумеется, подобное поведение лишь подлило масла в огонь сплетен, связанных с кончиной монарха.

Темные слухи о насильственной смерти царя Ивана Васильевича, носившиеся по дворцу и проникавшие в город, сделали свое дело: население столицы заволновалось. В начале апреля 1584-го политическим дельцам из числа служилой знати удалось поднять его на восстание и привести к стенам Кремля.

До наших дней не дошло последнее, самое позднее завещание Ивана Грозного, хотя известно, что под самый занавес земного срока своего царь обращался к нему и вносил поправки. По косвенным свидетельствам иностранных и русских источников, монарх не только назначил наследником сына, но и определил ему в помощь «регентский совет», состоявший из крупнейших политических фигур того времени. Определенно, туда вошли князь И. Ф. Мстиславский и боярин Н. Р. Юрьев. С очень высокой долей вероятности, присутствовали в нем князь И. П. Шуйский, а также шурин престолонаследника — Б. Ф. Годунов. Называлась также еще одна фигура — фаворит Ивана IV, худородный выдвиженец Б. Я. Бельский. Впрочем, назначение последнего остается под сомнением. Более того, сам акт монаршей воли Ивана Васильевича, учреждающего какое-то опекунство над сыном-преемником, — под вопросом…

Взглянув на компанию «регентов», легко увидеть, сколь разными были эти люди, сколь различные силы они представляли. Князья Мстиславский и Шуйский принадлежали древней, богатой и весьма влиятельной родовой аристократии. Первый происходил по прямой от великого князя литовского Гедимина, второй — от самого Рюрика. Притом Шуйские занимали

при русском дворе положение своего рода «принцев крови». В XIII столетии Московские Даниловичи и предки Шуйских вышли из одной ветви Рюрикова дома. Таким образом, при отсутствии прямых наследников Шуйские могли претендовать на престол московский. Собственно, так и произойдет, когда князь Василий Иванович Шуйский в условиях Смуты воцарится на четыре года (1606–1610)… Н. Р. Юрьев был отпрыском величайшего рода в среде старинного московского боярства. Его семейство по царице Анастасии приходилось родней Ивану IV и Федору Ивановичу. Сам Никита Романович был дядей восходящего на трон монарха. Борис Годунов, пусть и брат жены Федора Ивановича, — далеко не столь знатный человек. Годуновы пребывали примерно на середине «лестницы», ведущей от многочисленного и небогатого провинциального дворянства к самым сливкам служилой аристократии. Борис Федорович числился среди аристократов, он вышел из старого боярского рода, но все-таки далеко не столь высоко стоявшего, как Захарьины-Юрьевы. Не в первом десятке семейств служилой знати, да и не в первых двух десятках. Его предки, бывало, водили полки и воеводствовали в крепостях, но редко, редко… Самого Бориса Федоровича возвысила воля Ивана IV. Что же касается Богдана Бельского, то он, родная кровь Григорию Лукьяновичу Скуратову-Бельскому по прозвищу Малюта, ни в какое сравнение не шел ни с первыми тремя аристократами, ни даже с Годуновым. Он-то и был классическим «худородным выдвиженцем» Ивана Грозного. Более того, чуть ли не вождем всех подобных фигур, служивших при дворе государевом в последние годы жизни Ивана IV.

Все пятеро «регентов» — люди могучие, властные, Мстиславский и Шуйские к тому же еще и опытные военачальники. Борьба между ними началась очень быстро. В скором восстании москвичей, в приходе их под кремлевские стены, видятся не столько спонтанный гнев, тревога, растерянность, сколько *действия, срежиссированные аристократическими группировками.*

Русские летописцы прямо писали о вражде и «смятенье великом» между вельможами.

Бельского чаще всего называли главным убийцей Ивана IV и, во всяком случае, одним из убийц[14]. Его как будто поддерживал Годунов со своей многочисленной родней; как минимум — первое время. Борис Федорович и сам был из когорты тех, кого возвысила милость Ивана Грозного, так что у него с Бельским была своего рода «карьерная близость». Но Годуновы воспринимались служилой аристократией как «свои», пусть и не высшего сорта, да еще как царская родня. К ним изначально не было такой ненависти — как у высших аристократических родов, так и просто у родовитых служильцев. А вот Богдана Яковлевича служилая знать едва терпела за выдающееся «худородство». Само присутствие его при дворе, на высокой должности оружничего, коверкало старый порядок, при котором права рода, права «хорошей крови» абсолютно преобладали над прочими факторами при назначении на важные посты. Возможно, противники Бельского опасались среди прочего и его стремления вернуть опричные порядки. Во всяком случае, его в первую очередь свели со сцены большой политики.

Манера Богдана Яковлевича затевать местнические споры с теми, кто был намного знатнее его, весьма быстро вызвала «брожение», против него направленное. Б. Я. Бельский в последние годы жизни Ивана IV играл роль доверенного лица, весьма влиятельного фаворита; он, надо полагать, считал возможным сохранить свое влияние и после смерти царя, а потому вел себя дерзко. Но не тут-то было! На него напали, он едва спасся от смерти в царских палатах, где концентрировались его приверженцы. Страже и стрелецким отрядам велено было «зорко охранять ворота… держа наготове оружие, и зажечь фитили»[15].

Неприятели Богдана Яковлевича распространили в народе слухи, что он хочет истребить бояр да чуть ли не сам ищет царства мимо Федора Ивановича, то ли желает возвести на трон младшего царевича — незаконнорожденного Дмитрия Углицкого[16]. У Фроловских ворот,

близ Лобного места собралась огромная толпа — отнюдь не бестолково галдящие посадские люди, а вооруженные дворяне, тараном «пощупавшие» прочность воротин и развернувшие против Кремля артиллерийские орудия. И уж рядом с ними простонародье без затей громило лавки, потрясая дубьем… Кремль, таким образом, оказался в осаде. Стрельцы палили по осаждающим из ружей, те отвечали градом пуль и стрел. Осажденным пришлось предъявить живого и невредимого Н. Р. Юрьева — он получил широкую популярность в народе, и кремлевским сидельцам требовалось отобрать почву у слухов о том, что он убит. Но стрельбы и предъявления народу боярина Юрьева не хватило для того, чтобы рассеять дворянские отряды у кремлевских ворот. Пришлось выслать из Кремля к москвичам переговорщиков. Вероятно, переговоры велись разными группами, источники на этот счет дают противоречивые сведения. По всей видимости, решающую роль в «замирении» Москвы сыграли думный дворянин Михайло Андреевич Безнин и дьяк Андрей Щелкалов, уговорившие «чернь» отойти от моста через кремлевский ров. Так или иначе, столичное население успокоилось, отряды дворян ушли от Лобного места. Но… Б. Я. Бельскому пришлось расстаться с местом при дворе. Его отправили воеводой в Нижний Новгород. Явное поражение! Более того, ясно, что Богдан Яковлевич лишился поддержки Годуновых, а без них оказался слишком слаб. Именно известие о его высылке произвело главное «успокоительное действие» на восставших.

Царевича Дмитрия с Нагими также отослали подальше от Москвы — на удел в Углич. Перед венчанием Федора Ивановича на царство второй человек царской крови, стоя рядом с ним, мог вызвать у каких-нибудь столичных авантюристов надежды на еще один раунд рискованной политической игры.

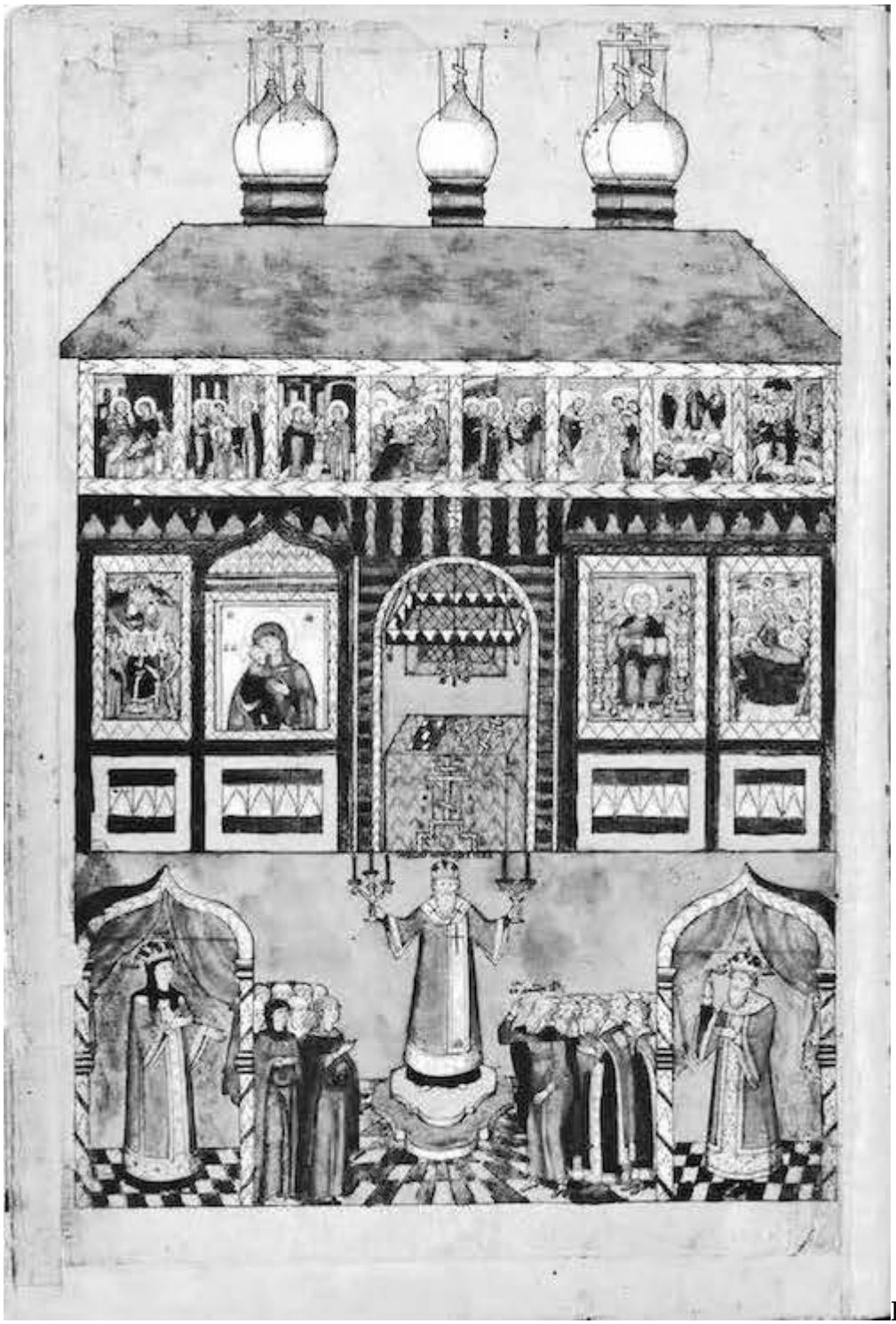
Любопытно, что во всех этих перипетиях начала царствования роль Федора Ивановича просто не видна. Английский дипломат Баус, пребывавший тогда в Москве, писал о безвластии сына Ивана IV, а посол Речи Посполитой Сапега выразил суть ситуации еще резче: «Между вельможами раздоры и схватки беспрестанные… а государь не таков, чтобы мог этому воспрепятствовать». У кремлевских ворот кровь льется рекой: десятки убитых, сотни раненых, со стен с раздвоенными зубцами падают в ров стрельцы, пораженные лучниками, толпа грозится штурмовать ворота до победного конца. Люди спорят, сшибаются друг с другом, то и дело поминают имя наследника, а где же он сам? Его как будто нет. Он как будто отсутствует. Волнения москвичей и переговоры с ними, удаление Бельского, Нагих и царевича Дмитрия из столицы словно происходит помимо его воли. Грязь дворцовых интриг не пристает к биографии Федора Ивановича за счет того, что некие выдающиеся политические деятели за его спиной ведут «большую игру», а он оказывается задействован в ней исключительно редко. Кто-то «из-под ковра» выводит народ на площадь, кто-то устраивает так, что восставшие оказались обеспечены всем необходимым для своего дела, кто-то ведет с ними переговоры, формулируя условия, при которых гибельная осада будет снята с Кремля, кто-то жертвует Бельским… Федор Иванович здесь ни при чем. Похоже, его шурин поставил в «большой игре» на Бельского, ощутил решительное противодействие со стороны великородных князей Шуйских и Мстиславских, боярина Юрьева, а также примкнувшего к аристократам дьяка Андрея Щелкалова, договорился с ними о «сдаче» Богдана Яковлевича, получил от них добро, а затем подписал у государя грамоту, по которой грозненский фаворит был отправлен на дальнее воеводство; как могущественная знать, удовольствовавшись этим, отдала вожакам «толпы» приказ уводить людей от Лобного места. Федор Иванович играл роль пассивного наблюдателя.

Ко времени, когда скончался Иван IV и царевичу следовало занять отцовский трон, царевичу не доставало еще нескольких месяцев до двадцатисемилетия. Незадолго до того, как в Москве начались волнения, он венчался на царство. Это произошло 31 мая, и в день восшествия на престол государю как раз исполнилось двадцать семь.

Один из очевидцев коронации, англичанин Джером Горсей, оставил подробный рассказ о ней.

Этот рассказ приводится здесь с несколькими незначительными сокращениями: «Царь вышел из дворца[17], впереди шествовали митрополит, архиепископы, епископы и главнейшие лица из монашества и белого духовенства в богатых шапках и священническом одеянии, они несли иконы Богоматери и другие, икону святого ангела царя, хоругви, кадила и много другой утвари, соответствующей этой церемонии, и все время пели. Царь со всей знатью, в определенном порядке, вошли в церковь, именуемую Благовещенской… где справлялись, согласно обрядам их церкви, молитвы и богослужения. Потом они пошли в церковь по имени Архангела Михаила, где совершили тот же обряд, а оттуда — в церковь Пречистой Богоматери, которая является их кафедральным собором…[18] В центре ее было царское место, которое занимали в подобных же торжественных случаях предки царя. Его одежду сняли и заменили богатейшим и бесценным нарядом. Царя возвели на царское место, его знать стояла вокруг по чинам; митрополит надел корону на голову царя, в правой руке у него был скипетр и держава, в левой — меч правосудия, богато убранный, перед царем помещались все шесть венцов — символы его власти над землями страны, и лорд Борис Федорович стоял по правую руку. Затем митрополит стал громко читать небольшую книгу — увещания царю творить истинное правосудие, мирно владеть венцом его предков, дарованным ему Богом… Затем митрополит благословил и возложил на него свой крест. Затем царя свели с царского места, на нем была верхняя одежда, украшенная разными драгоценными камнями и множеством восточного ценнейшего жемчуга. Она весила 200 фунтов, ее шлейф и полы несли шесть князей… Главный царский венец был надет на голову, в правой руке был царский жезл из кости единорога в три с половиной фута длиной[19], украшенный богатыми камнями, купленный прежним царем у аугсбургских купцов в 1581 году, что стоило ему 7000 марок стерлингов… Скипетр и державу нес перед царем князь Борис Федорович[20]; богатую шапку, украшенную камнями и жемчугом, нес другой князь; его шесть венцов несли дяди царя: Дмитрий Иванович Годунов… и Никита Романович, братья царской крови: Степан Васильевич, Григорий Васильевич, Иван Васильевич[21]. Таким церемониальным шествием царь подошел к великим церковным вратам, и народ закричал: „Боже, храни царя Федора Ивановича всея Руси!“ Ему подвели богато убранного коня, покрытого вышитой жемчугом и драгоценными камнями попоной, седло и вся упряжь были убраны соответствующим образом, как говорят, все стоило 300 тысяч марок стерлингов… Были сделаны для него, с его князьями и знатью, подмостки в 150 морских саженей длиной, в две шириной и на три фута поднятые над землей, чтобы они могли пройти из одной церкви в другую через напиравшую толпу, так как народа было так много, что некоторые были в то время задавлены до смерти в этой толчее. По возращении царя из церквей под ноги ему стлали золотую парчу, паперти церквей были покрыты красным бархатом, а подмостки между церквами — алым стаметом. Как только царь проходил, парча, бархат и стамет обдирались теми, кто только мог добраться до них, каждый желал иметь кусочек, чтобы хранить его как память. Серебряные и золотые монеты, вычеканенные по этому случаю, в большом количестве разбрасывались в народ. Лорд Борис Федорович был пышно и богато одет с украшениями из больших восточных жемчужин и всяких драгоценных камней. Подобно ему были одеты все Годуновы в соответствии с их положением, как и остальные князья и знать; один из них, по имени князь Иван Михайлович Глинский… имел одежду, коня и его убранство стоимостью 100 тысяч марок стерлингов, причем все очень старинное. Царица, находясь в своем дворце, сидела на престоле у большого открытого окна. Ее одежда была так богато украшена камнями и восточным жемчугом, что блестела и сверкала; на голове ее был надет царский венец. Вокруг нее находились знатные дамы и княгини. Народ воскликнул[22]: „Боже, храни нашу благородную царицу Ирину!“ После всего этого царь вошел в палату Думы (the parliament house), которая также была богато убрана. Там он занял свое царское место, украшенное, как и прежде… На столе перед ним были поставлены шесть его венцов; один из его приближенных держал царские чашу и кувшин из золота, по обе стороны от него стояли два человека, называемые рындами (kindry), в белой, затканной серебром одежде, с жезлами и

золотыми топориками в руках. Князья и знать в богатых одеждах расположились вокруг по старшинству. Царь после краткой речи допустил каждого поцеловать его руку, что и было сделано, затем он перешел на свое царское место за столом, где ему с почестями прислуживали его знатные люди. Три передние комнаты, большие и просторные, были уставлены блюдами из серебра и золота от пола до потолка, одно над другим, среди них было много золотых и серебряных бочонков. Празднества продолжались целую неделю, в течение которой устраивались разные царские развлечения»[23].

Царица Ирина Федоровна, Патриарх Московский и всея Руси Иов, царь Федор Иванович. Миниатюра из лицевой Псалтири Дмитрия Годунова. 1594

Русские источники добавляют к этой весьма полной картине целый ряд важных деталей.

Если Горсей видел на церемонии главным образом Годуновых, родичей своего благодетеля Бориса Федоровича, да еще запомнил князя Глинского, одетого с необыкновенной роскошью, и Никиту Романовича Юрьева, шедшего рядом с царем, а о прочих служильцах Государева двора мог сказать лишь, что они располагались «по чинам», то официальная летопись гораздо информативнее. Она сообщает имена людей, получивших на торжестве первостепенно важное значение. Те, кто попал в этот круг, либо составляли высший ярус власти в середине 1584 года, либо были близки сердцу Федора Ивановича. Чаще всего летопись упоминает Бориса Годунова. Но родня его, в отличие от рассказа Горсея, в летописном сообщении не фигурирует совершенно. Как видно, Годуновы тогда еще не обладали абсолютным влиянием на государственные дела. Официальная летопись выделяет роль казначеев Василия Головина и Деменши Черемисинова: они подносили Федору Ивановичу «животворящий крест и царьский венец и диядиму и скифетр и яблоко»[24]. Они же, вместе с разрядным дьяком Василием Щелкаловым и поместным дьяком Елизарием Вылузгиным, несли царские регалии в Успенский собор[25]. Любопытно, что ни Головин, ни Черемисинов, столь заметные в начале царствования, не удержатся у власти надолго. Но пока они стоят высоко. Конечно, одну из главных ролей играет во время торжественной церемонии глава Русской Церкви — митрополит Дионисий; рядом с ним — два других архиерея, весьма высоко стоящих в церковной иерархии: архиепископ Новгородский Александр и архиепископ Вологодский Варлаам[26]. Дионисий также скоро уйдет. А вот величайшего церковного деятеля времен Федора Ивановича, будущего патриарха, а на 1584 год еще только епископа Коломенского Иова, не видно… Выбор иных представителей духовенства, оказавшихся на венчании Федора Ивановича, симптоматичен. Прежде всего, в Успенском соборе, недалеко от Царского места, стояли митрополит «из Еросалима Вифлеомской» Неофит, а также «архиепископ и епископы и старцы святые горы Синайские и Афона»[27]. Трудно сказать, кому пришла в голову идея пригласить духовенство Православного Востока к восшествию на престол русского царя, но это был акт большой политической мудрости: венчанию Федора Ивановича на царство постарались придать вид события, важного для всего православного мира. Наконец, некоторые участники церемонии могли быть выбраны для исполнения важных ролей самим государем. Это, прежде всего, царский духовник — благовещенский протопоп Елевферий. Сколь сильно царь почитает своего отца духовного, видно из одной детали: несмотря на присутствие митрополитов, архиепископов и епископов, именно протопоп Елевферий, намного уступавший им в сане, возглавил шествие от Архангельского собора к Успенскому, неся на голове «животворящий крест», «царский венец» и «диядиму»[28]. Почесть необычайно высокая! В самом же Успенском соборе крест с налоя к Царскому месту подносили архимандрит Троице-Сергиева монастыря Иона и архимандрит владимирского Богородице-Рождественского монастыря Иона[29]. В данном случае почесть оказывалась не двум архимандритам или, вернее, не только им, но и двум обителям, оказавшимся, таким образом, честнейшими. А на Руси тогда очень внимательно относились к подобным знакам внимания… Кто определил, что честь такого рода должна быть оказана именно Троице-Сергиеву и Рождественскому монастырям?[30] Предположительно, сам государь, с большим вниманием подходивший к иноческому быту. Как минимум особенное почитание царем преподобного Сергия и его обители прослеживается по разным источникам на протяжении многих лет царствования Федора Ивановича. Видимо, первый раз оно проявилось уже при восшествии его на трон.

Иной памятник русской исторической мысли, Московский летописец, кое в чем подтверждает повествование Джерома Горсея и официальной летописи, кое в чем дополняет их свидетельства новыми фактами, но в некоторых местах противоречит их данным. Московский летописец содержит самый обширный во всей русской летописной традиции рассказ о венчании Федора Ивановича на царство. Историки спорят, когда именно и в какой среде возникло это историческое сочинение. Высказано множество разных суждений на этот счет,

порой взаимоисключающих. Наиболее вероятными выглядят построения В. И. Корецкого и Я. Г. Солодкина. Оба они отдают честь создания Московского летописца столичному духовенству. Только первый видит в нем «остатки» митрополичьего и патриаршего летописания[31], а второй полагает, что памятник создан в среде «кремлевского соборного духовенства»[32]. И в том и в другом случае составитель (или составители) летописца должны быть в высшей степени хорошо осведомлены о ходе торжественной церемонии венчания на царство 31 мая 1584 года.

Сведения Московского летописца добавляют к общей картине того дня следующее.

Прежде всего, полностью подтверждается та пышность, то богатство убранства, о которых писал Горсей. Переходы между кремлевскими соборами и государевой «Золотой палатой» были выстланы багряными сукнами, «лундышем червчатым», а поверх сукон — «бархаты золотыми». Царское «горнее место» в Успенском соборе было «устроено в высоту 12 степеней (ступеней. — *Д. В.*)», обито сукнами, а поверх сукон — бархатом. Дворяне и дьяки, поставленные по пути царского шествия, облачены в «златые одеяния»[33]. Возглавлял процессию, действительно, протопоп Елевферий, окруженный дьяками с кадилами[34]. Борис Федорович Годунов играл во всем действе видную роль. Однако Московский летописец называет и других аристократов, чья роль по «чести» своей может сравниваться с годуновской. Из числа служилой знати выделяются три персоны. Прежде всего, назван тот же казначей Владимир Головин. Кроме того, церемония предусматривала момент, когда (во время «святого выхода с Евангелием» на литургии) Федор Иванович должен снять с себя царский венец, отдать в руки приближенных скипетр и «яблоко». Очень важный момент, поскольку именно он определяет очередность «чести» для вельмож. Кому достался венец? Борису Федоровичу Годунову? Отнюдь нет! Гедиминовичу, боярину князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, одному из крупнейших полководцев грозненского царствования, самому знатному человеку в Московском государстве — за исключением самого царя. Тому же И. Ф. Мстиславскому доверена еще одна почетная служба — осыпать государя золотыми монетами в наиболее важные моменты церемонии… Тогда, может быть, Годунову дали скипетр? Вовсе нет, Борису Федоровичу пришлось удовольствоваться лишь «яблоком» — третьим по чести из монарших регалий. А скипетр получил Рюрикович боярин князь Василий Федорович Скопин-Шуйский…[35]

В соответствии с известием Московского летописца, помимо митрополита Дионисия, из числа русских архиереев присутствовали:

Архиепископ Новгородский Александр;

Архиепископ Казанский Тихон;

Архиепископ Ростовский Евфимий;

Епископ Вологодский Варлаам;

Епископ Суздальский Варлаам;

Епископ Смоленский Сильвестр;

Епископ Рязанский Леонид;

Епископ Тверской Захарий;

Епископ Коломенский Иов;

Архиепископ Крутицкий Варлаам (Пушкин).

И здесь владыка Новгородский — на первом месте после митрополита. Вторым назван Тихон, и лишь третьим — Евфимий Ростовский. Собственно, казанский владыка мог быть записан в церемониальном «разряде» выше Ростовского по чести, но не участвовать в почетных церемониальных действиях из-за ветхости лет. Но почему ростовский архиепископ назван Евфимием, а не Варлаамом? Дело в том, что официальная летопись допускает явный анахронизм. Да, известен архиепископ Ростовский Евфимий и *первый митрополит Ростовский Варлаам*; последний окажется на митрополичьей кафедре в Ростове Великом несколько лет спустя, но в 1584 году Москву посетил именно владыка Евфимий[36].

Иов, будущий патриарх, занял скромное предпоследнее место в списке иерархов. Но это не продлится долго, ему предстоит быстрое возвышение.

Наконец, Московский летописец сообщает о том, что видную роль в церемонии сыграли еще четыре архимандрита, чуть уступившие в чести троице-сергиевскому и рождественскому. Это настоятели трех московских обителей: Новоспасской, Чудовской и Симоновской, а также — Юрьева монастыря в Новгороде Великом[37].

Кто же в этом блистательном собрании удостоился высших почестей — если не считать митрополита? Не Годунов и не Мстиславский, даже не владыка Вифлеемский Неофит, несмотря на высоту своего сана, а… скромный протопоп Елевферий. И даровать ему такую роль мог только сам Федор Иванович. Видимо, когда составлялись «разряды» торжества, государь не был безгласным свидетелем.

Чин венчания на царство Федора Ивановича, помимо незначительных исправлений, не отличался от чина, разработанного для коронации его родителя в 1547 году[38]. В Московском летописце подчеркнуто: современники воспринимали поставление русского правителя на царство как возобновление «греческого обычая», за исключением ряда маловажных подробностей[39]. Был великий православный государь в Константинополе, но главный город греков «по грехом их», из-за вероотступничества, утратил царственность, и она перешла в Москву.

Царевич Федор являлся в 1584 году единственным законным сыном Ивана IV, сравнимых с ним претендентов на трон не существовало в принципе. Взрослый человек, известный всей стране, женатый, царская кровь от царской крови, добрый христианин… Таким образом, весной 1584-го преемник для всего народа был совершенно очевиден. Борьба могла идти — да и шла в течение первых лет правления Федора Ивановича — не между сторонниками и противниками его особы на троне, а между «дворовыми» группировками, делившими власть и влияние, по-разному смотревшими на вопросы большой политики.

Единодушное одобрение преемника выразилось в том, что, помимо митрополита Дионисия, высшего духовенства и служильцев Государева двора, со всей России съехались представители, присутствовавшие при возведении Федора Ивановича на трон. Это многолюдство создало впечатление, будто царя «выбирали», будто прошел даже особый Земский собор, хотя ничего подобного не было.

Венчание на царство давало русскому монарху власть, законодательно никак не ограниченную. Никому из восставших не пришло в голову требовать подобного ограничения. Политическая культура Руси во второй половине XVI века прошла через длительное правление Ивана IV, для

его вчерашних подданных полнота самодержавия выглядела как нечто незыблемое. Не так было в 1530–1550-х годах, когда правила высшая аристократия. И не так будет в годы Смуты, когда появятся проекты урезания прав самодержца[40].

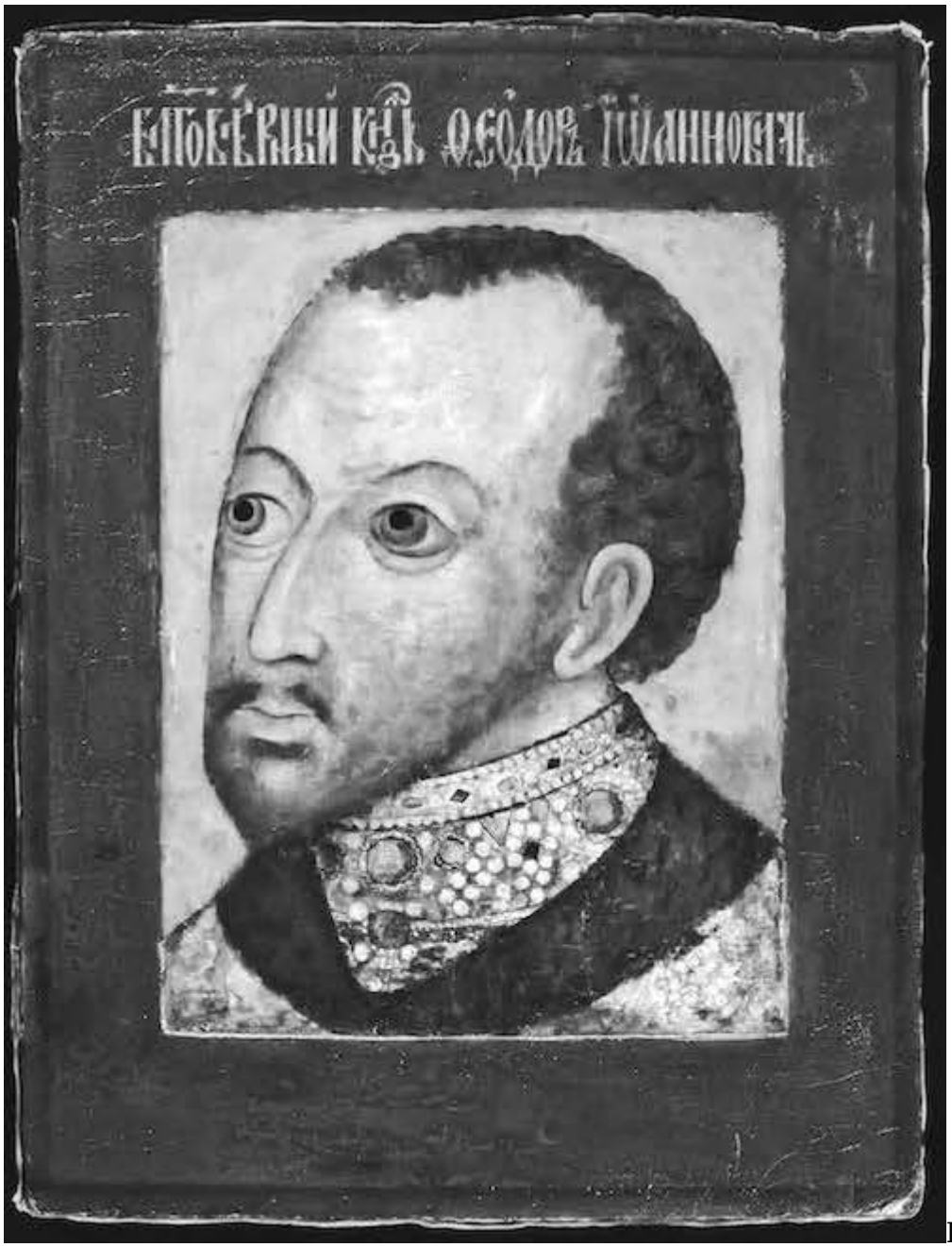
Пережив тревожные дни восстания, правитель сделался законным самодержцем, живым источником всякой власти — законодательной, исполнительной, судебной и военной. Лишь Церковь располагала самостоятельной, независимой от государя властью в духовных вопросах. Да и то со времен Ивана III в России постепенно укреплялась традиция, согласно которой государь мог по своей воле сократить или расширить сферу дел, находившихся в ведении Русской церкви… А за пределами полномочий Священноначалия все сколько-нибудь важное в Московском государстве формально должно было происходить по указу монарха.

Отныне лишь Федор Иванович мог жаловать и отбирать чины и должности. Все равно где — в Боярской думе, приказах, при дворе или в армии; везде порядок один: как определит великий государь. Только его волей происходили любые, даже самые ничтожные, изменения в законодательстве. Только он мог объявить войну и заключить мир. Любая копейка расходовалась государственными учреждениями лишь по одной причине: великий государь «приказал» им заниматься определенной сферой деятельности, работать над строго очерченными задачами, формулировать проекты, чтобы потом доводить их до полного завершения. И расходы — хоть копеечные, хоть глобальные — аккуратно заносились в приказные книги. За всякое финансовое упущение царь мог поставить виновного «на правеж». Иначе говоря, повелеть другим служилым людям заняться публичным его избиением, покуда не ляжет на стол украденная, утерянная или растраченная не по делу сумма… В поход отправляется армия — воеводы назначаются от имени «великого государя, царя и великого князя Московского и всея Руси». Посольство снаряжается к соседям — от имени правителя пишутся инструкции для «посольских людей». Затевается строительство новой крепости — да что там строительство, простой ремонт обветшалых стен! — и без указа Федора Ивановича ни один кирпич не переместится с места на место. Имя государя на монетах и печатях. А когда царскому подданному задают трудный вопрос, тот, почесав в затылке, разводит руками и отвечает: «Про то ведают Бог да великий государь». Осведомленность и сила государя земного в глазах миллионов крестьян, посадских людей, в глазах провинциальных иереев, дворян, купцов и приказных приближалась ко всемогуществу и всеведению Царя Небесного. Служилая аристократия да еще, пожалуй, архиереи могли иметь на этот счет иное мнение. Они знали, что без высшего слоя управленцев, избираемых из очень ограниченного круга лиц, государь бессилен ворочать державными делами; следовательно, от них зависит очень многое, и об этом ниже еще пойдет речь. Но формально… формально «от Москвы до самых до окраин» кот с лавки не спрыгивал, если не приходила коту бумага с указом великого государя.

Отсюда возникает соблазн, которому жизнеописатели наших государей — не только Федора Ивановича — поддавались нередко: смешать судьбу монарха и судьбу страны до состояния нерасторжимого целого. В результате личность правителя расплывалась в потоке государственного развития России. Думается, пришло время поступать иначе — заняться реконструкцией того и другого по отдельности.

Эта книга посвящена Федору Ивановичу, последнему государю из рода московских Рюриковичей на русском престоле. *Ему одному, а не России периода его царствования.* В личности венценосца и в его судьбе отыскиваются высшие смыслы, его биография реконструируется. Кажется, столь огромное влияние правителя на состояние и развитие страны, как в России XVI века, просто не оставляет шансов отделить властителя от подвластной державы… Все же в целом ряде случаев источники позволяют провести четкую борозду между тем, что вершил Федор Иванович лично, и тем, что делалось царским именем,

но исходило от совершенно других людей. Время от времени эта граница становится неотчетливой, но кое-какие обоснованные предположения построить все-таки можно. А когда нет ни малейшей возможности увидеть мысли и чувства, слова и поступки одного-единственного человека за шумной историей государства, что ж, приходится откладывать перо, отказываясь от фантазий.

Портрет Федора Ивановича с надгробия в Архангельском соборе Московского Кремля. 1630-е

История России — совсем другая история.

В связи с этим разделением возникают два важнейших вопроса. Нельзя, методически неверно было бы «плыть по хронологии» царской судьбы, без затей отслеживая происходящие события. Прежде необходимо найти «ключи» для расшифровки главных обстоятельств жизни монарха. А отыскиваются эти самые «ключи» в ответах на следующие вопросы:

Во-первых, источники наперебой говорят о том, что Федор Иванович был «прост умом» и непригоден для дел правления. Более того, что царь к ним особенно и не прикасался. До какой степени это верно? В чем конкретно выражалась «простота ума» русского монарха? Был он

безумен или просто кроток? В сущности, ответ на этот вопрос составляет главный смысл книги о Федоре Ивановиче. То, как будет он решен, определяет все остальное. И, следовательно, здесь не надо торопиться с выводами.

Во-вторых, столь же общим местом в источниках конца XVI века стало утверждение, согласно которому истинным правителем Московского государства стал шурин Федора Ивановича — Борис Федорович Годунов. Но сколь далеко простиралась его власть? Как скоро она установилась прочно и нерушимо? И как относилось к подобному «соправительству» русское общество конца столетия?

Две следующие главы посвящены поиску ответов на эти вопросы.

Глава 3. Безумец или блаженный?

Как говорилось выше, исторические источники, труды академических историков и, еще того более, трактаты историософов полны прямо противоположных, порой взаимоисключающих оценок относительно умственных способностей Федора Ивановича. Кто-то уверен в очевидном слабоумии монарха. Кто-то — в особом даре его святости, несовместимом с мирскими заботами.

Корни высокомерного, уничижительного мнения о последнем государе из династии Даниловичей уходят в XVI столетие.

Английский торговый агент Джером Горсей писал о Федоре Ивановиче, что тот «прост умом» и, в другом месте, «слабоумен»[41]. Во втором случае резкая оценка англичанина связана с тем, что царь расплакался и принялся креститься, поскольку был расстроен обидой самого Горсея на падение его статуса в Москве; Федор Иванович уверял, что не подавал никакого повода для обиды. Но здесь можно говорить, скорее, об особой чувствительности государя, не любившего несправедливость и тем более ситуации, когда он сам оказывался в чьих-то глазах несправедливым человеком.

Французский наемник на русской службе Жак Маржерет писал несколько резче: «…власть унаследовал Федор, государь весьма простоватый, который часто забавлялся, звоня в колокола, или бóльшую часть времени проводил в церкви»[42].

Неизвестный гравер. Вид Московского Кремля XVI–XVII вв. Фотовоспроизведение. 1910

Наиболее развернутая характеристика русского государя принадлежит перу Джильса Флетчера, английского дипломата. В частности, он пишет: «Теперешний царь (по имени Феодор Иванович), относительно своей наружности росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водяной; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется. Что касается до других свойств его, то он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен. Кроме того, что он молится дома, ходит он обыкновенно каждую неделю на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей»[43].

Любопытно, авторы многих научных и популярных работ этой цитатой из Флетчера и ограничиваются. Между тем она представляет собой всего лишь один абзац, взятый из целой главки в трактате англичанина, посвященной домашнему обиходу и частной жизни Федора Ивановича. Главка же, если привести ее в целом, оставляет несколько иное впечатление. Стоит привести ее здесь — всю, без одного уже приведенного абзаца:

«Домашняя жизнь царя, сколько она известна, состоит в следующем. Обыкновенно встает он около четырех часов утра. Когда оденется и умоется, к нему приходит его отец духовный, или придворный священник, с крестом, которым благословляет его, прикасаясь сперва ко лбу, потом к ланитам царя, и дает ему поцеловать конец креста. Затем так называемый *крестный дьяк* вносит в комнату живописную икону с изображением святого, празднуемого в тот день, ибо каждый день у них имеет своего святого, как бы своего патрона. Образ этот он ставит к прочим образам, которыми уставлена вся комната, сколько можно поместить на стене, с горящими перед ними лампадами и восковыми свечами. Образа богато и пышно украшены жемчугом и драгоценными каменьями. Когда поставят образ на место, царь начинает

креститься по русскому обычаю, осеняя сперва голову, потом обе стороны груди и произнося: *Господи помилуй, помилуй мя, Господи, сохрани меня грешного от злого действия*. С этими словами он обращается к образу, или к святому того дня, которого поминает в молитве, вместе с Богородицей (называемою у них *Пречистою*), св. Николаем или другим святым, в которого более верует, падая перед ним на землю и ударяя об нее головою. Такой молитве царь посвящает четверть часа или около того. Затем входит опять духовник, или придворный священник, с серебряной чашей, наполненной святой водой и кропилом св. Василия (как они его называют), которым окропляет сперва образа, потом царя. Святую воду приносят каждый день свежую из дальних и ближних монастырей, так что присылает ее царю игумен, от имени того святого, в честь которого построен монастырь, в знак особенного благоволения его к царю.

Окончив этот религиозный обряд, царь посылает к царице спросить, хорошо ли она почивала и проч., и через несколько времени сам идет здороваться с нею в средней комнате, находящейся между ее и его покоями. Царица почивает особо и не имеет ни общей комнаты, ни общего стола с царем, исключая как в заговенье или накануне постов, когда обыкновенно разделяет с ним и ложе, и стол. После утреннего свидания идут они вместе в свою домовую церковь или часовню, где читается или поется утренняя служба, называемая *заутреней,* которая продолжается около часу. Возвратясь из церкви домой, царь садится в большой комнате, в которой для свидания с ним и на поклон являются те из бояр, которые в милости при дворе. Здесь царь и бояре, если имеют что сказать, передают друг другу. Так бывает всякий день, если только здоровье царя или другой случай не заставят его изменить принятому обыкновению.

Около девяти часов утра идет он в другую церковь в Кремле, где священники с певчими отправляют полное богослужение, называемое *обедней,* которая продолжается два часа, и в это время царь обыкновенно разговаривает с членами Думы своей, с боярами или военачальниками, которые о чем-либо ему докладывают, или же сам отдает им свои приказания. Бояре также рассуждают между собой, как будто бы они находились в Думе. По окончании обедни царь возвращается домой и отдыхает до самого обеда.

За обедом прислуживают ему следующим образом: во-первых, каждое блюдо (как только оно отпускается к накладчику) должен прежде отведывать повар в присутствии главного дворецкого или его помощника. Потом принимают его дворяне-слуги (называемые *жильцами*) и несут к царскому столу, причем идет впереди их главный дворецкий или его помощник. Здесь кушанье принимает *кравчий,* который каждое блюдо дает отведывать особому для того чиновнику, а потом ставит его перед царем. Число блюд, подаваемых за обыкновенным столом у царя, бывает около семидесяти, но приготовляют их довольно грубо, с большим количеством чеснока и соли, подобно тому, как в Голландии. В праздник или при угощении какого-либо посланника приготовляют гораздо более блюд. За столом подают вместе по два блюда и никогда более трех, дабы царь мог кушать их горячие, сперва печеное, потом жареное, наконец, похлебки. В столовой есть еще другой стол, за коим сидят некоторые из знатнейших лиц, находящихся при дворе, и духовник царский, или капеллан.

По одну сторону комнаты стоит стол с прекрасной и богатой посудой и большим медным чаном, наполненным льдом и снегом, в коих поставлены кубки, подаваемые к столу. Чашу, из которой пьет сам царь, в продолжение всего обеда держит особый чиновник (чашник) и подносит ее царю с приветствием всякий раз, как он ее потребует. Когда поставят кушанье на стол, то обыкновенно раскладывают его на несколько блюд, которые потом отсылает царь к тем дворянам и чиновникам, кому он сам заблагорассудит. Это почитается великим благоволением и честью.

После обеда царь ложится отдыхать и обыкновенно почивает три часа, если только не проводит

один из них в бане или на кулачном бою. Спать после обеда есть обыкновение, общее как царю, так и всем русским. После отдыха идет он к вечерне и, возвратясь оттуда, большей частью проводит время с царицей до ужина. Тут увеселяют его шуты и карлы мужского и женского пола, которые кувыркаются перед ним и поют песни по-русски, и это самая любимая его забава между обедом и ужином.

Другая особенная потеха есть бой с дикими медведями, которых ловят в ямах и тенетами и держат в железных клетках, пока царь не пожелает видеть это зрелище… Бой с медведем происходит следующим образом: в круг, обнесенный стеной, ставят человека, который должен возиться с медведем, как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстой пастью. Если человек с первого раза дает промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности; но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека, медведь поднимается обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутой пастью. В это время если охотник успеет ему всадить рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем обыкновенно успевает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то обыкновенно с одного разу сшибает его. Но часто случается, что охотник дает промах, и тогда лютый зверь или убивает, или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается допьяна в честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царской. Чтобы пользоваться этим удовольствием, царь содержит несколько ловчих, определенных для ловли диких медведей. Травлею царь забавляется обыкновенно по праздникам.

Иногда проводит он время, рассматривая работу своих золотых дел мастеров и ювелиров, портных, швей, живописцев и т. п., а потом идет ужинать. Когда приходит время спать, священник читает несколько молитв, и царь молится и крестится, как и поутру, около четверти часа, после чего ложится».

Что видно из этой главки в труде Флетчера? Может быть, царь предстает в ней каким-то идиотом с трясущимися руками и струйкой слюны, тянущейся изо рта? Или он выглядит полуживой развалиной, бледной немощью, не способной связать двух слов? Или же со страниц флетчеровского сочинения сходит образ дурачка-живчика, этакого царя-скомороха, Петрушки, без конца потешающего своими ребяческими выходками взрослых людей? Ничуть не бывало. Конечно, по словам англичанина, Федор Иванович совсем немного времени отдает государственным делам: принимает с утра вельмож, а затем может во время обедни обсудить с боярами нечто, не терпящее отлагательства. Флетчер не совсем точен: другие иностранные дипломаты сообщают также об участии русского царя в дипломатических приемах, а русские воинские разряды рассказывают, как он возглавлял православное воинство в походе. Но, допустим, англичанин не ошибается, говоря, что рядовой будний день из жизни великого государя Федора Ивановича бывал заполнен большей частью молитвами, пребыванием в храме, общением с женой, трапезами, обходом мастерских и забавами. Так или иначе, *монарх не был совершенно оттеснен от дел правления, он просто занимался ими мало.* Царь избирает традиционные потехи, пирует, много молится, словом, ведет себя как самый обычный человек, разве что богомольный и крепко верующий. Он никак не является деятелем государственного ума, но также не видно в его образе жизни каких-либо следов помешательства или хотя бы слабоумия.

Неизвестный гравер. Портрет царя Федора Иоанновича. 1640-е

Р. Г. Скрынников сделал на основе свидетельства Флетчера странный вывод: «Русские авторы, охотно отмечавшие удивительное благочестие царя, избегали говорить о его пристрастии к диким забавам и кровавым потехам. Федор упивался зрелищем кулачного, и в особенности медвежьего, боя. На его глазах вооруженный рогатиной охотник отбивался как мог от медведя в круге, обнесенном стеной, из которого некуда было убежать. Потеха редко обходилась без крови»[44]. Говорить так — все равно что обвинять в неблагочестии современного священника, пришедшего на матч по боксу. Весь русский народ любил тогда удалые, рискованные игрища. И Федор Иванович, с интересом наблюдавший лихую повадку борца с медведем или ловко орудующих кулачных бойцов, виновен лишь в одном: он был сыном своего народа.

Если же суммировать три высказывания, сделанных Горсеем, Маржеретом и Флетчером, у которых не было оснований относиться к Федору Ивановичу с особенной приязнью или, напротив, с ненавистью, то из их слов можно вынести общее мнение: русский монарх «прост» и, возможно, лишен способностей к политической деятельности, но это добрый, спокойный и благочестивый человек.

К сожалению, вот уже несколько поколений отечественных историков и публицистов большей частью опираются в своих выводах не на эти свидетельства, а на другие, гораздо более радикальные. Их цитируют гораздо чаще и… с каким-то странным «артистическим» пафосом. Так, без конца приводится фраза из шведского источника, согласно которой Федор Иванович — помешанный, а собственные подданные величают его русским словом «durak». Кто, когда и за что обозвал государя, остается за пределами этого высказывания, т. е. оно бесконтекстно. Однако его очень любят люди с тягой к радикальным суждениям. Другая излюбленная фраза этого ряда принадлежит польскому посланнику Сапеге, который заявлял, что у Федора Ивановича вовсе нет ума. Наверное, нет смысла лишний раз подчеркивать, что Польско-литовское государство и Шведская корона находились тогда в натянутых отношениях с Московским государством; конфликт со шведами в конечном итоге был решен силой русского оружия. Ни у тех ни у других не было ни малейших причин испытывать сколько-нибудь добрые чувства к вражескому правителю.

А вот Стефан Гейс или Гизен, сопровождавший в Москву императорского посла Николая Варкоча, в путевом дневнике посольства неоднократно писал об аудиенциях у Федора Ивановича и дал подробный очерк пира, во время которого царь то и дело общался с послом,

но нигде даже намеком не дал читателю повод усомниться в умственных способностях русского монарха[45]. Варкочу удавалось привозить из России столь богатые «подарки» императору, что их можно считать уже финансовой помощью в обстоятельствах вооруженной борьбы с общим врагом — турками. Иными словами, австрийский дипломат добивался успеха. Так, может быть, оценка, выданная представителями разных держав уму Федора Ивановича, зависела прежде всего от того, до какой степени «московиты» позволяли им решить основные задачи посольства? Тот же Горсей, благодаря особому покровительству со стороны Бориса Годунова, успешно служил английским интересам в Москве. Так вот, он точно так же, подобно Гизену, не показывает признаков скудоумия русского царя, когда тот должен проявить себя на людях — во время дипломатического приема. На дипломатическом приеме, осмотрев подарки и выслушав приветствие, Федор Иванович ответил Горсею кратко. Затем, выслушав совет Б. Ф. Годунова, встал с тронного кресла, снял головной убор и объявил, «что рад узнать, что его возлюбленная сестра Елизавета находится в полном здравии»[46]. Есть ли в этих действиях признаки помешательства или слабоумия? Или, может быть, для шведов и поляков, не умевших вырвать у русского правительства уступки по внешнеполитическим вопросам, наш монарх был глуп, а для более удачливых германцев и англичан он оказался в самый раз, хотя и чуть простоват?

Ф. Халс. Портрет Исаака Массы. 1626

Впрочем, существуют и откровенно доброжелательные отзывы иностранцев, где акцент перенесен с «простоты ума» Федора Ивановича на его религиозность. Так, голландский купец и торговый агент в Москве Исаак Масса со всей определенностью говорит о русском царе: «…очень добр, набожен и весьма кроток». И далее: «Он был столь благочестив, что часто желал променять свое царство на монастырь, ежели бы только это было возможно…» — и даже манерой поведения более напоминал инока, нежели правителя[47]. О слабоумии — ни слова. Между тем Исаак Масса считался весьма информированным автором, в России он появился всего через три года после смерти Федора Ивановича и общался со знатью и верхушкой «приказных», т. е. с людьми, которые хорошо знали покойного царя. Конрад Буссов (немецкий ландскнехт, написавший в соавторстве с лютеранским пастором Мартином Бэром «Хронику событий 1584–1613 годов») с крайней неприязнью относился к православию в целом. Но все-таки он признавал Федора Ивановича человеком «весьма благочестивым» и «на их московский лад» богобоязненным, отмечая, что монарх «…больше любил ходить к Николе и к Пречистой, чем к своим советникам в Думу»[48]. Петр Петрей де Ерлезунда — швед, исполнявший в Москве на протяжении нескольких лет[49] службу шпиона и, позднее, дипломата, — считал царя Федора «от природы простоватым» и даже «тупоумным». Но и Петр Петрей не отрицал благоверия монарха, пусть и относился к православию без пиетета: «Он не имел большой охоты заниматься государственными делами и приводить в лучший порядок управление, но находил свою отраду в образах и духовных делах, иногда бегал сам по церквам, благовестил и

звонил в колокола, когда народу надобно собираться к богослужению и слушать обедню: отец часто упрекал его в том, говоря, что он больше походит на пономарского, чем на великокняжеского сына»; в другом месте Петр Петрей прямо называет Федора Ивановича «благочестиво воспитанным»[50]. Греческий архиепископ Арсений Елассонский, лично знавший Федора Ивановича и обласканный им, писал о государе без затей: «Человек весьма кроткий, добрый, миролюбивый и всегда боящийся Бога».

Итак, если пользоваться одними иностранными источниками, то картина получается неровная, лишенная цельности. Допустим, никто не отрицает выдающегося благочестия Федора Ивановича. Совершенно так же никто не говорит о его способностях решать государственные вопросы. А вот уровень его умственного развития оценивается по-разному. Кто-то считает его помешанным, кто-то не видит его интеллектуальной недостаточности или, в худшем случае, отмечает «простоту ума».

Русские источники рисуют царя Федора Ивановича в другом свете. Знаменитый публицист XVII века Иван Тимофеев, автор историко-философского трактата, который известен под названием «Временник Ивана Тимофеева», писал о сыне Ивана Грозного с восхищением, в превосходных тонах. Самому Ивану Васильевичу не досталось и трети таких похвал, с ним Тимофеев обошелся без особого пиетета.

Для того, чтобы понять, как далеко простирался восторг Ивана Тимофеева, стоит привести обширную цитату из его «Временника»: «Своими молитвами царь мой сохранил землю невредимой от вражеских козней. Он был по природе кроток, ко всем очень милостив и непорочен и, подобно Иову, на всех путях своих охранял себя от всякой злой вещи, более всего любя благочестие, церковное благолепие и, после священных иереев, монашеский чин и даже меньших во Христе братьев, ублажаемых в евангелии самим господом. Просто сказать, он всего себя предал Христу и все время своего святого и преподобного царствования, не любя крови, как инок проводил в посте, в молитвах и мольбах с коленопреклонением — днем и ночью, всю жизнь изнуряя себя духовными подвигами… Монашество, соединенное с царством, не разделяясь, взаимно украшали друг друга; он рассуждал, что для будущей (жизни) одно имеет значение не меньше другого, (являясь) нераспрягаемой колесницей, возводящей к небесам. И то и другое было видимо только одним верным, которые были привязаны к нему любовью. Извне все легко могли видеть в нем царя, внутри же подвигами иночества он оказывался монахом; видом он был венценосцем, а своими стремлениями — монах».

В государственной летописи сохранилось описание начальных дней царствования этого государя. Нигде не видно каких-либо признаков слабоумного поведения. Напротив, когда проходил обряд венчания на царство, Федор Иванович дважды публично выступал с речами, утверждая свое желание повторить эту церемонию, впервые введенную при его отце. Это сейчас, из XXI столетия, после трехсот семидесяти лет пребывания России под управлением царей, видится естественным и неотменным делом, что после смерти одного царя тот же титул принимает его наследник. Но для XVI века царский титул в отношении Московской державы был новинкой. Еще родитель Федора Ивановича начинал правление как великий князь Московский, а вовсе не как царь. И соседи России далеко не сразу и не без сопротивления приняли это нововведение. Царственность, помимо высочайшего статуса в православном мире, помимо повода претендовать на византийское наследие, была еще и тяжким бременем: она доставляла немало трудностей в общении русского монарха с собственной служилой знатью, к тому же утверждалась на арене внешней политики с помощью упорной дипломатической борьбы. В 1584 году, при всей очевидности ответа на вопрос, кто станет преемником Ивану IV, совсем не очевидно было, что этот преемник обязательно примет царский титул. Требовалось усилие государственной воли, дабы возвести первый опыт в ранг традиции. И, конечно,

абсолютно уместно прозвучали слова, сказанные Федором Ивановичем в день восшествия на престол.

Летопись вложила в его уста следующие слова, обращенные к митрополиту Московскому Дионисию: «О преосвященный богомолец наш Дионисей митрополит всеа Руси. Божиим изволением прародители наши великие государи детей своих благословляли Российским царьством и великим княжеством. И отец наш блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России самодержец оставль земное царьство и приим аггелский образ и отъиде на небесное царьство, а меня сына своего благословла великими государьствы Владимерским и Московским и Новгородским, и царьством Казанским и царьством Астороханьским и государством Псковским и великим княжением Смоленским и Тверьским и всеми гоударьствы всего Росиискаго царьствия. И велел мне на те великие государьства венчатися царьским венцом и диадимою по древнему нашему чину. И ты бы богомолец наш на то царьство и на великое княжение по Божий воли и по благословению отца нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея великия Россия самодержца благословил и венчал царьским венцом и диадимою по древнему нашем царьском чину»[51]. Конечно, сейчас трудно судить, сколь точно передано летописцем содержание монарших речей. В летописных памятниках, не имеющих государственного происхождения, приводится несколько иной текст, хотя и близкий по смыслу[52]. И если даже все передано более или менее верно, нет никакой уверенности в авторстве государя Федора Ивановича: тот же митрополит Дионисий, кто-то из ученых монахов митрополичьего дома или некий книжник из числа приближенных Бориса Годунова мог подготовить текст выступления, как это делается и в наши дни. Но сам факт их произнесения никаких сомнений не вызывает: англичанин Горсей, беспристрастный свидетель происходящего, также пишет о том, что царь прилюдно держал речь. Это можно считать твердо установленным фактом.

Можно ли представить себе слабоумного в роли оратора? Слабоумного, выстаивающего без ошибок всю длинную, сложную церемонию венчания на царство и вовремя вставляющего свое слово? Слабоумного, *хотя бы* воспроизводящего вслух и прилюдно столь замысловатую, столь цветистую идеологическую конструкцию?

Наконец, исключительно важно свидетельство неофициального, иными словами, частного исторического памятника — Пискаревского летописца. От летописного повествования, неподконтрольного правительству, естественно ждать оценок, радикально расходящихся с теми, которые «спущены сверху». И, действительно, Пискаревский летописец наполнен разоблачительными высказываниями. Так, об опричнине там написано немало горьких слов. Ее введение ставится Ивану IV в укор. Сам государь предстает, мягко говоря, небезупречной фигурой: летописец не забыл перечислить шесть (!) его жен. А православному человеку больше трех не полагается…

Что же сообщает Пискаревский летописец о Федоре Ивановиче? Да об этом государе сказано столько доброго, сколько не досталось никому из русских правителей. Его называют «благочестивым», «милостивым», «благоверным», на страницах летописи приводится длинный список его трудов на благо Церкви. Кончина его воспринимается как настоящая катастрофа, как преддверие худших бед России: «Солнце померче и преста от течения своего, и луна не даст света своего, и звезды с небеси спадоша: за многи грехи християнския преставися последнее светило, собиратель и облагодатель всея Руския земли государь царь и великий князь Федор Иванович…» Обращаясь к прежнему царствованию, летописец вещает с необыкновенной нежностью: «А царьствовал благоверный и христолюбивый царь и великий князь Феодор Иванович… тихо и праведно, и милостивно, безметежно. И все люди в покое и в любви, и в тишине, и во благоденстве пребыша в та лета. Ни в которые лета, ни при котором

царе в Руской земли, кроме великого князя Ивана Даниловича Калиты, такие тишины и благоденства не бысть, что при нем, благоверном царе и великом князе Феодоре Ивановиче всеа Русии»[53].

Вот так «durak»!

Памятник совершенно другого происхождения, вышедший из среды высшего духовенства, Московский летописец, вторит строкам Пискаревского летописца: «Лета 7106-го (1598) генваря в 5-й день преставися благоверный и христолюбивый государь царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии, был на государстве 14 лет. И во дни его благочестиваго царствия бысть мир и тишина, и благоденствие, и изобилие плодов земных»[54]. И сравнение государя Федора Ивановича с отцом опять выходит не в пользу последнего: тот в летописи «преставился», да и все. Ни одного светлого слова, ни малейшей интонации печали, умиления, доброй памяти… Только длинный список монарших жен.

В Новом летописце кончина Федора Ивановича подана как великая «скорбь», наказание от Бога за грехи. Царь назван «последним цветом Русской земли». В день погребения, по словам летописца, «…бысть… на Москве… плачь и вопль велий, яко же и пения не слышати от плача, и что друг ко другу глаголаху, и не можаше ся слышати в плачи»[55]. От этих слов веет впечатлениями очевидца, вместе с прочими соотечественниками пораженного безвременным уходом благочестивого царя. О том же Иване IV в Новом летописце, ничуть не исполненном каких-то «антигрозненских» настроений, при описании монаршей кончины не сказано ни доброго, ни худого. Вот только смерть его предвещало злое знамение: крест и хвостатая звезда на небесах.

Не менее благосклонны к Федору Ивановичу и провинциальные летописцы. Так, в одной из псковских летописей говорится, что царь пребывал в великом христианском подвиге, молясь Богу день и ночь.

Первый патриарх Московский и всея Руси Иов создал крупное произведение, посвященное государю Федору Ивановичу: «Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии». Там среди прочего о последнем монархе из московских Даниловичей говорится следующее: «Сей… благочестивый самодержец праведный и досточюдный и крестоносный царь и великий князь Феодор Иванович всеа Руси древним… царям благочестивым равнославен, нынешним же красота и светлость, будущим же сладчайшая повесть и слуха благое наслаждение, не токмо единыя Росийския богохранимыя державы, но всея подсолнечныя пречестнейши быти явися»[56]. Можно, конечно, объяснить столь ярко выраженное благоволение патриарха царю мотивами прозаическими. Иов был возвышен среди архиереев Русской церкви во времена правления Федора Ивановича и по его воле; сказалось тут и влияние главного политического дельца тех времен — государева шурина Бориса Годунова (Борису Федоровичу Иов, как никто другой, помог в 1598 году взойти на царский престол после кончины царя Федора). В 1586 году Иова возвели на Ростовскую архиепископскую кафедру. И года не минуло с этого момента, а владыка уже стал митрополитом Московским и всея Руси. А в 1589 году он вошел в нашу историю как первый патриарх всея Руси. Конечно, это скорое возвышение должно было питать естественное чувство благодарности Иова. Но объяснение может быть и другим, гораздо проще: именно митрополит, а затем патриарх должен был хорошо знать Федора Ивановича, постоянно общаться с ним, вести богослужение в его присутствии, беседовать с монархом о духовных делах. И в конечном итоге глава Русской церкви написал о государе правду. Самую простую правду, какую видел в течение многих лет, какую знал лучше, чем кто бы то ни было.

Патриарх Московский и всея Руси Иов. Царский титулярник. 1672

И под пером Иова, начитанного книжника, даровитого литератора, Федор Иванович предстает истинным подвижником веры. Подчеркнуто особое почитание государем Пречистой Богородицы: к ней царь часто обращается с молениями. Разумеется, в произведении Иова нет никаких упоминаний об умственной отсталости Федора Ивановича. Конечно, первый патриарх Московский создал панегирический портрет своего благодетеля, а потому недобрых слов не стоило бы ожидать от этого текста. Но время от времени видно самое неподдельное восхищение Иова. Он нашел в российском правителе великого молитвенника и радовался этому со всей искренностью: «Аще бы и превысочайшего Росийскаго царствия честны скифетр содержаше, но Богу повсегда ум свой вперяше и душевное око бодренно и неусыпно храняше и сердечную веру… благими делами исполняше; тело же убо свое повсегда удручаше церковными пении и дневными правилы и всенощными бдении и воздержанием и постом. Душу же свою царскую умащая поучением божественных глагол…»[57]

При Иване Грозном возник знаменитый памятник русской исторической мысли — «Степенная книга царского родословия», где важнейшие события в истории страны, а также правления князей-Рюриковичей были представлены по «степеням» или «граням», связанным с «коленами» родословия. Портреты монархов во многом приближены к житиям святых, многие государи показаны как идеальные христиане. Федор Иванович в «Степенную книгу царского родословия» не мог войти, поскольку правителем он станет лишь после смерти отца. Однако Иов постарался придать своей «Повести о честном житии…» характер последней главы «Степенной книги», вписывая монарха в общий ряд его родни чуть ли не как достойнейшего из всех.

Через шесть лет после кончины Федора Ивановича началась Смута, полыхавшая на протяжении полутора десятилетий. Русские города и села, разоренные «воровскими» казаками, бандами «лисовчиков», отрядами польских, литовских, шведских интервентов, запустели. Закопченные порталы храмов зияли, словно отверстия от ружейного свинца на теле Церкви. Крепостные стены напоминали челюсти с выбитыми зубами. Печи, оставшиеся от сожженных изб, вздымали к небу заснеженные трубы. Нищие дворяне едва могли нести воинскую службу. Недостаток был во всем — от хлеба до пороха. Жизнь чуть теплилась в израненной Московской державе.

И эпоха Федора Ивановича вспоминалась многим как Царствие Небесное на земле. Сытая, спокойная, безмятежная жизнь того времени вызывала добрые воспоминания. Старые люди еще держали в памяти свирепства грозненской поры, молодые знали только Смуту, но в глазах и тех и других царствование кроткого монарха выглядело как островок благоденствия в океане тягот житейских. Пусть в исторической действительности эти 14 лет не были столь уж легкими

для России. Бремя восстановления экономики несли на своих плечах крестьяне, постепенно лишавшиеся свободы. Города медленно приходили в себя после разорительной Ливонской войны, а неприятель, хотя и бывал отбит от коренных русских областей, все же время от времени вторгался в пределы России и наносил стране ущерб.

Но не сравнить все это ни с опричниной, ни с гибелью Москвы, сожженной крымцами в 1571 году, ни с вторжениями полчищ Стефана Батория, ни, тем более, с чудовищем Смуты… Поэтому на человека, ставшего живым символом краткого «золотого века» в русской судьбе, готовы были молиться несколько поколений наших людей, переживших Смутное время.

Если патриарх Иов в «Повести о честном житии…»[58] приводил аргументы для канонизации Федора Ивановича, в частности связывал с последними днями его жизни истинные чудеса, то дьяк Иван Тимофеев уже открыто писал о святости царя[59].

Для первых государей династии Романовых Федор Иванович был близким родичем по его матери, царице Анастасии, к тому же последним законным государем перед венчанием на царство Михаила Федоровича (1613). Конечно, при таких обстоятельствах трудно ожидать от исторических сочинений того времени отрицательных отзывов о царе-иноке. Но даже с этими оговорками поражает то единодушие, с каким книжники постсмутной эпохи, обращаясь к памяти Федора Ивановича, рисуют образ идеального монарха, великого благочестивца. Видно, что веяния времени и требования официальной идеологии находят добрую пищу в действительной судьбе и душевных качествах ушедшего государя.

Хронограф[60] 1617 года содержит пространную похвалу царю Федору: «…во всем его царстве благочестие соблюдалось, и все православные христиане безмятежно и в спокойствии пребывали, друг подле друга в светлом и радостном ликовании… Благородный же и боговенчанный государь, царь и великий князь Федор Иванович, всея Руси самодержец, не только красотой телесною сиял, но и душой отличался мужественной и всяческими достоинствами сияющей, справедливостью и целомудрием, чистотой душевной и смиренномудрием всегда украшен был, обман же и коварство и всякое зло, напротив, всячески ненавидел, и от всего этого держался как можно дальше, и не хранил в сердце зла, и раздражению или гневу в сердце своем не давал места, но со всеми был всегда тих, милостив и кроток. Поистине, если кто скажет так, то не погрешит: был он сад бесчисленных добродетелей, водами божественными напояемый, и рай одушевленный, хранящий сады благодатные. И так пребывал он и царство державы своей хранил в постоянном покое…»[61] Помещая в Хронограф известие о смерти монарха, автор патетически восклицает: «Угасла свеча страны Русской! Померк свет православия…»[62]

Блистательный интеллектуал и плодовитый писатель первой половины XVII столетия, князь С. И. Шаховской, человек своевольный, переменчивый, с очень широкими взглядами на веру — чуть ли не еретик по представлениям той эпохи! — также был весьма снисходителен к Федору Ивановичу и его времени. В «Летописной книге», посвященной событиям Смуты, он высказался следующим образом: «…сжалился Бог над людьми и счастливое время им дал, прославил царя и людей, и повелел управлять государством без волнений и смут, в кротости пребывая». И далее: «Царствовал благоверный царь Федор Иванович на Москве мирно и безмятежно 14 лет и умер бездетным… И скорбели о нем и горько оплакивали его люди и волновались повсюду, словно овцы, не имеющие пастыря»[63].

Но самый удивительный отзыв принадлежит перу князя И. А. Хворостинина. Этот был не меньшим книжником, чем Шаховской, и тоже заработал обвинение в вероотступничестве. Создавая исторический трактат «Словеса дней и царей, и святителей московских», князь в

какой-то мере оправдывался, доказывая, что верен православию. Но отзываясь о Федоре Ивановиче, Хворостинин ни слова не написал о благочестии царя. Зато сообщил читателям, что государь был «замечателен» своей «любовью к книгам»[64].

Таинственное известие!

Что имел в виду Хворостинин? Только ли этикетный элемент виден в его словах, иначе говоря, беспочвенная похвала? Если царь-инок был еще и книжником, это полностью уничтожает всякую почву под высказываниями о его умственной неполноценности. Но подобное построение шатко: на слишком уж зыбких основаниях оно покоится… Или, может быть, имеются в виду книги духовные — Евангелие, Псалтирь, певческие рукописи и т. п.? Тогда «любовь к книгам» оказывается простым синонимом благочестия. Или, возможно, князя восхитила реставрация московского книгопечатания, заведенного было Иваном IV, затем позабытого и впоследствии возобновленного преемником?

В любом случае Хворостинина нельзя считать неосведомленным автором. Год рождения князя не известен, и он теоретически мог знать Федора Ивановича лично. Следовательно, впечатления от непосредственного общения с монархом не исключаются. Но, скорее всего, в конце XVI века он был еще слишком молод и слишком мало значил при дворе. Зато его дядя, князь Д. И. Хворостинин, являлся в 1580-х годах одним из высокопоставленных полководцев, имел чин боярина и входил в придворную группировку Бориса Годунова. Он с Федором Ивановичем, несомненно, виделся, притом неоднократно. От Д. И. Хворостинина в семействе могли сохраниться рассказы о Федоре Ивановиче, зафиксированные в труде младшего родича.

Похоже, «слабоумным» Федор Иванович представлялся только тем, кто привык к язвительной, глумливой премудрости и беспощадной жестокости его отца. Конечно, после «грозы», присущей царствованию Ивана Васильевича, его сын мог выглядеть в глазах служилой аристократии слабым правителем… А иноземные дипломаты, решавшие наиболее важные вопросы с Борисом Годуновым, а не с царем, могли счесть последнего недоумком. Особенно когда их дела в России складывались не лучшим образом. Но при его слабости, «простоте» и благочестии дела государства устроились лучше, чем во времена неистового родителя.

Любопытно, что сам Иван IV, знавший младшего сына как никто другой, видел в нем волю и характер. Составляя завещание 1572 года, когда старший сын еще был жив, он обращался к юноше Федору с предостережениями от бунта против брата. Имеет смысл привести соответствующий фрагмент монаршего завещания полностью: «А ты, сыне мои Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, как мене, и покорен буди ему во всем, и добра хоти ему, как мне, родителю своему, во всем, и во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу своему, и во всем бы еси жил так, как из моего слова. А будет благоволит Бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал, и на ево лихо не ссылался ни с кем, а везде бы еси с Иваном сыном был в лихе и в добре один человек. А докуды, и по грехом, Иван сын государства не доступит, а ты удела своего, и ты бы с сыном Иваном вместе был заодин, и с его бы еси изменники и с лиходеи никоторыми делы не ссылался. А будут тебе учнут прельщать славаю, и богатством, и честию, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят, мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, и ты б отнюдь того не делал и из Ывановой сыновниной воли не выходил; как Иван сын тебе велит, так бы еси был, а ни на что бы еси не прельщался». Когда составлялось завещание, младший сын грозного царя достиг пятнадцатилетнего возраста. И если бы он был слабоумным ничтожеством, то отец, опытный политик, не стал бы отговаривать его от измены и мятежа. Ведь тихий идиот ни на первое, ни на второе не способен…

Цари Феодор Иоаннович и Иоанн Васильевич Грозный. Фрагмент стенописи. Москва. Новоспасский монастырь. 1689

Наконец, государь Федор Иванович лично отправился в поход против шведов и участвовал в боевых действиях. Стали бы царя брать с собой воеводы, если бы он был беспомощным идиотом? Кого могла вдохновить в войсках подобная фигура? Очевидно, государь в глазах десятков тысяч военных людей не выглядел ни «юродивым», ни «помешанным».

Конечно, можно предположить, что государя, безгласного и безропотного, использовали для повышения боевого духа русского войска. Иными словами, взяли с собой, дабы можно было питать храбрость служилых людей словами: «С нами царь! Царь — в двух шагах от вас!» Тогда царская кровь Федора Ивановича играла бы роль какого-то магического талисмана, на могучую силу которого уповала армия. Насколько подобная комбинация допустима в эпоху Средневековья? В Европе такое бывало. Что же касается русской действительности, и даже точнее, реальности Московского государства конца XV–XVII веков, то ничего похожего отыскать не получается.

Иван III Великий, будучи соправителем и доброй надеждой слепого отца, Василия II, начал ходить в походы, не выйдя из отроческого возраста. Разумеется, за него действовали воеводы, а он лишь выезжал вместе с московскими ратниками, дабы вселять в их сердца храбрость, а противнику одним своим присутствием показывать: Москва к этому делу относится серьезно. Сын Ивана Великого, Иван Молодой, да и внук его, Дмитрий Жилка, также очень рано стали выходить с войсками. В молодые годы они уже попробовали роль «главнокомандующих». Вообще, юный правитель или, еще того чаще, юный наследник престола в русской истории нередко оказывался на поле брани. Но не умалишенный и не слабоумный. Историческая судьба Московского государства помнит двух персон с царственной кровью в сосудах, явно

воспринимавшихся соотечественниками как умственно неполноценные. Это, во-первых, Юрий (Георгий) Васильевич, брат Ивана Грозного. Он дожил до зрелого возраста, но ни разу не бывал с русской армией в каких-либо походах. И, во-вторых, брат Петра I царь Иван Алексеевич. Соправитель Петра Великого также скончался в возрасте, далеко уже не мальчишеском и не отроческом. Однако источники не донесли до наших дней сведений о его участии в воинских кампаниях. И в середине XVI столетия, и во второй половине XVII Россия воевала более чем достаточно, чтобы для них нашлось местечко в штабе действующего полевого соединения. Но подобных примеров нет. Больных в Московском государстве не превращали в воителей, хотя бы они и принадлежали правящей династии. Следовательно, нет резонов говорить о каком-то исключении и для Федора Ивановича. Если он попал в действующую армию, к тому же решающую жизненно важные для страны задачи, значит, больным, умственно неполноценным его никто не считал.

* * *

Иногда настоящий большой мастер искусства интуитивно схватывает и передает то, вокруг чего настоящий большой ученый ходил годами, если только не десятилетиями, пытаясь в статьях и монографиях передать ту потаенную суть исторического процесса, которая не поддается логике. О царе Федоре Ивановиче с его «простотой ума» написано много научных трудов. Но ту самую суть — неявную, не высвечиваемую с помощью одного лишь холодного сияния ratio — обрели и точнее всего выразили все-таки не историки, а те, кому труды историков послужили источником для размышления.

Во-первых, Алексей Константинович Толстой — о нем уже заходила речь в самом начале книги.

Во-вторых, современный художник Павел Викторович Рыженко. Святая Русь, допетровская русская древность — вот предмет, которому посвящено большинство работ живописца. Одна из них вторгается в пределы сокровенных смыслов, посетивших Россию, когда наших предков хранила от бед молитва блаженного государя. Полотно Рыженко называется «Тайна Царева. Федор Иоаннович» (2005)[65]. И, действительно, Павел Викторович с большой деликатностью открывает современному образованному человеку тайну четырехсотлетней давности, которая осталась невскрытым посланием за семью печатями для многих современников. Итак, на картине — «зал совета»: заседание Боярской думы в государевых палатах или иное действо, связанное с большой политикой. Трое высоких, бородатых мужей в горлатных шапках и драгоценных, золотом шитых одеяниях — великие бояре московские — стоят близ тронного кресла. У каждого из вельмож — отпечаток державных дум на челе. Они монументально возвышаются над царевым местом, самими позами сообщая о великом своем достоинстве, о привычке повелевать. А трон между тем пуст. Государь Федор Иванович покинул его. Между литыми, величественными фигурами «думных людей» царь… гладит кота, соскочив с монаршего кресла. Кот доволен, кот счастлив: распушился, распустил хвост, тянется к царской руке, ничего не боясь — при этаком-то многолюдстве! Большой совет, собравший главных политических дельцов Московской державы, нежданно-негаданно прервался. Царю захотелось приласкать кота, и вся державная драматургия встала… Бояре молча терпят, окаменев лицами, лишь один из них укоризненно качает головой. Как видно, не впервой им терпеть царское мальчишество. Чего ждать от такого царя? Блаженненький, дурачишко, пускай забавляется. Не поправлять же великого государя! К тому же — вокруг все свои, каждый знает и понимает, что за потеха тут творится. В конце концов, велика ли беда? Чужеземцев нынче нет, позора перед иными державами не предвидится, а нам в странностях царевых виден свой прибыток. Смирен же, кроток, незлобив — вон как кот от счастья глаза выпучил! — так и народ при Феодоре свет Иоанновиче тих-доволен, да и нам, великим родам, царишка-простачок голов не сечет, как, бывало, отец его сек. Чего ж не потерпеть? Вот только царь не столь прост и

придурковат, как мыслят о нем аристократы. Никто не видит, никто не замечает, как он, отвлекшись от забавы с котом, бросает на великих мужей взгляд, исполненный пронзительной мудрости. Царь знает их мысли. Царь играет в свою игру, слушая Бога, молясь за родную землю, милуя народ. И ему даровано свыше понимание того, что это милосердие, молитва, христианское восхищение миром, как совершенным творением Божьим, где любая мелочь — травинка, василек среди хлебных колосьев, блеск рыбьей чешуи на речном перекате, капля дождя, ласковый кот — стоит умиленного созерцания, одним словом, вся жизнь, освещенная острым чувством близкого присутствия Господня, неизмеримо важнее дворцовых интриг и даже политических дел. Будет царь благоверен, так и Бог не даст ему пропасть, а вместе с ним — и роду его, и земле от края до края. Так пусть же бояре считают своего царя мальчишкой, «пономарским сыном», которому ничего не любо, кроме колокольного трезвона, пусть видят отсутствие ума у государя, когда государь, отказавшись от своего ума, принял в себя ум Божий, пусть. Им так легче. Они заняты делами правления. Вот и хорошо. Надо же кому-то решать, в какую сторону следует поворачивать закон. Если подумать, — тоже очень важное дело…

П. В. Рыженко с поразительной силой передал, какой дар получила Россия в лице «простого» монарха, столь отличного от высокоумных аристократов.

Глава 4. «Соправители»

Исторические источники по временам царствования Федора Ивановича сходятся в том, что царский шурин Борис Федорович Годунов занимал при дворе исключительное положение. Тут иностранные авторы, наши летописцы, патриарх Иов и дьяк Иван Тимофеев пишут об одном. Расхождения можно видеть лишь в оценке того влияния, которое Годунов мог иметь на дела правления, да еще в сроках — когда именно установилось его беспрецедентное «соправительство» с венчанным монархом.

Только определив действительную роль Годунова, можно понять, кто и до какой степени правил государством на протяжении четырнадцати лет царствования Федора Ивановича. Ведь, в сущности, словом «правитель» для периода от 1584 до 1598 года в русской истории следует называть странный симбиоз, состоящий из двух личностей, двух компетенций, двух образов, сложившихся в массовом сознании. Проще всего сказать: «Федор Иванович царствовал, но не правил, Борис Годунов правил, но не царствовал». В самом общем смысле это совершенно правильно. Однако… как только доходит до частностей, получается гораздо более сложная картина.

Для того, чтобы понять, что за человек стоял рядом с троном Федора Ивановича, как далеко простиралась его власть, достоин ли он был тех полномочий, которые получил по милости царя, придется надолго выйти из реальности личной судьбы государя и окунуться в политическую реальность России второй половины XVI столетия. Иначе нельзя: через призму слов и поступков Б. Ф. Годунова можно многое увидеть и расшифровать в судьбе Федора Ивановича. А найти код к действиям и душевным движениям царского «соправителя» невозможно без глубокого погружения в вопросы большой политики. Следовательно, придется заняться ею — на протяжении главы.

Неизвестный гравер. Борис Федорович Годунов. Лейпциг. 1721

* * *

Борису Федоровичу, во-первых, приходилось делить реальную политическую власть с другими служилыми аристократами. Притом большая часть тех, с кем ему приходилось сталкиваться на этой почве, были намного знатнее его.

Как минимум на протяжении первых месяцев или даже первых лет царствования Федора Ивановича Б. Ф. Годунов должен был считаться с великими людьми царства. Прежде всего, с «партиями» бояр Захарьиных-Юрьевых-Романовых, князей Шуйских и князей Мстиславских. Притом каждая «партия» состояла не только из представителей семейства, но также из их родичей по брачным связям, друзей, сторонников и т. п. Во-вторых, серьезное влияние на первых порах могла оказывать партия «худородных выдвиженцев» Ивана Грозного, пусть и обезглавленная высылкой Богдана Бельского из столицы. В-третьих, власть Годунова, даже учитывая его выдающиеся личные качества как политика, была бы непрочной, если бы он не

имел возможности выступать от имени царя, как бы постоянно воплощая в жизнь монаршую волю. Любые планы вельможи приобретали какую-то значимость лишь после того, как они облекались в форму указов «великого государя, царя и великого князя всеа Руси Феодора Иоанновича». Следовательно, Годунов должен был пребывать в постоянном диалоге с царем, не терять его милости и доверия, отрезать от него любых политических деятелей, которые могли бы вести через государя собственную игру. Наконец, в-четвертых, Федор Иванович, как это следует из сообщения Джильса Флетчера, хотя и занимался делами правления мало, но все-таки не отстранился от них окончательно. Следовательно, его воля, его желания и его характер также в какой-то мере оказывали воздействие на политический курс правительства. Ему Борис Федорович отказать не мог ни при каких обстоятельствах. А значит, должен был стать послушным исполнителем царских поручений — хотя они, быть может, давались не столь уж часто. *Отсюда вывод: имеет смысл определить, какие именно государственные дела могли заинтересовать царя со столь необычным образом мышления. Где и когда слабая воля самодержца все-таки находила отражение в деятельности административных органов, Церкви, армии.*

Русское государство сложилось еще в конце XV — начале XVI столетий таким образом, что рядом с особой монарха всегда присутствовала сильная, многочисленная, амбициозная аристократия. Она в чем-то подчинялась государю, а в чем-то делила с ним власть над страной. Из нее рекрутировались все высшие управленческие кадры: Боярская дума, «судьи» (так именовали тогда не только тех, кто главенствовал в судах, но и глав «приказов» — центральных ведомств), главнокомандующие полевыми соединениями и гарнизонами важнейших крепостей, воеводы в полках и наместники в наиболее значительных городах. На протяжении века аристократы-управленцы превосходно справлялись со своими обязанностями: строили государственную структуру стремительно растущей державы, отбивали татар и наносили им ответные удары, вели планомерное наступление на земли Великого княжества Литовского, составляли новые законы и руководили строительством новых укрепленных пунктов. Они бывали лучше и хуже, более верны или же более склонны к измене и своевольству, но в целом они представляли собой весьма качественную национальную политическую элиту.

Вместе с тем служилая знать была весьма неоднородна по составу. Первые десять-пятнадцать родов — древнейших, влиятельнейших и богатейших — имели огромное влияние на дела. Отпрыски этих семейств имели право занимать высшие должности в армии и получать боярские чины в Думе в силу одной только аристократической крови, текущей в их сосудах. В число этой высшей знати, или, иначе, аристократов первого ранга, входило при Федоре Ивановиче несколько родов Рюриковичей (князья Шуйские, Воротынские, Одоевские, в меньшей степени — Троекуровы, Татевы), Гедиминовичей (князья Мстиславские, Трубецкие, Голицыны), князья Глинские[66], а также некоторые старинные боярские рода, например Шереметевы, Сабуровы, Головины, Колычевы или Захарьины-Юрьевы-Романовы. Рядом с этим немноголюдным собранием «лучших родов» существовала аристократия «второго ранга». Ее представители имели право выслужить думный или воеводский чин, однако их «отечество», т. е. статус их рода среди других знатных родов, еще не предопределяло, что они непременно сумеют заслужить высшие должности. Сам по себе факт рождения в семействе знати «второго ранга» лишь давал возможность заработать возвышение честными административными и военными трудами на благо великого государя. Среди титулованной, т. е. княжеской, аристократии этот слой представляли, например, Хворостинины, Охлябинины, Сицкие, Туренины, Лыковы, Щербатые, Прозоровские и др. Из числа нетитулованной знати (древних боярских семейств) в него входили, например, Борисовы-Бороздины и Годуновы. Всего же примерно пятьдесят или шестьдесят родов. Еще ниже стояла многотысячная масса дворянства, также неоднородная, состоявшая из «детей боярских»[67] городовых, выборных и дворовых, служивших по провинциальным и по московским спискам, более обеспеченных, менее

обеспеченных, более родовитых, менее родовитых, вообще «неродословных» людей. Но всех не аристократических служильцев объединяло одно: выход к «думным» и воеводским чинам для них был закрыт. Худость крови не позволяла. И только какая-нибудь хитроумная матримониальная комбинация или прямое благорасположение царя могли расчистить перед подобными людьми место для карьерного прыжка наверх. Иван IV в опричные времена, да и позднее, позволял «худородным выдвиженцам» из этой самой гущи незнатных людей осуществить такой взлет. Правда, этот шанс достался совсем немногим. Его получали либо те, кто показал на деле выдающиеся способности, либо те, кто понадобился монарху для карательных или просто палаческих операций, либо те, кого «втащила» более удачливая родня. Им Иван Грозный давал особый чин «думного дворянина» (ниже боярина и окольничего, но все же позволявший присутствовать на заседаниях Боярской думы), некоторые «дворовые» (придворные) чины — оружничего, ловчего, печатника, а иногда даже выдвигал их на воеводские посты в действующей армии. Все это совершалось отчасти против сложившегося политического уклада, отчасти же в обход него. Ситуация несколько облегчалась тем, что у монарха было две Боярских думы — сначала опричная и земская, затем, со второй половины 1570-х годов, — «дворовая» и земская. Так вот, худородные выдвиженцы были «приписаны» к «дворовой» думе.

После кончины Ивана IV подобное двоение потеряло смысл. Начался процесс постепенного слияния двух административных иерархий. И если реальная власть в стране контролировалась в значительной степени худородными любимцами покойного царя, то по части знатности, «отечества», древности рода да и материальных средств они явно уступали аристократам. Им предстояло отстаивать свое положение в местнических тяжбах, которые они должны были раз за разом неминуемо проигрывать, ведь Федор Иванович не проявлял желания как-либо их поддерживать, не двигался в этом смысле по стопам отца. А без прямой и очевидной поддержки государя партия «выдвиженцев» неминуемо теряла всю свою силу и влияние.

В 1584 году туда входили: Б. Я. Бельский (оружничий и думный дворянин), скоро высланный из столицы в результате беспорядков, М. А. Безнин (думный дворянин, выдающийся дипломат и опытный полководец), Р. В. Алферьев (думный дворянин, воевода и печатник Ивана Грозного), Афанасий и Андрей Федоровичи Нагие (родня последней жены Ивана Грозного Марии Нагой, думные дворяне), Федор Федорович Нагой (отец Марии Нагой, окольничий), а также думные дворяне Р. М. Пивов (выполнял при Иване IV дипломатические и административные поручения), Д. И. Черемисинов (казначей при Федоре Ивановиче), Е. В. Воейков, И. П. Татищев, В. Г. Зюзин. Из их числа Нагие, Безнин, Алферьев и Зюзин по «отечеству» стояли выше прочих, они были, как говаривали в ту пору, «родословными людьми», т. е. их рода входили в родословцы. Особенно это справедливо в отношении Нагих, имевших длительную генеалогическую историю, уходившую корнями в XIII век, и связанных с династией московских Рюриковичей двумя браками. Однако по сравнению со служилой аристократией и Нагие, и прочие дворяне из этого списка стояли заметно ниже: местническая «честь» их оценивалась невысоко.

За несколько лет партия «худородных» выдвиженцев была разбита и полностью оттеснена от власти. Как уже говорилось, в первые же месяцы после кончины Ивана IV из Москвы были высланы Нагие и Бельский. Нагие могли представлять опасность для всех, поскольку их роду принадлежал последний сын Ивана Грозного — малолетний царевич Дмитрий. При отсутствии у Федора Ивановича наследников он автоматически становился главным претендентом на престол. Для Дмитрия был в качестве удела определен Углич, и оттуда семейство Нагих не переставало интриговать, пока царевич не погиб в 1591 году. Бельский, крупный политик, богатый и склонный к интригам человек, мог стать той фигурой, которая способна была объединить «партию» и организовать ее для общего дисциплинированного противодействия

служилым аристократам. Однако его удаление из столицы оставило бывших «дворовых» без потенциального вождя.

И. П. Татищев и Д. И. Черемисинов первое время как будто оказались среди сторонников Бориса Годунова, войдя в «партию» невенчанного правителя. И первый из них на протяжении всего царствования Федора Ивановича благоденствовал. И. П. Татищеву доверяли серьезную дипломатическую работу, а в начале царствования Бориса Федоровича он возвысился до чина казначея. Черемисинов чем-то вызвал недовольство Годунова и во второй половине 1580-х претерпел понижение в чинах.

Сильнейшими фигурами были Михаил Андреевич Безнин и его родич Роман Васильевич Алферьев, принадлежавшие семейству Нащокиных (из тверского боярства). Деятельные политики, полководцы, честолюбивые карьеристы, они могли бы иметь серьезное влияние при дворе Федора Ивановича, особенно учитывая тот факт, что Безнин когда-то был его «дядькой». Трудно понять, что их подвело. Возможно, желание играть собственную независимую роль. А возможно, связи с Нагими (на дочери Р. В. Алферьева был женат М. А. Нагой). Свои люди при дворе да еще на высоких должностях… Этого Нагим позволить не могли. Безнин протянул до первых месяцев 1586 года. Он еще успел выиграть крупное местническое дело с князем М. Щербатым (1586)[68], он еще ходил в походы (и даже одержал победу над татарами), он еще получал дипломатические поручения, но его политическую компетенцию постарались сузить до уровня статиста, в то время как раньше ему доверяли вершить серьезнейшие государственные дела. Не видя выхода, он постригся во иноки и стал строителем[69] Иосифо-Волоцкого монастыря. Там Михаил Андреевич написал во множестве копий летописец, где подчеркивалась выдающаяся роль, сыгранная им на протяжении первых двух лет царствования Федора Ивановича. Таким способом он восстановил справедливость в глазах современников и потомков, но восстановить высокое положение при дворе уже не мог. Р. В. Алферьев потерпел несколько унизительных поражений от служилой знати в местнических тяжбах и отправился на дальнее воеводство. Он боролся, но его раздавили.

Р. М. Пивов продолжал служить, однако особого влияния при дворе у него не было. А вот В. Г. Зюзин лишился, как тогда говорили, «именных служеб»[70], т. е. оказался не у дел. Е. В. Воейкова после блестящей службы в Москве ждала ссылка: он уже не думный дворянин, а рядовой голова — сначала в Пронске на Рязанщине, а потом в далеком Санчурском остроге.

Итог: за два-три года многолюдная, сильная «партия выдвиженцев» перестала существовать.

Некоторых «убрал» с доски большой политики Борис Федорович Годунов, других же он позволил сокрушить служилой знати. Так, страшный местнический разгром уничтожил карьеру Р. В. Алферьева.

Затем настал черед и самых родовитых противников Годунова. Их подвело отсутствие единства. Мстиславские, Шуйские и Романовы-Захарьины-Юрьевы не пытались выстроить единую группировку. Они полагались на собственные «партии», включавшие представителей самого семейства, ближних и дальних родственников, свойственников, верных людей. Каждая из этих «партий» имела огромный «вес»: никто из «худородных» ни в богатстве, ни во влиянии, ни в чинах не мог соперничать со «сливками» русской аристократии. Но все же по отдельности придворные группировки, выступавшие против Годунова, оказались слабее его собственной «партии» — более многолюдной и, самое главное, использовавшей колоссальное влияние Бориса Федоровича на царя. Так что и они продержались недолго. От нескольких месяцев до нескольких лет.

Самым серьезным противником Годуновых являлись князья Шуйские. По образному

выражению историка Г. В. Абрамовича, они играли при дворе московских государей роль «принцев крови». Будучи, как и династия московских Даниловичей, потомками великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича, они должны были считаться «…персонами, имеющими право на великокняжеский престол в случае вымирания Московского рода»[71]. Это право в будущем приведет на трон князя Василия Ивановича Шуйского. Именно в них, а не в Годуновых должна была видеть московская знать, да и все русские люди, сколько-нибудь сведущие в вопросах престолонаследия, самых вероятных преемников царя Федора Ивановича, который к 1584 году продолжал оставаться бездетным. Был, конечно, царевич Дмитрий Углицкий. Но, во-первых, всякое может произойти с младенцем… собственно, в конечном итоге и произошло. Во-вторых, считать царевича законным сыном при таком количестве браков, каким прославился Иван Грозный, не получалось[72]. Шуйские считались на порядок знатнее Годуновых. Кроме того, при Федоре Ивановиче их род располагал талантливыми, крупными деятелями, в том числе полководцем Иваном Петровичем Шуйским (отстоявшим Псков, осажденный в 1581 году Стефаном Баторием), а также мастером интриги Василием Ивановичем Шуйским, будущим царем. Иначе говоря, Шуйским было кого выдвигать в Боярскую думу, на высшие посты в армии, а при необходимости — и на престол московский.

Первое время это семейство благоденствовало.

Иван Петрович получил в кормление Псков и Кинешму.

Князь Василий Федорович Скопин-Шуйский — Каргополь.

Василий Иванович встал во главе Московской судной палаты.

Все они имели боярский чин[73], и с тем же чином к ним присоединился в Боярской думе князь Андрей Иванович Шуйский, удачливый полководец.

Князь Дмитрий Иванович Шуйский, занимавший «дворовый» пост кравчего, получил доходы с Гороховца, а в 1586 году также сделался боярином.

Шуйские, ссылаясь на родство с князем А. Б. Горбатым, казненным еще в 1565 году, присоединили его земли к владениям семейства.

Как пишет А. П. Павлов, «Шуйские имели поддержку среди церковных иерархов (их сторонниками были глава Русской церкви митрополит Дионисий и владыка Крутицкий епископ Варлаам Пушкин), московского купечества и, вероятно, части уездного дворянства»[74].

Наконец, Шуйские постоянно получали высшие и просто высокие посты в действующей армии, воеводствовали в крупнейших городах.

Сторонником Шуйских был старый военачальник князь Иван Федорович Мстиславский. Первый среди бояр в Думе, он считался знатнейшим аристократом России. Как Гедиминович, он нес в своих артериях и венах кровь монархов — великих князей литовских, а потому при отсутствии сильных претендентов среди Рюриковичей мог сам оказаться видным кандидатом в русские государи. К этой же «партии» примыкали Шереметевы, Головины, Колычевы, а также князья Воротынские и Куракины. До поры до времени они удачно продвигались по службе.

А вот Романовы-Захарьины-Юрьевы поддержали другой стан, но об этом — ниже.

Итак, Шуйские собрали могучую силу. Они были богаты, знатны, имели широкий опыт вооруженной борьбы, понаторели в придворных интригах. Пользуясь собственным высоким

положением и, не менее того, поддержкой многочисленных сторонников, также имевших немалый вес[75], они могли оказывать серьезное влияние на важнейшие государственные дела.

Что могли противопоставить Годуновы Шуйским? И что они вообще собой представляли в глазах современников? Годуновы входили в состав служилой знати «второго ранга». Они не относились к числу «худородных выдвиженцев»: семейство Годуновых, пусть и уступавшее в знатности величайшим аристократическим родам — тем же Мстиславским, Шуйским, Голицыным, Глинским, Воротынским, Романовым-Захарьиным-Юрьевым, все же выросло из среды старинного московского боярства и располагало немалой местнической «честью». Предки Бориса Федоровича хоть и редко, но бывали на воеводстве. А происходил он со всеми родичами от семейства старых костромских вотчинников, в середине XIV столетия перешедших на службу московским князьям. Их старшей родней и союзниками были Сабуровы — влиятельный боярский род. Сохранилось родословное предание, согласно которому родоначальником всего обширного и разветвленного семейства Зерновых-Сабуровых-Годуновых является некий знатный ордынец Чет-мурза. Однако достоверность этой легенды ничтожна. И даже если предположить, что за несколько столетий до возвышения Бориса Федоровича Годунова в основание его рода легло несколько капель татарской крови, то ко времени правления Ивана IV и Федора Ивановича род успел вчистую обрусеть. Многие поколения образованных людей России помнят строчки из пушкинского «Бориса Годунова»: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, зять палача и сам в душе палач…» Сказано завораживающе красиво, резко. Однако… исторической правды тут совсем немного. Каким Борис Федорович был «татарином», сказано выше. «Рабом» он подавно никогда не был, входя в число «родословных» людей.

Сам Борис Федорович родился в 1552 году. В отрочестве он оказался при дворе. Его сестра, Ирина, также оказалась вовлечена в придворную жизнь с малых ногтей: родившись в 1557 году, она воспитывалась в царских палатах с семилетнего возраста. На протяжении опричнины (1565–1572) Борис Федорович был еще слишком молод для участия в серьезных делах[76]. Зато видное положение занимал его дядя Дмитрий Иванович, постельничий при дворе Ивана IV. Как видно, именно он распорядился судьбой молодого племянника, осуществив выгодный матримониальный проект: Годуновы породнились с могучим опричным временщиком Малютой Скуратовым — дочь Малюты Мария Григорьевна стала женой Б. Ф. Годунова[77]. Благодаря сильной родне молодой человек рано получил первый «дворовый» чин, однако в дальнейшем его карьера шла неспешно. Несколько успехов в местнических тяжбах, получение заметного, но отнюдь не ключевого чина кравчего… Он умел читать и писать, но «книжностью» не отличался и Священное Писание знал не лучшим образом.

Положение Годуновых при дворе резко улучшилось благодаря двум бракам: сначала царевич Иван женился на Евдокии Сабуровой, и с ним семейство установило добрые отношения, сохранившиеся даже после того, как он развелся; затем царевич Федор стал мужем Ирины Годуновой. Иван IV, как видно, искал возможности привязать разветвленное и энергичное семейство к своему роду двумя брачными нитями: старшему сыну — жену из старшей ветви Сабуровых-Годуновых, младшему сыну — из младшей ветви, а пригодятся в служении престолу обе.

Когда Иван Иванович получил смертельную рану[78] от рук отца, Б. Ф. Годунов на некоторое время оказался в опале, но затем обрел прощение. А для Федора Ивановича Годуновы за несколько лет до восшествия на трон стали первейшими советниками. Именно тогда семейство было осыпано благодеяниями. Впрочем, пока Ирина Годунова оставалась бесплодной, положение рода при дворе не могло приобрести должной прочности. Ей грозил развод[79].

Однако развести наследника и его супругу не успели, а у Годуновых, старавшихся отвести угрозу развода, не успели отобрать их высокие чины. Когда царь Иван IV скончался, позиции семейства при дворе были исключительно прочны. Среди историков нет единого мнения о том, был ли Борис Годунов включен в состав регентского совета, получившего от Ивана IV распоряжение заботиться о Федоре Ивановиче и делах правления, до коих ум наследника почти не доходил. Но это не особенно важно, поскольку влияние Б. Ф. Годунова на нового царя с первых месяцев правления было огромным, можно сказать, доминирующим, если сравнивать с иными персонами (кроме, пожалуй, царицы). Был ли Борис Федорович одним из официально назначенных регентов, не был ли, но по уровню реального влияния на дела он превосходил любого из регентов. Кроме того, Годуновы занимали три места в Боярской думе: Дмитрий Иванович и Борис Федорович имели боярский чин, а Степан Васильевич — окольнический. Их близкая родня — Сабуровы — имели еще два места: боярское и окольническое. Иван Васильевич Годунов неоднократно хаживал в походы воеводой и был опытным военачальником. Еще до венчания Федора Ивановича на царство боярский чин и должность дворецкого получил Григорий Васильевич Годунов. Борису Федоровичу досталось звание «конюшего», означавшее номинальное первенство среди бояр. В день восшествия Федора Ивановича на престол боярами сделались Семен и Иван Васильевичи Годуновы, притом последний оказался затем во главе приказа Казанского дворца и наместничал в Рязани.

Г. С. Седов. Иван Грозный и Малюта Скуратов. 1871

Мало того, Годуновы имели сильных союзников, также прочно удерживавших места на Олимпе власти. Их друзьями и сторонниками являлись князья Хворостинины, среди которых выделялся Дмитрий Иванович — военная «звезда» России XVI столетия, «автор» нескольких выигранных сражений. У него с давних пор был думный чин окольничего, сменившийся в 1584 году боярским чином. Князь Д. И. Хворостинин владел колоссальным тактическим опытом и стал одним из ведущих полководцев царствования.

Менее прочное, но все же союзничество связывало Годуновых с князем Федором Михайловичем Трубецким. А это был исключительно знатный аристократ из Гедиминовичей, к тому же боярин и весьма опытный воевода. К началу 1585 года боярами станут еще двое представителей этого рода — князья Никита и Тимофей Романовичи Трубецкие.

Бориса Федоровича поддерживал также князь И. М. Глинский, женатый на другой дочери Малюты Скуратова и приходившийся ему, таким образом, свояком. Еще один весьма знатный аристократ — намного знатнее самих Годуновых — и еще один крупный военачальник.

В дополнение к этим людям «партия» Годуновых могла опереться на кое-кого из «худородных выдвиженцев», в том числе царского любимца Андрея Петровича Клешнина.

Иными словами, вступая в борьбу с могущественными Шуйскими, Б. Ф. Годунов располагал отличными картами для дерзкой политической игры. Более того, он сумел присоединить к ним «козырного туза», давшего, думается, решительный перевес в силах. В роли последнего выступила еще одна сильная придворная группировка — Романовых-Захарьиных-Юрьевых. Они оказались на стороне Годуновых, когда наступил решающий момент противоборства.

Старый боярин Никита Романович Юрьев, знатнейший среди русских аристократов, не имевших княжеского титула, популярный в народе, весьма богатый человек, опытный воевода, приходился, ко всему прочему, братом первой жены Ивана Грозного. Поэтому род его, и без того находившийся на верхнем этаже знатнейших семейств Московского государства, теоретически мог заявить права на престол. А за ним стояла многочисленная родня, в том числе крупные фигуры: князь Ф. М. Троекуров (стал боярином в 1584 году, крупный дипломат), князь И. В. Сицкий (стал боярином не позднее февраля 1585 года, видный военачальник еще при Иване Грозном), князь Д. П. Елецкий (окольничий с 31 мая 1584 года). Сила немалая! Однако позиции группировки ухудшались тем, что ее лидер ослабел от тяжелой болезни: даже иностранные дипломаты видели, что ему недолго осталось жить.

Никита Юрьев в большом полку. Лицевой летописный свод. XVI в.

Годуновы и Романовы-Захарьины-Юрьевы скоро заключили «союз дружбы» в борьбе за власть. Годуновы были далеко не столь знатными, как их партнеры, однако и те и другие уступали Шуйским, Мстиславским, Воротынским, а главное — принадлежали одной среде: древнему московскому боярству, коренным служильцам московских государей. Но если Годуновы смогли извлечь из этого союза максимум пользы для себя, то их союзники успели получить не столь уж много.

Важно понимать, какова была ставка в сложной политической игре, шедшей на протяжении первых лет царствования Федора Ивановича.

Конечно, на первом плане видна борьба за влияние на государственные дела наивысшей важности, на распределение чинов при дворе, в Думе, приказах, на воеводстве в городах и полевых соединениях. Подобное противоборство «партий» в тех или иных формах существует, наверное, при всяком монаршем дворе. Для Московского государства и Российской империи оно является частью повседневной жизни военно-служилого класса. Однако за очевидными явлениями политической реальности скрываются не менее важные, но далеко не столь заметные процессы. Они вроде валунов под темной водой: трудно заметить их с палубы корабля, зато легко получить гибельную пробоину от столкновения с ними.

Действиями многих великих честолюбцев руководил в то время один факт, относящийся, скорее, к медицине, чем к политике. Ирина Годунова, пусть и ставшая царицей, на протяжении многих лет не могла произвести на свет жизнеспособного ребенка.

Таким образом, очень долго оставался открытым вопрос, кто станет преемником Федора Ивановича. И вожди придворных партий скрупулезно просчитывали: сколько шагов отделяет их от престола российского? Каковы шансы? Из этого простого факта растут многие столкновения времен Федора Ивановича, более того, именно в него уходят корнями основные события великой Смуты начала XVII века.

Гордиев узел противоречий возник по той причине, что каждая «партия» располагала как минимум одним претендентом в преемники.

Ближе всех к трону стояли Нагие. Но они сами по себе оказались слишком слабы, никто из великих людей царства не решился «поставить» на них, напротив, их удаление из Москвы, надо полагать, отвечало интересам всех главных группировок. А своими силами они даже не сумели сохранить жизнь потенциальному наследнику — царевичу Дмитрию[80].

Шуйские, как «принцы крови», стояли на шажок дальше, но их шансы были ощутимыми. И в 1606 году им все-таки удастся поставить своего царя — первого и последнего Шуйского среди государей российских. Их союзники Мстиславские стояли еще дальше от престола. Однако… Великим князьям литовским, ведущим свой род от Гедимина, подчинялись десятки русских городов к западу от московско-литовского рубежа. Не столь уж невозможной выглядела ситуация, когда князю-Гедиминовичу подчинятся города, лежащие восточнее… А князь И. Ф. Мстиславский среди российских Гедиминовичей имел старшинство. И, кстати, ненамного отставал от него князь Федор Михайлович Трубецкой — такой же Гедиминович, только стоявший ближе к «партии» Годуновых. Мстиславских и Трубецких отличала одна генеалогическая деталь: матерью князя Ивана Федоровича была племянница Василия III, иначе говоря, он был не только Гедиминовичем, но и — по материнской линии — Рюриковичем, потомком великого князя Ивана III Великого *по прямой.* Мстиславские, таким образом, приходились не столь уж далекой родней и государю Ивану IV, и государю Ивану Васильевичу. Это давало им право на серьезные претензии… если русский трон освободится и очередь из «претендентов» на него рассеется.

А вот позиции самих Годуновых оставались весьма зыбкими. Близость к трону, большой государственный ум и великий опыт в интригах дали Б. Ф. Годунову возможность стать царем после кончины Федора Ивановича в 1598 году. Но, во-первых, на четырнадцать лет раньше, в 1584-м, его шансы выглядели очень проблематично. И, во-вторых, династию ему создать не удалось: Смута убила его семью, притом народ сомневался в законности возведения Бориса Федоровича на трон — пусть и после Земского собора, — а знать видела в этом нарушение своих прав, возвышение не по «отечеству».

Наконец, Романовы-Захарьины-Юрьевы, царская родня, стояли от престола дальше Нагих, дальше Шуйских и дальше Годуновых. Но все-таки и у них был призрачный шанс. Вернее, при Федоре Ивановиче — призрачный. А вот после его смерти — вполне «материальный». Полтора десятилетия ходили они в союзниках Годуновых. После смерти Никиты Романовича Юрьева чин боярина был пожалован его сыну, Федору Никитичу. Род благоденствовал. Но когда царь Федор Иванович сошел в могилу, семейство подверглось жестокой опале, а старший в нем Ф. Н. Романов-Юрьев «удостоился» насильственного пострижения во иноки. Он стал опасен. Он стал серьезным претендентом. Годунов, не колеблясь, «убрал с доски» и его, как когда-то убрал Нагих. Кроме того, именно этот слабый шанс (родство с Иваном IV и Федором Ивановичем по жене первого и матери второго) лег в основу избрания царем Михаила Федоровича Романова — внука Н. Р. Юрьева. Именно его Земский собор 1613 года сделал основателем новой династии.

Итак, нельзя забывать о страшном обстоятельстве всего царствования Федора Ивановича:

главные его вельможи грезили во сне и наяву смертью монарха. Его кончина для многих была желанной, поскольку открывала доселе невиданные пути к возвышению. В то время как государь молился о своем роде и своей земле, те, быть может, молились о скорой его гибели. И покуда длилась жизнь Федора Ивановича, Россия была избавлена от большой крови и большой грязи. Сам факт его существования сдерживал бешеные страсти честолюбцев…

Но «подковерная» борьба шла своим чередом.

Во втором «раунде» большой политической игры, развернувшейся с восшествием на престол «царя-инока», произошло жестокое столкновение Шуйских и Годуновых. Притом и те и другие шли во главе многочисленных союзников. Таким образом, не два рода столкнулись, а две многолюдные армады. Вся держава сотрясалась от их лобовых ударов.

Шуйские потерпели страшное поражение.

События разворачивались следующим образом:

Первый удар обрушился на семейство сторонников Шуйских — Головиных, контролировавших в 1584 году государственную казну. Петр Головин был «дерзок и неуважителен» с Б. Ф. Годуновым[81]. В их ведомстве прошла проверка, и найдены были тяжкие хищения. Тогда один из Головиных отправился в тюрьму, где был тайно умертвлен (то ли, по другой версии, убит на пути к месту заключения). Двое других подверглись опале, причем один из них бежал от опалы за литовский рубеж.

Опале подверглись князья И. М. Воротынский и А. П. Куракин.

Наконец, удалился от дел, покинув Боярскую думу, князь И. Ф. Мстиславский. Этот был титаном среди прочих. Он вынужден был постричься в монахи. С его падением, поразившим современников, связана печальная история. Иван Федорович на протяжении нескольких десятилетий пребывал в высшим эшелоне воинских командных кадров России. Был изранен во время взятия Казани. Успешно брал ливонские города во главе русских полков. В течение нескольких лет играл роль главнейшей фигуры в организации русской обороны на степном юге. Были у него и удачи, и поражения, но к моменту восшествия Федора Ивановича на престол пожилой воевода уже не возглавлял армии, находясь на покое; он должен был считаться заслуженным ветераном и обладать немалым авторитетом.

И вдруг — уход со сцены большой политики, полное и бесповоротное расставание с немалой властью. Годуновы почли за благо вывести его из игры. Осуществлялось это решение крайне жестко. В чем тут дело?

Конечно, боярин князь Мстиславский выступал в одной группировке с Шуйскими, мало того, сам обладал большим политическим «весом» и чуть ли не равнялся своим союзникам. Конечно, Иван Федорович имел симпатии к Речи Посполитой — Польско-литовскому государству[82]; возможно, князь хотел бы в России уподобиться всесильным польским магнатам, а может быть, сыграло свою роль то, что из родовой памяти Мстиславских, имевших русско-литовское происхождение, за несколько десятилетий службы московским правителям еще не изгладилась связь с Литовской Русью… Московское государство шло к новой войне с западным соседом, каждый год мог принести начало боевых действий, и сочувствие опаснейшему противнику, проявленное на правительственном уровне, вряд ли могло понравиться коренным русским «великим родам»[83]. Но, скорее всего, причина стремительного падения князя И. Ф. Мстиславского — иная.

По словам шведского агента Петра Петрея, бояре приняли решение развести правящего монарха с бесплодной Ириной Годуновой и женить царя на молодой дочери Мстиславского! Ходили даже невероятные слухи, будто князь задумал призвать Б. Ф. Годунова к себе домой на пир, чтобы лишить его жизни. О добром ли мыслил тогда Иван Федорович? О мире ли в государстве? Сомнительно. Три с половиной десятилетия князь верой и правдой служил Московскому царству, так на закате жизни, устав служить, он, как видно, решил по своей воле «обустроить» русскую землю. Но державами правят не «командармы», а государи и — выше них — сам Господь. А Господь не попустил Мстиславским подняться на ступень, для них не предназначенную. Матримониальный план рухнул, не встретив у царя согласия. Годуновы же получили основание видеть в Иване Федоровиче лютого врага, посягающего на благополучие их семейства.

Князь был дальним родственником царя, и он когда-то благоволил самим Годуновым. Поэтому расправа с ним не вылилась в искоренение всего рода. Надо полагать, боярину сказали: «Ты уйдешь. Но у тебя есть выбор — бороться и увлечь за собой весь род на позор и поругание или тихо отойти от дел, — тогда родня твоя останется в чести». Иван Федорович склонил голову. Сила оказалась не на его стороне, а на семье не лежало никакой вины за его неудачную интригу. Он сделал выбор — как добрый человек. Не было никакого суда и расследования. Летом 1585 года регенту дали съездить на покаяние в Соловецкий монастырь. Затем он отправился в Кириллову обитель на Белоозеро, где и постригся в чернецы под именем Ионы. Был Иван — стал Иона. Переменил имя и для мира сделался мертвецом. В последний путь к тихой келье боярина — на всякий случай! — сопровождал вооруженный эскорт. Старого полководца, будто одряхлевшего льва, все еще побаивались. Но он не пытался пойти на попятный. Поэтому и недруги решили соблюсти условия «джентльменского соглашения»: его семья не подверглась опале, унижению и конфискации земель. Его сыну оставили обширные земли, высокое положение при дворе и в войсках[84]. Даже за рубежом об отставке Мстиславского объявили с небывалой корректностью: мол, поехал молиться по монастырям, а делами заниматься перестал. Только дочь Ивана Федоровича, несчастливая царская «невеста», разделила участь отца.

Точная дата кончины князя Мстиславского не известна. Либо конец 1585-го, либо 1586 год. Ничто не свидетельствует о насильственной смерти. Исключить ее нельзя — торжествующие Годуновы могли избавиться от опасной фигуры *наверняка*, удалив ее из столицы. Но тут вступает в свои права фантазия, а фактов нет. Ведь в стенах иноческой обители оказался человек совсем неюный, пятидесяти пяти — шестидесяти лет, к тому же рано постаревший от походной жизни: современники, не знавшие действительного возраста князя Мстиславского, принимали его за восьмидесятилетнего старца. К тому же горечь политического поражения тисками сжимала сердце воеводы…

Можно сказать, в обращении с пожилым полководцем проявили здравую деликатность — разумеется, насколько это вообще было возможно в создавшейся ситуации.

Что же касается Шуйских, то с ними поступили намного жестче. Их семейству был нанесен страшный ущерб, когда со стороны Годуновых посыпались удар за ударом. Впрочем, и сами Шуйские вели себя отнюдь не как агнцы на заклании.

Первые потери Шуйские понесли осенью 1586 года, когда на них обрушилась царская опала. Официально их обвиняли в сношениях с той же Речью Посполитой, и основания под этими обвинениями имелись[85]. Кроме того, Шуйские должны были поддерживать князя И. Ф. Мстиславского, когда он пытался осуществить свой план. Неофициально же происходило большое сражение за преобладание при дворе. Так или иначе, противники нашли бы повод для открытого столкновения: это должно было случиться в той или иной форме. Шуйские, что

называется, «подставились». Очевидно, они вели себя столь свободно, не ожидая, что к одному из могущественных аристократических семейств применят по-настоящему суровые карательные меры. Они даже осмелились вновь инициировать большие беспорядки в Москве.

С началом мая 1586-го русская столица взорвалась волнениями. Повествующие о них источники излагают события скупо, сдержанно, достоверность их порой вызывает серьезные сомнения. Но некоторые свидетельства, несомненно, правдивы.

Вражда Шуйских и Годуновых привела к восстанию московского посада. Связи с торговой средой привели к тому, что главной организующей силой восставших стали «гости» — привилегированная корпорация, объединявшая самых богатых купцов или, как тогда говорили, «торговых людей». Следовательно, у волнения имелась мощная финансовая база. Поддержка московских гостей давала Шуйским очевидный перевес в силах. А что конфликт принял самые острые формы, свидетельствуют глухие жутковатые сообщения иностранцев о нападении купцов и посадских людей на Бориса Годунова и даже о ранениях, нанесенных друг другу Борисом Годуновым и одним из Шуйских в какой-то стычке. В начале 1587 года, давая инструкции послам, отправлявшимся за рубеж, правительственные люди требовали отрицать то, что Кремль недавно побывал в осаде, но позволяли соглашаться со смягченной версией событий: караулы — да, стояли на крепостных стенах и у ворот усиленные…

Купеческую верхушку даже пригласили в Грановитую палату — передать челобитья, принять участие в переговорах, где Шуйские и Годуновы пытались достичь примирения. Но вскоре после того, как «высокие стороны» договорились, гостей, выступавших на стороне Шуйских, казнили. А вскоре и самим аристократам пришлось отведать некрасивой смерти в отдалении от дворцовых интриг.

Взбунтовав огромный московский посад, Шуйские повели до крайности рискованную игру. Как показали страшные годы Смуты, контролировать рассерженную толпу исключительно трудно. Исход ее действий далеко не всегда предсказуем. Все влияние Шуйских могло оказаться недостаточным для усмирения поднявшихся людей. Кроме того, буйство масс создавало опасный прецедент: один раз восстали, другой, третий… а затем это войдет в привычку — как способ отстаивать свои интересы. Можно предполагать, что иная служилая знать и многолюдное московское дворянство смотрело на действия Шуйских без одобрения. Даже доверенные люди могли отшатнуться от них в ужасе. Слишком уж радикальный «инструмент» для решения политических задач они решились использовать…

И когда, воспользовавшись передышкой, не видя перед собой гневных посадских толп, Годуновы взялись мстить Шуйским, за тех никто не вступился.

А. М. Васнецов. Москва. XVI век. Вид на Кремль из Замоскворечья. 1891

Князя Василия Ивановича Шуйского свели с воеводства в Смоленске. Затем его вместе с несколькими родичами отправили в ссылку. Василия Ивановича еще вернут к делам правления, но в целом род его ни при Федоре Ивановиче, ни при Борисе Федоровиче прежнее свое положение не восстановит.

Князья Иван Петрович и Андрей Иванович Шуйские также отправились в ссылку. Там первого из них — великого полководца, известного всей стране после яркой победы над полчищами Стефана Батория! — заставили постричься в монахи. Затем обоих убили приставы. Уничтожение двух видных аристократов, двух крупнейших русских государственных деятелей, совершенное в отдалении от Москвы, не создало сколько-нибудь серьезного политического резонанса. Но для семейства Шуйских это было как удар молота по голове. От такого разгрома они оправиться не могли. Тогда же пострадали крупнейшие сторонники Шуйских — Колычевы и князья Татевы.

Пора подвести итоги. За два с половиной года на доске большой политики не осталось крупных фигур, способных соперничать за власть с Годуновыми. «Худородные выдвиженцы» ушли на второй план, не оказав заметного сопротивления. Нагих и Богдана Бельского выбросили из столицы. Разгрому подверглись Головины. Мстиславский потерпел поражение и отошел от дел. Его сын, не обладавший ни опытом, ни авторитетом отца, бесталанный в военных делах, остался при дворе, поскольку от него не ждали опасных выпадов, — и совершенно справедливо. Могучие Шуйские были разбиты и понесли тяжелые потери. Романовы предпочли стать союзниками Годуновых. После кончины главы рода, Никиты Романовича, его сын Федор Никитич, молодой щеголь, также остался при дворе, поскольку до поры до времени и от него не исходило ни малейшей угрозы. Годуновы с длинным шлейфом сторонников остались победителями на поле большой политической битвы. Их враги отхлынули, сдав позиции и оставив на земле несколько мертвых тел.

Значит ли это, что все время с весны 1584 года партия Годуновых абсолютно контролировала ситуацию? Значит ли это, что сам Борис Федорович был тогда всесилен и повергал многочисленных противников играючи?

Нет. Подобные утверждения следует считать неосновательными. Превосходный современный специалист по истории России XVI–XVII столетий А. П. Павлов, думается, несколько поторопился, написав: «Уже в июне 1584 года на приеме посла Льва Сапеги конюший и боярин

Б. Ф. Годунов стоял у государя выше рынд, в то время как остальные бояре, в том числе И. Ф. Мстиславский, Н. Р. Юрьев и И. П. Шуйский, сидели на лавках поодаль. Ту же картину видим и в феврале 1585 года, на приеме Лукаша Сапеги. В конце 1584 года Б. Ф. Годунов и дьяк А. Щелкалов распоряжались делами на Посольском дворе. В государевом походе на шведов в ноябре 1585 года „дворовыми“ („ближними“) воеводами были бояре Г. В. Годунов и Б. Ю. Сабуров (родственник Годуновых); в этом же походе А. П. Клешнин упоминается как „ближней думы дворянин“. Отправленный в конце ноября 1584 года в Империю посланник Лука Новосильцев называл Б. Ф. Годунова „правителем земли и милостивцем великим“, сравнивая его с Алексеем Адашевым. Таким образом, уже к лету 1584 года Годунов становится реальным правителем государства»[86].

Конечно, еще в первые месяцы царствования Федора Ивановича Б. Ф. Годунов демонстрирует очевидные признаки огромного влияния при дворе. Можно было бы продолжить доводы А. П. Павлова, добавив в его «копилку» еще несколько фактов: в армии усилилось влияние старомосковских боярских родов, на высокие воеводские посты часто назначались Годуновы, Сабуровы, Плещеевы; во время венчания Федора Ивановича на царство Борис Годунов, как уже говорилось, сыграл высокую «по чести» роль[87].

Но все это — факты, подтверждающие *весьма значительное влияние Годуновых и лично Бориса Федоровича, а не их доминирование.* Помимо слов Новосильцева нет серьезных доказательств того, что Б. Ф. Годунов уже к середине 1584 года сделался единоличным «правителем» Московского государства. Да, Борис Федорович обладал огромным весом в дипломатическом ведомстве и мог заставить посланника дать ему возвеличивающую характеристику. Да, в Боярской думе он имел много сторонников, но еще не большинство. Да, его партия получила серьезный вес в армии[88], но тогда же, в 1584–1586 годах, на ключевые воеводские должности нередко назначались и его противники: те же князья Шуйские, князь Ф. И. Мстиславский, князь И. М. Воротынский. А казну контролировали Головины — прямые приверженцы Шуйских.

Более того, есть прямые свидетельства, опровергающие точку зрения А. П. Павлова.

В августе 1584 года из Москвы уезжал английский дипломат Баус. Комментируя положение в столице России на тот момент, он среди прочего сказал: «Никита Романович и Андрей Щелкалов считали себя царями и потому так и назывались многими людьми». Годуновых он счел людьми достойными, но не располагающими властью[89]. Выходит, до поры до времени прочность положению Бориса Федоровича на высотах власти придавала дружественная позиция Никиты Романовича Юрьева. И если бы не это, как знать, сумел бы глава разветвленного семейства Годуновых удержаться рядом с монархом, сконцентрировать колоссальную власть в своих руках, обеспечить высокими чинами родню. Возможно, одной лишь общей крови с царицей и доброго отношения царя для этого не хватило бы. А Романовы-Захарьины-Юрьевы — все-таки очень сильный род, на протяжении нескольких поколений стоящий у подножия трона…

Другой англичанин, Джером Горсей, доверенное лицо Б. Ф. Годунова, заявляет, что после смерти Ивана IV его фаворит приобрел власть «князя-правителя» (lord-protector), но тут же добавляет: «Три других главных боярина вместе с ним составили правительство». Это, по словам Горсея, Н. Р. Юрьев, князья И. Ф. Мстиславский и И. В. Шуйский[90]. Следовательно, произошло своего рода деление пирога власти на куски.

Когда скончался старик Никита Романович, Годуновы оказались лишены поддержки со стороны могучего союзника. И положение их заколебалось. Дело тут не только в беспорядках,

вспыхнувших по воле Шуйских. Политические интриги, инициированные Б. Ф. Годуновым, шли с переменным успехом. Порою иностранные дипломаты рассматривали его положение как недостаточно прочное, воспринимали дьяка Андрея Щелкалова как равновеликую и даже более устойчивую фигуру; Борис Федорович вел рискованные переговоры то о новом браке своей сестры в случае смерти царя, то о предоставлении политического убежища своей семье в Англии, переговоры эти не удавалось скрыть, и сам факт их ведения худо сказывался на репутации Годунова[91].

Итак, очень хорошо видно: пока не рухнула партия Мстиславских-Шуйских, царский шурин вынужден был делиться властью и не обладал ее полнотой. Таким образом, всесильным правителем Московского царства Борис Федорович сделался лишь на исходе 1586-го. А прежде ему пришлось провести два с лишним года в изнурительной и опасной борьбе.

Впрочем, даже после поражения Шуйских над головой Б. Ф. Годунова нависал дамокловым мечом сам факт существования царевича Дмитрия… За спиной мальчика стояли Нагие, надо полагать, до крайности обозленные своим положением полуссыльных. По мере взросления малолетнего царевича они могли превратиться в серьезную проблему. У Нагих не было ни малейшего допуска ни к делам правления, ни к особе монарха. Они просто не имели возможности «прорваться» наверх и навредить Борису Федоровичу. Серьезную угрозу представляла для Годуновых иная ситуация: сам государь мог заинтересоваться судьбой младшего брата, вызвать его в столицу… а за ним потянулась бы родня… кто-нибудь из Нагих вошел бы в доверие к Федору Ивановичу… что ж, тогда плоды рискованного противоборства с Шуйскими могли исчезнуть в одночасье. Но в 1586 году, когда Дмитрий был еще малышом, он вряд ли мог заинтересовать Федора Ивановича. Таким образом, на протяжении нескольких лет Б. Ф. Годунов мог безмятежно наслаждаться политическим первенством.

* * *

Все сказанное выше относилось к дворцовым интригам, т. е. к оборотной стороне политики. Обращаясь к ее лицевой стороне, иными словами, к государственной работе, хотелось бы подчеркнуть: политика России за первые два с половиной года царствования Федора Ивановича вовсе не является плодом единоличного творчества Бориса Годунова. Это очень важно. Государь не мог дать своему шурину всей полноты «соправительской» власти, покуда существовали влиятельные аристократические группировки, противостоявшие Годуновым.

Пусть царь, как уже выяснилось, не принимал особенного участия в делах правления. Но в Боярской думе сидело несколько крупных самостоятельных политиков. Соответственно правительственный курс рождался из суммы многих воль при формальном старшинстве конюшего Б. Ф. Годунова. *За успехи Московского государства в 1584–1586 годах следует поминать добрым словом, помимо Бориса Федоровича, еще и Н. Р. Юрьева, князей И. Ф. Мстиславского, И. П. Шуйского, думного дьяка А. Я. Щелкалова, думного дворянина М. А. Безнина…*

Вместе им удалось многого достигнуть. Они пребывали в постоянной борьбе за первенство, они мечтали уничтожить, растоптать соперников, но при всем том успевали поработать на благо России. Можно только удивляться качеству русской политической элиты XVI века: составлявшие ее нравные честолюбцы, люди гордые и амбициозные, оказались в достаточной мере сильны, умны и храбры, чтобы на крепких плечах своих вынести груз бесконечных войн и колоссального административного хозяйства России. Позднее слово «аристократия» приняло в русском языке негативный оттенок. В аристократах стали видеть бездельников, ждущих больших благ и карьерного роста за одну лишь «высокую кровь», по одному лишь праву рождения. Но это — внуки и правнуки поистине великой русской аристократии допетровской

эпохи. А она, древняя наша знать, обязана была очень много трудиться во имя государя и государства. Да, служилая аристократия России много интриговала, устраивала заговоры, не брезговала порой предательством. Но все же она представляла собой собрание людей, превосходно справлявшихся со своими обязанностями на поле брани и в зале совета. Те самые бояре, которым в советское время создали негативный образ — безграмотных жирных болтунов, сидящих в Думе «брады уставя», — в действительности то и дело отправлялись в походы, вели переговоры с иностранными дипломатами, управляли городами и областями, возглавляли «приказы»[92], занимались судейской работой и нескудно жертвовали на воздвижение храмов. Среди них наш современник без труда обнаружит десятки деятелей, коими страна должна бы гордиться, ибо они стали настоящими звездами в армии или на поприще устроения государства. Русский народ в недрах своих, на почве православной культуры, вырастил мощную силу — самостоятельную национальную элиту, обладавшую превосходными качествами.

Список крупных успехов боярского правительства 1584–1586 годов весьма велик.

Прежде всего, пришлось провести грандиозную чистку, выбившую с должностей главных мздоимцев из числа приказных людей, судей, военачальников. Пришлось уйти многим неправедным судьям, и девизом царствования стало обещание никого не подвергать наказаниям без улик. Джером Горсей, описывая действия правительства в первые месяцы после венчания Федора Ивановича на царство, рассказал, в частности, об «антикоррупционных» мерах: «Были также по всей стране смещены продажные чиновники, судьи, военачальники и наместники, их места заняли более честные люди, которым, по указу, под страхом сурового наказания, запрещалось брать взятки и допускать злоупотребления, как во времена прежнего царя, а отправлять правосудие не взирая на лица; чтобы то лучше исполнялось, им увеличили земельные участки и годовое жалование… ни одно наказание не налагалось без доказательства вины, даже если преступление было столь серьезным, что требовало смерти [преступника]»[93]. Конечно, чистка предполагала не только замену проштрафившихся должностных лиц более честными людьми, но и утверждение на ключевых постах сильных фигур, связанных с лидерами нового правительства. Но, очевидно, не только эти соображения определяли выбор «игроков» новой административной команды. В стране накопилось социальное напряжение. Волнения в столице выглядели как грозное предвестие новых бунтов. И грандиозная программа, целью которой стало очищение приказного аппарата от наиболее одиозных личностей, очевидно, потребовалась для успокоения умов, для установления надежного порядка. Тут люди, чуравшиеся мздоимства, обрели особую ценность…

А. П. Рябушкин.

Боярская дума. 1893

Царство пребывало в состоянии страшного разорения — после нескольких кровопролитных войн, эпидемий и масштабного государственного террора. В 1581–1582 годах несколько областей России посетил очень внимательный наблюдатель — папский посланник, ученый иезуит Антонио Поссевино. Описывая свой вояж[94], он среди прочего сообщает: «Иногда на пути в 300 миль в его [Ивана Грозного] владениях не осталось уже ни одного жителя, хотя села и существуют, но они пусты. В самом деле, ровные поля и молодые леса, которые повсюду выросли, являются свидетельством о ранее более многочисленных жителях… Что касается царской столицы, которой… является Москва, я сообщаю следующее: в настоящее время в ней не насчитывается и 30 тысяч населения, считая детей обоего пола. И какое бы впечатление ни производил город на человека, подъезжающего к нему, когда приезжий оказывается на небольшом расстоянии… открывается картина, более соответствующая истинному положению дел: сами дома занимают много места, улицы и площади… широки, все это окружено зданиями церквей, которые, по-видимому, воздвигнуты скорее для украшения города, чем для совершения богослужений, так как по большей части почти целый год заперты. Конечно, и при нынешнем государе Москва была более благочестива и многочисленна, но… она была сожжена татарами, большая часть жителей погибла при пожаре[95], и все было сведено к более тесным границам»[96]. Впрочем, великое разорение воцарилось в России гораздо раньше. Датский дипломат Я. Ульфельд, проехавший половину страны, оставил записки, в которых то и дело всплывают картины чудовищного оскудения и запустения центральных районов державы; значительные области обезлюдели… После смерти Ивана IV правительство решило смягчить ситуацию, дать городскому населению и особенно помещикам шанс восстановить хозяйство. Поэтому некоторые пошлины и подати оказались отменены, прочие же уменьшились в размере.

Тяжелее всего бремя государева «тягла»[97] ударило по крестьянам. А из их числа хуже всего приходилось земледельцам, населявшим небольшие поместья. Малолюдные села, починки и деревни с огромным трудом платили должное казне, а ведь им приходилось еще содержать помещика с семьей, обеспечивая его боевую готовность. «Служилый человек по отечеству» по первом зову обязан был являться на воинский смотр «конным, людным, оружным». Обстоятельства вооруженной борьбы с крымскими татарами, шведами, поляками и литовцами крайне редко позволяли ему оставаться дома. А постоянное напряжение поместного хозяйства приводило к тому, что обеспечить его было уже просто нечем… Поэтому, несмотря на угрозу тяжелой кары, в последние годы Ливонской войны помещики все чаще оказывались «нетчиками». Иными словами, они не являлись на воинские смотры, и в списках напротив их имен появлялось слово «нет». Им не с чем было выйти в поле, им приходилось скрываться от местных властей. Ну а крестьяне в подобной ситуации ударялись в бега. Не в поисках лучшей доли, нет. Просто от полной безнадежности. Многие пытались устроить свою жизнь в северных областях Новгородчины, в нынешней Карелии, Прионежье, далеком Поморье. И населенность этих диких, слабо освоенных земель во второй половине XVI века резко повысилась. Но для беглецов столь дальняя дорога означала худший вариант изо всех возможных: ведь налаженное хозяйство, многоразличный скарб, инструменты — все это было немыслимо увезти через полстраны, на окраину русской ойкумены. Да и скотину так далеко не угонишь. Большинство договаривалось с каким-нибудь соседним крупным вотчинником, который мог бы дать льготу на первые годы жизни в его владениях, снабдить ссудой — денежной или зерновой — наконец, просто спрятать от бдительного ока сыщиков. Работать на огромное богатое хозяйство также было не столь разорительно: крупный землевладелец имел возможность не снимать со своих крестьян последнюю рубашку, обеспечить им менее тяжелый режим работы… Еще того лучше — «заложиться» за крупный монастырь. Знаменитые обители располагали колоссальными земельными владениями. Некоторые из них контролировали столь

значительные участки земли, что по размерам их можно было бы сравнить с небольшими субъектами федерации наших дней. Обители от прежних государей получили немало льгот — финансовых и судебных. В их необозримых владениях применялись наиболее передовые способы хозяйствования. Вот и съезжали крестьяне от мелкопоместных дворян, уходя в монастыри. А когда государево «тягло» оказывалось слишком давящим и для посадских людей, «закладчиками» обителей становились горожане. Каков результат? Помещик терял рабочую силу. Его уже некому оказывалось кормить, вооружать, одевать, ему неоткуда было брать лошадей. По русскому Судебнику (своду основных законов) от 1550 года помещик не имел права задерживать на своей земле крестьян, если они хотели переселиться; однако от крестьянина в подобной ситуации требовалось заплатить хозяину земли все долги, отработать все повинности и расстаться со значительной суммой «пожилого». Тогда осенью на протяжении двух недель он получал «окно на свободу» — возможность покинуть поместье и уйти с имуществом и семьей. Это «окно» приурочивалось к Юрьеву дню. Те, кто мог и хотел законным образом начать новую жизнь на новом месте, очень ждали Юрьева дня. А те, кто не располагал деньгами на выплату «пожилого» или оказывался безнадежно опутан долгами… те просто бежали. В общегосударственных масштабах уход крестьян приобрел катастрофические черты. Помещики теряли способность нести военную службу. Но ведь именно они — не стрельцы, не иностранные наемники, не служилые татары или казаки и не блестящая российская артиллерия, а бойцы поместного ополчения — составляли главную боевую силу вооруженных сил Московского царства. Заменить их на поле боя было в принципе некем. А чего стоил нищий безлошадный вояка с дедовским луком? Много ли навоевали бы русские воеводы, имея под руками рать, состоящую из таких воинов? Правительству пришлось, ради сохранения боеспособной армии, нажать на крестьян. Это прежде всего выразилось в назначении «заповедных лет», т. е. годов, когда перемещение от одного землевладельца к другому запрещалось. По стране в массовом порядке составлялись «писцовые книги» — подробные землеописания, где среди прочего фиксировалось, кто и на каком месте пашет землю, занимается ремеслом, имеет двор, лавку и т. п. Писцовые книги играли роль важного подспорья для сыска беглых. Все акты кабального холопства[98] с 1586 года регистрировались государственными органами, и, следовательно, государство «брало на себя гарантии осуществления сыска беглых холопов»[99]. В то же время оно до некоторой степени обязывалось защищать и самого кабального холопа от злоупотреблений со стороны господина.

Упорядочена была ямская служба, жизненно важная для правительства огромной страны.

Удалось обеспечить стабильность во внешнеполитической сфере. Московское государство, ослабленное, оскудевшее полками, отдавшее многие области Новгородчины шведам и полякам по результатам Ливонской войны, нуждалось в мирной передышке. В середине 1580-х оно пребывало в состоянии, когда начало нового серьезного противоборства на западных рубежах грозило военной катастрофой. И каждый год, проведенный без войны, способствовал восстановлению сил. Поднималась из руин экономика, росла смена воинам, павшим на полях сражений грозненской эпохи. А она была очень богата войнами и очень мало давала стране отдышаться-откормиться перед очередным масштабным столкновением…

С. В. Иванов. Юрьев день. 1908

Иначе говоря, при Федоре Ивановиче мир требовался России как воздух. Он был единственной гарантией того, что тяжело раненная страна сумеет вновь подняться на ноги.

И дипломаты того времени старались вовсю.

Речь Посполитая представляла собой наибольшую угрозу для западных границ Московского государства. Ям-Запольское перемирие, заключенное в январе 1582 года, не устраивало ни польского «короля-кондотьера»[100] Стефана Батория, ни Ивана Грозного. Первый был до крайности раздосадован неудачей под Псковом, последовавшей за чередой внушительных успехов. Король видел военную слабость России и планировал продолжить давление на восточного соседа. В свою очередь, Иван Грозный не собирался мириться с потерей драгоценного Полоцка и всех русских завоеваний в Ливонии. Он отнюдь не считал борьбу законченной, хотя достаточных ресурсов для ее возобновления не имел.

После смерти Ивана IV у русских дипломатов начались серьезные сложности с Речью Посполитой. Вместо восьми лет, остававшихся от Ям-Запольского перемирия, они получили отсрочку на 10 месяцев. Затем она продлилась еще на два года, и большего Стефан Баторий не давал. Русское правительство лихорадочно готовилось к новой войне. Литовский рубеж дышал ею. Летом — осенью 1586 года поляки самым очевидным образом принялись искать предлог для начала боевых действий. Казалось, счет мирного времени шел даже не на месяцы, а на недели.

В Москве готовились драться всерьез. Июль 1586-го застал отряды воевод И. И. Сабурова и Е. И. Сабурова на пути к Торопцу и Великим Лукам. Оба военачальника относились к роду, весьма близкому Годуновым. Иначе говоря, в решающий момент конюший постарался отправить к границе людей, которым мог доверять. А вот в Смоленске тогда «годовал» боярин князь В. И. Шуйский, коего сменил князь Т. Р. Трубецкой — опять-таки из семейства,

ладившего с Годуновыми. К исходу 1586 года на Новгородчине, а затем в Брянске сконцентрировалась большая русская армия. Внешнеполитическое напряжение было столь велико, что полки готовились к бою то со шведами, то с поляками. Главнокомандующим сил обороны против «литовских войск» назначили князя Федора Ивановича Мстиславского[101] — бесталанного сына опального князя И. Ф. Мстиславского. Такой полководец имел все шансы привести нашу армию к тяжелому поражению.

России тогда несказанно повезло: на сей раз не попустил Бог новой войны. В декабре 1586 года скончался воинственный король Стефан Баторий, и в Москве вздохнули спокойно. Теперь Польша, лишенная превосходного полководца на троне, занятая муками бескоролевья, уже не выглядела столь опасным противником. На следующий год наши дипломаты сумели заключить с нею перемирие сроком на пятнадцать лет.

Зато на южном и юго-восточном направлениях дипломатов приходилось заменять воеводами. Здесь бесконечная война с татарами, унаследованная Федором Ивановичем от длинной череды предков, не прекращалась. Страшнее всего было положение на территории бывшего Казанского ханства, присоединенного к России тридцать лет назад (1552). Здесь то и дело начинались восстания, наносившие страшный урон. Их подавление стоило огромных сил. Иван Грозный, неоднократно посылавший туда карательные рати, замирить край так и не сумел. В 1582 году полыхнул большой бунт «черемисы», и для его окончательного разгрома не хватало сил.

Сначала при Федоре Ивановиче на «луговую черемису» отправилась армия во главе с князем Д. П. Елецким. Видимо, этого не хватило. Пришлось ставить на землях «луговой черемисы» крепость Санчурск («Санчюрин город»), которой уготована была роль опорного пункта русских войск во враждебном краю. «Для береженья» при строительстве отрядили армию из трех полков во главе с князем Г. О. Засекиным[102]. Осенью 1586 года биться с незамиренной черемисой пошла еще одна трехполковая армия. Роль главнокомандующего исполнял князь И. А. Ноготков[103]. Он огнем и мечом прошел по черемисским улусам. Такой разор, кажется, сломил волю черемисы к сопротивлению. Область покорилась.

Хуже всего при Федоре Ивановиче дела шли на юге. Московское царство испытывало страшный натиск ногайцев и крымцев.

Иван Грозный создал для степных народов, живущих за южным рубежом русской державы, великий соблазн. Он показал им, что центральные области России достижимы, что нашу оборону можно взломать и тех смельчаков, которые сумеют пробиться к Москве и примосковному краю, ждут сказочные богатства и драгоценный «полон» — тысячи новых русских рабов. Как забыть татарам триумфальный поход Девлет-Гирея, спалившего в 1571 году Москву и благополучно пригнавшего из сердца России толпы пленников? Почему бы не повторить подвиг удачливого воителя? Сам он, попытавшись добить, окончательно растоптать Московское царство, нарвался в следующем году на стойких его защитников, потерпел поражение у Молодей и бесславно откатился назад. Однако… Однако… то, что удалось одному вождю орд, может повторить другой, пусть и не сразу.

В 1584–1586 годы удары с юга градом сыплются на страну. И война с бунтующей черемисой дает крымцам новую надежду на успех. Пока руки у русского царя связаны битвами в Поволжье, трудно ему было выставить сильную оборонительную армию к Оке — главному рубежу российской обороны против степи.

Борьба идет с переменным успехом.

Весной 1584 года крымские татары во главе с Арасланом-мурзой, сыном Дивея-мурзы, когда-то плененного русскими ратниками у Молодей, осуществляют глубокий прорыв. Они грабят можайские и вяземские места. Отряд думного дворянина М. А. Безнина громит татар на реке Высе и освобождает «полон». Ждали наступления самого крымского хана, и на Оке развернулась пятиполковая армия во главе с тем же князем Ф. М. Трубецким. Из Москвы были отправлены правительственные эмиссары — проверять боеготовность войск. Под Ряжск является татарское войско из-под Азова. В апреле 1585 года на Оку вновь отправилась русская пятиполковая армия, возглавленная князем Б. К. Черкасским, а также И. Д. Колодкой Плещеевым — против чаемого «крымского царя» и «ногайских мурз». В мае — июне 1585-го у Шацка действовали отряды ногайцев, против которых вышла русская рать, возглавленная лучшим нашим полководцем того времени — князем Дмитрием Ивановичем Хворостининым. Осенью того же года крымцы вновь угрожают Рязанщине. Несколько месяцев спустя против нового набега вывел три полка князь Андрей Иванович Шуйский. Весной 1586 года на Оке русскими силами опять командовал князь Б. К. Черкасский, с которым был также князь Ф. Н. Ноготков. В 1586 году, после упорной борьбы, захватив около четырехсот бойцов противника в плен, русские воеводы князья М. Н. Одоевский и П. И. Буйносов вновь разбили татар.

Летом 1585 года московской дипломатии выпала колоссальная удача, способная сильно облегчить борьбу с Крымом. Оставалось лишь грамотно ею воспользоваться, что и проделали с блеском столичные государственные мужи.

Крымское ханство попало в полосу затяжной междоусобной борьбы. От рук собственной родни пал тамошний правитель Магмет-Гирей. Ханом стал Ислам-Гирей, его наследником — Алп-Гирей, а братья Ислама бежали к соседям. Один из них, Мурат, решил обратиться за покровительством к новому русскому царю. Он явился в Астрахань, оттуда направился в Москву, возглавляя многочисленную свиту, и был принят Федором Ивановичем с распростертыми объятиями. Его, по словам летописи, «пожаловали великим жалованием». Лучшего подарка для страны, истекавшей кровью в борьбе со своим извечным неприятелем — крымцами, — и придумать было невозможно! Турки, чьим вассалом являлось Крымское ханство, скоро предложили выдать Крыму беглеца с ханской кровью Гиреев, но в Кремле имели иные планы относительно судьбы этого человека. Тем более что его поддерживала часть крымских родичей, в том числе братья — Сеадат-Гирей и Сафа-Гирей, оказавшиеся в ногайских кочевьях. Москва взяла под свою державную руку одного из царевичей-Гиреев, вступила в союзнические отношения с другими из них, сея рознь в стане врагов. Теперь она могла надеяться даже на то, что при благоприятных обстоятельствах Крым окажется в вассальной зависимости от нее.

Мурат-Гирей пробыл гостем московского государя Федора Ивановича год. Летом 1586-го он в добавку к своему татарскому отряду получил войско из 2000 бойцов и отправился с ним к Астрахани, дабы оттуда беспокоить набегами крымский фланг. Ногайский хан Урус, также склоняясь на сторону России, принес царю присягу. И на месте слабо защищенной русской степной окраины против зарвавшихся крымцев выстроилась агрессивная коалиция.

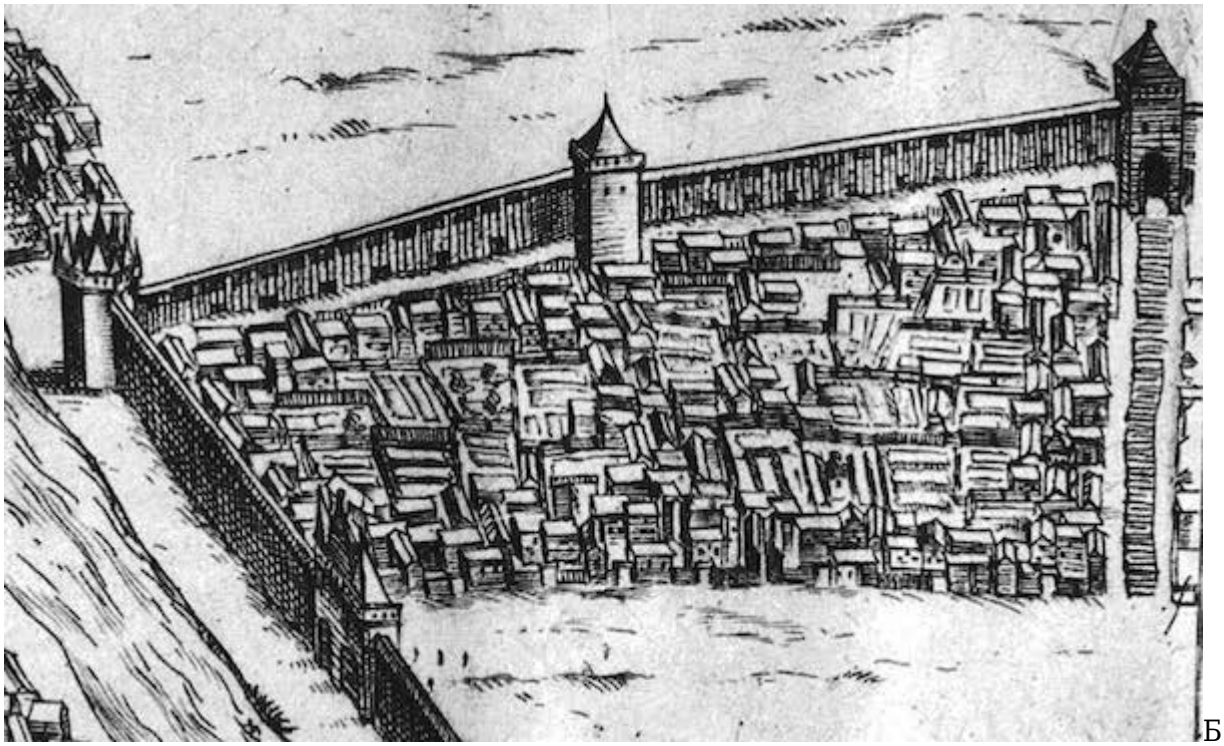
Мурат-Гирей прожил в Астрахани несколько лет и скончался в 1590-м, исполнив службу, возложенную на него российским правительством. Так, Новый летописец сообщает: царевич «…в Асторохани ко государю многую службу показал, многие бусурманские языки (народы, племена. — *Д. В.*) под его царскую высокую руку подвел»[104]. После его кончины проводилось масштабное расследование, выявлявшее крымских «ведунов», которые «испортили» Мурат-Гирея, его семью и доверенных людей. Найдя виновных, их подвергли пыткам и сожгли. Московский летописец добавляет в картину службы татарского царевича

конкретные факты. Когда ногайцы напали на владения крымского хана, Мурат-Гирей отправил с ними русский отряд — дворян, казаков, стрельцов во главе с Федором Яновым[105].

Помимо этого крупного успеха в борьбе с Крымским ханством добрые плоды приносила традиционная и очень эффективная политика строительства новых городов на восточных и южных рубежах. Действуя от их крепких стен, русские полки чувствовали себя намного увереннее. И хотя продвижение с опорой на новые крепости стоило очень дорого, оно надежно закрепляло целые области за Московским государством. Помимо упомянутого Санчурска в Поволжье и на землях вятских марийцев выросли стены Царевококшайска или Кокшажска (ныне Йошкар-Ола, 1584), Цывильска (1584) и Уржума (1584). Летопись сообщает: «Государь праведный… посла воевод своих и повеле ставити во всей черемиской земле городы, — и поставиша на Нагорной и на Луговой стороне город Кокшугу и город Цывильск и город Уржум и иные многие города, — и насади их русскими людьми, и тем он, государь, укрепил все царство Казанское»[106]. Чуть позднее на Волге родился Самарский городок — чуть поодаль от древней, к тому времени разрушенной пристани (1586). В будущем из этого скромного укрепления вырастет могучий город-миллионник. На юге появились деревянные крепостицы Воронеж (1586) и Ливны (1586). В Предуралье около 1586 г. на месте более древнего поселения возникает русский городок Уфа[107], и управляет им воевода Михаил Александрович Нагой — из тех самых опальных Нагих, родственников последней жены Ивана Грозного. Ныне здесь процветает еще один город-миллионник. Россия расширялась на юг и восток, власть государя московского утверждалась на степных просторах топором плотника и пищалью стрельца.

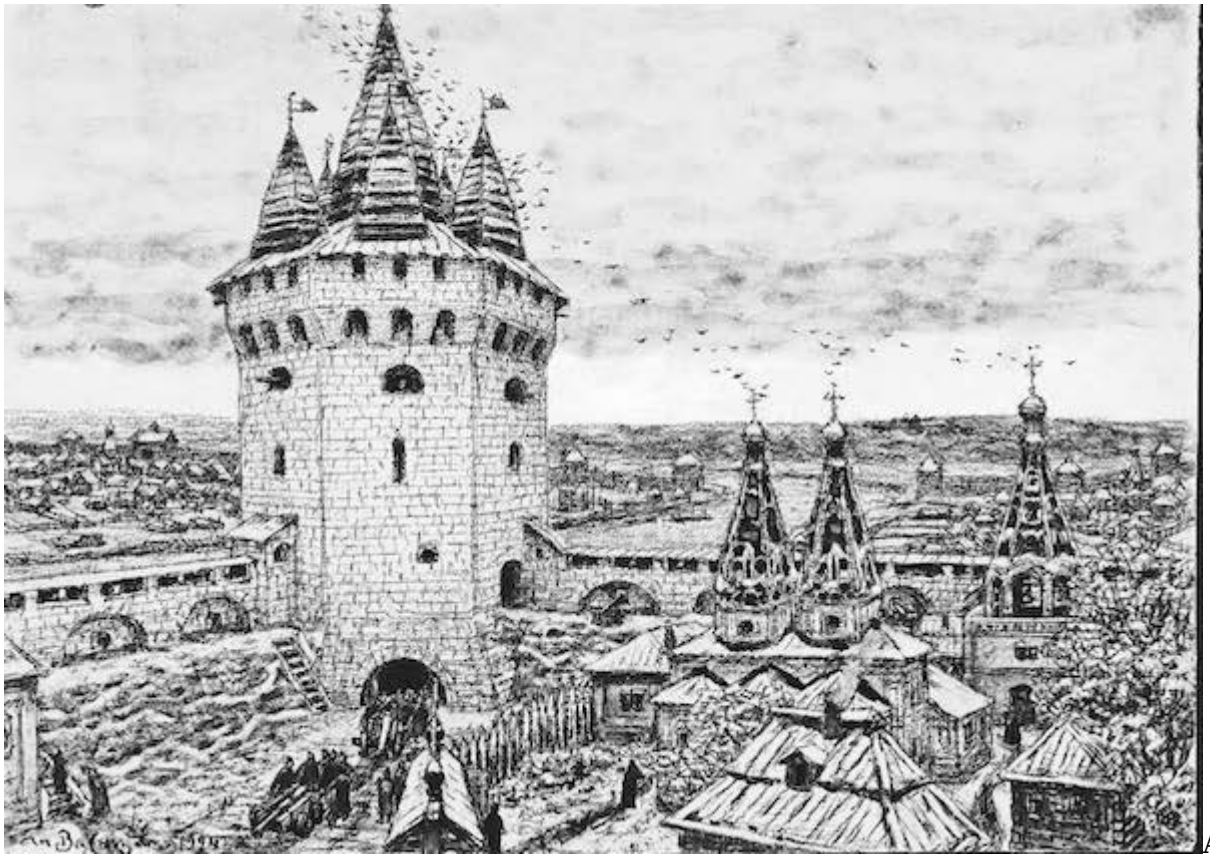
Точно так же следовало защитить и сердце державы. Поэтому родился колоссальный строительный проект — возведение стен московского Белого города. Этот проект начали осуществлять в 1585 году. Надо полагать, когда он разрабатывался, государственные мужи учитывали горестный опыт 1571 года: стихия смертельных врагов России, крымских татар, плескалась тогда у столичных окраин; пожар, затеянный слугами Девлет-Гирея, нанес Москве страшные раны. Еще при Иване IV планировалось больше воздвигать в столице каменного строения. Идея же создать мощные укрепления Белого города отвечала двум страшным урокам, полученным от крымцев. Во-первых, Москва получала новый пояс оборонительных сооружений. Во-вторых, центр города оказывался отгороженным каменными, т. е. огнестойкими, стенами от прочих районов. Теперь очередному огненному бедствию сложнее было бы перекинуться с периферии в центр и наоборот.

Летопись сообщает: «Повелением благочестиваго царя Феодора Ивановича всея Руси зачат делати град каменой на Москве, где был земляной, а имя ему „Царьград“»[108]. Иными словами, первым, древнейшим названием Белого города было «Царьград». Очевидно, современники воспринимали это строительство как поистине царственную затею. Впрочем, может быть, дело не только в этом. Москва мыслилась тогда русскими книжниками как столица не одной лишь России, но и всего восточного, православного христианства, как город, который по благодати Господней — «второй Иерусалим», а по державной мощи — «Третий Рим». Знания о могучих стенах, окружающих «Второй Рим» — Константинополь или «Царьград» русских летописей, вызывали желание и в этом уподобиться прежней столице христианского мира, самим Богом отданного басурманам из-за нестойкости в вере.

Белый город. Семиверхая башня, Всехсвятские и Чертольские (Пречистенские) ворота. План 1610 г.

Главным зодчим Белого города стал Федор Савельевич Конь, лучший русский фортификатор того времени. Он возвел стену, подковой охватывавшую Кремль, Китай-город, а также разросшиеся вокруг них посады и торги, усадьбы знати и монашеские обители. Стена эта упиралась в берега Москвы-реки западнее Кремля и восточнее Китай-города, а по краям заворачивала внутрь, защищая столицу от нападения не только с суши, но и с воды[109]. Роль основных узлов ее обороны играли 27 мощных башен. Она имела также десять проездных ворот, и от них расходились в разные стороны главнейшие улицы древней Москвы. У основания стену складывали из белого камня, выше — из большемерного беленого кирпича.

Многолетние усилия строителей завершились только в 1593 году. Общая протяженность «Царьгорода» составляла немногим менее 10 километров — при десятиметровой высоте и толщине, достигавшей от четырех с половиной до шести метров. Зубцы сооружались по образцу кремлевских — в форме «ласточкиных хвостов». У подножия располагался ров, заполнявшийся водой. Грандиозная работа! К тому же начатая в высшей степени своевременно. В 1591 году под Москвою опять встанет армия крымских татар во главе с ханом Казы-гиреем. Тогда-то новенький каменный пояс, надетый на тело столицы, окажется спасительным…

А. М. Васнецов. Семиверхая угловая башня Белого города. 1924

Белый город прослужил Москве почти двести лет. При Екатерине II его обветшалые стены снесли, а рвы засыпали. Последними исчезли Арбатские ворота (1792). Ныне по линии Белого города расположено Бульварное кольцо, столь любимое москвичами. От древних оборонительных сооружений осталось немногое. Часть строительного материала, взятого из стены Белого города, уже в XVIII столетии использовали для сооружения новых домов. Так, нынешняя московская мэрия частично возведена именно из фрагментов древнего щита столицы. Кроме того, при строительстве подземного перехода у станции метро «Китай-город», в районе улицы Варварки, был вскрыт фундамент стены, возведенной Федором Конем. Его теперь может обозреть всякий любопытный прохожий. Наконец, всего несколько лет назад на Хохловской площади строители обнажили под надзором музейщиков еще один большой участок фундамента. Возможно, он станет частью интерьера новой музейной экспозиции или нового ресторана.

Могучие стены возводились тогда не только в Москве и на Южном, «Татарском» направлении. Границу крепили новыми «городками» повсюду, где это оказывалось необходимым. Если обратиться к истории противоположного конца страны, северных ее владений — в Поморье и на Кольском полуострове, — то и здесь обнаружится та же неразлучная пара: строитель и стрелец. Вот только плотника заменит каменщик…

В 1550–1580-х годах Беломорье превратилось из сущего захолустья в регион большой стратегической важности. В середине 50-х англичане установили с Московским государством отношения, найдя мореходный маршрут вокруг Скандинавского полуострова к устью Северной Двины. С этого момента Россия во множестве принимает европейские товары, прибывающие именно по Северному морскому пути. Особенно важной эта магистраль оказалась во время Ливонской войны. Англичане пытались монополизировать торговлю с Россией, но получили от Ивана IV неприятный намек, что и без их товаров «Московское государство не скудно было»; строптивому торговому партнеру всегда можно найти замену — маршрут-то уже известен…

При Федоре Ивановиче им пользовались нидерландские и французские моряки. С другой стороны, побережье Белого моря весьма интересовало злейших врагов России — шведов. Выход к нему и морские операции, способные пресечь снабжение восточного соседа стратегически важными товарами из Западной Европы, стали в ряд главных военно-политических задач Шведской короны в регионе. Тем же англичанам на пути в Россию уже приходилось вступать в сражения с вражескими кораблями.

Отсюда стремление русского правительства укрепить ключевые позиции на Белом море. В 1584 году воздвигаются деревянный острог и пристань в Архангельске[110], ставшем впоследствии главным портом страны на севере, фактически северными воротами России.

Тогда же начинается титаническая работа, результатом которой стало рождение главной русской твердыни на Белом море — мощнейшей крепости, никем никогда не взятой. Речь идет об укреплениях монастыря на Большом Соловецком острове.

Величественные стены, которые сохранились на Соловках до настоящего времени, были возведены между 1584 и 1596 годами — полностью за счет монастыря, но при поддержке правительства. Позднее их достраивали, совершенствовали, ремонтировали, однако основа принадлежит концу XVI столетия. Во главе строительства стояли «городовых дел мастер» (т. е. фортификатор) Иван Михайлов, а также Соловецкий монах Трифон Кологривов, уроженец поморского села Ненокса.

В исторической литературе присутствуют две даты начала строительства соловецкой крепости — 1582 и 1584 год. Первая из них исходит из данных летописи, а вторая выведена по документам XVI века. Документы в данном случае надежнее.

Монастырь на Соловецких островах был основан еще в XV веке. Почему же мощную крепость начали строить через полтора века после того, как появились на островах Соловецких первые монахи?

Прежде всего, в первые десятилетия своей «биографии» обитель была невелика, тут попросту нечего было охранять. Однако в середине XVI столетия положение изменилось. Государи московские даровали монастырской братии обширные земли, соловецкая иноческая община стала на порядок богаче да и разрослась. В 1547 году игуменом стал знаменитый инок Филипп, которому в будущем предстояло занять митрополичий престол. Он руководил общиной с 1547 по 1566 год. За это время в монастыре появилось несколько роскошных каменных церквей (прежде были деревянные), большие каменные палаты, рыбные садки из валунов, прекрасные дороги, сеть каналов, связывавших озера на Большом Соловецком острове, целый ряд хозяйственных построек. Иными словами, монастырь блистал великолепием и богатством! В начале игуменства Филиппа тут жило около сотни иноков, а когда он покидал Соловки, их было уже двести.

Таким образом, теперь обитель могла бы сказочно обогатить враждебного пришельца, появись он в водах Белого моря. Между тем несколько государств Западной Европы приглядывались к слабозаселенным землям этого региона, прикидывали шансы на их военный захват.

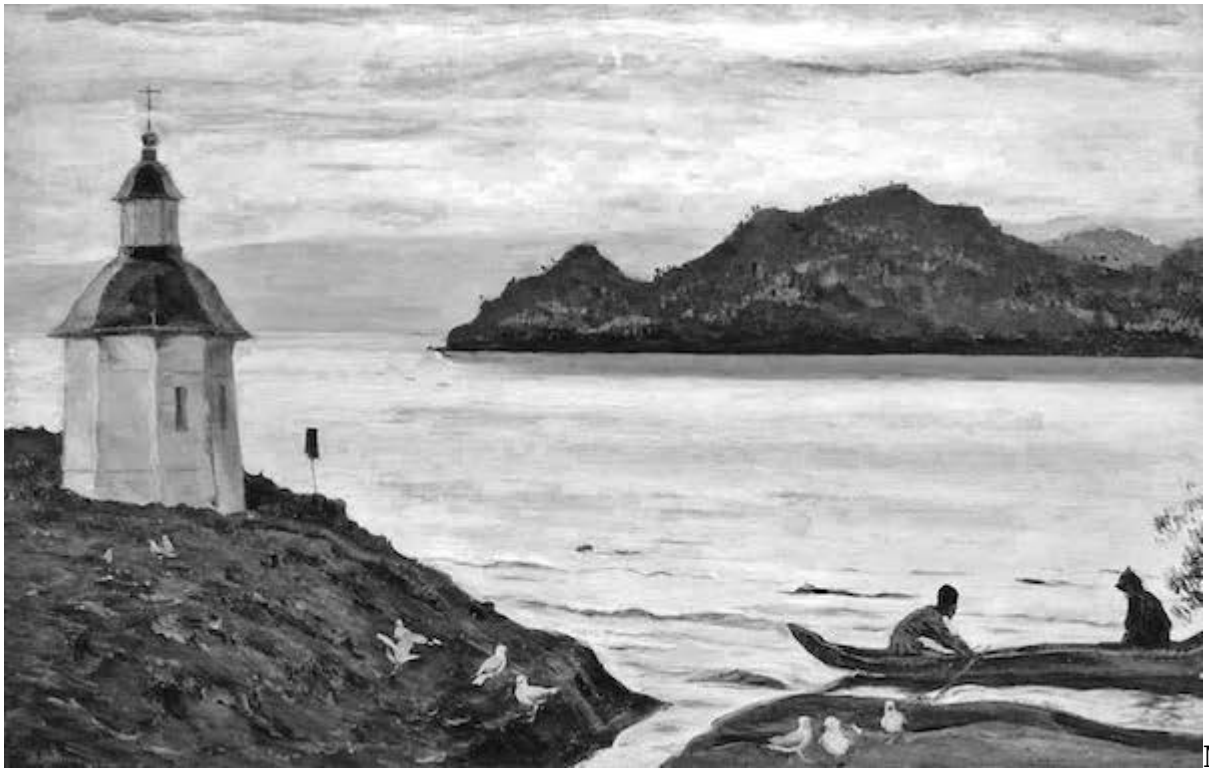
В 1566 году, например, монахи встречали английских путешественников Сутзема и Спарка, причаливших к острову Анзер, а потом и к Большому Соловецкому. Тогда Английская корона, как уже говорилось, играла роль деятельного союзника России, но позже дружественные отношения между двумя странами могли нарушиться, а маршрут в сердце Белого моря, к Соловецкому архипелагу, англичане уже знали. Собственно, отношения с подданными Елизаветы I ухудшились после кончины Ивана Грозного. Самонадеянные и даже

оскорбительные действия английского посла Джерома Бауса вызвали в московских правительственных кругах возмущение. Пока царствовал Иван IV, коего соотечественники называли «английским царем» за необыкновенно доброе его отношение к англичанам, Баусу многое сходило с рук. Но после смерти монарха в правящей верхушке России поговаривали о том, не учинить ли над дерзким иноземцем лихо. Его считали достойным смерти и едва отпустили в мае 1584 года из Москвы. Баус и сам понимал, какую ненависть вызвал. Ожидая решения своей участи, дипломат «…дрожал, ежечасно ожидая смерти и конфискации имущества; его ворота, окна… были заперты, он был лишен всего того изобилия, которое ему доставалось ранее»[111]. Привилегии, прежде полученные подданными Английской короны, заметно сократились. Россия явила им более прохладное отношение, чем раньше. Что ж, появились причины ожидать от прагматичных союзников превращения во врагов. Этого в конечном итоге не произошло, но основания всерьез опасаться за безопасность Беломорья еще и со стороны англичан у русского правительства имелись.

Однако более серьезным противником выглядели шведы. Московское государство вступило с ними в первую войну еще в конце XV века. В 1554–1557 годах театром боевых действий между войсками русского царя и шведского короля стала Карелия, находившаяся в непосредственной близости от Соловков. Чем располагал тогда монастырь для встречи незваных гостей? Современные исследователи говорят: первоначально территорию обители окружал невысокий деревянный тын. Если бы тут появились шведские корабли, эта преграда худо защищала бы иноков от ядер бортовой артиллерии…

Тогда, что называется, Бог миловал.

Но в 70-х годах Швеция вновь вступила в войну с Россией. Опять противник угрожал обширным монастырским владениям на Белом море. Боевые действия отличались страшным ожесточением. В 1571 году шведско-немецкая флотилия оказалась в непосредственной близости от обители, всерьез потревожив население архипелага. В 1578 году сюда прибыли первые 4 тяжелые пищали (пушки), команда стрельцов и пушкарей во главе с воеводой Михаилом Озеровым. Деревянный тын заменили на полноценную крепостную стену, сложенную из бревен. Два года спустя армия шведов потерпела поражение в Карелии. Но к исходу войны стало ясно: Соловки надо укреплять, причем укреплять как следует! Перемирие было заключено в 1583 году, а на следующий год скончался царь Иван Грозный. Его сменил на престоле Федор Иванович, и одним из первых распоряжений нового монарха стал приказ строить на Соловках каменную крепость. Тогда и начали возводить те самые стены, которые дошли до наших дней. На исходе 1585 года со Шведской короной удалось заключить четырехлетнее перемирие. Однако войны все же опасались и даже порой собирали армию в Новгороде Великом — столь близким казалось вступление в конфликт со шведами. Так что строительные работы шли полным ходом. В 1590-х годах основная их часть завершилась, и, может быть, сам факт наличия на Большом Соловецком острове каменных укреплений спас иноков от разбойничьего нападения шведов, когда разразился очередной русско-шведский конфликт.

М. В. Нестеров. Соловки. 1917

Сил и средств на возведение Соловецкой цитадели ушло больше, нежели на все новые крепости России, построенные в 1584–1586 годах. Беломорская твердыня мощнее любой из них и создавалась в несравнимо более трудных условиях. Ее появление на архипелаге, оторванном от коренных русских земель, особенно учитывая сложности беломорской навигации и уровень развития строительных технологий, — настоящее чудо, по милости Божьей совершенное усилиями русских людей. И этим чудом по сию пору можно любоваться, добравшись до обители на островах.

Усилия фортификаторов на северном направлении этим не ограничились. После изменения русско-шведской границы Ладога оказалась гораздо ближе к неприятелю, чем прежде. Ее оборонительные сооружения пришлось усиливать в срочном порядке. В 1585–1586 годах, вскоре после окончания Ливонской войны, в Ладоге был сооружен земляной город — небольшое укрепление бастионного типа, пристроенное с южной стороны крепости[112].

Той же политики при Федоре Ивановиче придерживалось русское правительство и в Сибири.

В исторической литературе — главным образом популярного и публицистического характера — бытует миф, согласно которому русские прорвались в Сибирь при Иване Грозном. Более сдержанный вариант того же: «начали завоевание Сибири» или, чуть осторожнее: «освоение», «присоединение» Сибири. Но в действительности ничего подобного не произошло. Ермак, нанятый купцами и промышленниками Строгановыми, одержал ряд блистательных побед над сибирскими татарами, занял столицу ханства и только тогда получил поддержку из Москвы. Однако вся его экспедиция закончилась разгромом отряда и гибелью самого вождя. В нашей историографии, особенно советского периода, Ермака превозносили как «народного героя». Да, он стоит в одном ряду с величайшими колониальными воителями, с тем же Кортесом, например. И от подавляющего большинства русских полководцев XVI века отличается происхождением: они вышли из аристократической среды, в худшем случае из видных дворян, а «сибирский конкистадор» — из казаков. А для советского времени «демократическое» происхождение играло роль положительного фактора — когда оценивалась та или иная историческая личность… Однако нельзя обходить молчанием один простой факт: военное

предприятие Ермака в конечном итоге сорвалось. И завоевание Сибири как успех, как одно из главных достижений русского народа за всю его историю, начато было не им. И до Ермака — в XIV, XV и XVI столетиях русские воинские люди бывали в Сибири, брали там ясак, проповедовали Христову веру. На какое-то время сибирские татары оказывались даже в вассальной зависимости от Москвы, притом задолго до Ермака. Но все эти временные достижения не принесли России никакой пользы, помимо репутации сильного и упорного противника. Совершенно так же и Ермак, попытавшись закрепиться, привести бескрайнюю землицу сибирскую под руку московских государей, нисколько не преуспел. На протяжении нескольких лет казачий богатырь играл роль потрясателя Сибири. Он вышел в поход при Иване IV, пережил грозного царя и погиб в 1585 году, уже при Федоре Ивановиче. Саваном для его тела стали воды реки Иртыш. Русское дело в Сибири пало. Хан сибирских татар Кучум и иные местные правители воспрянули духом.

И вот тогда люди с негромкими именами, люди, не называемые на страницах учебников, повели планомерное наступление на Сибирь.

Все это были дворяне из семейств, более или менее известных в Москве. Провинциальный «выборный сын боярский» Иван Алексеевич Мансуров[113] добился первого действительного успеха — срубил «Обский городок» и отбился от наседавшего неприятеля. Именно этот человек с куда более скромной биографией, нежели Ермак Тимофеевич, сделал дело как надо — дал русским силам форпост. А уж зацепившись за него, легче было двигаться дальше.

Вослед Мансурову пошли Иван Никитич Мясной, Василий Борисович Сукин[114], Даниил Даниилович Чулков. Тульский помещик «выборный сын боярский» И. Н. Мясной должен был считаться опытным военачальником: он хаживал в походы, возвысившись до чина воинского головы, он сидел в Орле вторым воеводой. Иными словами, Иван Никитич получил практический навык командирской работы на высоких постах. Д. Д. Чулков — другой туляк, служивший «по выбору». Все они оказались в дальних краях, во главе русских войск, шедших против сибирских татар, по всей видимости.

Первые двое и воздвигли острог, из которого поднялась Тюмень. В 1586 году на реке Тюменке, притоке Туры, строится деревянная крепостица. От нее сейчас ничего не осталось, впрочем, как и ото всех наших рубленых крепостей XVI столетия. Но именно из этого истока выходит полноводная река исторических судеб полумиллионной Тюмени.

Д. Д. Чулков основал крепость Тобольск (1587) и пленил татарского правителя Сеид-хана. Потом, через много лет, Тобольск станет столицей Сибири, обзаведется мощным каменным кремлем… А изначально это было такое же маленькое, на скорую руку рубленное укрепление, как и многие другие опорные пункты России тех времен, поставленные на опаснейших направлениях.

Что ж, трое не особенно родовитых дворян, выполняя правительственную волю, заложили основу для необратимого движения русских отрядов к Тихому океану, для завоевания Сибири, расселения там русских людей и распространения христианства. Честь им и слава.

После возвращения из Сибири все трое подверглись аресту из-за опалы, под которую они могли попасть, ввязавшись в острую политическую борьбу при дворе. Сукин и Мясной попали под арест, а Чулков даже отведал тюремного заключения[115]. Возможно, все трое оказались под ударом, когда из Москвы выводили «худородных выдвиженцев» прежнего монарха. Вероятно, геройство на сибирских просторах оказалось для них своего рода искуплением, платой за право вернуться назад и продолжить службу в столичных условиях. Как минимум В. Б. Сукину это удалось. Хотя встречу им организовали суровую.

Еще один большой политический успех в Сибири, обретенный при Федоре Ивановиче, — возведение мощной крепости Тара и активная оборона ее от хана Кучума.

Относительно даты закладки Тары сибирские летописи доносят разноречивые сведения. Чаще всего звучат 1588, 1594 и 1595 годы[116]. Наиболее вероятной датой основания города историки признают 1594 год. Она подтверждена документально, а не только текстами летописного характера, и это делает ее достаточно «твердой». До наших дней дошел «наказ» (правительственное распоряжение от имени царя Федора Ивановича), адресованный «…князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленными в Сибирь для построения города на реке Таре»[117].

Летописи и наказ, расходясь в частных подробностях и отчасти в хронологии, нимало не спорят друг с другом по поводу фигуры основателя города. Им во всех источниках назван князь Андрей Васильевич Елецкий.

Сибирский летописный свод сообщает, что возведение Тары стало своего рода масштабным правительственным проектом. Ради его осуществления вместе с князем Елецким послали множество людей из восточных городов России — как на строительные работы, так и на их охрану от внешних нападений. Летопись говорит: Андрея Васильевича сопровождали «казанцы», «пермичи», «вятчане». А сам князь, закончив строительные работы, стал первым воеводой Тары.

Перед ним ставилась задача, что называется, «по широкому профилю», т. е. намного шире, чем закладка одного города: «Город ставить вверх Иртыша, на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльняе, чтоб пашню завести, и Кучюма царя истеснить, и соль устроить, и тех бы волостей… привести к государю и укрепить. Иитти, чтоб пр<итти> на то место, и судовой и конной р<ати>, чтоб… на Таре реке город зде<лать>, высмотри место, ниже ли того, выше ли того, где пригоже, чтоб город зделать и укрепить. А запасы хлебные, и деньги на запас, и всякой наряд вести в судах. А наперед собя послать из Тобольского детей боярских, и татар, и казаков по воло<стем>, которые по Иртышу, ясашных т<атар> собрать конных по росписи, какова с ни<м> роспись послана, которые ясашные живут по Иртышу вверх, и приказывать к ним государево жалованное слово, что государь их пожалует и в ясакех полегчит. А ныне б они, собрався все, шли конные и пешие с государевыми воеводами на Кучюма царя и на государевых изменников на мурзу и на нагайских людей… А буде<т> ясашные люди и князьки, которые живут по Иртышу, с воеводою со князем [Ондреем] на Кучюма царя и на нагайских людей [и город] ставить не пойдут и не послушают, и во<еводе> князю Ондрею Васильевичю, идучи Иртышем, те волости воевать, и посылки конные на них посылать, и изменников сыскивать, винных казнить, а черных людей к [шерти] приводить, а у иных заклады пои<мать>, и ясак и прошлой и нынешней сполн<а с> волостей збирать, которые не почнут слуша<ться>. А которые волости сберутся вскоре, и будут послушны, и пойдут вскоре, собрався со князем Ондреем, и на тех ныне имать легкой ясак; а с которых будет и не взять, и то, посмотря по тамошнему делу, промышлять, как бы государеву делу было прибыльнее. А тех бы, кто не почнет слуш<ать>, тех и извоевать, и привести во всем в государеву волю, и заклады у них поимати»[118].

Итак, перед князем Елецким ставились задачи не только строительные, но также политические, военные и в какой-то степени дипломатические.

«Город», т. е. крепость, князю Елецкому предписывалось поставить следующих размеров: сажен в 300, а если будет возможность, то 400 или даже 500, обязательно с башнями. «А делать город и лес возить всею ратью, всеми людьми и конными и пешими», — дается инструкция. Андрея Васильевича торопят: от него требуют не столько заботиться о

фундаментальном фортификационном строительстве, сколько о *скорейшем* возведении крепости, быть может, изначально и невеликой (потом, при необходимости, она может быть расширена), но способной сыграть роль опорной базы для русских сил, противодействующих Кучуму. Это понятно: хан действует совсем рядом, угрожает набегами постоянно.

И Андрея Васильевича несколько раз предупреждают о необходимости действовать осторожно, не терять бдительности: «А береженье накрепко от Кучюма царя держати». И в то же время вести активную борьбу с ханом, главным противником русских в Сибири: «Над Кучюмом царем промышлять большими посылками, чтоб над ним поиск учинить, а себя от него уберечь».

Более того, князю Елецкому отдан был приказ, обустроившись, проведя разведку, собрать силу и организовать генеральное наступление против Кучума. В скупых строках документа приказ этот отражен со всей ясностью и прямотой: «Проведав про него [Кучума] подлинно, послать на него посылку большую конных Казанских всех и из Тобол<ьск> а с вогне<нным> боем: Тобольских и Тюменских литв<у>, и атаманов, и казаков, и служивых татар, и башкирцов, и тутошних ясашных татар, перебрав лутчих».

Назван и второй, после Кучума, неприятель России в Западной Сибири: ногайский мурза Алей.

Для выполнения многоразличных задач Елецкий получил солидную воинскую силу. С ним отправился отряд дисциплинированных, хорошо обученных и вооруженных московских стрельцов: «С сотником стрелецким с Самойлом с Лодыженским московских стрельцов 100 человек; с другим сотником с Замятнею Шокуровым 47 человек», а также конных служильцев: 100 татар казанских и свияжских, 300 башкир, 4 русских «сына боярских» — в роли сотников; 50 конных стрельцов из Казани, 50 пищальников из Лаишева (из числа пленников, взятых на западных фронтах), 50 «казаков польских» из Тетюшей; «и всего из понизовых городов велено послать с Мамлеем 554 человека конных». К отряду князя Елецкого тобольский воевода должен бы добавить «литвы, и черкас, и казаков добрых конных с вогненным боем с головою с Своитином с Рупосовым 100 человек, да татар тобольских служивых конных с атаманом с Черкасом с Александровым да с головами с Баисеитом да с Байбахтою 100 человек». Из волостей иртышских предписывалось собрать еще 300 «ясачных татар» конников, плюс еще 150 пеших с пищалями на судах. Из Тюмени князь также получал сводный отряд «литвы, и черкас, и казаков конных 40 человек; да татар тюменских, верхотурских, ондреевских, и беляковцов, и зырянцов, у которых заклады пойманы в Тобольской и в Тюмень и измены от них не почаеть, выбрать велено добрых 50 человек конных». А «из Таборов и с Кошуков» — еще 50 конных татар. К ним добавлялось 80 плотников «пермич». И всего для строительства и защиты нового города — Тары — велено было направить с князем Елецким «конных 1194 человека, а пеших 347 человек; и обоего 1641 человек конных и пеших ратных людей»[119].

Для Сибири — поистине невиданная сила, Ермак имел намного меньше людей. Меньше ратной силы собиралось и под командой В. Б. Сукина, Д. Д. Чулкова, положивших во второй половине 1580-х колоссальную область под ноги царю Федору Ивановичу.

То, что столь значительное полевое соединение собрали под командованием князя Елецкого, показывает, какую ставку делала Москва на новый городок Тарский.

Эта сила приобретала дополнительной мощи благодаря тому, что с нею был отправлен «наряд» — артиллерия, а именно три легких орудия. Одно из них представляло собой пищаль с ядром в «4 гривенки», другое — пищаль с ядром в «2 гривенки», а третье аналогично второму, только везли его не из коренной России, а из Пелыма, и обеспечение третьим орудием возлагалось на тамошнего воеводу князя Петра Горчакова. Будущая крепость получила также 10 «затинных» и 10 «долгих» пищалей — это уже не пушки, а крупнокалиберные дальнобойные ружья. По

опыту оборонительных операций русской армии они наносили осаждающему крепость неприятелю тяжелый урон, но были малопригодны для использования в полевых соединениях из-за своей тяжести[120].

По данным Г. Ф. Миллера, базирующимся на документальной основе, место для фортификационных работ было выбрано не сразу. Его изначально наметили при реке Таре, впадающей в Иртыш, но было найдено более удобное место на речке Агарке, впадающей с западной стороны в Иртыш. Там-то и был построен город, впоследствии получивший название Тары[121].

Довершив строительство крепостных сооружений, князь Елецкий несколько раз отправлял свои отряды против Кучума. Его люди отгоняли хана и показывали местному населению, что Тара располагает вооруженной силой, способной вести успешную борьбу даже со столь грозным противником. Но сам хан избегал «прямого дела», как называли в ту пору крупное полевое сражение[122].

Князю Елецкому с войском предписывалось контролировать из нового городка сбор ясака в целом ряде волостей: Курдак, Воргач, Отуз, Таву (или Тав), Урус, Токуз, Супра, Аялы с ясачным населением около 1000 мужчин, а также ногайские волости, до строительства нового городка остававшиеся под контролем мурзы Алея, плюс некая, еще не объясаченная «Пегая орда», плюс новые, пока еще не объясаченные волости, какие отыщутся с течением времени[123]. Коротко говоря, Андрею отдавали под воеводскую власть территорию очень значительную, очень беспокойную и в значительной степени признающую власть русского царя лишь номинально, а то и вовсе пока этой власти не знающую. Предполагалось, что князь Елецкий предпримет активные усилия, чтобы утвердить там власть московского государя в полной мере, что, как уже говорилось выше, и произошло.

Это означает, что в Москве ему доверяли и надеялись на его способности управленца — военачальника, администратора, дипломата в одном лице.

Князь А. В. Елецкий — личность примечательная. Даже при Государевом дворе, среди сотен равных ему по положению знатных служильцев, Андрей Васильевич выделяется. И это вовсе не из-за высокого положения его рода. Напротив, род князей Елецких, пусть и относящихся к числу Рюриковичей, что называется, «захудал». Специалист по истории двора в конце XVI века А. П. Павлов пишет о Елецких: «В начале царствования Федора Ивановича в окольничие был пожалован кн. Д. П. Елецкий. Но представители этой не слишком родословной фамилии (из рода черниговских князей, захудали и служили великим князьям рязанским…)[124] не поднялись высоко в служебной иерархии и в Думу в дальнейшем не попали. В рассматриваемое время они служили преимущественно в рядах выборного городового дворянства, почти не видим их на воеводских („стратилатских“) должностях»[125]. Оценка, по сути, верная. Но это оценка рода в целом. А некоторые его представители поднялись выше: таковы Андрей Васильевич Елецкий и его сын Федор Андреевич.

Елецкие потеряли свой удел в 1395 году, когда Елец пал под ударами явившегося на Русь завоевателя Тамерлана. В дальнейшем их положение зависело от того, сколь высоко ценят их услуги государи, к которым они пошли в подчинение: сначала рязанские великие князья, затем московские. Андрей Васильевич, во-первых, служил как надо и, во-вторых, упрочил свое положение матримониальной комбинацией: его дочь была замужем за Иваном Годуновым. Иначе говоря, Андрей Васильевич оказался под покровительством и, как сегодня выразились бы, «в команде» могущественного придворного клана Годуновых. Вероятно, поэтому он мог позволить себе местнические тяжбы с представителями столь знатных родов, как князья

Лобановы-Ростовские (1600) и Пушкины (1601)[126]. Елецкие — не знать, не аристократия, как понимали ее в конце XVI столетия, но лучшие из их рода становились, что называется, «сливками московского дворянства». В отношении Андрея Васильевича это верно и в самом буквальном смысле слова: ему был пожалован высокий служебный чин «московского дворянина».

Очевидно, Годуновы и их союзники по придворной борьбе Романовы отправили князя Елецкого в Сибирь не как опального, а как исполнителя масштабного замысла: продолжать проект расширения на восток, упорно идти «встречь солнцу», отгоняя Кучума и объясачивая местные народы, строить города и — вот главная суть! — превращая Сибирь в Россию. И Елецкий был призван в качестве вождя значительного дела, прежде всего по той причине, что мог считаться доверенным лицом Годуновых.

Н. Н. Кара
зин. Подведение сибирских инородцев под высокую Царскую руку. 1870-е

Косвенным, но серьезным аргументом в пользу этой версии служит личность крупного администратора, перед которым князь Елецкий должен был отчитываться за свои действия в Сибири. Цитировавшийся выше наказ называет его: это дьяк Андрей Щелкалов, выдающийся государственный деятель того времени и опять-таки друг и союзник партии Годуновых-Романовых при дворе.

И, кстати, об отправке «мягкого золота» сибирского, пушного ясака, из Тары в Тобольск Андрей Васильевич также имел обязанность докладывать Щелкалову: наверху желали контролировать поток мехового богатства и не оставлять местным воеводам возможностей произвольно «убавлять» этот поток по дороге в Москву.

Что же касается службы Андрея Васильевича, то она и до Сибири проходила большей частью не во дворце, а на бранном поле. Документы XVI века на сей счет сообщают много любопытного.

Начальный этап службы князя отражен в них известием, согласно которому Андрей Васильевич на исходе 1570-х годов[127] был воинским головой, командовавшим отрядом тверских ратников, высланным под Корелу (нынешний Приозерск в Карелии) для поддержки известного при Иване IV полководца Михаила Андреевича Безнина. Тогда Безнин разбил

«немецких людей» (очевидно, так названы силы шведов с подвластными им финнами). Князь Елецкий — младший командир в русской армии, совершившей это славное дело[128]. Известно, что князь прибыл под начало Безнина как дворянин из удела крещеного татарского «царя» Симеона Бекбулатовича, получившего от Ивана IV титул «великого князя Тверского»[129].

Служба достойная, но невеликая.

А вот под 7100 (1591/1592) год князь А. В. Елецкий выступает как самостоятельный военачальник, притом действует он удачно и добивается победы над неприятелем: «Были в Чернигове воеводы: Григорей Микитич Борисов-Бороздин, да князь Ондрей Васильевич Елецкой, да Матвей Павлов сын Проестев, да Матвей Уродков сын Игнатьев; а из Чернигова они ходили воевать Киевских мест:

в Большом полку князь Ондрей Васильевич Елецкой;

в Передовом полку Матвей Павлов сын Проестев;

в Сторожевом полку Матвей Уродков сын Игнатьев.

А литовские было люди поставили острог в государеве земле, и государь посылал князь Ондрея Елецково да Матвея Проестева, и они тогда литовских людей збили и острог розорили»[130].

Следует отметить: первый воевода Большого полка — чин полководца, когда является старшим из воевод во всем полевом соединении, т. е. воеводы Передового и Сторожевого полка обязаны ему повиноваться. И, следовательно, Андрей Васильевич достиг успеха как командующий самостоятельной армией.

Отсюда вывод: Андрей Васильевич до отправки в Сибирь успел показать себя с лучшей стороны. Московское правительство доверило ему большое дело, поскольку прежние поручения он выполнял достойно. Позднее, вернувшись в Москву, он занимал воеводские должности (пусть и невысокого уровня), т. е. продолжал считаться дельным военачальником.

Другое событие, связанное с Тарой, — окончательный разгром хана Кучума в битве на Ирменском поле. Он связан с именем Андрея Матвеевича Воейкова.

В Тару Воейков был назначен, судя по данным разрядных документов, т. е. официальных списков должностных лиц, в 7115 году (конец 1596 — первая половина 1597)[131].

Основным источником по Ирменскому сражению служат не летописи, а документы старомосковских архивов, дошедшие до наших дней, прежде всего отчет Андрея Матвеевича, названный по обычаям XVI века «отпиской»[132].

Эта бумага доносит подробные сведения о ходе боевой операции и ее последствиях.

Итак, 1 августа 1598 года в Тару пришла грамота от имени царя Бориса Федоровича, содержавшая приказ: «Идти с тары в поход на Кучума царя и волости воевать, которые… царю непослушны и ясаку на тару не дают». В сущности, Годунов-царь продолжает ту же политику, которую начинал Годунов-боярин при царе Федоре Ивановиче. Поэтому стоит проследить за тем, к сколь блистательному триумфу она в итоге привела.

В Тарском городке на тот момент числилось двое воевод, из коих Воейков числился вторым по старшинству и, как тогда говорили, «по чести»: Степан Козьмин-Короваев, Андрей Воейков, да

при них состоял еще воинский голова Петр Пивов.

Воейков снарядился и вышел из Тары очень быстро — уже 4 августа. С ним было 3 сына боярских, 3 атамана, знатный татарин в чине воинского головы, а также 397 местных «служилых людей», состоявших из «литвы и казаков, юртовских и волостных татар». Итого, вместе с самим Воейковым, 405 человек. Притом служилые татары и иные представители «ясачных» народов составляли в отряде Воейкова более 50 процентов ратной силы. Они являлись боевым элементом в армии, отправленной против Кучума, наравне с русскими бойцами.

Андрей Матвеевич отправил «за языками» сына боярского Илью Беклемишева и голову татарского Черкаса Олександрова «в волости… которые… от государя царя… отвел Кучум царь в 106 году[133], в Турашскую и Любарскую волость». 10 августа они прибыли с языком, «турашским лучшим человеком Куздемышем Махлеевым». Выяснилось, что Кучум велел местному населению «жить на Уби». Всего с Кучумом тогда было 500 человек и 50 бухарских «торговых людей».

Воейков пришел на «Убь-озеро» 15 августа и допросил местное население. Тамошние жители сообщили: «пошел… Кучум-царь с Черных вод на Обь-реку с детьми и со всеми своими людьми». Воейков велел местным разойтись по своим старым местам и, как прежде, платить ясак государю.

Затем разведчики Воейкова, тот же Илья Беклемишев и атаман Казарин Волнин, привели ему пленников: трех татар Кучума, «барабинского лучшего человека Еснигилдея Турундаева и 15 ясачных человек». Они «в роспросе сказали»: Кучум кочует на Оби, с ним 500 человек, хочет идти на Тару, Ялынскую и Каурдацкую волости войной; еще 30 семей людей Кучума живет на «Ике-озере».

Воейков отправил на Ик-озеро 100 бойцов-татар с татарским же головой Черкасом Олександровым да детьми боярскими Мосеем Глебовым и Федором Лопухиным. Те разгромили отряд, привели 5 пленных. И пленники полностью подтвердили показания предыдущих языков, добавив, что часть людей Кучума, а именно 20 семей, кочует в одном-двух «днищах» от Кучумова кочевья.

М. Глебов и Ф. Лопухин с небольшим отрядом были Воейковым посланы на это отдельное кочевье. Воевода планировал ослабить Кучума, «выбивая» вокруг него малые силы, чтобы хан во время генерального сражения не получил бы подкреплений от своих друзей, союзников, подданных. Это малое кочевье русский отряд разгромил ночью, неожиданным нападением, и полностью уничтожил, дабы никто не ушел «с вестью» к Кучуму.

Тогда сам Воейков скорым маршем перешел из лагеря на Ике к кочевью хана и «сшол Кучума царя на Оби на реке, выше Чать три днища, на лугу на Ормени…».

О самой битве Андрей Матвеевич отчитывается перед царем Борисом Федоровичем (Годуновым) в следующих выражениях: «И пришел, государь, я, холоп твой, на Кучума царя августа в 20 день, на солночном восходе и бился с Кучумом царем до полдень; и Божиим милосердием… Кучума царя побил и детей его царевичев и цариц его поимал, и брата Кучумова Илитен царевича, да сына Кучумова Каная царевича, да дву царевичев, Алей-царевича детей, на бою убили, да живых взяли Кучумовых детей, пять царевичев: Асманака, Шаима, Бибадша, Моллу, Кумыша, да восмь цариц Кучумовых жен… да лучших людей Кучумовых взяли на бою князей и мурз пять человек Байтеряк-мурзу с товарищи, да убили на бою шесть князей, князя Моймурата с товарищи, да десять мурз, Ахита-мурзу с товарищи, да

пять аталыков, Чегей-аталыка, Кучумова тестя с товарищи, да полтораста человек служилых людей; да сто, государь, потопло на Оби на реке, как оне поплыли за Обь-реку, и твои… царевы… люди их побивали из пищалей и из луков; да пятьдесят… человек служилых взяли живых, и я, холоп твой, повелел их побить, а иных перевешать».

В иных документах Воейков и прочие тарские воеводы с большей точностью перечисляют важных пленников: всего им взято 5 царевичей-детей Кучума, 8 цариц — жен Кучума, 2 жены царевича Алея с детьми, 5 мурз, 5 аталыков да «царицыных служащих одиннадцать жонок»[134].

Сам Кучум скрылся, Воейков его искал, но не нашел. Андрей Матвеевич отправил к нему гонца, призывая перейти в царскую службу к государю Борису Федоровичу.

Еще один отряд Кучума, 50 конников, которые «поутекали с бою», разгромил и уничтожил М. Глебов с атаманом Третьяком Жареным и отрядом в 70 бойцов.

Таким образом, хан лишился своего войска, свиты, припасов, большей части семьи. И, что хуже всего для Кучума, в глазах местных народов он потерял силу — оказался разгромлен русским воеводой, притом не из числа главных царских людей в Сибири. Страх перед ним покинул местное население. Следовательно, поддержки от него ждать Кучуму уже не приходилось. Ясак ему больше не несли, более того, создавалась угроза, что самого хана приведут в качестве ясака в Тару, ожидая награды от царских воевод за столь ценный живой приз.

27 августа Воейков начал возвращение в Тару со всеми ценными пленниками. Весь поход Андрея Матвеевича, таким образом, занял три с небольшим недели. Но для судеб Сибири он имеет громадное значение. Главная сила, противостоявшая русскому движению «встречь солнцу», пала.

Сразу после победы над ханом тарские воеводы приступают к объясачиванию всех тех, кто держался за Кучума из старого обычая, а больше того — из страха перед ханом.

Уже в октябре 1598 года в Москву летит отчет: татары «Чатских волостей» обещали подчинение царю и ярлык, прислали «сеита Тул-Мамета», тот привез подарки воеводам, грамоту с обещанием подчиниться и дать ясак от волостных людей и сведения о Кучуме. Хан также посылал в Чатские волости за одеждой и конями: «На чем бы ему мочно поднятца», — но получил только одного коня и одну шубу. Тамошний знатный человек Кожбахтый-мурза большего не дал, хотел лично встретиться с Кучумом, но Кучум убежал со своего кочевья, ушел верх по Оби, «поблюдясь его». Хан очень хорошо понимал: ушло то время, когда он мог «стричь» местное население, как хотел, и теперь его самого тамошние жители могут «остричь».

Тул-Мамет позднее сообщил о судьбе Кучума, теперь уже бессильного беглеца: «Сшол… он Кучума царя за Обью-рекою, на лесу, вниз по Оби, от Кучумова побою в дву днищах, а с Кучумом вси, детей его три сына да людей его человек с тридцать, а утек… Кучум с бою в судне вниз по Оби-реке сам-третей». Хан ушел с места битвы, когда бой еще не завершился, очевидно, поняв, что поражение его неизбежно. Ушел, бросив своих людей, бросив значительную часть семьи, и теперь располагал ничтожной свитой.

Тул-Мамет передал хану от имени Воейкова приглашение, «чтобы Кучум царь ехал к тебе, к государю, служити, а ты, государь, его пожалуешь своим царским жалованием, и детей и жон его пожалуешь, велишь ему отдати». Кучум, жалкий в своем нынешнем положении, все же нашел в себе гордость ответить отказом: «Не поехал… я к государю по государевой грамоте

своею волею, в кою… пору я был совсем цел, а нынче… я стал глух, и слеп, и безо всего живота. Взяли… у меня промышленника, сына моего Асманак-царевича; хотя бы… у меня всех детей поимали, а один бы… остался у меня Асманак, и я бы… об нем еще прожил; а нынче… иду в ногаи, а сына своего… я посылаю в Бухары».

Два дня Кучум хоронил убитых, затем начал свои бессмысленные скитания, в которых и обрел смерть: слабым он никому из местных не был нужен.

Еще 20 сентября тарские воеводы направили в Москву, к царю Борису Федоровичу всех значительных пленников под охраной: «…в приставех послали мы, холопи твои, детей боярских Илью Беклемишева, Федора Лопухина да атаманов Казарина Волнина, Третьяка Жаринова», — и с ними «для береженья» 28 служильцев: казаков, иноземцев и татар, плюс двух толмачей из казаков[135].

Н. Н. Кара зин. Последний Кучумовский разгром 1598 года. 1891

Победа 1598 года отражена во множестве сибирских летописей — такую память она оставила! Правда, в некоторых случаях ее путают с более ранним событием: несколькими годами ранее Кучуму нанес поражение (но не разгромил окончательно) князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский, воевода тобольский[136]. Это произошло в 1590 или 1591 году. Хан тогда не только спасся, но и смог опять собрать большое войско. Воейков же нанес Кучуму гибельный удар.

Летописи дополняют документальное свидетельство двумя важными известиями.

Во-первых, там описана судьба Кучума после Ирменского разгрома и бесславная смерть хана: «Сам же Кучюм утече не со многими людми и доиде улуса своего, и оставшийся люди взят, и иде в Калмыцкия улусы; и отгна стада конския. Калмыки же догнавше и воинство его побиша, и кони отполониша. Кучюм же бежа в Ногаи и тамо от них убиен бысть»[137].

Во-вторых, в летописях рассказывается о щедрых наградах («великом жалованим»), которыми удостоил царь Борис Федорович участников славного дела: «Егда же привезоша к Москве тот полон[138], того ж 106 году (1598. — *Д. В.*), к царю Борису Федоровичу, государь же прият, и, прославив святую Троицу и пречистую Богородицу, и московских чюдотворцов, яко таковая

покорив. Сибирцев же, вельми похвалив, и комуеждо за службу их золотыми и выходом, и кормом пожаловал, и протчим в Сибирь послал золотыми же послугу»[139].

Итак, дело сделано: величайший и упорнейший противник русского продвижения в Сибири разгромлен и пал в ничтожество. Конечно, 900 участников сражения это, если сравнивать с большими битвами, какие разыгрывались на западных и южных рубежах Московского царства, совсем немного. Но для редко заселенной Сибири Ирменское сражение — очень и очень серьезное боевое столкновение. К тому же не только численность бойцов важна, гораздо важнее геополитическое значение битвы, а оно в данном случае — огромно.

Андрей Матвеевич принадлежал к роду, который не отличался особенной знатностью. Современный исследователь относит Воейковых к числу «видных дворянских фамилий, проявивших себя на дворовой службе во второй половине XVI века»[140]. Их уровень — выборные дворяне, но наиболее выдающиеся представители рода возносятся выше этого общего уровня.

Семейство Воейковых в государственные родословцы не попало. Впрочем, своя «родословная легенда» у них имелась. И вопрос о ее достоверности далек от решения. В XVI столетии многие дворянские и аристократические рода предъявляли предков, вышедших из-за рубежа: из Венеции, «от прусов», «из немец», от древних святых, от одного из колен ордынской знати… Доказать подобное родословие трудно, порой оно составлялось для того, чтобы поднять престиж рода, и, значит, доверия ему мало; а порой оно все-таки имело под собой действительную почву. Генеалогическое предание Воейковых выводит их семейство из Пруссии. Согласно этой родословной легенде в 1384 году к великому князю Дмитрию Ивановичу из Пруссии приехал служить «державец» Терновский Воейко Войтегович в сопровождении ста пятидесяти человек сербов, болгар и «прусак». Воейко был родом из Болгарии (но мог быть не болгарин, а серб), из «города Тернова» (ныне Тырново); по смерти отца, оставив «город Тернов» своему брату Фрианду, он переселился сначала в Пруссию, где было также имение его отца, а оттуда прибыл на Русь. По своему вероисповеданию он принадлежал к Аполлинариевой ереси; святитель Киприан убедил его принять православную веру, и великий князь повелел дяде своему, князю Андрею Ивановичу, восприять его от святой купели. Священнодействие крещения и миропомазания совершал сам святитель Киприан с преподобным Сергием Радонежским в церкви Архангела Михаила кремлевского Чудова монастыря, причем святой Сергий благословил новокрещенного Прокопия Воейкова иконою святителя Николая Чудотворца, а митрополит Киприан — золотым крестом со святыми мощами, украшенным драгоценными камнями и жемчугом. Известие это записано в родословной книге рода Воейковых, а устное предание дополняет, что преподобный Сергий выразил свою волю: названную икону следовало передавать из рода в род, от отца к сыну, дотоле, пока род Воейковых будет продолжаться по прямой линии, а в случае прекращения рода икону следовало вернуть в Сергиеву обитель, «если милостию Божиею сия обитель будет существовать до того времени». Переходя из рода в род, благоговейно чтимая икона святителя Николая наконец дошла до последнего в роде Воейковых — Сергея Федоровича Воейкова, который, будучи совершенно одиноким, почел долгом совести исполнить завещание Преподобного Сергия и в 1895 году возвратил благословение угодника Божия в его родную обитель.

У специалистов родовое предание Воейковых вызывает большие сомнения.

Однако имеет смысл привести здесь мнение Ранко Гойковича — сербского писателя, переводчика русских книг, публициста, общественного деятеля, с которым связались представители Тарской епархии, попросив его оценить достоверность этого предания. Ранко Гойкович, исходя из подробностей легенды, сообщил, что считает допустимым сербское

происхождение Воейковых, в частности, отметив, что сербский обычай «крестной славы» предполагает передачу из поколения в поколение древней иконы святого покровителя рода.

Воейковых иногда ошибочно называют князьями, но княжеского титула представители этого рода никогда не носили.

Зато в Боярской думе Воейковы одно время сидели — это установленный факт, и, следовательно, возвысились не знатностью, а службой и доверием со стороны государей российских. Ефим (Баим) Васильевич Воейков до смерти Ивана Грозного входил в его особую «Дворовую» Думу как думный дворянин. Иначе говоря, должен был быть хорошо знаком Б. Ф. Годунову, который вырос из той же среды — доверенных служильцев Ивана IV, входивших в опричнину и «особый» Государев двор. В начале царствования Федора Ивановича он попал в опалу и отправился головой в Пронск, затем, уже в 1590-х служил в Царево-Санчурском остроге, притом без чина думного дворянина[141].

Андрей Матвеевич уже после Ирменского триумфа был пожалован чином ясельничего и думного дворянина при Борисе Годунове (конец 1604 — начало 1605 года). Иными словами, на заседания Боярской думы он допускался и в решении важнейших державных дел участвовал. Правда, боярского чина, который ему порой приписывают, он никогда не имел.

И начиналась эпопея вокруг Тары при тихом, богомольном царе Федоре Ивановиче. Без «широковещательных» и «многошумящих» манифестаций, коими столь богато предыдущее царствование. Произошло это в годы, когда во главе России стояло разнородное аристократическое правительство, занятое междоусобной борьбой.

Политический курс первых лет царствования Федора Ивановича отличался мудростью и взвешенностью. Россия не могла продолжать упрямое наступление против коалиции сильных соседей, столь дорого стоившее ей при государе Иване Васильевиче. Полки и финансы страны были растрачены без пользы. Ныне следовало защитить то, что еще оставалось под рукой, накопить силы для возобновления масштабной борьбы в будущем. И «аристократическое» правительство возобновило старинную стратегию, несколько ослабевшую в государственном обиходе на протяжении последнего десятилетия правления Ивана IV, — стратегию закрепления русских позиций строительством крепостей. Новые укрепления возводились повсюду и везде. И там, где ждали наступления врага, и там, где политические интересы России требовали ее собственного наступления. В первом случае города выполняли роль опорных пунктов оборонительной линии. Во втором — являлись базами для стремления вперед. В обеих ситуациях новые крепости играли роль своего рода «русских островов» посреди «неприязненного» окружения. Хорошенько усвоив этот курс, Борис Федорович Годунов, когда станет единоличным правителем, продолжит его.

Остается подвести итоги.

На протяжении 1584–1586 годов, имея формальное старшинство в московском аристократическом правительстве, Борис Федорович Годунов на деле не играл роли единоличного политического лидера. Страной правила целая группа людей, состав которой постепенно изменялся. Положение Годуновых с союзниками не являлось прочным. Творцов у политического курса и политических достижений того времени было несколько. И общими усилиями они смогли сделать на диво много. Московское государство осталось в результате их государственной работы со значительными приобретениями, а главное, благополучно пережило тяжкий период разорения, неустройства и нестабильности.

* * *

Поэтому не вполне справедливо звучат слова Сергея Федоровича Платонова, выдающегося знатока Московской державы и лучшего биографа Б. Ф. Годунова: «Борис вступил в правительственную среду и начал свою политическую деятельность в очень тяжелое для Московского государства время. Государство переживало сложный кризис. Последствия неудачных войн Грозного, внутренний правительственный террор, называемый опричниной, и беспорядочное передвижение народных масс от центра к окраинам страны расшатали к концу XVI века общественный порядок, внесли разруху и разорение в хозяйственную жизнь и создали такую смуту в умах, которая томила всех ожиданием грядущих бед. Само правительство признавало „великую тощету“ и „изнурение“ землевладельцев и отменяло всякого рода податные льготы и изъятия, „покаместа земля поустроится“. Борьба с кризисом становилась неотложною задачею в глазах правительства, а в то же время и в самой правительственной среде назревали осложнения и готовилась борьба за власть. Правительству необходимо было внутреннее единство и сила, а в нем росла рознь, и ему грозил распад. Борису пришлось взять на себя тяжелую заботу устройства власти и успокоения страны. К решению этих задач приложил он свои способности; в этом деле он обнаружил свой бесспорный политический талант и в конце концов в нем же нашел свое вековое осуждение и гибель своей семьи»[142].

Что ж, как высший администратор Борис Федорович и впрямь получил под руку сильно расстроенное хозяйство, приложил все усилия к исправлению беспорядка и восстановлению сил оскудевшей земли, а потому и его очевидная заслуга видна в том, сколь положительным оказался общий итог царствования Федора Ивановича[143]. Стоит как минимум согласиться с С. Ф. Платоновым в общей позитивной оценке трудов Бориса Годунова как государственного деятеля. Последние годы Грозненской эпохи принесли поражения от поляков и шведов, запустение многих земель, бунты на восточных окраинах, безлюдие в центральных областях державы. События 1584 и 1586 годов показали, как легко поднять людей на бунт — хотя бы и в столице страны. Ситуация, чреватая внутренним взрывом и началом новой тяжкой войны с недоброжелательными соседями, предполагала необходимость постоянно, изо дня в день, вести огромную административную, дипломатическую, военную работу. Корабль «Россия» получил столько пробоин и так мал оказался его экипаж перед лицом большой бури, что крушение могло случиться в любой момент. Удержать его на плаву, а заодно и отремонтировать все, что позволяют средства, — вот задачи, продиктованные здравым смыслом. Но их решение стоило титанических усилий. Государству требовался политик большого ума и железной воли. Оно его получило в лице Бориса Федоровича Годунова. Однако… однако… при всем том на протяжении первых лет царствования Федора Ивановича страной управляла целая плеяда блестящих державных деятелей, а не один только Борис. Не являлся он политическим «гарантом» внутреннего единства и силы, о коих пишет С. Ф. Платонов. Сначала Годунов олицетворял собою не более чем внутреннее единство и силу одной из придворных группировок.

Любопытно, что Сергей Федорович Платонов создал эту похвалу Годунову в самом начале 1920-х. Собственный жизненный опыт историка помог ему справедливо оценить таланты крупного администратора: хаос первых лет советской власти показал, какой ущерб причиняет народу отсутствие подобной фигуры. Собственно, Сергей Федорович противополагал прежнюю военно-политическую силу и единство страны глобальному конфликту Гражданской войны и неразберихе государственного строительства 1920-х. Историк показывал, от чего Годунов, умелый политик, сумел уберечь страну, а у всех перед глазами была страшная реальность, от которой страну уберечь не умели… Пафос Платонова можно понять: он напоминал о величии в годы низости. Но поверить ему в том, что один «бесспорный политический талант» одной великой личности выволок Россию из тяжелейшей ситуации, — невозможно.

Далее С. Ф. Платонов пишет: «Если бы господство и власть Бориса Годунова основывались

только на интриге, угодничестве и придворной ловкости, положение его в правительстве не было бы так прочно и длительно. Но, без всякого сомнения, Борис обладал крупным умом и правительственным талантом превосходил своих соперников. Отзывы о личных свойствах Бориса у всех его современников сходятся в том, что они признают исключительность дарований Годунова… Современники почитали Бориса выдающимся человеком и полагали, что он по достоинству своему получил власть и хорошо ею распорядился… Вообще приветливый и мягкий в обращении с людьми, он был скор на обещание содействия и помощи; часто в таких случаях брался он за шитый жемчугом ворот своей рубашки и говорил, что и этой последнею готов он поделиться с теми, кто в нужде и в беде… Победа, одержанная Борисом над княжатами Шуйскими, Мстиславскими и др., была прочной, потому что Борис оказался талантливым политиком. Он укрепил свое положение у власти не только интригою и фавором, но и умной правительственной работой, а равно и тем, что „ради строений всенародных всем любезен бысть“, то есть, иначе говоря, тем, что сумел стать популярным, показав свою доброту и административное искусство правителя»[144].

Сергей Федорович Платонов обладал даром обаятельного, романтического письма, привлекавшего к нему сердца образованных людей России. Однако следовало бы с некоторой настороженностью отнестись к его усилиям по созданию почти идеальной фигуры действующего политика. Характер человека, которому Федор Иванович предоставил «соправительскую» власть, получил противоречивые оценки у современников. Следует рассмотреть его более подробно.

* * *

Трудно сказать, чего Борис Годунов проявил больше, борясь с врагами: искусства интриговать, т. е. той самой «придворной ловкости», или же политической мудрости. Не менее того сложно определить, какое из этих его умений в большей степени помогло удержать власть. Но, во всяком случае, деятели иноземные и русские, писавшие о Борисе Федоровиче, не отказывали ему в уме и высоком государственном достоинстве.

Особенно высокого мнения о Б. Ф. Годунове были иноземные дипломаты и торговые агенты. Правда, Джильс Флетчер — холодный наблюдатель, к тому же весьма недоброжелательный к России, — отзывался о нем весьма нелестно: «Годуновы… возвысившись через брак царицы, родственницы их, правят и царем и царством, в особенности Борис Федорович Годунов, брат царицы, стараясь всеми мерами истребить или унизить все знатнейшее и древнейшее дворянство. Тех, кого почитали они наиболее опасными для себя и способными противиться их намерениям, они уже отдалили…»[145] В глазах Флетчера Б. Ф. Годунов — жестокий интриган и корыстолюбец, сделавший себе огромное состояние.

Зато другой англичанин, Джером Горсей, коего связывали с Борисом Федоровичем добрые отношения, и не только деловые, но чуть ли не товарищеские, писал о нем совершенно иначе: «Он приятной наружности, красив, приветлив, склонен и доступен для советов, но опасен для тех, кто их дает, наделен большими способностями… склонен к черной магии, необразован, но умом быстр, обладает красноречием от природы и хорошо владеет своим голосом. Лукав, очень вспыльчив, мстителен, не склонен к роскоши, умерен в пище, но искушен в церемониях»[146]. Под пером Горсея «князь-протектор» предстает умным прагматичным политиком, злым честолюбцем, узурпатором и врагом древней знати, любителем шахмат, честным покровителем доверенных лиц (в число которых попал и сам англичанин). Картина противоречивая, но весьма правдоподобная, в особенности же выигрывающая от близкого знакомства Горсея с Б. Ф. Годуновым: подданный Елизаветы I имел возможность узнать характер и душевные свойства Борисовы.

У цесарского дипломата Стефана Гейса (Гизена) Годунов — человек, весьма сведущий в дипломатическом ритуале, щедрый, вежливый и большой щеголь.

Томас Смит, видевший Бориса Федоровича уже на троне, оценил его исключительно высоко: «…царь Борис, несомненно, проявлял и много истинного величия и умения управлять во всех сферах, за исключением области собственного духа… В обхождении своем, при всем соблюдении царственной величавости, он сообразовался с установившимися обычаями общественной жизни». И далее: «…кто способен вникать в сущность рассматриваемых явлений, должен будет признать Годунова… принадлежащим к числу монархов наиболее рассудительных и тонких в своей политике, какие когда-либо упоминались в истории»[147].

Борис Годунов. Миниатюра «Нового летописца». 1630

Исаак Масса показал Бориса Годунова личностью низкой и бесчестной[148], но вместе с тем одаренным администратором: «Так как царь, будучи набожен и тих нравом, мало занимался управлением и только носил титул царя, то он возложил на Бориса все управление, и что бы Борис ни делал, все было хорошо»[149]. По словам Исаака Массы, Б. Ф. Годунов «…был… ловок, хитер, пронырлив и умен. Это происходило от его обширной памяти, ибо он никогда не забывал того, что раз видел или слышал; также отлично узнавал через много лет тех, кого видел однажды; сверх того, во всех предприятиях ему помогала жена, и она была более жестока, чем он; я полагаю, он не поступал бы с такою жестокостью и не действовал бы втайне, когда бы не имел такой честолюбивой жены, которая… обладала сердцем Семирамиды»[150].

Наконец, Петр Петрей де Ерлезунда соединил дурное и доброе в личных качествах Бориса Федоровича, создав, пожалуй, самый яркий его портрет изо всех, написанных иноземцами: «…Это был сметливый, благоразумный и осторожный боярин, но чрезвычайно лукавый, плутоватый и обманчивый, то есть настоящий русский, и виновник падения и гибели русских… Борис Федорович сделался правителем, правил вместе с великим князем и нес свою должность с таким усердием и благоразумием, что многие дивились тому и говорили, что не было ему

равного во всей стране по смышлености, разуму и совету, и прибавляли еще, что, буде великий князь умрет без наследников, а сводный брат его, молодой Димитрий, также оставит здешнюю жизнь, никого из бояр и князей в стране способнее и пригоднее в великие князья, кроме этого Бориса Федоровича. Когда такие речи стали везде ходить по Москве и… сделались известны ему, он принял их к сведению: опираясь на это средство, стал он придумывать и ухищряться, как бы ему всего удобнее погубить и искоренить великокняжеский род и семейство и самому, с друзьями и потомками, возвыситься до великокняжеских почестей верховной власти и величия»[151].

Удивительно то единодушие, с которым относятся к Борису Федоровичу как иностранцы, так и русские. И те и другие с охотой, легко и без сомнений признают в нем выдающиеся способности к государственной деятельности. Совершенно так же и первые и вторые говорят о лукавстве, жестокости и подлых намерениях этого человека. Как будто холодный расчетливый ум его устал стесняться тонкостями моральных ограничений и выбрал для себя жизнь в отдалении от души…

Русские судят строже; они также не отказывают Борису Федоровичу в уме, но сила ума в глазах соотечественников никак не искупает бессилие его душевных качеств. Итак, вот слова Ивана Тимофеева, весьма характерные — в одном месте он говорит: «Был он коварен и лукав, под личиной милости скрывая от всех злобу своих дел; лютостью своей, скрывая свою злобу, он превосходил всех благороднейших его в царстве»; зато в другом звучат иные слова: «Если, будучи рабом, он дерзко совершил… захват высочайшей власти, сильно согрешив, все же даже и его враг не назовет его безумным, потому что глупым недоступно таким образом на такую высоту подняться и совместить то и другое… И этот „рабоцарь“ был таким, что и другие славнейшие и гордые в мире цари, обладающие державами нечестивых, не гнушались им, как рабом по роду, и не пренебрегали, потому что он имел равное с ними имя владыки; и слыша, что в земных делах он полон справедливости и благоразумия, не избегали братства и содружества с ним, как и с прежде его бывшими — благородными, а может быть даже и больше. И то дивно, что хотя и были у нас после него другие умные цари, но их разум лишь тень по сравнению с его разумом»[152]. В Хронографе 1617 года о нем сказано: «Ко мздоиманию же зело бысть ненавистен… нравом милостив паче же рещи и нищелюбив…», но «во бранех же неискусен бысть», к тому же и склонен слушать клеветников и наушников. И редко встречаются в русских сочинениях того времени отзывы, более ласковые и «лояльные» в отношении Бориса Годунова. Чаще всего ему доставался суровый суд современников. Так, например, в одном литературном сочинении времен царствования Василия Шуйского Борис Федорович сравнивается с дьяволом, его даже называют «древним змием». А один псковский летописец пишет о Б. Ф. Годунове откровенно: «И вознесся властолюбием, побежен бысть от дьявола, начат боярския великия роды изводити, но и под самим царем искати царства»[153].

Вместе с тем Годунов остался в памяти народа не только как властолюбец и злодей, но и как деятель, приложивший немало усилий, чтобы искоренить разбой, «татьбу», «корчемство», склонный к справедливости в судебных делах и строгий ко взяточникам. Нельзя сказать, чтобы он отличался какой-то особенной слабостью веры. Борис Федорович хоть и не был сведущ в Священном Писании, но все-таки проявлял благочестия не меньше, чем любой большой вельможа того времени; взойдя на трон, он, пожалуй, стал проявлять даже большее рвение в делах веры. Источники сохранили прямые тому свидетельства.

При имеющейся, как уже говорилось, «склонности к черной магии» Б. Ф. Годунов оставался твердо православным человеком. Да и не только он лично, но и все семейство Годуновых. В этом смысле между ним и царем не могло возникать никаких разногласий.

В тексте Пискаревского летописца сразу после известия о кончине Федора Ивановича в 1598 году помещен длинный список наиболее значительных построек времен его царствования, возведенных в столице — за исключением стен Белого города, о котором автор летописца сообщает задолго до того. У этого списка есть одна любопытная особенность: четко указан заказчик всякой работы. Так, например, некоторые церкви возводились или же изменяли свой прежний облик повелением самого Федора Ивановича; и об этих актах царского благочестия подробнее будет рассказано ниже. Прочие здания строились «во дни благочестиваго царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Руси…», но только не его повелением, а «по челобитью» кого-то из бояр, что значит — и на средства челобитчика. Чаще всего среди храмоздателей того времени встречается имя боярина Дмитрия Ивановича Годунова — дяди Б. Ф. Годунова, его воспитателя и благодетеля. Но и Борис Федорович оказался не чужд православной благотворительности. Каменный храм Св. Троицы появился в принадлежащем ему подмосковном селе Хорошеве, еще одна каменная церковь Св. Троицы возникла в его селе Большие Вяземы, третья, Борисоглебская, — в селе Борисове на Городище Верейского уезда (Борисов городок на Протве)[154]. Д. И. Годунов и Б. Ф. Годунов обеспечили средства для строительства надвратной церкви Федора Стратилата в костромском Ипатьевском монастыре. Видимо, с именем Бориса Федоровича и его сестры царицы Ирины следует связывать масштабное строительство в дорогобужском Троицком Болдине монастыре. Недавно В. В. Кавельмахер убедительно доказал также, что громадный шатровый храм Преображения Господня в подмосковном селе Остров — выдающееся, поистине изысканное творение зодчих рубежа XVI и XVII столетий — также возведен по желанию Б. Ф. Годунова (уже ставшего царем). Годунов-монарх велел надстроить кремлевскую колокольню Ивана Великого и начать грандиозное строительство в серпуховском Владычном монастыре. Он планировал также создание в Кремле церкви «Святая святых» — по образцу храма Гроба Господня в Иерусалиме; деревянная модель его успела увидеть свет, но до строительства дело не дошло: Борис Федорович ушел из жизни, а затем на страну обрушились бедствия Смуты, и о величественных архитектурных проектах Москве пришлось надолго забыть.

Неизвестный художник. Храм Св. Троицы в Хорошево. План и фасад церкви

Но до начала Смуты правители русской столицы в разное время и разными средствами пытались осуществить грандиозный проект уподобления ее Иерусалиму. Этот проект ведет свою историю от времен Ивана Грозного, в частности, от строительства собора Покрова на Рву, и завершается уже при патриархе Никоне, через много десятилетий после окончания Смуты, в подмосковном Новом Иерусалиме. Так вот, «…замысел Иоанна Васильевича можно считать только прологом к повторению иерусалимских святынь при Борисе Годунове…

„Иерусалимская“ программа впервые (на русской почве) включает в себя перенос сакральных топонимов и копирование главной реликвии христианского мира — Гроба Господня»[155].

Из этой великой, щедрой, грандиозной по масштабам храмоздательской работы Годуновых, и особенно самого Бориса Федоровича, из сознательного стремления его, как правителя Русского царства, воплотить в жизнь идею прославления христианской Москвы как второго Иерусалима, видно: так поступать мог лишь крепко верующий человек.

Да, Годунов погубил немало своих врагов, притом в числе их оказались заслуженные воеводы, герои вооруженной борьбы России со злейшим неприятелем, талантливые управленцы, истинные «столпы царства». Да, современники Бориса Федоровича, впрочем, как и наши современники, нередко видят в его выдающейся государственной деятельности своего рода «искупление» его же интригам и душегубству. Но при всем том невозможно изображать Бориса Федоровича Годунова конченым подлецом, поправшим христианские идеалы. Видимо, живое религиозное чувство в его душе все-таки существовало. Быть может, и скорбел Борис Федорович о своих тяжких грехах. Быть может, он хотя бы ощущал необходимость поддерживать, насколько возможно, Церковь, отдавать во благо ее великую часть состояния, полученного им в результате страшной придворной борьбы. С неприятелями своими этот человек бывал лукав и жесток. Его били, он наносил ответные удары, совершая темное, ужасное отмщение, марая душу чужой кровью. Но все же Б. Ф. Годунов это не Малюта Скуратов, без совести, без жалости покупавший свое возвышение чужими жизнями. Борис Федорович — фигура трагическая, и, должно быть, не чуждо ему было душевное мучение, раздвоенность холодного ума и живой души, искавшей какого-то милосердия, желавшей отдохновения от низостей политической борьбы.

Годунов поднялся на степень соправителя царского по воле самого Федора Ивановича и еще, быть может, с согласия или даже при содействии великого государственного деятеля боярина Никиты Романовича Юрьева. Выводя царского шурина на самый верх русской политической иерархии, они не видели в сравнительно узком круге возможных претендентов никого лучше Годунова. Прочие либо позаботились бы только о своем роде, забыв о России, либо повели бы себя с еще большей жестокостью и коварством. Прожженный делец Годунов, к концу 1586 года оказавшийся всесильным управленцем, не был ни исторической случайностью, ни ошибкой Федора Ивановича и Н. Р. Юрьева.

А. Д. Кивш енко. Царь Федор Иоаннович надевает на Бориса Годунова золотую цепь. XIX в.

Он представлял собой *лучшее из возможного.*

Это значит, что иные варианты могли бы принести стране больший вред, нежели правление Годунова при царствовании монарха-инока.

В сущности, Федор Иванович и Борис Годунов составили идеальную пару. Они сыграли роль «соправителей» столь удачно, столь слаженно, будто сам Небесный режиссер подобрал эту пару актеров для совместного участия в одной постановке. В государе своем русские того времени видели милостивого «молитвенника», давшего им отдохнуть от тягот и страхов предыдущего царствования. Пусть иноческий его образ действий вызывал удивление, может быть, и насмешку… однако, помимо этих чувств, подданные явно возлагали на своего монарха еще и надежду. В его постоянном молении, в его благочестии, в его богомольном рвении видели своего рода мистический щит, заграждавший большим бедам путь в Россию. Царь-праведник представлялся той личностью, которая давала всей земле счастливый шанс: Царь Небесный за его честное и крепкое христианское житие всему народу прощал тяжелые прегрешения и не попускал великих напастей. Ну а уж если татары сжигали какой-нибудь город или случался большой пожар, что ж, современники с печалью говорили, что одному человеку, даже столь верному Христову слуге, как Федор Иванович, на сей раз не удалось своим благочестием уравновесить чашу общих грехов. При этом подразумевалось, что в иных случаях монаршая праведность все-таки оказывалась сильнее…

«А для жизни низкой» у государя был Борис Годунов. И пока Федор Иванович своей непрестанной молитвой устраивал дела страны на небесах, его шурин занимался делами земными. Опытному практическому дельцу для его работы требовалась санкция. Царь ее дал. В силу этого главенство Бориса Федоровича как администратора получило законную силу[156]. Его ум, пущенный не на интриги, а на решение державных задач, давал стране очень много.

Итак, в конце 1586 года у царя Федора Ивановича появился единоличный «соправитель», и хотя это был человек сомнительной нравственности[157], но, во всяком случае, весьма опытный политик, обладавший государственным умом и широким кругозором. Неправильно было бы приписывать ему все успехи этого царствования. Некоторыми из них Россия обязана самому государю, как это будет показано ниже. Другие достигнуты были смешанным аристократическим правительством в 1584–1586 годах. Годунову следует отдать прочее, оставшееся. За первые два с половиной года совершилось очень многое; главное же — политический курс Московской державы устоялся по всем основным направлениям. Борису Федоровичу оставалось прилагать усилия к тому, чтобы страна продолжала двигаться выверенным маршрутом, не сбиваясь с ритма, не сворачивая в придорожные низины. Он, скорее, одинокий продолжатель общего дела. Не столько реформатор, сколько фигура, с определенного момента способствовавшая стабильности[158]. Однако и на то, чтобы удержать и развить успехи, достигнутые в первые годы царствования Федора Ивановича, требовались недюжинный ум, отвага, непреклонная воля. И Годунов располагал всем этим. Один из псковских летописцев, повествуя о царствовании Федора Ивановича, выступает с откровенной похвалой Борису Годунову: «А правление земское и всякое строение и ратных людей уряд ведал и строил его [Федора Ивановича] государев шюрин Борис Феодорович; многие земли примиришася, а инии покорищася под его государеву высокую руку Божиею милостию и пречистые его Богоматере и его государевым прошением и счастием, и промыслом правителя и болярина и конюшего Бориса Феодоровича»[159]. По этому отзыву видно: и среди современников были люди, считавшие «соправительство» Федора Ивановича и Бориса Федоровича идеальным вариантом для страны.

* * *

Политический почерк «соправителя» виден по тому курсу, который Б. Ф. Годунов проводил на протяжении 12 лет после 1586 года. В подавляющем большинстве случаев конюший повторял или развивал ходы, сделанные русским правительством ранее, когда Годунову приходилось делить власть с высшей знатью и худородными «выдвиженцами».

Так, против крымцев Борис Федорович использует уже созданную коалицию с царевичами-Гиреями и ногайцами, а когда ее не хватает, просто встречает вражеские набеги русской военной силой. На 1587 год приходится вспышка военной активности Крымского ханства. Летом сорокатысячная орда сжигает посад и берет острог у Крапивны. Под Тулу вышла пятиполковая оборонительная рать во главе с боярином Иваном Васильевичем Годуновым, притом передовым полком командовал блистательный Дмитрий Хворостинин. Неприятельские силы терпят поражение, теряют множество пленников и откатываются восвояси. На несколько лет юг России избавлен от гибельной опасности крымских набегов.

В начале 1590-х угроза со стороны Крыма усиливается вновь. Воинственный Казы-Гирей устремляется к Москве. И тут как нельзя кстати оказываются новые оборонительные сооружения столицы и та воинская сила, которую сумела скопить отдохнувшая страна. Крымцев отбивают. А дальше… дальше применяется стратегия, успешно «опробованная» в 1584–1586 годах: вырастает еще целый ряд русских крепостей у окраин царства. Мощными каменными кремлями и новыми каменными храмами обзаводятся Казань и Астрахань. Особенно опасались за Астрахань: она вновь могла стать объектом для нападения турок-османов, как это уже случалось при Иване IV. На волго-донской «переволоке» основывается Царицын (ныне Волгоград). Прежде в этих местах господствовали банды волжских казаков, теперь Российская держава становилась тут твердой ногой, оттесняя казачью вольницу к Дону и Яику. В первой половине — середине 1590-х, когда опасность татарских вторжений была особенно сильна, рождается обновленная крепость в Ельце, ранее неоднократно сжигавшемся

степными пришельцами и к XVI веку пришедшем в упадок; появляются Кромы, Курск, Белгород, Оскол, Севск. Некоторые из них к настоящему времени стали цветущими мегаполисами…

Иначе говоря, русские всего за несколько лет получили на степном рубеже не только новый оборонительный пояс, но еще плацдарм, с которого их теперь уже не выбьют. Этот плацдарм позволил в будущем осваивать просторы Дикого поля, распахивать землю, селить крестьян под защитой надежных стен. Строили тогда фантастически много и быстро. Один только список новых русских городков на юге и юго-востоке страны, появившихся всего за полтора десятилетия, поражает воображение.

Но все-таки венцом русской политической мысли на южном направлении было тяжкое осознание собственной немощи. Татар опасались больше, чем всякого другого противника. В любое время крымская орда могла при неудачном стечении обстоятельств проникнуть в центральные области Московского царства, ударить по самой столице. И результат был бы катастрофический. Россия опять встала бы на грань выживания, как это случилось в 1571 и 1572 годах, при великих нашествиях Девлет-Гирея. Учитывая недостаток сил для открытого противоборства в поле, Борис Федорович и здесь полагается на крепостные стены. Окружив центр Москвы укреплениями Белого города, он видит недостаточность этого средства и защищает разросшиеся дальние слободы столицы новым оборонительным кольцом. Так в начале 1590-х возникает пятнадцатикилометровое кольцо Земляного вала, который в старину именовали также «Деревянным городом» и «Скородомом». Строили его действительно весьма быстро: насыпали валы по линии, примерно совпадающей с нынешним Садовым кольцом, возвели земляные стены, поставили, по разным подсчетам, от 52 до 58 башен, — и все это проделали за невероятно короткий срок. Помнили… гостей с солнечного юга. Готовились, если придут снова, встретить их радушным пушечным громом с новых стен.

В Сибири шел тот же самый процесс, только меньшей кровью и с меньшими расходами. Область, подчиненная московскому государю, расширялась стремительно, росла год от года. Это опять-таки происходило благодаря упорному следованию правильно выбранной стратегии «наступления городами». В 1590-х строятся Лозьва, Пелым (на месте более древнего селения), Тара, Обдорск, Нарым, Верхотурье, Сургут… Враждебные России правители пелымские и кондинские были разбиты, земли эти оказались под монаршей рукой Федора Ивановича.

Хотелось бы подчеркнуть: те двадцать с небольшим лет, когда царствовали Федор Иванович и Борис Федорович, стали временем огромных, невероятных успехов России в Сибири. Если взглянуть на карту Западной Сибири, дух захватывает, сколь велика пространственная дистанция от Тюмени до Сургута! Между тем дистанция хронологическая ничтожна — менее десятилетия… Движение «встречь солнцу» шло в ту пору стремительными темпами.

На Западном направлении дела России также складывались не худшим образом.

С Речью Посполитой после смерти Стефана Батория велась тонкая игра. Наши послы долгое время пытались продвинуть кандидатуру Федора Ивановича на элекционных сеймах, решавших, кто будет новым королем. Вряд ли Борис Годунов и московская дипломатия обольщались по поводу возможного успеха. Скорее, «князь-протектор» использовал дополнительную возможность продлить «бескоролевье», а значит, лишить Польшу и Литву наступательного порыва на востоке. Сигизмунд III Ваза[160], утвердившийся в конечном итоге на польском престоле, оказался открытым врагом России и недоброжелателем православия. Политических и военных талантов своего предшественника он был лишен, однако унаследовал от Батория крайне жесткую позицию по отношению к восточному соседу. При нем в западнорусских землях совершилась Брестская уния 1596 года, оторвавшая от тела

Вселенской православной церкви значительную область и прикрепившая ее к римско-католическому миру. По словам М. В. Дмитриева, выдающегося специалиста по церковной истории западнорусских земель, этот акт не был «результатом государственного давления на Православную церковь»; в то же время очевидно «католическое рвение» и Стефана Батория и Сигизмунда III; последний, в частности, оказал «поддержку и покровительство» одному из главных творцов унии — Ипатею Потею[161]. Однако на всем протяжении царствования Федора Ивановича московским дипломатам удавалось удержать Речь Посполитую от войны с Россией; более того, когда Русскому царству пришлось вступить в боевые действия со шведами, Польшу смогли удержать от нанесения сокрушительного удара в спину. А это — серьезный успех.

Впрочем, пущей надежности в отношениях с Речью Посполитой Борис Годунов добился, используя не только дипломатические средства. Он пошел по пути, который проложило аристократическое правительство в отношении южных, северных и восточных рубежей. Важнейшим козырем в руках Москвы стала мощная крепость, воздвигнутая в Смоленске тем же Федором Конем, строителем Белого города.

Подготовка к строительству началась в декабре 1595 года, вскоре после заключения «вечного мира со шведами» и при трезвом осознании того факта, что к январю 1603 года истечет срок перемирия с Речью Посполитой. Во главе которой стоит яростный недоброжелатель Московского государства…

Стена Смоленского кремля. Фотограф С. М. Прокудин-Горский. 1911–1912

На следующий год Б. Ф. Годунов лично посетил Смоленск — ради пригляда за ходом работ. Правитель превосходно чувствовал, откуда исходит серьезнейшая угроза России, а потому придавал исключительное значение смоленскому строительству.

Зодчие торопились. Порой им даже приходилось жертвовать качеством ради завершения работы в предельно короткие сроки… И они успели: уже после кончины Федора Ивановича, при государе Борисе Федоровиче, на исходе 1602 года, работы закончились. Проделан был титанический труд. И не зря войска Сигизмунда III на двадцать месяцев встали у стен Смоленска, когда грянула година Смуты. Новая крепость в чем-то уступала московскому Белому городу, а чем-то превосходила его. Общая протяженность ее стен составила порядка шести с половиной километров. Толщина их колеблется от трех до семи с половиной метров, а высота — от восьми с половиной до 13 метров. Мощь их была усилена 38 башнями, вмещающими огромный артиллерийский парк. Проездные ворота представляли собой настоящие оборонительные узлы. По словам современного историка русской фортификации Ю. Г. Иванова, «Смоленская крепость явилась одним из самых грандиозных сооружений в Европе начала XVII века»[162]. За долгую историю Смоленска его «каменное ожерелье» сильно изменилось, особенно же досталось ему в годы войн. Но даже сегодня частично отреставрированные, обновленные стены и башни великого оборонительного сооружения способны поразить величием.

Отношения со Шведской короной катились в сторону войны с полной неизбежностью. И для шведов оказалась сюрпризом та военная мощь, которую смогло противопоставить им в поле Московское государство всего через несколько лет после тяжелого поражения в Ливонской войне. Дипломатические результаты новой русско-шведской войны[163] получили разные трактовки, однако положение России на международной арене она в любом случае улучшила: неприятеля принудили уступить древние области Новгородчины, потерянные Россией при Иване IV.

Многообещающим выглядело Кавказское направление. Здесь России сами собой, без значительных усилий со стороны правительства, следовали яркие успехи[164]. Иранский шах, изнемогавший в тяжелой борьбе с османами, договорился с Россией о своего рода русской сфере влияния на Кавказе. Иран и Московское государство стали союзниками. На Тереке появились царские крепости, занятые гарнизонами из русских дворян и стрельцов. Осенью 1588 года Кахетинское царство[165] во главе с государем Александром II присягнуло на верность Федору Ивановичу: христиане Кавказа искали в могучем северном соседе защитника от воинственных мусульманских держав, прежде всего от турок. Кроме того, кахетинский царь, делясь титулом и властью с Федором Ивановичем, получал значительную денежную сумму[166]. Несколько лет спустя Россия действительно оказала вооруженную поддержку Кахетии. В 1589–1590 годах отряд Г. Полтева «привел под государеву руку» всю «Кабардинскую землю». В 1594 году князь А. И. Хворостинин, брат знаменитого полководца Дмитрия Ивановича Хворостинина, захватил и разрушил Тарки — столицу «шамхала» (правителя, недружественного союзникам России на Кавказе). Шамхал вскоре отбил город, но по соседству появилась новая русская крепость Койса.

Однако усилие России на Кавказе не могло быть продолжено новыми масштабными действиями: сил не хватало на более важных направлениях. Дорого, видимо, стоивший поход Хворостинина должен был выглядеть в глазах московского правительства как чрезмерный расход воинских людей при общей нехватке людских ресурсов[167]. Для Москвы того времени Кавказ был маленькой политикой, притом требующей серьезных затрат. Ради продолжения дипломатической игры боевыми средствами туда иногда отправляли воинские отряды. Там пытались закрепиться, надеясь на союзников, крепкие стены и небольшие гарнизоны. Но это

продвижение было эфемерным, и гроза Смуты полностью оборвала связь России с Кавказом. Удачей было, скорее, то, что московское правительство не стало увлекаться этим направлением и мудро ограничило объем сил, которые пошли на кавказские дела. Всерьез и по-настоящему покорением Кавказа наша страна получила возможность заняться лишь во второй половине XVIII — первой половине XIX столетий. А в царствование Федора Ивановича еще не сложились предпосылки к превращению кавказских пространств в большую политику для России.

Из этого реестра политических достижений России с 1587 по 1598 год нетрудно извлечь понимание политического стиля Б. Ф. Годунова. Он не изобретает новых решений[168]. Он твердо придерживается стратегии «наступления городами», инициированной еще аристократическим правительством в первые годы царствования Федора Ивановича. Он старательно избегает лобового столкновения с Речью Посполитой: это огромное, сильное государство видится самым серьезным противником на западе, и сил для открытого вооруженного противостояния с ним пока нет; приходится загораживаться Смоленском. Шведы выглядят слабее, и с ними можно — после длительной передышки — завести военный спор. Но только в том случае, если Речь Посполитая останется в стороне. С этой точки зрения Борис Федорович исключительно удачно выбрал время для единственной серьезной войны на Западном направлении: поляки давили на Россию дипломатически, но «второй фронт» против нее не открыли. Самая страшная гроза нависает с юга. Нашествие крымцев по-прежнему, как при Василии III, как при Иване IV, несет в себе смертельную опасность для России. Борис Федорович и здесь осторожен — закрывается крепостями, ищет союзников, держит армию наготове… Направления, дававшие перспективу быстрого продвижения, скорого успеха, получали незначительную подпитку людьми и иными ресурсами. Тот же Кавказ и ту же Сибирь присоединяли крайне малые отряды воинских людей. В Сибири тогда не было силы, которая могла бы всерьез сопротивляться даже им. А вот кавказские приобретения оказались непрочными, и от них некоторое время спустя России пришлось отказаться. В то время ресурсов не хватало — удержать Кавказ. Московское правительство во главе с Б. Ф. Годуновым не могло бросить туда бóльшие силы и средства, поскольку их недоставало даже на самых важных направлениях — против Крыма, Речи Посполитой и Швеции.

Борису Федоровичу приходилось разумно экономить, не браться за рискованные проекты, маневрировать малыми резервами. Он принужден был, располагая невеликим военным и экономическим потенциалом, везде успевать, всюду закрывать бреши, вести хитрую дипломатическую игру компромиссов, драться только там, где это становилось неизбежным. Но при этом социальное напряжение постепенно нарастало, поскольку снаряжать войска и строить города стоило людей, денег, транспортных средств, а все это приходилось выжимать из страны со сравнительно слабой экономической основой. Брали много. За мир. За спокойствие центральных областей. За стабильность. За возможность выводить каждый год полноценную армию к Оке — сторожить крымцев. Крестьянство, державшее страну на своем хребте, едва выносило бремя государева «тягла». Земледельцы бегут от пашни, ищут счастливой доли у новых хозяев, подаются в казаки. Во второй половине 1590-х правительство принимает драконовские меры по сыску беглых холопов; мало того, в 1597 году объявляется 5-летний сыск крестьян, ушедших от помещиков в нарушение законов. Перегнул ли Борис Федорович палку, выкачивая ресурсы из страны путем нажима на крестьянство? Видимо, все-таки нет — во всяком случае, в царствование Федора Ивановича.

Годунов, сколько мог, удерживал страну на грани Смуты. В своей политической деятельности он не столько блистает гениальными комбинациями, сколько гениальной расторопностью, умением упрямо продолжать игру, имея плохую карту на руках, и в конечном итоге уходить от поражения. Он ведет политику с большой осмотрительностью

и осторожностью, предпочитая надежность сколько-нибудь серьезному риску.

Надо признать, что баланс побед и поражений России как за время работы «аристократического» правительства, так и при единоличном доминировании Бориса Федоровича в делах правления сложился явно в пользу нашей страны. Полтора десятилетия стабильности дорогого стоят…

Может быть, и вытащил бы Годунов Московскую державу из стесненных обстоятельств, если бы сам не стал для нее большой проблемой. Ведь царь, который для собственной аристократии — недоцарь, недостойный престола выскочка, человек, «низкий по отечеству», это очень серьезная проблема для страны… Как знать, проживи Борис Федорович дольше, справился бы он со Смутой, задушил бы ее в зародыше, нет ли, но судил ему Бог расстаться с жизнью на заре великой борьбы. И московская служилая знать спокойно радовалась, когда уничтожали семью Годуновых, когда исторгали жизнь из несостоявшейся династии. В 1590-х Борис Федорович правил страной, мало стесненный волею действительного монарха и с ног до головы увешанный почетными титулами. В 1595-м дьяк В. Я. Щелкалов по ходу дипломатического приема ввел в официальный оборот окончательный их список: «…правитель, слуга и конюший боярин, и дворовый воевода, и содержатель великих государств царств Казанского и Астраханского»[169]. Пышно, невероятно пышно! «Слуга государев» — звание для аристократов высшей степени родовитости. «Дворовый воевода» — должность, которую давали перед началом похода и отбирали после его окончания; только растравленное честолюбие могло толкнуть Бориса Федоровича на включение ее в дипломатический церемониал как чина, присвоенного на постоянной основе. Для чего понадобились Б. Ф. Годунову все эти звания? Причина проста: по сравнению с теми же Шуйскими, Воротынскими, Трубецкими, Захарьиными-Юрьевыми, тем более Мстиславскими, и даже по сравнению с представителями многих знатных родов, оказавшихся при Федоре Ивановиче на втором плане, Годуновы имели слишком слабую кровь, слишком низкую кровь. Им недоставало знатности. Второстепенная ветвь старинного московского боярства, аристократы второго сорта, Годуновы могли нашить на свои одежды десятки почетных блесток, но те, кто по крови своей относился к «первому сорту», все равно не прощали им плохое родословие. Р. Г. Скрынников очень точно подметил: «Хотя Борису удалось объединить два высших боярских чина — конюшего и царского слуги, знать по-прежнему не считала его ровней себе. Во время татарского нашествия в 1591 году царь адресовал указы в армию боярам Ф. И. Мстиславкому и Б. Ф. Годунову с товарищами. Но главные воеводы заявили протест против предоставления правителю такого местнического преимущества. Они настаивали на том, чтобы донесения царю шли от имени Мстиславского „с товарыщи“ без упоминания имени Бориса „глухо“. За подобную строптивость Федор наложил на бояр словесную опалу… Претензии Годуновых не нашли поддержки даже у ближайших их соратников по дворовой службе — князей Трубецких, которые сами не могли претендовать на первые места[170]. Боярин Ф. М. Трубецкой заместничал с Годуновыми в период войны со шведами в 1592 году, за что после возвращения в Москву был посажен под домашний арест»[171]. Царь Федор Иванович, покуда был жив, освящал своим присутствием деятельность Годунова, давал ей легитимную основу, а в глазах крепко верующих людей — заодно и своего рода мистическую защиту для всей страны.

* * *

Вывод: как управленец Борис Федорович был для России очень хорош… пока рядом с ним существовал истинный государь. Отсутствие же царя по крови и по традиции, царя-инока, царя-смиренника не мог скомпенсировать весь острый изворотливый ум Бориса Федоровича. Когда один молился беспрестанно, отстранившись от черной политической работы, а другой окунулся по грудь в практическую деятельность и без устали работал, отводя смертельные

угрозы от сердца страны, давая ей шанс усилиться, расширить свои пределы, Небо и земля взирали на их общий труд с удовлетворением. Но один… один этот тяжкий воз вытянуть не мог.

Красиво и точно написал о странном соправительстве царя и конюшего один непредубежденный автор — французский наемник на русской службе капитан Жак Маржерет. Он продал свою шпагу Борису Годунову, когда тот уже стал царем. С 1600 года исполняя в Москве службу командира пехотной роты, француз видит жизнь русских верхов, интересуется тем, что происходило на землях страны в ближайшем прошлом. Не испытывая никакого пиетета к работодателю, выдвигая по отношению к нему тяжкие обвинения, капитан все-таки говорит: «После его [Ивана IV] кончины власть унаследовал… Федор, государь весьма простоватый… Борис Федорович, тогда достаточно любимый народом и очень широко покровительствуемый сказанным Федором, вмешался в государственные дела и, будучи хитрым и весьма сметливым, удовлетворял всех»[172].

Можно по-разному относиться к нравственным свойствам Бориса Федоровича Годунова — образцом добронравия он никогда не был; но пока длилось идеальное соправительство этого дельца-прагматика и блаженного государя, наша страна управлялась исключительно хорошо. Так, как она не управлялась ни при двух прежних государях, ни при трех последующих. Московское царство получило столь необходимую передышку. И, может быть, именно этот глоток отдыха спас его от окончательного распада в годы Смуты, дал ему сил выстоять, когда в тело его раз за разом стал вонзаться враждебный булат.

Глава 5. Царь-инок

Сильная и чистая вера Федора Ивановича — главная отличительная черта, оставшаяся в памяти современников и будущих поколений наряду с загадкой «простоты» его ума. Как ни парадоксально, именно благочестие этого монарха порой заставляло его удаляться от молитв и развлечений, подвигая на практическую деятельность. Именно им объясняются многие события в жизни государя, в частности действия, произведенные им как правителем России. Пусть и нечасто, но такое происходило: самодержец, на девять десятых передавший бразды правления другим людям, иногда вмешивался в ход державных дел, влияя на них по своей воле.

Но прежде обращения к упомянутой деятельности стоит всмотреться: откуда растут корни столь очевидной преданности государя христианскому идеалу?

С детских лет Федор Иванович много ездил по монастырям, должен был знать строгий и чистый иноческий обиход, а в зрелые годы прославился необыкновенным благочестием. Летописи свидетельствуют о том, что с восьмилетнего возраста отец брал мальчика в дальние поездки по монастырям, а с семилетнего — в ближнее богомолье за пределы Москвы[173]. Осенью 1564-го, на Покров, мальчик посетил Троице-Сергиеву обитель. Летом 1565 года ребенок вновь побывал в Троице-Сергиевом монастыре, а затем в Никитском (Переяславль-Залесский). Всего богомолье это заняло месяц. А осенью того же года он отправился с семьей по обителям на гораздо больший срок. Начав с того же удела преподобного Сергия, Иван IV в сопровождении царицы и царевичей побывал в Переяславле-Залесском, Ростове, Ярославле, Вологде и на Белом озере, «в доме» преподобного Кирилла. На следующий год путь царского богомолья, начавшись там же, пролег через Иосифо-Волоцкий монастырь и Вязьму. В феврале 1567 года государево семейство вновь посетило северные города и обители, совершая поездку, у которой были как деловые, так и молитвенные цели. Царевич опять посетил Троицу, Вологду и прославленный Кириллов монастырь на Белом озере; кремлевские палаты он увидел лишь 29 июня. И так далее…

Очевидно, в московские обители царевича стали возить значительно раньше, но многодневные паломнические путешествия, которые могли отнять недели и месяцы, считались, надо полагать, слишком рискованными для его здоровья. Ведь первенец Ивана IV, царевич Дмитрий[174], еще в младенческом возрасте ушел из жизни именно во время дальней поездки при весьма странных обстоятельствах, не исключавших ни роковую случайность, ни злой умысел… Обжегшись на молоке, Иван Васильевич дул на воду, не пуская до поры до времени другого сына в богомолья по иным городам. А может быть, сказалось какое-то физическое нездоровье царевича, а не отцовский страх… Так или иначе, когда родитель наконец счел, что мальчику позволительно отбыть из кремлевских палат хоть на другой конец страны, поездки эти стали обычным делом в его биографии и шли одна за другой.

Любопытная деталь: патриарх Иов в «Повести о житии» Федора Ивановича сказал совершенно определенно, что будущий монарх с молодости, т. е. задолго до «царских лет», был духовно умудренным человеком[175]. Иов мог видеть сыновей Ивана Грозного хотя бы изредка, поскольку пользовался благоволением государя, долгое время настоятельствовал в «царском» Новоспасском монастыре Москвы, а затем был поставлен во епископы Коломенские (1581). Иными словами, есть шанс, что эти слова — не просто этикетная часть панегирического портрета, а «зарисовка» по личным впечатлениям.

П. П. Семечкин. Портрет царя Федора Иоанновича. Гравюра по рисунку М. М. Зеленского. 1841

Но только ли в детских и отроческих богомольных странствиях по обителям можно увидеть корни будущего крепчайшего стояния в вере? Нет ли иных источников, нет ли иных стимулов, питавших благочестие повзрослевшего Федора Ивановича?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, прежде следует понять, какое место занимает этот царь с иноческими идеалами в роду московских правителей.

Московская ветвь Рюриковичей восходит к Даниилу Александровичу, младшему сыну Александра Невского. Он правил в конце XIII — начале XIV столетия. Поэтому весь род, занимавший сначала княжеский, затем великокняжеский, а на закате своего существования и царский престол в Москве, называют «Даниловичами». Среди них были как весьма благочестивые государи, так и фигуры, благосклонные к еретикам. Глубоко и деятельно верующим человеком был, например, сам основатель династии, князь Даниил, причисленный Русской православной церковью к лику святых. А гениальный политик, основатель Российского государства Иван III Великий бывал с митрополитами крутенек, более того, одно время оказывал покровительство ереси жидовствующих. Иначе говоря, христианское чувство в среде правящего семейства Даниловичей отнюдь не имело вид пламени, стоящего высоко, горящего ровно и жарко… Оно то взметывалось к самому небу, то стелилось по земле — ниже травы, тише воды.

Все Даниловичи по своему положению являлись защитниками христианской веры, покровителями и соработниками Церкви. Кто-то из них в своей роли был силен, совершенен, а кто-то… скажем так: имел иные добродетели.

Федор Иванович оказался последним правителем в роду, после него династия пресеклась. Но именно в его царствование государь-Данилович был более всех предков богомолен, благочестив и силен на молитве. Крепчайшая вера царя — общее место у всех иностранцев, писавших о нем. Для русских она не подлежала сомнению. Более того, подданные искренне восхищались этим свойством Федора Ивановича. Так, псковский летописец высказался о нем с восторгом: «…бысть в подвизе велице, и правило его и молитва к Богу день и нощь беспрестанно и держа до кончины живота своего, и дарова ему Господь Бог державу его мирно и тишину и благоденствие и сножение плодов земных, и бысть льгота всей Рускои земле, и не обретеся ни разбойник, ни тать, ни грабитель; и бысть радость и веселие по всей Русской земле…»[176] По мнению современников, молитвенное усердие царя приносило Божью милость всему его народу. А его кротость и смирение во имя Христа давали подданным отдохнуть душой от «грозы» времен Ивана Васильевича.

Итак, в лице Федора Ивановича династия получила лучшего христианина. Его добрая вера бросает отблеск на деяния всей череды предков. В ее свете их благие свершения наполняются смыслом праведности, а корыстные и злые — смыслом отступничества. Судьба Федора Ивановича, словно мощный прожектор, направленный на судьбу всего семейства, делает отчетливее, резче памятные эпизоды его истории, словно Бог дал образец великого молитвенничества, и государи из длинной череды предшественников Федора Ивановича выглядят как персоны, по тем или иным причинам не дотянувшие до столь разительного благочестия.

Федор I взошел на престол двадцатисемилетним. Основные черты его характера — в том числе и необыкновенно сильная вера — уже сложились. Но кто научил его вероисповедной крепости? Кто сделал его таким? Чей пример оказал на него определяющее воздействие в молодости?

Он проходил ту же школу, что и его отец, брат. Такую же школу пройдут в будущем и первые государи из рода Романовых. Но столь же сильное же или, по крайней мере, сравнимое

благочестие проявит лишь один из них — Алексей Михайлович (1645–1676 годы). Все они любили богомолье, все ездили по монастырям, все регулярно посещали службы в храмах, все — кто больше, кто меньше — основывали новые монастыри, строили церкви, жертвовали немалые средства на храмовые нужды. Но сколь же разительно расходились их характеры, их образ действий как политиков!

Невозможно объяснить большее благочестие одного московского государя и меньшее другого способностями духовников, состоявших при царствующих особах. Так или иначе, духовный отец у государя всегда и неизменно бывал непростым человеком, как минимум книжным, облеченным доверием Церкви, опытным в делах исповедания веры и принятия исповеди.

Быть может, сильное духовное воздействие на Федора Ивановича оказали настоящие светочи Русской церкви XVI века — митрополиты Макарий и Филипп II? Трудно сказать. Макарий скончался 31 декабря 1563 года. Царевич Федор был тогда еще маленьким мальчиком, и вряд ли для него мог нечто особенное значить пример седого старика, к которому все, даже отец, относятся с почтением.

А вот Филипп… Да, Филипп мог остаться в памяти отрока надолго. Он восстал против царя Ивана Васильевича из-за опричного кровопролития, призывая государя помнить о Заповеди «возлюби ближнего своего!». История противостояния главы светской власти с главою власти духовной почти вся уместилась в 1568 год. Одиннадцатилетний Федор Иванович вряд ли присутствовал на церковном соборе, осудившем Филиппа на основании лжесвидетельств и клеветы. Но царевич, вполне вероятно, выходил с отцом, старшим братом и многолюдной опричной свитой на богослужения в Успенский собор[177]. Именно во время таких богослужений митрополит Филипп трижды на протяжении первой половины 1568-го публично укорял царя в отступлении от норм, подобающих христианскому государю. Более того, публично же отказывался благословить правителя огромной державы. Это были из ряда вон выходящие события. Современники, надо полагать, глазам своим не верили. Такое книжные люди ведали из древних византийских хроник, из времен святого Иоанна Златоуста, противостоявшего нечестивой императрице Евдоксии… Но чтобы здесь, рядом, в Кремле завелся праведник, не боящийся царского гнева, жизнь собственную поставивший ни во что, мученикам времен Рима Первого уподобившийся в Третьем Риме, — о, ничего подобного от митрополита не ждали. Поступки его запомнились присутствующим как образец твердого стояния в вере при любых обстоятельствах. Надо полагать, врезались они в память и отроку Федору, рядом с которым отец, самодержавный правитель, бессильно сквернословил, не умея победить упорство старика-митрополита. Филипп утратил сан, отправился ссыльным в тверской Отроч монастырь, но всесильному царю не покорился и от истины не отступил. Федор Иванович видел все это в те годы, когда характер, склад ума, главные предпочтения личности еще не застыли, еще только начинают складываться. И душа жадно впитывала яркие впечатления. Одно верно сказанное слово, один поступок, одна строка в книге, услышанные и увиденные в подобном возрасте, могут оказать влияние на всю последующую жизнь…

Так сыграл ли митрополит Филипп, сам о том не думая, роль духовного водителя по отношению к царевичу-мальчику? Возможно. И даже весьма вероятно. Но для более категоричных утверждений источники того времени почвы не дают.

Вероятно, благое влияние на Федора Ивановича оказал его родной брат Иван. Источники определенно говорят о нем как о человеке книжном, хорошо знающем Священное Писание, жития святых, с великим почтением относящемся к русскому монашеству[178]. Его перу принадлежит канон преподобному Антонию Сийскому и один из вариантов жития святого. Иван Иванович имел смелость противиться той насильственной смене жен, которую отец

навязывал ему по причинам не вполне ясным. Видеть перед глазами добрый пример ближайшего, родного человека — превосходный стимул для собственного духовного роста.

Как ни парадоксально, величайшим учителем мальчика, а затем молодого человека стал его отец. Нет, не тем учителем, который передает житейскую мудрость, учит практическим навыкам, наставляет в ремесле. Как уже говорилось, до 1581 года, когда ушел из жизни брат Федора, царевич Иван, никто не думал делать из него правителя. Следовательно, государь Иван IV не имел оснований передавать младшему сыну свое «ремесло» — ремесло высшей власти. А потом делать из Федора Ивановича нового сурового самодержца было уже поздно… Во-первых, до кончины самого грозного царя оставалось менее двух с половиной лет. Во-вторых, у Федора Ивановича, надо полагать, к моменту смерти брата уже сформировался принципиально иной, не державный характер.

Я. П. Турлыгин. Митрополит Филипп обличает Ивана Грозного. 1900

Сейчас речь идет все-таки о другом, не о науке правления. Отец мог стать для царевича *учителем веры.*

С одной стороны, усилиями отца сын усвоил обрядовую, внешнюю сторону христианства. Иван Васильевич был странным христианином. В его время, а порой и прямо по его указу с жизнью расстались многие видные фигуры нашей Церкви — настоятели монастырей и даже архиереи. Он руками церковного собора сместил Филиппа. При нем травили собаками архиепископа Новгородского Леонида. Его волею к Царю Небесному отправился псково-печерский настоятель Корнилий, канонизированный впоследствии Русской православной церковью. Им отданные приказы привели к разграблению множества храмов и монастырей. Он искал новых жен, когда прежние были еще живы и здоровы. Он женился много большее количество раз, чем позволено православному. Он, наконец, сделал массовое душегубство частью

политической практики в нашей стране. Но… царь все же был и благочестив по-своему. Куска не отправлял в рот, не перекрестив его предварительно. Строил новые храмы и монастыри, любил поездки на богомолье, к чему приохотил и свою семью, упорно противостоял инструментами дипломатии и боевым оружием иноверцам и инославным. Знал слезы покаяния. Покровительствовал книгопечатанию ради духовного просвещения — ведь только церковные тексты печатались в годы его правления на Русской земле. Да и сам был «книжен», искренне любил церковную премудрость, богословское рассуждение, хотя и заходил в нем порой за пределы учения Церкви. Со строгостью подходил к соблюдению обрядов, гневался, когда видел в монашеских общинах «ослабу» вместо строго жития. Автор этих строк отнюдь не считает крепость в обряде и огромное всенародное почитание монашества с его аскетичным бытом какими-то пороками Русской цивилизации. Совсем напротив. Строгость в следовании Закону еще не умаляет Любви, но лишь показывает определенную дисциплину духа. А широкое распространение иноческого аскетизма и глубокое уважение к нему по всей стране свидетельствует лишь о том, что общество видело в смирении и самопожертвовании во имя Христа истинные ценности. Что ж худого?

Но у христианства, помимо обрядовой правильности, есть и другие, не менее, а то и более важные стороны. Этическая. Мистическая. Догматическая. И чему, как тут мог научить помраченный отец святого сына? Один сменил множество жен, был «яр и прелюбодейственно зело», а другой всю жизнь до последнего часа провел с одной супругой, и когда понадобилось отстаивать ее, не отступился. Один был душегубец, другой — смиренный молитвенник. Один был книжен и велеречив, другой — тих и жаждал сменить царский венец на простую иноческую рясу. Один унижал и разорял Церковь, другой почитал ее.

Так не воспитал ли государь Иван Васильевич смиренного сына собственным примером… от противного? Тот смотрел, слушал, размышлял, чувствовал горечь и учился… как не надо жить властителю. Может быть, Федор Иванович полжизни замаливал грехи родителя? Один убивал, другой просил у Бога милости для отданной ему земли и для души отца, проходящей мытарства за гробовой доской…

Большой террор при Иване Грозном начался с первых месяцев 1568 года и завершился большей частью в 1571-м, хотя «рецидивы» его происходили и в 1573-м и 1575-м… Тогда юному царевичу было как раз пятнадцать лет. Все, совершавшееся на плахе, не являлось каким-то «государственным секретом». Никто не скрывал, сколь много царь Иван губит своих врагов. Напротив, расправы над изменниками — настоящими и мнимыми — порой принимали вид публичного действия, «акции устрашения». Так, однажды, в 1570 году, в Москве «на Поганой луже» за день лишилось жизни 116 человек. Сам государь обагрял руки кровью, его фавориты не стеснялись побывать в роли палачей, ужасающие пытки становились развлечением для толпы. А Федор Иванович, входя в первый возраст взрослости, когда русскому дворянину, или, как тогда выражались, «служилому человеку по отечеству», следовало записываться на государеву службу, вбирал впечатления. Плаха, дыба, пытки, зло, темень. Царевич стоит бок о бок с отцом и запоминает, чтобы не забыть никогда.

Так не следует поступать, если хочешь сохранить душу от погибели. Вот главный урок, полученный добрым царевичем от родителя.

Хороший урок. Верный урок.

А. С. Хомяков очень верно подметил: «С ранних лет видел он[179] необыкновенный блеск дворца государева и необыкновенную роскошь, которой дивились иностранные послы; но он видел также беспрерывные жестокие казни, и проливание невинной крови, и все ужасы грозного царствования. От природы Феодор Иоаннович был кроток и добр; воспитание, в то

время поручаемое в России людям духовного звания, просветило ум его знанием обязанностей Христианина. Пышность и гордость отца научили его смирению, беспрестанные и отвратительные казни — незлобию, страдания народные — любви к народу»[180].

А. М. Васнецов. Опричники въезжают в город (эскиз декорации к опере П. И. Чайковского «Опричник»). 1911

Взойдя на трон, Федор Иванович сохранил искреннюю любовь к богомолью и надеялся на чудодейственный дух монастырей как на лучшее средство для решения самых сложных проблем в своей жизни. И еще он всю жизнь был кроток, имел поистине голубиное сердце.

В наши дни титаническую фигуру Ивана Грозного не поминает в каких-нибудь историко-публицистических построениях только ленивый. О сыне его говорят мало. Между тем современники, сравнивая двух государей, родителя и его наследника, всегда и неизменно отдавали первенство сыну. Очень выразительно звучат слова той же Псковской летописи, ни в коей мере не имеющей официального характера: «Сий царь и великий князь Иванъ по Божии милости и Пречистые Богородицы и великих чюдотворцов, взял Казанское царство и Астараханское, и вознесеся гордостию, и начал братитися и дружбу имети з дальними цари и короли, с цысарем, и с турским, а з ближними землями заратися и начал воеватися; а в тех ратех и воинах ходя свою землю запустошил, а последи от иноверцов и сам ума изступи и землю хоте погубити, аще не бы Господь живот его прекратил. Напоследи живота его и многомятежного жития умилосердися Господь Богъ, остави сына ему прекроткаго и незлобиваго царевича Феодора на утишие християном; и обрадовашася вси при нем, и Русская земля в тишине бысть молитвою его, и многих помилова. Грады и села и монастыри одари, их же отец его плени»[181]. За кротость его любили, кротостью его восхищались[182].

Для русского государя любая сторона жизни — политика, поскольку она так или иначе будет связана с судьбами тысяч людей. Поведение в семье — политика. Поведение в Церкви —

политика. Простое нищелюбие, склонность к пожертвованиям в пользу Церкви — политика. Любой крупный благотворительный акт — большая политика. *Царь Федор Иванович, формально оставаясь в отдалении от державных дел, именно тихим своим благочестием вводился в некоторые сферы правления как весьма активный деятель.* Монарх-инок не только молился и не всегда перекладывал решение практических задач на чужие плечи.

Добродушная крепкая вера Федора Ивановича еще в царствование отца, Ивана Грозного, вовлекла будущего монарха в серьезный конфликт. Государь Иван Васильевич не имел обыкновения церемониться с женщинами. Сам он женат был большее количество раз, нежели позволяют православные церковные каноны, и ничуть не ставил себе во грех, когда заставлял сына, царевича Ивана, разводиться с его супругами. Иван Иванович к моменту смерти (1581) пребывал в третьем браке. История семейной жизни наследника русского престола печальна. В 1571 году его супругой стала Евдокия Сабурова, чтобы на следующий год… развестись и принять иноческий постриг. Ее обвиняли в «бесчадии», хотя с момента венчания и первой брачной ночи прошло совсем немного времени. Возможны какие-то личные или политические причины особенной неприязни Ивана IV к первой невестке. Сам же царевич ее любил и уступил отцу лишь под давлением. В 1574 году второй женой Ивана Ивановича стала Феодосия[183] Соловая из рядового дворянского рода. Но и ее заставили постричься во инокини, причем в данном случае мотив развода — бездетность — не вызывает сомнений, поскольку монахиней она стала после пяти лет брака. Папский дипломат Антонио Поссевино, охочий до чужих тайн и выполнявший в России, помимо прочих дел, разведывательную службу, сообщает: «Старший его [Ивана IV] сын Иван, хотя ему не больше 20 лет[184], имеет третью жену; двух первых заточили в монастырь по приказу отца, хотя сын об этом сокрушался»[185]. В 1581 году царевич Иван третий раз вступил в супружество, взяв за себя красавицу Елену из весьма знатного, но опального рода старинных московских Шереметевых. Елена Ивановна Шереметева вызвала гнев Ивана IV и даже приняла побои от него, хотя и носила, по словам Антонио Поссевино, царского внука во чреве своем. Это известие, хотя и находит подтверждение в иных источниках, по сию пору вызывает дискуссии. Большинство специалистов считает, что от злости на невестку в монархе разожглась и ярость на сына, результатом чего стала гибель царевича. Часть же историков оспаривает достоверность этих сведений. Однако никто не спорит с тем фактом, что Елена Шереметева — третья жена Ивана Ивановича и что для нее этот брак закончился, после смерти мужа, пострижением в монахини. Поистине незавидна судьба трех невесток Ивана Грозного!

Царица Ирина. Фрагмент миниатюры из Псалтири Дмитрия Годунова. 1591–1594

Зато… четвертой повезло гораздо больше. Той, у которой супругом состоял тишайший, «простоумный» Федор Иванович.

Царевич венчался с Ириной Годуновой между 1573 и 1575 годами[186]. Надо полагать, не на его потомство царь возлагал надежды, связанные с престолонаследием. Ивану Васильевичу, вероятно, до поры до времени казалось достаточным устроить судьбу сына Ивана. И лишь после его второго развода отец стал задумываться: а кто, собственно, виноват в отсутствии внуков? Невестки или… старший сын? Ведь не напрасно «прекрасная молодая девица» Ирина Годунова была публично названа невестой царевича Федора лишь после того, как его старший брат, прожив многие годы в супружестве, не обзавелся потомством[187]. А может быть, Федор Иванович, с его богомольным характером, вовсе не задумывался о супружестве, пока родитель не привел его к невесте? Когда же это произошло, царевич обязан был принять выбор родителя.

Таким образом, семейные дела Федора Ивановича с самого начала имели статус «большой политики».

Теперь стоит сопоставить два факта.

Во-первых, после гибели царевича Ивана его отец потерял возможность получить внуков от этой своей «отрасли». И, как подсказывает логика, вынужден был особое внимание обратить на брак следующего наследника — Федора Ивановича.

Во-вторых, до самой смерти Ивана IV Ирина Годунова оставалась бесплодной. Или, во всяком случае, не могла родить жизнеспособного ребенка. Несколько лет супружества по тем временам являлись достаточным доказательством бесплодности жены и очень весомым поводом для расторжения брака. Собственно, одного этого — и в формальном, и в практическом смыслах — хватило бы для пострижения Ирины Годуновой. Судьба династии фактически зависела от ее чадородия, а значит, оказалась подвешенной на волоске. Иван IV, по своему обыкновению, не погнушался бы приступить к сыну с требованиями сменить жену.

Новый брак царевича Федора нужен был монарху для большей уверенности в том, что царский род не пресечется. А значит, он был нужен как мало что другое на закатной поре жизни Ивана Грозного…

Но… Ирина Годунова благополучно пережила Ивана Васильевича и стала русской царицей, счастливо миновав подводный камень развода. Как такое могло произойти?

Иностранные источники сообщают историю, показывающую, что у милого, доброго «молитвенника», «пономарского сына», как величал его родитель, иной раз прорезалась воля, которую не мог перебороть и сам грозный отец.

Итак, о тяжких семейных обстоятельствах царевича Федора Исаак Масса сообщает следующее: «Федор Иванович взял себе жену еще при жизни своего отца-тирана, и так как в течение трех лет у него не было от нее наследника, она родила одну только дочь, которая вскоре умерла[188], то Иван Васильевич пожелал, чтобы сын, следуя их обычаю, заточил ее в монастырь и взял себе другую жену… Федор Иванович, человек нрава кроткого и доброго, очень любивший свою жену и не желавший исполнить требование отца, отвечал ему: „Оставь ее со мною, а не то так лиши меня жизни, ибо я не желаю ее покинуть“. В досаде, что сын не подражает ему, Иван горько раскаивался, что предал смерти своего сына, весьма походившего на него»[189]. Нет никакой уверенности в том, что царевич Иван Иванович по характеру своему был близок Ивану IV, но, во всяком случае, он оказался более послушен отцовской воле, чем младший брат.

Кроткий Федор нашел для неистового родителя единственную угрозу, способную переломить его настойчивость: царевич поставил на кон свою жизнь. А для Ивана IV жизнь сына обрела теперь особенную ценность, ведь это была еще и жизнь единственного законного престолонаследника, плоть от плоти царской…

Но, быть может, Масса приводит слухи, сплетни, преувеличивает? Ведь с момента ссоры Ивана IV с Федором Ивановичем прошли многие годы, прежде чем нидерландский купец появился в Московском государстве и принялся собирать сведения о царствующем семействе. Так не стал ли он сам жертвой каких-то басен прошлого, трижды искаженных молвой?

Вряд ли. Некоторые подтверждения сведениям торговца обнаруживаются в других источниках. Так, уже поминавшийся Петр Петрей приводит схожую историю. Швед, откровенный недоброжелатель России и особенно династии, которая доставила Шведской короне столько хлопот, рассказывает о преступном намерении государя Ивана Васильевича изнасиловать Ирину Годунову: «Ничем другим она не могла спастись от него, как только криком и воплем: на крик сбежалось много людей из домашней прислуги, мужчин и женщин, что пристыдило его, и он вышел из комнаты, не говоря ни слова. А чтобы эта проказа осталась в тайне, он велел казнить всех прибежавших на помощь к этой женщине. У него было также намерение либо выгнать из страны эту жену своего сына, либо велеть убить ее за то, что она не отдалась его неестественной похоти, уговаривал сына оставить ее и взять себе другую жену… Но в сыне было больше чести и благородства, чем у отца, и он не согласился на это»[190].

Допустим, Петр Петрей также прибыл в Россию через много лет после того, как произошли события, которые он описывает. И, разумеется, красочное описание сцены с «недоизнасилованием» могло быть либо получено им изустно, притом не обязательно из первых рук, либо являться плодом его публицистических усилий. Степень его достоверности крайне невелика. Другое важнее: Исаак Масса и Петр Петрей создали два независимых друг от друга источника, но их тексты совпали в одном: царь Иван IV настаивал на разводе царевича Федора, а тот не согласился. Это совпадение свидетельствует в пользу того, что фактическая

основа у свидетельства голландца и шведа была.

Здравый смысл заставляет принять историю о мужественном сопротивлении Федора Ивановича притязаниям отца. Иван IV до крайности нуждался в его разводе. Иван IV в схожих обстоятельствах дважды разводил его брата, да и себе позволил несколько разводов, за которыми следовали неканоничные браки. Иван IV сломил сопротивление царевича Ивана. И при всем том Федор Иванович остался при своей супруге, ни на кого не поменяв ее. Выходит, он действительно должен был отразить жестокий натиск со стороны родителя и разрушить его планы.

Что заставило царевича поступить подобным образом?

Брал жену он не по любви, а по указанию отца. Впоследствии, конечно, царевич мог полюбить ее: в источниках того времени есть прямые высказывания в пользу нежного отношения и привязанности Федора Ивановича к супруге. Но судить об этом трудно: для русских людей того времени дневники и мемуары были чем-то почти немыслимым, и рассуждения о чувствах, о закрытом мире семейных отношений и, тем более, о любовных переживаниях не характерны для подданных московского государя. А суждения иностранца это всегда изложение личных впечатлений или чьих-то рассказов, полученных, так или иначе, на значительной дистанции от семейных дел; притом не важно, дела ли это из ближайшего круга русского царя или провинциального пушкаря[191]. Сама культура того времени, сам уклад русской жизни и строй книжности нашей мягко табуировали сколько-нибудь пространные рассуждения на подобные темы. Даже патриарх Иов, хорошо знавший обоих и оставивший пространное сочинение о государе — «Повесть о честном житии царя и великого князя московского Феодора Ивановича всея Русии», — написал о взаимоотношениях царя с царицей всего несколько строк, весьма сухо: «[Федор Иванович имел] благозаконную супругу свою благоверную царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всеа Руси по всему благими нравы подобну себе, бе же добродетелию и верою к Богу друг друга преспевая»[192]. Значит, судить о чувствах, существовавших между Ириной Годуновой и Федором Ивановичем, можно лишь с изрядной долей гадательности…[193]

Причина упорства царевича могла лежать и в иной сфере. Дело здесь не в каком-то особом добронравии, не в высокой нравственности. Развод сомнительно выглядел с точки зрения веры, а Федор Иванович как христианин вел себя безупречно. Да, его отец позволял себе чудовищную вольность в этом вопросе. Но современники без одобрения смотрели на него. Четвертый брак Русская церковь позволила монарху в виде исключения: объявив, что скорая смерть третьей жены не позволила осуществить брачные отношения и сообщив всем тем, кто мог бы, глядя на государя, предаться мечтаниям о четвертом браке и для себя, что это сомнительное супружество — «не в образец» прочим православным людям. Вступление в пятый брак повлекло за собой отказ от причастия до самой смерти. Это весьма серьезный повод печалиться для любого православного. А государь Иван Васильевич *развелся с четвертой женой, Анной Колтовской, чтобы впоследствии найти себе новую брачную партнершу.* При этом вопрос о престолонаследии не стоял: у монарха на момент развода были взрослые законные сыновья. Наконец, Иван IV не первым в династии Даниловичей начал разводиться с женами и требовать того же от сыновей; еще отец его, Василий III, пошел на расторжение брака с Соломонией Сабуровой[194] из-за ее бесплодия, и тогда митрополит Даниил принял сторону государя, но не все духовенство одобрило монаршее поведение — например преподобный Максим Грек имел об этом разводе отрицательное мнение. По большому счету, со времен Василия III установилась практика, прямо противоположная христианскому благочестию: разводиться — дело нехорошее и даже скандальное, но для государей сильно упрощенное…

А Федор Иванович захотел остаться чист перед Богом.

Дедушка — не удержался.

Батюшка — не удержался.

Братца — заставили.

И кругом сплошные государственные интересы, разумеется…

Зато их внук, сын и брат не поддался соблазну, не пожелал ставить ни во что великое таинство брака, не захотел забыть о великом священном смысле венчального обряда[195]. Выглядит его поведение в данном случае так, будто он искупал неблагочестивое поведение ближайшей родни. И невозможно историку с дистанции в четыреста с лишним лет определить, чему повиновался тогда Федор Иванович: душевному порыву или глубоко осознанному императиву веры. Если верно последнее, то в споре с отцом поступал как исповедник, отстаивая православный идеал семьи.

В 1585 году, уже будучи государем, Федор Иванович опять столкнулся с необходимостью оборонять свой брак от вмешательства извне.

Русская служилая знать, глядя на прежних государей, твердо уверилась, что они с легкостью меняют жен. И не увидела ничего зазорного в дерзком матримониальном проекте: сливки аристократии российской объединились, требуя у монарха развода с Ириной Годуновой и вступления в новый брак. Допустим, борьба за изгнание Ирины Федоровны с престола велась с одной совершенно очевидной целью — удалить род Годуновых от царя, уничтожить влияние этой придворной группировки. Ну а кандидатура новой царской «невесты» превосходно показывает, с какой стороны нависла очередная опасность над браком Федора Ивановича. Ему предлагали соединиться с Анастасией — дочерью князя Ивана Мстиславского. Анастасия Ивановна в роли русской царицы открывала блестящую политическую комбинацию. Настолько соблазнительную, что великим интриганам, стоявшим за спиной этой женщины, было наплевать даже на ее относительно близкое родство с Федором Ивановичем: царь приходился Ивану III правнуком, а его «невеста» — правнучкой. Ее «продвижение» сулило перспективы, заставлявшие авторов «проекта» забыть о кровосмесительной сути подобного супружества. Анастасия Мстиславская родилась от брака князя Ивана Федоровича с И. А. Шуйской. Таким образом, она приходилась родной кровью и Мстиславским и Шуйским, что позволяло им сплотиться, проталкивая свою «отрасль» в царицы. Союз двух знатнейших, влиятельнейших родов обещал возврат к эпохе «боярского царства», какое было после смерти Елены Глинской при малолетстве Ивана IV. Оттеснив Годуновых, правя именем блаженного царя, «княжата» вновь сделались бы всесильными. Страной безраздельно правили бы Мстиславские, Шуйские, Воротынские, Куракины, их ближайшая родня и союзники. Род московских Даниловичей, возвысившийся к досаде соседей, оказался бы полностью подчинен пришельцам, когда-то оказавшимся на службе у великих князей московских…

Федор Иванович развестись отказался.

Конечно, можно рассуждать о том, до какой степени Годуновы опекали монарха, не позволяя ему и подумать о таком варианте. Но могущественным Мстиславским и Шуйским Годуновы при всем своем влиянии не могли закрыть доступ к царю. И теперь от воли Федора Ивановича, от одного слова его зависело, останутся ли Годуновы главными его приближенными, останется ли бесплодная женщина царицей. В сущности, положение всей этой придворной партии зависело тогда от царя. Если бы он согласился на развод, Годуновых раздавили бы за месяц, если не

раньше. От них и помину бы не осталось.

Государь не пошел навстречу чаяниям русской аристократии. А сам князь И. Ф. Мстиславский, как уже говорилось, принял тяжкое наказание за свою дерзость.

В подобной ситуации царю требовалось проявить мужество. У титулованной знати хватало сил для успешного заговора или как минимум для устройства большого бунта среди посадских людей столицы. Федору Ивановичу было чего опасаться. Тем не менее он опять сохранил свой брак нерушимым, оставшись любящим мужем и добрым христианином.

О том, до какой степени твердость государя в семейном вопросе была осознанной и прочувствованной, свидетельствует один любопытный факт. Более чем за сорок лет до его восшествия на трон из жизни ушла инокиня суздальского Покровского монастыря София. Она же в миру — Соломония Сабурова, первая жена Василия III, с которой и пошло недоброе пристрастие московских правителей к разводам. Так вот, именно при Федоре Ивановиче начинается официальное почитание ее как святой. Супруга царя Ирина Федоровна даже прислала на ее гробницу бархатный покров с изображением Спасителя. А ведь это шаг не только религиозный, но и политический: жена здравствующего царя, проявляя почтение к жене усопшего правителя, когда-то подвергшейся разводу из-за «бесчадия», своим поступком сообщает всей России: ныне семья государева показывает ей свое сочувствие, а значит, отношение к разводу монарха отныне устанавливается иное, более строгое.

София Суздальская (в миру — Соломония Сабурова). Изображение в соборе Покровского монастыря, Суздаль. XVII в.

Бездетность Ирины Годуновой была главным душевным мучением для царственной четы. Постоянное пребывание в молитве, поездки на богомолье по монастырям, церковная благотворительность Федора Ивановича и его жены во многом связаны были с этим их общим горем.

Джильс Флетчер оставил печальную зарисовку терзаний государыни: «Нынешняя царица, не имея детей от царя, своего супруга, дала много обетов святому Сергию, покровителю этого монастыря[196], чтобы он благословил ее чадородием. Каждый год ходит она туда пешком на богомолье из Москвы, что составляет около 80 английских миль, в сопровождении пяти или шести тысяч женщин, одетых в синие платья, и с четырьмя тысячами солдат, составляющих ее

телохранителей. Но святой Сергий до сих пор не услышал молитвы ее»[197].

Джером Горсей, то ли получив тайное распоряжение от Б. Ф. Годунова или даже самого царя, то ли взяв на себя смелость оказать Борису Федоровичу услугу, о которой тот не просил, взялся устраивать семейные дела царицы Ирины. По его словам — и им нет смысла не доверять — быв семь лет замужем[198], Ирина Федоровна часто оказывалась беременной, но с рождением детей у нее были какие-то проблемы[199]. Горсей затратил немало времени, пытаясь решить эту задачу медицинскими методами. Он получил консультации «оксфордских, кембриджских и лондонских медиков касательно… затруднительных дел царицы Ирины», а также вывез в Россию английскую повитуху. Но с повитухой вышла странная история. То ли Горсей превысил свою компетенцию и, уже связавшись с Борисом Годуновым или царем, получил отповедь, поскольку перестарался, совершив действие, компрометирующее царскую семью. То ли англичанин просто не сумел сохранить в тайне свои действия, и они потеряли смысл, поскольку услугами столь необходимой повитухи невозможно было воспользоваться явно… В любом случае бедная повитуха прожила почти год в Вологде, вернулась в Англию, так и не увидев царицу Ирину, и, разгневанная, подала жалобу королеве Елизавете; та связывалась с русской государыней об этой проблеме, так что дело приобрело широкую огласку[200]. В Московском государстве побывал английский медик Роберт Якоби, прибывший с королевским рекомендательным письмом в распоряжение Ирины Федоровны. Миссия его, видимо, не имела успеха[201].

Попытки врачебной помощи не приводили к желанному результату: жизнеспособных детей у царицы не появлялось в течение многих лет. Терпеть эту общую боль оказывалось года от года труднее. Царственные супруги продолжали уповать на помощь не столько медицинского, сколько мистического свойства. Иначе говоря, на милость Божью.

Разумеется, переживала не одна Ирина Федоровна, но и ее супруг.

Время от времени на богомолье царственная чета отправлялась вместе, рука об руку. Джером Горсей оставил описание первого большого богомолья, совершенного царственной четой сразу после восхождения Федора Ивановича на престол, в 1584 году: «Будучи очень набожными, царь и царица пешком обошли главные церкви города, а на Троицын день предприняли путешествие в известный монастырь, называемый Троице-Сергиев (Sergius and the Trinitie) в 60 милях от города Москвы, в сопровождении огромного количества бояр, дворян и других приближенных, верхом на хороших конях в соответствующем убранстве… Царица из набожности шла всю дорогу пешком, сопровождаемая большой свитой княгинь и знатных дам. Ее охрана состояла из 20 000 стрельцов, ее главным советником, или сопровождающим слугой, был знатный человек царской крови, ее дядя, пользующийся большим авторитетом, по имени Дмитрий Иванович Годунов. После богомолья царь и царица возвратились в Москву»[202].

Александро-Невская летопись содержит известие о том, как 25 июля 1585 года была доделана драгоценная рака для мощей преподобного Сергия Радонежского. Ее начали изготавливать при Иване Грозном, в 1555 или 1556 году, но работы прекратились. Федор Иванович велел ее доделать, мало того, совершил поход в Троице-Сергиев монастырь с царицей Ириной, чтобы там молить Сергия «аще угодно ему будет преложити чюдотворивые его мощи в новую раку». Там же возносились молитвы о «чадородии» «неплодной» царицы[203]. Летопись неразрывно связывает изготовление этой раки, а также нескольких других с желанием самого царя, а не кого-либо из его свиты, родственников, приближенных: «Повелением благочестиваго царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Русии и верою его несумненною, и слезами теплыми зачали делати раки серебряные кованыя многоценныя»[204].

21 декабря 1591 года, через неделю после того, как на Выборг, против шведов, отправилась шестиполковая рать, Федор Иванович «…на праздник Петра митрополита… ел у патриарха Иова в большой полате» со знатнейшими людьми царства. Вскоре после этого он отправился на большое богомолье, возможно с супругой, и объезжал монастыри на протяжении нескольких месяцев. Столица вновь увидела его лишь на Вербное воскресенье. Царь побывал в Троице-Сергиевом, Никольском Можайском, Пафнутьеве Боровском и Саввино-Сторожевском звенигородском монастырях[205]. Пафнутьев Боровский монастырь Федор Иванович любил, надо полагать, не менее Троице-Сергиевой обители, поскольку ездил туда неоднократно — так, царь отправился туда на богомолье и в 7103 (1594/1595) году[206]. Кроме того, боровская иноческая община получила от него поистине царский подарок — там был построен Успенский храм «больши старого»[207]. К преподобному Пафнутию, как и к преподобному Сергию, царь обращался с молитвой о «чадородии»: тогда было распространено мнение, связывающее рождение государя Ивана Васильевича с «прошением» и «молением» святого Пафнутия. У отца Ивана IV (и, соответственно, деда Федора Ивановича) великого князя Василия III, также были тяжкие проблемы с наследником. Первая жена (Соломония Сабурова) так и не дала ему ребенка, да и вторая, Елена Глинская, долго не могла зачать. Монарх и его молодая супруга обращались с молитвами к разным святым, и, по весьма распространенному мнению, помог им преподобный Пафнутий. Ирина Федоровна и Федор Иванович также связывали с заступничеством преподобного Пафнутия большие надежды. Приделы Успенского собора были освящены в честь их патрональных святых — мученицы Ирины и Феодора Стратилата.

Государева щедрость распространилась и на другие монастыри. Так, например, «…повелением царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии» был поставлен «храм камен на Москве в Кремле-городе в Девичье манастыре у Вознесения, о пяти верхах, больши старого, и манастыря прибавлено»[208]. Ни обитель в целом, ни собор ее, воздвигнутый при Федоре Ивановиче, до наших дней не дошли. Вознесенская («Стародевичья») обитель была основана в 1407 году[209] вдовой великого князя Дмитрия Ивановича. Главный храм ее играл роль усыпальницы для женщин, относящихся к московскому монаршему роду, прежде всего для великих княгинь и цариц. При Федоре Ивановиче появилось уже третье здание монастырского собора (между 1584 и 1588), выполненное наподобие усыпальницы великих князей и царей — Архангельского собора. Обитель простояла века. Однако в 1929 году монастырь, расположенный рядом со Спасской башней, было решено снести, как и Чудов. Для новой власти русская старина родной не была, ее в лучшем случае рассматривали как временно терпимое явление; время двух древних монастырей тогда закончилось…[210]

Недалеко от современной Пречистенской набережной, на 2-м Зачатьевском переулке, располагается Зачатьевская обитель, обязанная своим существованием царю Федору Ивановичу и, возможно, его супруге.

Еще в середине XIV столетия на этом месте, близ села Семчинского, был основан Алексеевский женский монастырь. Около 1360 года митрополит Московский Алексий учредил его, освятив соборный храм во имя св. Алексия, человека Божьего, своего патронального святого. Это была первая девичья обитель Москвы. Здесь совершали иноческий подвиг сестры святителя Алексия — первоначальницы монашеской общины преп. игумения Иулиания и монахиня Евпраксия.

Святитель Алексий много потрудился, возрождая высокий идеал русского иночества. Он создавал новые обители, распространял там общежитийный устав, следил за строгостью монашеской жизни. Столь крупные и знаменитые монастыри, как Чудов и Спасо-Андроников в Москве, Введенский Владычный в Серпухове, основаны им, а ряд древних обителей, находившихся в упадке, возрождены его стараниями. Какое-то время Алексеевская обитель

подчинялась кремлевскому Чудову монастырю.

Создание Алексеевского девичья монастыря являлось частью этой громадной духовной работы. Притом Алексеевскую обитель митрополит основал в очень тяжелое и лично для него, и для Московского княжества время. На княжении сидел государь-мальчик, Димитрий Иванович. Через двадцать лет ему придется принимать на щит удары Мамая у реки Непрядвы, и он выстоит… А в пору детства князя Димитрия, воспользовавшись слабостью отрока, его дальний родич, князь Суздальско-Нижегородский Дмитрий Константинович отобрал у Москвы великое княжение. Город Владимир с богатыми селами окрест, а вместе с тем и старшинство во всей Северо-Восточной Руси перешли от Москвы к нему. Алексий, фактически возглавивший боярское правительство при малолетнем князе и сыгравший роль старшего регента, должен был, помимо своих, духовных дел, еще и заниматься делами княжескими. Он взвалил себе на плечи тяжелые переговоры в Орде и административное устроение на Москве. В непростой борьбе Москва вернула себе великое княжение. Но пока длилось противостояние, святитель Алексий был страшно загружен державными трудами. Таким образом, обитель возникла вопреки тяготам, выпавшим на долю главы Церкви и, возможно, из упования митрополита на то, что тезоименитный святой станет заботливым ходатаем за него перед Господом в делах многотрудных.

Для самого основателя в монастыре были устроены особые покои — в маленькой белокаменной палате, не дошедшей до наших дней.

На территории монастыря в XX и XXI столетиях велись обширные археологические раскопки. Находки археологов неопровержимо доказывают: во второй половине XIV–XV веке здесь существовала процветающая девичья обитель. Среди прочего, здесь были найдены дорогие вещи, видимо, относящиеся к обиходу митрополита Алексия и его окружения: большое фаянсовое (селадоновое) блюдо из Китая, глазурованные керамические чаши из Орды, дорогой сосуд с Северного Кавказа. Тут обнаружены также серебряные монеты Дмитрия Донского, Василия I и т. д. вплоть до Ивана IV. Иван III Великий жаловал игуменью алексеевскую. Тем не менее до XVI века монастырь имел скромные размеры, а храмы его сооружались из дерева. Первый каменный собор построили здесь после пожара 1508 года, при великом князе Василии III (1505–1533 годы), но не позднее 1521 года. Воздвигли его итальянские мастера (возможно, известный архитектор Алевиз Фрязин).

Алексиевский храм. Фотография Н. Найденова. 1882

Тогда же или чуть позднее здесь появился престол, освященный во имя Преображения Господня.

Впоследствии монастырь перенесли. Это произошло из-за великого пожарного разорения. Историки строили разные версии по поводу того, когда именно огненная стихия нанесла свой страшный удар. В Москве XVI века тотальные пожары случались несколько раз: 1547 год, 1560 год, 1571 год. Скорее всего, судьбу Алексеевской обители переломил самый страшный пожар 1571 года, полыхнувший во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея. С последствиями прочих огненных бедствий Москва справлялась без видимого напряжения, довольно быстро залечивая раны, нанесенные когтями пламени. Но 1571 год принес настоящую катастрофу: даже через десять лет иностранцы писали, что внутри города видны многочисленные пустыри, когда-то густо заселенные, а ныне превратившиеся в унылые пожарища. Как видно, вплоть до кончины Ивана IV в 1584 году русская столица не могла восстановиться в полной силе и высоком цветении своем.

Археологические находки свидетельствуют о том же: примерно в 1570-х и начале 1580-х на кладбище обители не появлялось новых захоронений. Видимо, местность запустела.

Поэтому царь Иван Васильевич перенес монастырь на другое место, очевидно более выгодное или не столь сильно пострадавшее от огня. Итак, со времен Ивана Грозного Алексеевская обитель расположилась там, где сейчас стоит храм Христа Спасителя. Здесь она провела несколько веков, а в XIX столетии была переведена на нынешнее место пребывания — неподалеку от станции метро «Красносельская».

Однако, по старинной русской поговорке, «свято место пусто не бывает». В начале правления государя Федора Ивановича небольшая община, не ушедшая со старого обиталища (то ли уже новые насельники), при попечительстве царя обрела каменный храм Зачатия святой праведной Анны (около 1584) с двумя приделами, освященными во имя св. Феодора Стратилата и святой мученицы Ирины (освящены в 1585), что связано с участием царственной четы в судьбе обители. Да и само освящение храма — «говорящее». Мечтая о чуде, вымаливая у Бога чудо — рождение ребенка, государь и государыня вспомнили об ином, библейском чудесном рождении, совершившемся милостью Господней у бездетных Иоакима и Анны.

Таким образом, московский Зачатьевский монастырь — детище Ирины Федоровны и Федора Ивановича.

Об их особом внимании к обители свидетельствует строительство там еще одной — Богородице-Рождественской — церкви с приделом во имя святого Алексия митрополита Московского (1585)[211]. Трапезный храм Рождества Пресвятой Богородицы, построенный в камне на месте старого, деревянного, стал жемчужиной московского зодчества.

Кроме того, государь щедро выделил средства на строительство монастырских келий, ограды и колокольни. Определил царь также и ежегодную ругу (денежную и натуральную выдачу) на содержание монахинь. Как сказано в жалованной грамоте, «…государь царь и великий князь Феодор Иоаннович всея Руссии велел и давати своего государева годового жалованья руги хлебныя по двенадцати четвертей ржи и овса, да денежные руги по два рубля, да по два пуда соли, да по осетру рыбы, да по полусмине гороху, да по полусмине конопель старице на год».

Когда монастырь на старом месте получил новое устроение, места сгоревших келий засыпали песком. Здесь возникло новое кладбище, и в центре его около 1590-х годов была возведена «каменная палатка» (склеп), почитавшаяся как место упокоения преподобных Иулиании и Евпраксии. К концу XX века от нее остался только фундамент…

Обитель ожидала непростая судьба. Она едва пережила чудовищное разорение Смутного времени, но счастливо восстановилась после него. При первых государях из династии Романовых процветала. А вот в XVIII столетии, особенно бедственном для русского монашества, долгое время находилась в упадке. XIX век — новый взлет и расширение. Строятся новые храмы, в том числе величественный собор в «готическом» стиле. Если бы не нашествие революционных варваров 1812 года, XIX век можно было бы назвать счастливой и безоблачной порой в судьбе обители. Начало следующего, XX, столетия застает здесь иноческую общину в блистательном экономическом и духовном состоянии.

Безбожная советская власть разорила, а затем и вовсе разогнала монастырь. Старинные храмы оказались либо разломаны, либо взорваны. На территории обители началось типовое городское строительство. Здешнее кладбище подверглось уничтожению.

Иноческая жизнь начала возрождаться здесь в 1991 году. Новые храмы встали на месте

убитых. Ныне Зачатьевский монастырь занимает достойное место среди столичных обителей. Притом вся старина, включая находки археологов, здесь бережно сохраняется.

А вот еще один духовный подвиг царя как христианина и милостивца Русской церкви:

Собор Василия Блаженного был воздвигнут при Иване IV, его рождение связано со взятием Казани в 1552 году. Вид свой и нынешнее свое имя он обрел далеко не сразу. Первоначально его именовали Троицким «что на Рву», затем Покровским «что на Рву», а порой обоими именами одновременно. В течение первых десятилетий своего существования храм отнюдь не блистал каким-то особенным убранством куполов. Но «…во дни благочестиваго царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси зделаны верхи у Троицы и у Покрова на Рву разными обрасцы и железом немецким обиты; и от пожару от самаго не бысть верхом на тех храмех»[212]. Речь идет не о разных «храмех», а об одной церковной постройке со многими престолами, которые выстроены были в форме девяти «башенок», а потому воспринимались как отдельные церкви[213]. Так вот, именно со времен Федора Ивановича знаменитый собор Василия Блаженного на Красной площади удивляет местных жителей и приезжих многообразием фигурных, многоцветных куполов. Ныне это чудо декоративного гения Москвы стало одним из главных символов города, без него трудно представить себе русскую столицу. Ныне у собора меньше глав, чем было в старину, да и декоративное их оформление весьма отличается от того, каким оно стало при Федоре Ивановиче. Однако сама идея украшать главы «разными обрасцы» принадлежит именно его времени и, как знать, не самому ли государю…

Зачатьевский монастырь. Фотография Н. Найденова. 1882

В Москве, которая была тогда городом садов, да еще при декорировании храма, воздвигнутого на фоне северного Замоскворечья, почти полностью засаженного царскими садами, «выращивали» храм, уподобленный райскому саду. И когда отдельные церкви-башенки обрели разные завершения, они стали похожи… на деревья, отличающиеся друг от друга листьями и плодами, но в равной мере прекрасные. При Иване IV, когда строился собор, его наделили еще одним символическим значением. По словам историка русского зодчества Владимира

Скопина, «…в сложном облике Покровского собора большинство исследователей видят воплощение символического образа Иерусалима. Того Иерусалима, который представляется земным городом храмов над святыми местами, и Иерусалимом горним, или небесным, который воспринимается верующими как Царство Небесное». И этот «город храмов» должен был создавать впечатление великого множества церквей; соответственно, чем богаче их разнообразие, тем более сильное впечатление они производят. Монарх, углубленный в веру, каким и был Федор Иванович, мог додуматься до такого эффекта…[214]

«Верхи» Покровского собора, как сообщает источник, обновились после пожара, уничтожившего их. Летописец мог иметь в виду один из двух больших московских пожаров, относящихся ко второй половине XVI столетия. Первый из них связан с нападением хана Девлет-Гирея, спалившего великий город (1571). Второй случился в Китай-городе, скорее всего, в 1594 году. Крайне маловероятно, чтобы один из главнейших соборов царства простоял не менее тринадцати лет — от татарского нашествия до восхождения на русский трон Федора Ивановича — с разрушенными «верхами». Скорее всего, обновление глав произошло вскоре после того, как они пострадали от «Китайгородского пожара». Таким образом, их ремонтировали и декорировали заново в середине 1590-х годов.

Примерно тогда же при Покровском соборе появился особый придел во имя св. Василия Блаженного, чьи мощи нашли упокоение под крышей храма в 1588 году, а «празднество», по словам Нового летописца, «уставися августа в 2 день»[215]. Мощи поместили в особую гробницу, и над ней повесили тяжелые железные вериги юродивого.

Прославление нового святого — великая радость для богомольного царя. Народ любил юродивого Василия, толпы стекались к его мощам: кто-то молил о прощении души, кто-то — об избавлении от хвори. А для души блаженного царя в душе блаженного юрода было, наверное, нечто родственное. И государь Федор Иванович позаботился о мощах нового чудотворца так, что явление этого святого московскому люду запомнилось надолго — как большое событие христианской жизни. Крупные летописи и краткие летописцы пестрят известиями о чудесах Василия Блаженного и о почитании, какое даровано было ему от самого царя: «Прояви Бог угодника своего блаженного Василия, и быша от гроба его чудеса великая, многа множества, различными недуги исцели. Царь же Федор Иванович повеле сотворити над гробом его раку серебряну и позлатити и учредити камением з жемчюги и повеле сотворити над гробом его храм каменой» (Новый летописец); «…учинилася проща от великого светильника и чюдотворца Василия Блаженного. И много лет источники истекали живых вод благодати его хромым, слепым, бесным, на всякий день человек по пятинатцати и по дватцати, и по тритцати, и больши; и много лет чюдеса творяше безпрестанно. И едино от чюдес скажем: некий инок, именем Герасим, прозвище Медведь, много лет без ног быша и поляше на коленках сколодицами, и просяше милостыни у Фроловских врат. И внезапу Божиею милостию и пречистыя Богородицы и великого светильника Василия Блаженного молением исцелеша и здрав бысть по-прежнему, и хожаше, как и прочие человецы. А в животе блаженного Василия житие его было на Кулишках, у боярыни вдовы, именем у Стефаниды Юрловы» (Пискаревский летописец); «Божиим изволением в пресловущем граде Москве при благоверном царе и государе великом князе Феодоре Ивановиче всеа Руси и при митрополите Иеве явися новый великий чюдотворец Василей Нагой и простил три души — две девицы да нищаго старца, и от того дни у чюдотворцова гроба великие чюдеса и прощение многим людям» (Соловецкий летописец)[216]. Усиливали радость государя «великие чудеса» и «прощения душ» (как тогда говорили, «проща»), случившиеся у гроба Василия Блаженного. Как знать, не родилась ли у самого Федора Ивановича надежда на еще одно чудо «молением Василия Блаженного», чудо, столь долгожданное в семейных тяготах царя и царицы, — рождение ребенка? Нельзя утверждать наверняка, но можно предполагать большое упование монарха на нового

чудотворца, коли уж «проявил» Господь столь великую святость как раз в его царствование… Вероятно, с этой просьбой Федор Иванович обращался к Василию Блаженному, когда бывал у гробницы вместе с супругой. А о подобных посещениях оставил достоверное сообщение Джильс Флетчер, видевший их лично в 1588 и 1589 годах: «Был еще такой же другой, умерший несколько лет тому назад[217], по имени Василий, который решался упрекать покойного царя в его жестокости и во всех угнетениях, каким он подвергал народ. Тело его перенесли недавно в великолепную церковь, близ царского дворца, в Москве, и причислили его к лику святых. Он творил здесь много чудес, за что ему делали обильные приношения не только простолюдины, но и знатное дворянство и даже сам царь и царица, посещающие этот храм с большим благоговением»[218].

Изображение святого Василия Блаженного у Покровского собора. До XIX в.

На царский вклад была сооружена и надвратная Вознесенская церковь с приделом во имя того

же святого Феодора Стратилата в тихвинском Богородицком Большом монастыре (начало 1590-х).

Когда Федор Иванович видел в строительстве каменного храма необходимость, но не считал нужным лично участвовать в этом деле, он давал распоряжение израсходовать казенные средства или дать строителю (например, крупной обители) податные льготы. Именно таким порядком ведется строительство Троицкой церкви в Антониево-Сийской обители (конец 1580-х), несколько позднее — в столичных Донском и Симонове монастырях, а также в казанском Богородицком (1594) и Спасо-Преображенском (вторая половина 1590-х) монастырях.

Пискаревский летописец, излагающий храмоздательскую деятельность Федора Ивановича, поминает только те церкви, в отношении которых царь был жертвователем и, по всей видимости, инициатором строительства. Ни одна из церковных построек, возведенных на казенные или монастырские деньги, а не на царские вклады, там не называется. Кроме того, собственно государевы благотворительные усилия четко отделены от храмового строительства, которое ведут Годуновы. Это редкая, поистине драгоценная возможность отделить царя, во-первых, от его соправителя и, во-вторых, от царства. Сведения, почерпнутые из Пискаревского летописца, позволяют сделать вывод: существовала обширная область, где Федор Иванович вел себя абсолютно самостоятельно, более того, мог развить масштабную деятельность.

Федор Иванович не только много жертвовал на храмовое и монастырское строительство, он вошел в церковную историю — наряду со своей супругой — как основатель новых обителей[219]. Но, помимо этого, царь вообще был весьма щедр в отношении Церкви. Когда речь шла об общегосударственной политике, решения принимало аристократическое правительство или, позднее, единолично Борис Годунов. Государь же мог одобрить меры, наносившие материальный урон Церкви, — если всей стране требовалось потуже затянуть пояса. Так, историк А. А. Зимин пишет: «Правительству удалось добиться издания соборного приговора 10 июня 1584 года об отмене податных привилегий монастырей (тарханов). Он подтвердил запрещение 1580 года монастырям приобретать земли путем покупок и вкладов, держать закладчиков, так как „крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во лготе, и от того великая тощета воинскому чину прииде“. Эти меры предполагались как временные… Приговор 1584 года имел действенное влияние на жизнь страны. Приток владений в монастыри практически прекратился»[220]. Когда же речь шла о персональных пожертвованиях, Федор Иванович оказывался великим милостивцем в отношении храмов и монашеских обителей. Он раздавал им земли, деньги, дарил ценное имущество. И щедрость монарха не принимала вид редких, разрозненных благодеяний, она проявлялась постоянно. Что ж, царь-инок, человек, ставивший монашеский идеал выше, нежели свое — высочайшее! — положение в государстве, должен был любить монастыри, заботиться о них, проявлять к ним самое милостивое отношение. Патриарх Иов писал о нем: «Зело… бе нищелюбив, вдовица и сироты милуяй, паче же священнический и иноческий чин велми почитая и пространною милостынею повсегда удовляя. И толику ревность по благочестии показа: не токмо во всей державе богохранимаго его царствия, но и во всю вселенную непремолчная слава благочестия его, яко солнечныя луча, простирашеся, и толма милостив бе, яко не точию в своей богохранимой державе пространную милостыню требующим подавая, но и в далныя страны земли, яко нескудная река, повсегда изливашеся. Глаголю же, во Святую гору Афона и во Александрею, и в Ливию, и в Великую Антиохию, и во вся святая места, даже и до самого Божия града Иерусалима, пространная милостыня по вся лета от него посылашася»[221].

Примеры милостивого отношения к «иноческому чину» привести нетрудно.

Так, суздальский Спасо-Евфимьев монастырь к концу XVI столетия был крупным

землевладельцем, хотя и не принадлежал к числу богатейших обителей. Подавая челобитные «великому государю», иноческая община неизменно добивается от него щедрых уступок в свою пользу. В марте 1587 года она получает от царя богатое пожалование: братии возвращают село Антилохово с двумя деревнями, отнятое у обители в прежние времена. Все «власти и пошлинники всех городов от Суздаля до Васильгорода» получают распоряжение о беспошлинном пропуске судов и возов обители «с рыбой на монастырский обиход». Большая тяжба о рыбных ловлях на Волге также решается в пользу Спасо-Евфимьевой обители. В сентябре 1596 года монастырь столь же успешно возвращает себе два села и пустошь в Юрьевском уезде, получив на то «указную грамоту с прочетом» от имени Федора Ивановича[222]. Видно, как монастырь год от года улучшает свое положение за счет монарших благодеяний.

Георгиевская пустынь близ города Гороховца, основанная, по преданию, преподобным Сергием Радонежским, получила от царя с царицей в два приема (1591/1592 и 1596 годы) 3696 четей земли — целую область![223]

Подобных примеров за период царствования Федора Ивановича — весьма много. Указаниями о земельных, денежных и вещевых вкладах этого монарха пестрят вкладные и приходные книги русских монастырей.

Значительная их часть связана с семейной трагедией царя, с многолетним его и царицы молением о «чадородии». Однако этим дело не ограничивалось. У государя было немало иных причин выказать благорасположение к тому или иному храму, иноческой обители, архиерею. Так, например, известны богатые пожалования государя кремлевским монастырям[224] и соборам. Особого внимания заслуживают те из них, которые связаны с царской семьей и приоткрывают отношение монарха к ближайшим родственникам.

Летом 1585 года Федор Иванович пожаловал кремлевскому Архангельскому собору дворцовое село Отцы Святые с деревнями и пустошами в Горетовском стане Московского уезда «по отце своем государе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси»[225]. Размеры пожертвования не свидетельствуют ни о чем, помимо естественного сыновнего почтения к родителю. Для государя и даже просто для знатного и богатого человека дать землю храму или монастырю «по родителех», «по жене» и т. п. было обыкновенной практикой.

Совсем другое дело — пожалование, совершенное Федором Ивановичем 29 августа 1596 года. Тогда московскому Новодевичьему монастырю досталось село Смоленское с деревнями в Верейском уезде. Обращает на себя внимание огромный размер пожертвования. К селу Смоленскому отданы были деревни: Суланковская, Иванкова, Нагибина, Токарева, Мохневая Торховская, Бахтеярова Болотова, Поддубная, Орешковая, Митенино, Лаптевская, Блазнева, Волфинская, Васильчина, Точилова Головкино, Окуловская, Шиленковая, Болсуновая Иванкова, Макаровская, Тилина, Ероховская Пахоминова, Тележникова Теренина, Мартьянова, Резинская Маслова да селища Цылево и Лисицынское[226]. Впечатляющий список, что и говорить! Еще большее удивление вызывает общая площадь отданных монастырю владений. Одни только пашенные угодья насчитывали 2400 десятин[227]. По тем временам, а впрочем, и по мерке любого времени одна эта вотчина составляет целое состояние. На закате XVI столетия с такой земли могли бы служить на великого государя несколько среднепоместных дворян. Все перечисленное богатство Федор Иванович отдал Новодевичьей обители «по старице по Леониде». А старица Леонида в миру была Еленой Ивановной Шереметевой, третьей супругой покойного царевича Ивана Ивановича — государева брата. Это говорило современникам и грядущим поколениям о нежной любви Федора Ивановича к брату. Ко времени, когда было совершено пожертвование, царевич вот уже пятнадцать лет лежал в

гробу. Но Федор Иванович все еще печалился о нем, все еще готов был в память о нем отдать по его безвременно овдовевшей супруге огромное имение. Более того, в грамоте она именуется царицей, хотя брат Федора Ивановича монархом не был ни единого дня, — столь велико теплое чувство царя к почившему брату! И за порогом жизни земной к старшему из братьев был обращен голос младшего: «Ты должен был править. И мысленно ты всегда со мной. Ты — истинный государь, а твоя любимая жена — государыня. А я… я просто нахожусь рядом и называюсь царем».

На протяжении всего царствования Федор Иванович давал иноческим обителям не только землю и деньги, но также наделял их правами на пользование ценными угодьями, — например, «рыбными *ло*влями», — даровал некоторым из монастырей льготы по выплатам казенных пошлин, повелевал местным властям отстаивать монастырские земли и промыслы от «насильства» со стороны посадских людей.

Как щедрого жертвователя Федора Ивановича знали и на Православном Востоке. Собственно, русское серебро и русские меха отправлялись в монастыри Афона, шли на поддержку православных иерархов Константинополя, завоеванного турками, Святой земли, Египта и т. п. на протяжении столетий. Дорожка с Православного Востока в Москву за милостыней была проторена еще в XIV веке. Федор Иванович не изменил этой старинной традиции, более того, он порой раздавал деньги сверх обычного. В Новом летописце об этом рассказывается с радостью и гордостью: «Приидоша… ко государю из Полестинские земли из Еросалима и изо всех святых мест митрополиты и архиепископы и епископы и архимариты[228] и игумены и простые старци о утвержение веры и прошаху милостыни, чем откупатися от турсково гонения, приносаша многи мощи святых и всякую святыню к нему, государю. Он же государь их жаловаше и даяше им милостыню болшую и отпуская их, ковождо свое место. Многия же видяху православную христианскую истинную непорочную веру и осташась на Москве; тут же остася Кипрский архиепископ Игнатей»[229].

Константинопольский патриарх Иеремия, с которым в Москве завели особенную дружбу[230], получил 1000 рублей на строительство храмов, а также ради молитв его о чадородии царицы Ирины Федоровны. В грамотах царя, патриарха Московского и Б. Ф. Годунова патриархам Православного Востока за 1592 год также содержатся просьбы о чадородии: «…чтоб милосердый Бог вашего ради чеснейшего архиерейства, и всех благочестивых святейших патриарх, и всего с вами освященного… собора молитв подал нам милость свою и разверзл бы союз чадородия нашего в наследие рода нашего, дабы многорасленая ветвь царского нашего корени провела в надежу нашим великим государьствам…»[231] Такого рода просьбы всегда сопровождались богатой милостыней. Наконец, рождение долгожданного ребенка отмечено колоссальными пожертвованиями, отправленными на Святую землю, о чем речь пойдет ниже.

Иного рода царская милость и пожалование были явлены Псковской земле в трудный час. В 1592 году в северных областях России началась эпидемия, от которой не знали спасения: «Бысть… мор велик язвою, а почало мереть с весны и до осени, и в тот мор епископ Мисаил преставися». Государь, твердый в вере, уповающий на помощь Божью, решил прибегнуть к небесному заступничеству. По словам псковской летописи, он «…прислал со святою водою с Москвы чюдотворцовых мощей Петра, Алексея, Ионы, и мед чудотворцов Алексеев». По мнению самих псковичей, именно эта мера и оказалась спасительной: «С тех мест преста мор»[232]. С точки зрения крепко верующего христианина, государь Федор Иванович даровал Пскову что-то вроде мистической защиты от великой напасти.

Действия Федора Ивановича как храмоздателя и церковного благотворителя очень хорошо показывают, что благочестие его мощно подпитывалось обстоятельствами семейной жизни.

Среди них немаловажное значение имела печаль государя по безвременно ушедшему брату. Однако роль первой скрипки играла большая трагедия бездетности, толкавшая царственную чету к постоянным щедрым пожертвованиям, к большим благодеяниям на пользу Церкви — даже при тех расстроенных финансах, даже при том падении военно-служилого потенциала, который достался Федору Ивановичу по наследству от отца.

Как видно, смилостивился Господь над царственной четой, измученной долгим ожиданием ребенка. Царь с царицей получили в зрелых уже годах то утешение, которого лишены были в юности. У них появилось дитя.

Горькая это история. Горькая и печальная. Хотелось бы лучшей доли благочестивому царю и его супруге. Но, как видно, кого Бог любит, тому посылает наигоршие испытания.

Появлению царевны Феодосии радовалась вся страна. Так ждали это чадо! Столько веселья, столько добрых надежд принесло его появление на свет! Милосердному, глубоко верующему царю его подданные желали счастья, и оно ненадолго оттеплило холод бесплодного брака. Летопись сообщает о ликовании, охватившем тогда столицу: «Родися у государя благочестивая царевна Феодосия Федоровна, и бысть радость на Москве велия. Царь же Федор Иванович опальных, кои были приговорены х казни, заточены по темницам, всех государь пожаловал, ис темниц велел свободити, и по многим монастырем давал многую милостыню и посла в Еросалим и во всю Полестинскую землю по монастырем с милостынею Михаила Агаркова с товарищи, со многою доволнею милостынею. Они же быша в Еросалиме и приидоша к Москве с великою честию»[233]. Крестил девочку старец Троице-Сергиева монастыря Варсонофий Якимов.

Известия о прибавлении в семье русского царя были отправлены к иностранным дворам. Особое значение придавалось миссии Михаила Федоровича Огаркова, Трифона Коробейникова и Василия Сыдавного (январь 1593). Их, в полном соответствии с летописным сообщением, направили в Святую землю и к другим святым местам Православного Востока. Представители московского государя посетили Царьград, Антиохию, Иерусалим, а также иноческие обители Египта и Синайского полуострова. Они везли для раздачи фантастически большую «заздравную милостыню» — более пяти с половиной тысяч «угорских» золотых, также пушной товар. За такую сумму в конце XVI столетия можно было купить… город средних размеров. Или снарядить армию для дальнего похода. Или построить крепость от первого до последнего гвоздя. Размер милостыни заставляет предполагать, что царь Федор Иванович был уверен во вмешательстве самого Бога, милосердие которого только и позволило появиться на свет долгожданному ребенку. Сумасшедшая радость заставила его раздать столь великую «казну».

Помимо семейного, чисто человеческого значения, у рождения царевны были важные политические последствия. Феодосия Федоровна, во-первых, самим фактом своего существования доказывала: у царя могут быть наследники; во-вторых, даже если их не будет, маленькая девочка — по крови соединена не только с родом московских Даниловичей, но и с родом Годуновых. Если правильно выдать ее замуж, все семейство Годуновых получит дополнительный шанс остаться на самом верху властной иерархии, у кормила правления. Малышка еще агукала и просила соску, а московские посольские дьяки уже представляли ее европейским дипломатам как завидную невесту для тамошних принцев. Какой-нибудь отпрыск императорского дома Габсбургов, договорившись о будущем браке и обещав принять православие, мог тогда получить статус русского престолонаследника. Разумеется, подобная ситуация гарантировала бы Годуновым, ближайшей родне царевны, самое высокое положение при дворе. Современный историк Р. Г. Скрынников весьма точно высказался на этот счет: по его мнению, Борис Федорович «…рассчитывал играть при дворе племянницы такую же роль, как и при дворе сестры»[234]. Матримониальные планы Годуновых поддержал влиятельный

дьяк А. Я. Щелкалов, лично беседовавший на этот счет с «цесарским» послом Варкочем.

Однако царская радость вышла недолгой, и брачные планы Годуновых рухнули в одночасье. Неизвестна причина, по которой маленькая царевна скончалась, известно лишь то, что она не пережила младенческого возраста[235].

«Преставися благочестивая царевна Феодосия Федоровна, единочадная царя Федора Ивановича дщерь, и погребена бысть в Вознесенском девичье монастыре, в церкви Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, с прежними благочестивыми царицами и с княгинями великими. Царь же Феодор Иванович печален бысть многое время, и плач бысть на Москве велий, и повеле государь по монастырем и по храмом и нищим давати милостыню. В Вознесенский монастырь повеле государь дати вотчину в Масальском уезде село Гертен»[236]. С 1930 года и поныне тело несчастной девочки покоится в Архангельском соборе Московского Кремля[237].

Царица Ирина так убивалась, потеряв единственное, долгожданное, любимое дитя, что патриарх Иов вынужден был написать ей особое утешительное послание. Он призывает царицу возносить новые моления: быть может, Бог даст ей с мужем новое дитя, как дал его в глубокой старости святым праведным Иоакиму и Анне; он просит царицу оставить печаль, терпеливо перенести скорбь; наконец, оставив всякое плетение словес, оставив ссылки на Святое Писание, он обращается к ней с простыми словами сочувствия: «Кручиною, государыня, ничего нельзя взять, можно взять лишь милостию Божиею. Если печалишься, то только гневишь Бога, а душе причиняешь немалый вред и безгодно изнуряешь свое тело… сего ради мою твое благочестие: о всем положи упование на Бога и Пречистую Богородицу. И Пречистая Богородица, видя твое такое благоволение, умолит Сына своего, да подаст ти всяко прошение твое, его же у него просиши, и благородная чресла твоя многоплодна сотворит, и устроит тя яко лозу плодовиту в доме твоем». Святитель, хоть и звал Ирину Федоровну оставить безутешное горе, но и сам печалился о судьбе девочки. Повествуя о жизни государя Федора Ивановича, он написал про нее несколько строк, пронизанных скорбью: «…во всем своем царском сожитии иместа едину блаженную летарасль царьского своего благочестиваго корене, благородную дщерь благоверную царевну и великую княжну Феодосию, и та еще юностию, яко летом четырмя или мало вящей, ко Господу отъиде, яко некий прекрасный цвет вскоре увядшее отпаде, или яко некий пречестный бисер в скалке скрыйся, своим же благочестивым родителем великую скорбь и сетование сотвори и их царьскому сигклиту и всему народу православного християнства печаль немалу нанесе»[238]. В 1604 году, составляя завещание, Иов вспоминает Феодосию, хотя с ее кончины прошло десять лет, подает ей благословение и пишет о желании получить прощение от нее самой. Как видно, патриарх, близкий человек для царской семьи, принял смерть маленькой девочки близко к сердцу и очень жалел государя с государыней, потерявших единственный свет в окошке.

Хотя недолгой жизни царевны Феодосии посвящена основательная работа дореволюционного историка С. Д. Шереметева[239], в ее биографии до сих пор далеко не все ясно.

Архангельский собор Московского Кремля. Фотография Н. Найденова. 1882

Так, если дата ее кончины — 25 января 1594 года — доказана бесспорно и никем из специалистов не оспаривается[240], то время рождения вызывает вопросы. Большинство историков, включая того же С. Д. Шереметева, называют 1592 год, притом чаще всего — 29 мая[241]. Но на чем основана уверенность в том, что это именно 1592-й? Дипломаты получили миссию — известить мир о рождении царевны — через полгода после того, как она появилась на свет (в начале 1593-го). С этим не торопились: вероятно, опасались давать международную огласку появлению на свет младенца, чье здоровье вызывало сомнения. Однако если опоздание на полгода возможно, отчего не признать его вероятным и относительно более значительных сроков?

Новый летописец, источник, не отличающийся высокой точностью, связывает рождение царевны с 7100-м (1591/1592) годом, а кончину — с 7101-м (1592/1593) годом[242]. Во втором случае ошибка по сравнению с правильной датой, январем 1594 года, весьма велика. Что же касается первого высказывания, то под 7100 годом летописец явно собрал известия, относящиеся к разным годам, и хронология событий соблюдена лишь приблизительно. Патриарх Иов, отлично знавший царскую семью и, разумеется, одним из первых осведомленный о появлении на свет Феодосии Федоровны, мог ошибиться насчет ее возраста в момент смерти, поскольку создавал житийную повесть о Федоре Ивановиче через много лет

после этого события. Он сообщает, что тогда царевне было четыре годика или несколько меньше. Жак Маржерет, служивший Борису Годунову с 1600 года, называет схожую цифру: по его мнению, царевна умерла трех лет отроду[243]. Иван Тимофеев образно говорит о ее малом возрасте: ушла из жизни, будучи «в пеленах»[244]. Если отсчитать от января 1594-го чуть менее четырех лет, то получится 1590 год. Если же учесть информацию Маржерета и отнять три года, результат будет: конец 1590 — начало 1591 года. Вместе с тем известно, что еще в марте 1592 года православным патриархам направляются просьбы возносить молитвы о чадородии Ирины Федоровны. Так остается ли возможность того, что Феодосия Федоровна родилась все-таки не в 1592-м, а в 1591-м или даже 1590-м году? Нет. Решающим доводом за 1592 год следует считать свидетельство разрядных книг, где относительно 7100 (1592) года четко сказано следующее: «Месяца июня в 14 день крестил царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии дочь свою царевну Феодосию в Чюдове монастыре да после обедни пожаловал бояр всех и окольничих, звал есть к себе… а стол был в Грановитой палате, ел у государя потриарх Иев, да митрополиты, и владыки, да многие власти, да бояре ели»[245]. Следовательно, царевна Феодосия появилась на свет несколькими днями ранее.

Сколь огромна была радость при рождении царевны, столь же великим оказалось и горе после ее кончины. Утратил ли государь надежду на продолжение рода? Искал ли он заступничества святых ради нового чуда? Или воспринял смерть ребенка с христианским смирением и уповал лишь на то, что Господь примет душу невинного младенца и позаботится о ней лучше кого бы то ни было? Трудно сказать. Источники не дают сведений, позволяющих ответить на все эти вопросы. «Печален быть многая время», — вот и все, о чем сообщает летописец. Траур, или, словами русской дипломатической переписки, «время сетовальное», длится в России до лета и даже до осени 1595 года, что говорит о горькой кручине Федора Ивановича[246].

Но не столь уж много ли времени оставалось московскому государю на скорби и новые упования.

Вероятно, смерть дочери худо повлияла на здоровье Федора Ивановича, а ведь он и до того не отличался телесной крепостью. Дочь свою московский государь пережил всего лишь на четыре года, притом далеко не дожив до старческого возраста.

Земле при этом монархе жилось счастливо и спокойно, а вот самому монарху мало счастья отмерил Высший судия. Может, на том свете ему уготовано лучшее утешение…

Глава 6. Учреждение патриаршества

Одним из величайших событий, случившихся в царствование Федора Ивановича, стало учреждение патриаршего престола в Москве. Патриаршая кафедра пришла на замену митрополичьей, утвердившейся тут еще в XIV столетии. Это поставило Русскую православную церковь на одну ступень с древнейшими церквями восточного христианства — Константинопольской, Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской. Ступень эта, как тогда, так и в настоящее время, является высшей в иерархическом разделении православных церквей мира. Восхождение на нее и у нашего Священноначалия, и у простых мирян почитается как успех, достойный благоговейной памяти.

Государь Федор Иванович оказался в числе главных участников грандиозного действия, связанного с введением патриаршества. Но до какой степени он играл роль субъекта этого действия, до какой степени был его творцом? Вопрос очень непростой.

С одной стороны, как добрый христианин, как крепко верующий человек, он должен был прикладывать все усилия для торжества Церкви, духовно его окормляющей. Кроме того,

конечно же, как правителю огромной страны ему пристало испытывать радость от возвышения своей Церкви, поскольку рост ее чести явился бы свидетельством нового отношения и к самой стране. После падения Византии в середине XV столетия великое княжество Московское оказалось самым сильным, самым многолюдным и самым амбициозным православным государством. Постепенно русские земли объединялись вокруг Москвы, а Москва принимала «византийское наследие». Великий город усваивал культурные и политические обычаи «греков», его государь Иван III Великий, женившись на Софье из императорского дома Палеологов, перевел преемство от Византии в ранг семейного дела Даниловичей. Московские государи с необыкновенной щедростью наделяли архиереев и монастыри Православного Востока милостыней, помогая им постоянно, даже когда сама Россия проходила через тяжкие полосы истории. В XVI столетии русские книжники уже научились видеть в своей державе Третий Рим, Второй Иерусалим, иначе говоря, наследницу имперской государственности и благодати св. Духа. Позднее, когда на русской почве распространилось учение о Катехоне, т. е. некоем социальном организме, удерживающем мир от окончательного падения в бездну зла, в московском единодержавии стали видеть того самого «Удерживающего»[247]. Разрушение же «северного Катехона» означает близость Страшного суда… Если идти за этой логикой, то формирование нового «Удерживающего» требовало — не столько делало уместным, нет, тут иная модальность, — именно требовало введения патриаршества на холмах Белокаменной. Может ли Русское царство исполнять роль полноценного Катехона, если православная его иерархия увенчана всего лишь митрополичьей кафедрой, в то время как на Православном Востоке существует четыре патриарха? Пусть порою очень бедных патриарха и даже гонимых от мусульман, пусть то и дело отправляющих в Москву эмиссаров и даже являющихся самолично ради смиренного моления о милостыне, пусть не имеющих под ногами земли, управляемой православным государем, пусть несравнимых в своем униженном состоянии с могуществом римского папы, *но все же именно патриарха*… Москва же, Порфирородный великий город, воздвигаясь поколение за поколением к положению столицы мирового православия, в идеале — центра, откуда оно управляется, имело митрополичий престол, стоящий ступенью ниже в иерархии церковного Священноначалия. Здесь Церковь жила намного свободнее, пользовалась всеобщим уважением, могла приходить с советом к государям, день ото дня росла, усиливалась, распространялась, в больших городах являла удивительный блеск и роскошь богослужебной обстановки, да и в провинциальных обителях отыскивала средства для строительства великолепных церквей. Но по молодости своей она уступала в «чести» более древним церковным общинам Константинополя, Иерусалима, Антиохии и Александрии. «Русский митрополит по власти и значению в своей Церкви вполне равнялся патриархам и даже превосходил их, — пишет митрополит Макарий (Булгаков), создатель авторитетнейшей „Истории Русской церкви“, — ему недоставало только патриаршего имени».

Удивительно еще, что исправление этой «возрастной» несуразности совершилось столь поздно.

С другой стороны, тихий блаженный житель царских палат не склонен был к государственному мышлению, а утверждение патриаршества требовало тонкой и весьма долгой политической игры. Его ли это стиль? Способен ли был государь с иноческим строем ума последовательно добиваться решения сложной задачи? К тому же задачи, имеющей в значительной степени абстрактный характер… Ведь он сторонился подобного рода забот и был, скорее, молитвенником, нежели практическим дельцом.

Итак, любовь Федора Ивановича к Церкви и устремленность его души косвенно свидетельствуют о том, что русский царь мог принять самое активное участие в завоевании Москвой права на патриаршую кафедру. Но его вечное бегство от практических вопросов, уход от трудов правления говорят как будто об обратном.

Так следует обратиться к историческим источникам конца XVI столетия, чтобы за «этикетными» фразами о выдающейся роли государя в этом великом деле разглядеть «проговорки» о действительном положении вещей.

Проблема имеет «острые углы» для русской церковной истории. Духовные писатели обращались к ней с большой деликатностью и благоговением; доброе намерение! Казалось бы, чего ж лучше? Но желание блага не всегда к благу приводило: иногда их слова выглядят как попытка обойти стороной сложности этой темы. Например, тот же митрополит Макарий рассуждает без затей: государь Федор Иванович, посоветовавшись с «благоверною и христолюбивою царицею Ириною», вынес на совет боярам идею об установлении патриаршества в Москве. По словам Макария, «…очевидно, государь не столько просил совета у бояр, сколько объявлял им свое решение, прежде им принятое с царицею, которое оставалось только исполнить»[248].

Среди светских историков есть те, кто подходил к вопросу нарочито резко, чуть ли не экстравагантно. Как пример можно привести биографический очерк патриарха Иова в двухтомнике современного исследователя А. П. Богданова «Русские патриархи (1589–1700)». По его мнению, лишь «ложная деликатность не позволила историкам усомниться в том, что хорошо разработанный замысел» учреждения особого русского патриаршества «…принадлежал слабоумному монарху, и задаться вопросом о его истинном авторе»[249]. С точки зрения А. П. Богданова, таким «истинным автором» являлся Борис Годунов, а одна из крупнейших церковных реформ в истории России связана с дворовыми интригами. Ключом ко всей «партии», как пишет современный историк, является жестко-непримиримое отношение тогдашнего главы Русской церкви митрополита Дионисия к приезжавшему в Москву антиохийскому патриарху Иоакиму. Дионисий вел себя крайне неприветливо, порой на грани оскорбления. Тем самым митрополит открыл брешь в собственной обороне, показав лучшее направление для наступления власти против него. А подобное наступление диктовалось обстоятельствами жесточайшего противоборства между придворными группировками (о котором уже говорилось выше). Служилая знать — Шуйские, Мстиславские, Воротынские, Головины, Колычевы — приступала к царю, настаивая на разводе с бездетной царицей Ириной. Особенную силу этим притязаниям давала позиция митрополита Дионисия и владыки Крутицкого Варлаама, которые приняли сторону высших аристократических родов[250]. А. П. Богданов предположил, что Годуновы с «оппозицией» примирились, обещав не препятствовать разводу, вот только дело это — «небыстрое, интимное…». Здесь историк вступает на почву догадок. Нет никаких документов, сообщающих о том, что Борис Федорович посмел дать такое обещание, дабы утишить умы и собраться с новыми силами для борьбы. Нет никаких аргументов против самого простого и естественного прочтения событий 1586 года: сам царь мог воспротивиться расторжению брака, что, всего вероятнее, и произошло. Гораздо важнее другое наблюдение А. П. Богданова: исследователь ссылается на свидетельство Петра Петрея[251], согласно которому уже почти совершившийся развод удалось остановить, поскольку Борис Годунов уговорил патриарха запретить его. Что ж, подобная ситуация могла сложиться: визит Иоакима оказывается большой удачей для монарха и Годуновых, поскольку слово патриарха, даже не имеющего к территории Московской митрополии ни малейшего отношения, — внушительный контраргумент. По словам А. П. Богданова, «приезд патриарха помогал поставить Дионисия „на место“»[252]. Вряд ли слова Иоакима могли оказаться решающими, все-таки значительно важнее была позиция самого государя. Но в одном с А. П. Богдановым можно согласиться: запрещение патриарха как минимум давало Федору Ивановичу дополнительную нравственную и каноническую опору в борьбе, которую вели против его супруги служилые аристократы заодно с главою Русской церкви. «Следующий ход светских властей был достоин Годунова, — пишет А. П. Богданов. — Предложение об учреждении в Москве патриархии ясно и определенно свидетельствовало, что именно с саном

патриарха связан высший авторитет в Православной церкви»[253]. Допустим, имеет право на существование версия историка, согласно которой в лице патриарха рассчитывали обрести высшего арбитра по вопросам семьи и брака, причем арбитра, неблагосклонно относящегося к идее развода по причине «бесчадия».

Саккос митрополита Дионисия. Атлас золотный — Стамбул, 1570-е гг.; камка — Италия, 2-я половина XVI в.; шитье — Россия

Но вот дальше идет сбой в логике.

А. П. Богданов считает, что для обретения подобного судьи Б. Ф. Годунов выдвинул кандидатуру Иова; Дионисия свели с митрополичьей кафедры, затем на ней недолгое время пребывал Иона, а его сменил уже Иов. По мнению исследователя, этот последний являлся человеком, «близким к Годунову», а значит, в принципе не стал бы поддерживать проекты, направленные против его сестры — царицы Ирины. В более откровенной форме историк пишет об этом следующее: «Какие же выгоды преследовал Годунов, добиваясь учреждения отдельного патриаршего престола для митрополита Иова? Есть основания полагать, что бывший опричник[254] и нынешний безраздельный правитель Российского государства достаточно хорошо знал Иова в прошлом и мог смело надеяться на него при осуществлении своих дерзновенных замыслов в будущем». И далее: «В отличие от прежних митрополитов патриарх постоянно, обыкновенно по пятницам, участвовал вместе с членами освященного собора в заседаниях Боярской думы, на которых принимались важнейшие государственные решения… Мнения патриарха и духовенства выслушивались в первую очередь. При слабом и неспособном к самостоятельному правлению государе Иов и подчиненные ему иерархи стали мощной опорой власти Бориса Годунова»[255]. Проще говоря, Годунову требовался «карманный» патриарх, и таковой в результате сложной политической игры был обретен.

Логично? Нет, совершенно нет.

Сбой логики виден прежде всего там, где историк мотивирует поступки Бориса Годунова, якобы ставшего инициатором и проводником политического курса на учреждение патриаршего престола в Москве. Если Годуновым удалось так или иначе договориться с патриархом Иоакимом о запрете на расторжение брака, чего большего могли они добиться от «карманного» патриарха? Повторного запрета? Но в условиях, когда строптивый митрополит Дионисий оказался сведен со своей кафедры[256], такой запрет мог выдать митрополит Иов безо всякого возведения в патриарший сан. Годуновы убрали «неудобного» Дионисия, могучая сила главы церковной иерархии более им не угрожала. Они поставили вместо него «удобного» Иова. Что ж, Иов действительно правил Церковью в добром согласии с царем и Борисом Годуновым. Имея друга в лице иерарха, наделенного митрополичьим посохом, Федор Иванович и Борис Федорович могли не опасаться каких-либо нападок со стороны Церкви. Остается непонятным одно: зачем надежного союзника наделять большим духовным авторитетом, т. е. в конечном итоге большей силой, если он и без того способен обеспечить благожелательное отношение со стороны иерархии? К чему? Для надежности? Непонятно. Неужели митрополит с иными представителями духовенства не может сидеть в Боярской думе и обсуждать вместе со служилой знатью и думными дьяками государственные дела, если ему позволит участвовать в заседаниях сам государь? Неужели обязательно надо предварительно дать ему патриарший сан? Неужели без этого патриаршего сана путь в Боярскую думу для него закрыт, и, решая проблемы высшей политики, Годуновы и царь не смогли бы пользоваться его поддержкой? Ничего подобного. Нет никакого правила, отгораживающего митрополита от Боярской думы. Святители московские участвовали в государственной работе задолго до того, а св. митрополит Алексий даже возглавлял боярское правительство, когда князь Дмитрий Иванович — будущий Дмитрий Донской — был еще мал годами.

Таким образом, схема, предложенная А. П. Богдановым, не выдерживает проверки логикой. Годуновы, разумеется, могли работать в направлении, приближавшем учреждение патриаршего престола в русской столице. У них для этого как минимум хватало политического умения и влияния при дворе. Но мотивировка их действий не получает разумного объяснения. Ни борьба с митрополитом Дионисием, ни естественное желание видеть союзника в лице первенствующего в Русской церкви иерарха, ни тем более договоренности с патриархом Иоакимом даже в малой мере не дают ответа на вопрос: зачем понадобилось патриаршество?

Историко-публицистическое сказание об утверждении патриаршества отвечает на этот вопрос без затей: по воле Федора Ивановича.

Действительно, когда в пределах Московского государства появился патриарх Антиохийский Иоаким (июнь 1586), искавший милостыни, правительство приняло одного из столпов Вселенского православия ласково и обставило его приезд с необыкновенной пышностью[257], но Церковь отнеслась к визиту Иоакима настороженно, чуть ли не холодно. В российской столице очень хорошо знали, в каком состоянии находятся иерархи Православного Востока. Как государи московские, так и архиереи помнили: до обретения Московской митрополией автокефального состояния в Константинополе можно было решить любой вопрос, хорошенько запасшись серебром. С середины XV столетия главы Русской церкви обладали полной самостоятельностью по отношению к Константинополю, в то время как патриархи Православного Востока вынуждены были мириться с жизнью на землях, захваченных турками. С Москвой их связывала «дорога смирения»: туда ехали, надеясь получить русские деньги на устройство самых насущных дел. А получая необходимые средства, сталкивались с подозрительным отношением. Эти подозрения имели под собой вескую основу: греческие православные иерархи действовали под полным контролем турецких мусульманских властей либо оказывались в тесной связи с Ватиканом; значительная часть греческих «книжников» получала богословское образование на Западе, в латинизированных училищах. Глядя на все это, русские архиереи испытывали сомнения в стойкости веры греческих церковных властей. Иной раз подобные сомнения оказывались верными.

Так вот, когда патриарх Иоаким встретился с митрополитом Дионисием в Успенском соборе, в присутствии высшего духовенства, глава Русской церкви едва сдвинулся с места ему навстречу; более того, Дионисий, хотя и пребывал в более низком сане, первым благословил гостя, вместо того чтобы смиренно принять от него благословение. Иоакима не пригласили служить литургию и даже не пустили в алтарь. Таков был знак полной самостоятельности владыки московского от церковных властей Православного Востока. Знак невежливый да и прямо унизительный для Иоакима. Патриарху показали, кто *на самом деле* старший, невзирая на сан. Ему дали понять всю полноту собственного безвластия на Руси.

Как поступил грек? Прервал официальную встречу? Обличил Дионисия? Уехал из Москвы? Ничуть не бывало. Нищета — жестокий учитель, повинуясь этому педагогу, Иоаким ограничился лишь кратким замечанием в адрес митрополита Московского.

Никто перед ним каяться в совершенной ошибке не стал.

Вскоре после инцидента в Успенском соборе государь Федор Иванович выступил в Боярской думе. Источник приводит царскую речь, весьма основательную, разумную, свидетельствующую о понимании действительного положения вещей в отношениях между Москвой и Православным Востоком. Среди прочего монарх сказал, обращаясь к правительственным мужам: «Восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благодатию Божиею, во многорасширение приходит, и потому я хочу, если Богу угодно и писания божественныя не запрещают, устроить в Москве превысочайший престол патриаршеский». На это присутствующие согласились, решив обратиться за утверждением к патриархам Православного Востока.

Если источник не лжет, царь должен был сочинить или как минимум воспроизвести эту речь в Думе. Может быть, намного короче, нежели сказано в источнике, но все-таки высказаться по этому поводу, инициировав осуществление великого плана. Выше уже было доказано, что Федор Иванович был способен исполнять роль оратора при официальном обсуждении важных вопросов. Нет никаких оснований отрицать сам факт произнесения речи. Допустим даже, не

сам монарх сочинил ее. Но прежде подобного выступления царю требовалось ознакомиться с самой идеей или уже готовым документом. А ознакомившись, почувствовать ее правильность, изъявить волю не только к утверждению проекта, но и к выступлению, дававшему ход всему делу. Для столь набожного человека, каким являлся Федор Иванович, идея о создании патриаршего престола в Москве стала сущим подарком, надо полагать. Кто высказал ее первым? Сам государь из соображений чистого благочестия? Не исключено. Царица Ирина, пытаясь смягчить сердце неприятеля своего — Дионисия? Весьма возможно. Кто-то из монарших приближенных, например тот же Годунов? Вероятно. Митрополит Дионисий, пожелавший сравняться в сане с нищими восточными патриархами? И этот вариант нет оснований отрицать. Кто-то из Шуйских, руководствуясь тем простым рассуждением, что, жертвуя Иоакиму казенные деньги[258], надо получить от него весомую прибыль; святитель доставил в Москву драгоценные частицы мощей от пяти древних святых и поднес их государю к великой монаршей радости, но знать русская, думается, могла искать чего-то более серьезного — по ее мнению. Почему бы нет? Шуйские тогда оставались еще в силе, особенно князь Иван Петрович…

Простор для трактовок очень велик. В любом случае данная мысль прежде стала родной для царя, нашла место в его сердце и только тогда получила от него силу действительной государственной затеи, а не пустого мечтания. Иначе говоря, если б не волеизъявление Федора Ивановича, патриаршества на Руси не появилось бы.

А. П. Богданов пошел против источника, объявив: «Вполне возможно, что от Федора Ивановича требовалось только согласие с основной мыслью, а доклад от его лица в Боярской думе сделало доверенное лицо: такое случалось настолько часто, что вошло в традицию. Это тем более вероятно, что „царская речь“ была замечательно красноречива, что в высшей степени отличало Годунова и было совершенно не свойственно его зятю»[259]. Тут произвольно все, от первой до последней фразы. Откуда взялась невиданная традиция: писать, что говорил именно государь, тогда как отправлено было на «прочет» какое-то доверенное лицо? Неясно, зачем понадобилась тут выдумка, ни на чем не основанная. Речь стала «красноречивой» после того, как ее «отточили» в канцелярии те, кто составлял сказание. Какие именно слова реально прозвучали на заседании Думы, определить не представляется возможным — лишь общий смысл их ясен. Борис Годунов, действительно, отличался даром убеждения, но «книжным» человеком не был, и приписывать ему идеологически отточенный документ нет ни малейшего резона. А речь именно тонка, наполнена в высшей степени точными формулировками и отличается совершенной ясностью в вопросах, относящихся к истории Церкви. Если искать ее составителя, то, скорее, среди весьма начитанных духовных лиц.

Итак, положа руку на сердце, при нынешнем состоянии источников *нельзя твердо определить главного автора идеи об учреждении патриаршего престола в Москве*. Можно ли назвать *наиболее вероятную фигуру* или, вернее, фигуры, инициировавшие все дело?

Это вряд ли Борис Федорович Годунов. Как уже было показано, он обладал своего рода благочестием, отражавшимся в целой программе храмового строительства. Иными словами, Б. Ф. Годунов мог воспринять затею с патриаршеством как добрый христианин, мог способствовать ее осуществлению. Но источники ничего не сообщают о такой степени религиозного чувства у «князя-протектора», чтобы он мог заняться проектом, ведущим к повышению «чести» Русской церкви. Собственно, к Церкви Борис Федорович относился без особого пиетета: документы, лишавшие ее податных льгот, были разработаны в тот период, когда он возглавлял правительство. Откуда же в нем столь пылкое рвение совершить нечто на благо Митрополичьего дома Московского? Лично митрополиту Дионисию Годунов был врагом, чему в источниках есть недвусмысленные свидетельства. Запрет на развод сестры Бориса

Федоровича с царем удалось получить от Иоакима безо всякого введения патриаршества, а значит, с деловой, политической точки зрения у Годунова не было в этом надобности. Между тем, когда Боярская дума одобрит идею, высказанную государем, Борис Федорович приложит немало усилий к воплощению ее в жизнь. Не как инициатор, но как исполнитель Б. Ф. Годунов немало сделал для утверждения патриаршества в России.

Великая знать московская, Шуйские со Мстиславскими? Идея старшинства, «чести» была им близка и понятна, поскольку положение их собственных родов требовало постоянного поддержания на самом высшем уровне в системе местнических счетов. Они отлично различали родовитые семейства от «неродословных» и «худородных», «боярские» от небоярских. Синклит православных патриархов мог в их глазах выглядеть как некое подобие Боярской думы для высшего духовенства. У нашей знати, умудренной хитросплетениями местничества, возникал справедливый вопрос: а нашего-то почему в «духовные бояре» не пускают? И если ему выходит «поруха чести», то не ложится ли она хотя бы отчасти и на нас? И не поправить ли это дело, двинув нашего повыше? С другой стороны, высшая знать московская, к сожалению, давно приучилась смотреть на представителей Священноначалия без должного уважения к их сану. В эпоху «боярского царства», т. е. 1530–1540-х годов, аристократические партии играли судьбой митрополичьей кафедры, время от времени «ссаживая» с нее глав Русской церкви. Затем царь Иван Васильевич явил образцы устрашающей грубости, жестокости и непочтительности по отношению к архиереям русским. Их лишали кафедр, отправляли в изгнание и даже убивали велением светской власти. Печальна судьба митрополита Филиппа, убитого опричником, архиепископа Пимена, сброшенного с новгородской кафедры и отправленного в ссылку, архиепископа Леонида, травленного собаками, а затем уморенного голодом. Много ли почтения к духовным владыкам оставалось у нашей аристократии после таких картин?

Единственным человеком, прямо, самым очевидным образом заинтересованным во введении патриаршества на Руси, был митрополит Московский Дионисий. И он-то как раз проявлял культурные и политические свойства деятеля, способного породить такую идею. Сделавшись главой нашего духовенства в 1581 году, он властвовал в условиях умаления Русской церкви. В годы его правления царь жил с Марией Нагой, соединенный беззаконным браком, а Церковь дважды ущемлялась в имущественных правах. Дионисий как никто другой понимал, сколь низко упал духовный авторитет Священноначалия, сколь необходимо возвысить его вновь. Он «…слыл в свое время за человека очень умного и образованного, почему и назван в летописи „премудрым грамматиком“. Обладал он силою воли и характера», — как пишет митрополит Макарий. Действительно, владыка Дионисий имел нрав суровый и непреклонный. Мирясь с утеснениями, он шел порой на компромиссы, но мог проявить твердую волю в диалоге с монархами и их фаворитами. Так, например, в 1582 году вышел громкий инцидент с папским представителем в России Антонио Поссевино. Тот играл важную дипломатическую роль, участвуя в переговорах с королем Стефаном Баторием. Пытаясь пробудить в сердце Ивана IV благосклонность к вере католической, он вел с ним диспуты о вере. Получив от царя разрешение зайти в кремлевский Успенский собор «смотрити церковныя красоты», Антонио Поссевино не смог попасть в здание, поскольку «…митрополит Деонисей пустить его не велел, что крестного знамения на себя не положил»[260]. Поссевино позднее писал, что его со свитой как-то неудобно поставили у входа в собор вместе с людьми русской знати, да он к тому же хотел избегнуть целования руки русскому митрополиту, к чему его принуждал царь Иван, да еще боялся провокации, о которой якобы слышал заранее… В действительности же папского посланника остановили у входа в собор русские приставы, поскольку он решил зайти сам, не дожидаясь царя, а митрополит написал специальную грамоту с выписками из соборных правил, запрещавшую это[261]. Своевольному, самоуверенному человеку дали понять, что он переходит рамки дозволенного. Другой раз, уже при Федоре Ивановиче, митрополит Дионисий

пожелал примирить враждующие придворные партии Шуйских и Годуновых. Для того чтобы влезть между группировками ожесточившихся аристократов, требовалось немалое мужество. Подобным образом мог и должен был поступить истинный христианский пастырь. Не его вина, что примирение вышло притворное и простояло совсем недолго[262]. Мог ли такой человек войти к царю с идеей превратить митрополию Московскую в патриархию? Думается, мог. Желал ли он придать Русской церкви новый блеск после трудных лет грозненского царствования, после экономического урона, нанесенного ей правительством совсем недавно? Не только желал, но и, по всей видимости, искал к тому способы. Во всяком случае, пышное венчание Федора Ивановича на царство половиною роскоши и величественности своей обязано Церкви. Нашлось бы у него достаточно интеллектуальной силы для подобного проекта? Что ж, не зря его именовали «премудрым грамматиком». И, наконец, последнее. В случае утверждения патриаршества в Москве именно Дионисий сменил бы митрополичий сан на патриарший.

Вышло иначе. Скорое падение Дионисия лишило его этой возможности.

Митрополит Дионисий был силен духом, но в качестве влиятельного игрока на арене большой политики он мог выступать, только пока за ним стояла значительная сторонняя сила — группировка высшей аристократии, враждовавшая с «партией» Годуновых: Шуйские, Мстиславские, Воротынские, Головины и т. д. В Церкви Дионисию оказывал явную поддержку лишь один архиерей — владыка Крутицкий Варлаам. Когда синклит Шуйских с многочисленными сторонниками подвергся разгрому, падение Дионисия и Варлаама оказалось делом времени.

Удивительно! Летом 1586 года митрополит Московский и всея Руси, встретившись с одним из патриархов православных, повел себя с неприступной гордостью. С одной стороны, владыка взял на себя труд неприятный, но, вероятно, необходимый: дать приезжим грекам четкое понимание фактического старшинства в межцерковных отношениях. С другой… все-таки встретились два монашествующих; из каких же иноческих традиций следовала необходимость перейти от смирения и самоуничижения к унижению другого человека, облеченного к тому же высоким духовным саном? Не автору этих строк, обыкновенному мирянину, судить высших иерархов нашей Церкви. Но стоит хотя бы сказать о некоторой соблазнительности сцены, произошедшей в стенах Успенского собора. От нее осталось в истории странное послевкусие: какое-то удалое «знай наших!». Между тем Бог позволил митрополиту Дионисию первенствовать в Русской церкви всего лишь несколько месяцев после встречи его с Иоакимом. Пали Шуйские, и вслед за ними расстались с архиерейскими кафедрами их союзники.

Впрочем, на закате митрополичьих трудов Дионисий предстал едва ли не мучеником, во всяком случае отважным человеком. Вот что рассказывает о нем Новый летописец: «Митрополит… Деонисей да с ним собеседник Крутицкий архиепископ Варлам видя изгнание бояром и видя многое убивство и кровопролитие неповинное и начаша обличати и говорити царю Федору Ивановичю Борисову неправду Годунова, многие его неправды. Борис же видя с своими советниками его крепкое стоятельство и оболгал ево царю Федору Ивановичю, и с престола ево сведоша и архиепископа Крутицкаго. И сосла их в заточение в Великий Новгород: митрополита Деонисия в монастырь на Хутыню, а архиепископа в Онтонов монастырь; там они скончашася. На престол же Пречитые Богородицы на Москве взведен бысть на митрополию архиепископ Ростовский Иев[263], а поставлен бысть на митрополию Московскими архиепископы и епископы»[264]. Один поздний новгородский летописный сборник содержит весьма близкое сообщение: «Повелением царя Феодора Иоанновича Дионисий митрополит оставил митрополию Московскую и послан в Новъгород в Хутынь монастырь, с ним же и Крутицкий архиерей в Антонов монастырь, тамо они и скончася, наущением Бориса Годунова,

зане обличали его пред царем за некое неправедное убийство»[265].

Сложная, крупная, противоречивая фигура — митрополит Дионисий: гордец и стоятель за веру, фактически исповедник; «грамматик» и миротворец, но неудачливый политик…

С конца 1586 года никакие идеи, никакие нововведения церковные не могли исходить от Дионисия: он потерял доверие государя, а с ним и митрополичий сан.

Но кто знал о том, как сложится изменчивая политическая ситуация, за несколько месяцев до падения Дионисия? Кто летом 1586-го мог предполагать скорое сведение его с кафедры?

Среди светских историков неоднократно высказывалась идея, согласно которой патриарший престол Годуновы специально «готовили» для верного своего союзника Иова. Но тогда сам Иов должен быть наилучшим образом осведомлен о переговорах, связанных с созданием патриаршего престола в Москве. О чем же пишет он сам?

Рассказывая историю жизни и духовных подвигов царя Федора Ивановича, Иов начал повествование об учреждении патриаршего престола в столице России со слов «Изыде слух о его[266] благочестивом добродетельном исправлении и до самого царствующаго града Костянтинаграда и вниде во уши святейшаго патриарха Кир-Иеремея. Той же убо патриарх Иеремей, слышев сицева благоверного царя Федора Ивановича всеа Руси добродетельное исправление и великое благочестие, вскоре подщася преитти толикий долгий и скорбный путь, прииде в великую Россию, жалая видети великия християнские соборные церкви изрядное украшение и благовернаго царя Федора Ивановича благочестие…»[267] Из этого отрывка четко видно: историю, связанную с пребыванием на землях Московского государства Иоакима, патриарха Антиохийского, Иов не упоминает ни единым словом. События 1586 года его не интересуют. Рассказ начинается с событий, имевших место несколько лет спустя, а именно когда митрополитом Московским был уже сам Иов. Напрашивается вывод: если бы владыка Иов готовился принять патриарший сан еще в 1586 году, если бы идея через посредничество Иоакима добиться введения патриаршества на Руси принадлежала ему или же близким ему Годуновым, он бы сообщил о более ранней подоплеке учреждения Московского патриаршества. По всей видимости, ни он, ни Годуновы не были основными действующими лицами или хотя бы идеологами великого зачина всего дела о патриаршестве. Следовательно, Иов и не мог быть осведомленным лицом в отношении событий 1586 года.

Вероятнее всего — не точно, а именно вероятнее всего, — ситуация летом 1586 года развивалась следующим образом. Царь Федор Иванович, учтивый по отношению к духовенству, тем более к архиереям Православного Востока, милостивый, щедрый, благочестивый, с радостью принял Иоакима. Он бы наделил его щедрой милостыней безо всяких переговоров о патриаршестве, за одно драгоценное посещение настоящим живым патриархом русской столицы, да еще за моление о царском чадородии. Не таков митрополит Дионисий. Он не скуп и не зол. Да, может быть, не такой уж и гордец: не чувства руководят его действиями, а расчет. Просто Дионисий в гораздо большей степени политик, нежели сам монарх. И он определил для себя: в гости к Русской церкви и русскому царю явился человек, у которого ровным счетом ничего нет, помимо высокого сана; от лица русского духовенства его встречает человек, у которого есть все — огромная паства, влияние на умы, широкое поле для миссионерской деятельности, богатые соборы и великие обители, но… нет столь же высокого сана. И царь передаст первому из них весьма значительные средства, в то время как Церковь, подвластная второму, была совсем недавно многого лишена, притом лишена дважды, под предлогом тяжелого состояния финансов. Если показать пришельцу, государю, да всему миру, сколь высоко стоит Церковь, управляемая из Москвы, возможно, удастся совершить размен, уравнивающий межцерковные отношения. Священноначалие греческое получит новую порцию

богатой московской милостыни, а со Священноначалием русским оно поделится высотой сана…

Неизвестный художник. Царь Федор Иоаннович. Гравюра очерком. 1812

Да ведь и вся жизнь церковная самым естественным образом подталкивала именно к этому. Москва давно уже сделалась одним из величайших средоточий церковной жизни христианского мира. Во многом именно здесь решались судьбы христианства. И будущее покажет, сколь мощное влияние русское православие окажет на судьбы православия вселенского. Патриаршество должно было тут появиться. И, видно, была на то небесная санкция, если дело оказалось решено всего за несколько лет. Но всякая гордыня должна отлетать от церковного управления. Здесь лучший владыка — тот, кому владыкой быть совершенно не хочется… И Дионисий, первым, быть может, воспринявший эту высшую санкцию, первые шаги совершивший к ее воплощению в конкретные формы церковного устройства, ничуть не выиграл для себя лично.

Итак, приведя Иоакима с его свитой, да и весь двор царский в потрясенное состояние, Дионисий получил от государя недоуменный вопрос, которого, надо полагать, он ждал и добивался: «Зачем?» Далее ему оставалось развернуть перед государем величественную перспективу: здесь, в Москве, на земле, подвластной ему, возникнет новый патриарший престол! Значит, столица России в сане своем уподобится древним и славным центрам христианства — Иерусалиму, Константинополю, Александрии и Антиохии. Наверное, государь возрадовался тогда. Наверное, сердце его, богатое верой, уповающее на милость Божию, осветилось огнем доброй надежды. Он рад был бы возвеличить Русскую церковь, он счастлив был бы сравнять московское благочестие со старинным благочестием того же Иерусалима, главного города Святой земли, или Константинополя — «Второго Рима». Безо всякой корысти, наполненный светом высокой надежды, он идет к супруге советоваться: не сделать ли нам так, Иринушка? Та на любое дело рада во имя Церкви, ибо страстно желает разродиться здоровым чадом и ждет, может быть, что ее с мужем благое начинание зачтется им Высшим Судией как на земле, так и на небесах. Потом уже от царственной четы узнает о митрополичьем плане Борис Годунов. Что для него эта идея? Вероятно, он еще пытается миром поладить в Дионисием, который рассержен на него за несоблюдение перемирия с Шуйскими. Конечно, Иоаким наложит запрет на развод сестрицы, но Иоаким скоро уедет, а Федору Ивановичу нужна нравственная поддержка… Так не сделать ли вопрос об учреждении патриаршего престола в Москве предметом своего рода торга с митрополитом? Как знать, не смягчится ли он, получив желаемое? Не перестанет ли быть откровенным врагом?

Как показало время, против Дионисия были применены гораздо более жесткие меры, нежели

переговоры с элементами торга. Его растоптали, уничтожили. Но… не раньше того, как были растоптаны Шуйские. А пока те были еще при всей своей силе, стоило добром, почтительно подойти к пожеланиям митрополита…

Вот, скорее всего, какова была картина первых шагов по утверждению патриаршества в столице России.

Впоследствии, на протяжении нескольких лет, события развивались неспешно. И только в 1589 году их течение ускорилось, и все дело увенчалось благополучным завершением.

Борис Годунов, начав переговоры с Иоакимом, уговорил его взять на себя почетную и ответственную функцию. Надо полагать, не обладая щепетильностью Федора Ивановича в делах веры, конюший напомнил патриарху Антиохийскому, что источник богатой милостыни — двор государя московского — может откликаться на прошения греческих архиереев с разной интенсивностью… Видимо, для пригляда за святейшим и для раздачи щедрого подаяния вместе с ним отправился в путь русский дипломат Михаил Огарков.

Иоакиму потребовался год, чтобы добраться до дома, установить связь с прочими православными патриархами и начать подготовку к большому церковному собору по столь важному делу. Летом 1587-го в Москву явился некий грек Николай с мольбами о новой порции милостыни, а также докладом о приготовлениях, устроенных по воле Иоакима и патриарха Константинопольского Феолипта. Собор четырех патриархов только еще планировался, глав Иерусалимской и Александрийской церквей только еще пригласили на него, но те пока не доехали до места. Иначе говоря, иерархи Православного Востока не торопились, разбирая проблему, поставленную перед ними энергичной Москвой[268].

Эту сонную неспешность взорвали внешние обстоятельства.

В Москве сменился митрополит[269], а в Константинополе — патриарх.

Патриарх Феолипт был свергнут по воле турецкого султана. На его месте оказался патриарх Иеремия II, прежде уже бывавший на Константинопольской кафедре. Этот человек, весьма искушенный в богословских вопросах, успешно полемизировавший с протестантами, волевой, умный, вернулся на патриаршую кафедру из ссылки. Здесь он застал полное разорение. Турки за долги отобрали для последующего превращения в мечеть патриарший собор… Константинопольская патриархия находилась в плачевном состоянии, духовенство ее бедствовало от ужасающей нищеты.

Смена патриарха и открывшиеся Иеремии обстоятельства не позволяли ему сколько-нибудь продвинуть дело, о котором радели в Москве. Но молва о чудесном нищелюбии Федора Ивановича, наделявшего восточных иерархов с великой щедростью, позвала Иеремию в путь. Собираясь посетить столицу России, он думал о том, как поправить дела патриаршей кафедры в Константинополе, но никак не ожидал, что от него потребуют учредить новую патриаршую кафедру в Москве.

Неизвестный художник. Патриарх Иеремия II. XIX в.

Проехав через земли Речи Посполитой, Иеремия добрался до Смоленска в июне 1588 года. Его встречали пышно, однако же с некоторой настороженностью. Русское правительство знало Феолипта и сомневалось, истинный ли патриарх ныне явился к русскому рубежу или, быть может, авантюрист, всего лишь претендующий на патриаршее звание. А ежели он не подделка, то везет ли «какой приказ» (т. е. наказ) от всех патриархов православных? Общего слова от греческого Священноначалия по русскому делу ждали очень давно.

Для начала Иеремии оказали почет, которого не знал Иоаким. Спутник его, архиепископ Елассонский Арсений, писал позднее, что патриарха за пять миль до Москвы встретили посланцы государя и митрополита: четыре архиерея, власти московских обителей, «почетные бояре» и «много народу». Принимая патриарха, царь Федор Иванович повелел устроить для него второй трон — «весьма благоукрашенный». Доселе невиданная почтительность!

Поселив гостей на подворье владыки Рязанского, правительство вместе с тем выставило вокруг палат крепкую стражу, обеспечившую полную их изоляцию от внешнего мира… Другой спутник Иеремии, митрополит Монемвасийский Иерофей, сообщает подробности, связанные уже не с почетом, а с политическими предосторожностями в отношении патриарха: «Никому из местных жителей не дозволяли ходить к нему и видеть его, ни ему выходить вон с подворья, — и когда даже монахи патриаршие ходили на базар, то их сопровождали царские люди и стерегли их, пока те не возвращались домой».

Милость, оказанную пришельцам, скорее всего, следует относить на счет великодушия самого царя. Он любил «монашеский чин» и, вероятно, почитал за счастье общаться с честнейшим иерархом всего православного мира. Добросердечие и почтительное отношение к столь важной духовной особе сделало роль гостеприимного хозяина естественной для государя. Отсюда же и богатые подарки, полученные Иеремией. Ему вручили 300 рублей серебром — весьма значительная сумма по тем временам[270], — да к ним еще собольих мехов на 90 рублей, серебряный кубок, дорогие ткани (бархат, атлас, камка). Патриарх отдарился частицами мощей и прочими святынями. Федор Иванович уважительно вопрошал Иеремию о здоровье, беседовал с ним и велел послать ему «корм» со своего стола, что считалось в ту пору знаком большой милости.

А в мерах, ограничивавших доступ к патриарху и передвижение его свиты, видна железная рука Бориса Годунова. Дело не только в том, что московское правительство могло опасаться султанских шпионов. Борис Федорович, надо полагать, предвидел тонкую и одновременно жестокую политическую игру, которую придется ему вести с греками. Он пожелал предотвратить всякое распространение сплетен, а значит, уничтожить всякую возможность превращения этой игры в большой международный скандал.

Блаженный добрый царь не стал бы проявлять суровость к заезжему патриарху — хотя бы из соображений благочестия. Да он, скорее всего, просто не поверил бы, что греки остались равнодушны к призыву из Москвы от его государева имени. Годунов смотрел на дело иначе. Как ситуация выглядела с его точки зрения? А вот как: русская казна выбросила большие средства на решение важного дела. Греческие иерархи два года возились, не решили ничего и теперь просят дать им денег сверх полученного. Дать, конечно, можно. Но и противоположной договаривающейся стороне надо бы пошевелиться. На митрополии Московской ныне как раз пребывает Иов, человек близкий, к тому же фигура благая и для Церкви, и для государства. Ему бы вручить патриарший сан — вот был бы толк! А грекам следует и жесткость показать, если закочевряжатся… Пора бы и честь знать с такими-то проволочками! Не покажешь жесткость, так и впредь будут ездить, просить, но ничего не делать по московским запросам. И надавить на дорогих гостей лучше бы *тихо*: не след терять лицо православному патриарху. Ведь и сан высокий, полученный с помощью ножа, приставленного к горлу при всем честном народе, стоит немногого. Надобно решать добром, но… показать возможность иного отношения.

Так началась игра, совмещавшая ласку с нажимом. Для приезжих не позорная, но довольно стеснительная. Но и они сами не проявляли ангельского смирения, не торопились с братскою улыбкой помочь Русской церкви в ее деле. Греки вели себя подобно лукавым дельцам, набивавшим цену за товар, который можно продать только один раз.

Ужасно писать о том, как рождалось наше патриаршество. Не хочется об этом писать. Ох, много в этом деле политики и мало смиренномудрия. Но… худо приходилось тогда именно дельцам. Людям чистым, светлым все действо далось намного легче, они не замарали одежд грязью странного торга. Царь одаривал греков, царь принимал их почтительно, царь ждал с искренней простотой, когда один греческий иерарх довершит работу, за которую взялся другой. Ведь труд-то совсем несложный: подарить братскому русскому митрополиту высокий сан. Что ж медлят? Думают? Конечно! Дело великое, надо им подумать, как сделать его самым лучшим образом… Люди-то хорошие, добрые, отчего им не подумать о великом благом деле как следует? Государь Федор Иванович в блаженной бесхитростности своей вершил то, к чему вел его сам Господь; практическое же исполнение он доверил Годунову, а тот послужил Господу хотя и кривым, но надежным орудием. Митрополит Иов стоял в стороне и покойно ждал, чем кончится дело. Дарует ему Бог патриарший сан руками хитрых греков — хорошо, милостив Господь; а не дарует — так и в том ничего худого нет, опять же велика милость Господня. Мудрый человек, он понимал и высокую и низкую суть происходящего. Впоследствии за витиеватым плетением словес он укроет горчинку, оставшуюся в душе от тех дней: «Патриарх Иеремей… прииде в великую Россию, жалая видети великия християнские соборныя церкви изрядное украшение и благовернаго царя Федора Ивановича великое благочестие. Якоже и древле Южеская царица Сивилла приходящее от восток в Иерусалим, хотя видети премудрость Соломанову[271], такоже и сей светейший патриарх Иеремей, велиею ревностию о благочестии распаляяся, отложив многолетную старость и забыв великий труд, вскоре ко благочестивому царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси приходит, яко некий добрый купец, несый с собою не злата богатства, ниже драгих камыков[272] честности, но самое неистощимое духовное сокровище благодати безценного бисера Христа или, яко некий пречестный дар, великого патриаршества сан»[273]. «Добрый», но все же именно «купец», принесший с собою «пречестный дар, патриаршества сан» как товар… Это сравнение восходит к евангельской притче, где Царство Небесное уподобляется сокровищу, скрытому на поле, и купцу, продающему все свое имущество ради того, чтобы приобрести одну драгоценную жемчужину (тот самый «безценный бисер») — Христа (Мф. 13:44–46). По внешней видимости, первый патриарх Московский говорит об Иеремии почтительно. Однако для русского книжника XVI столетия, надо полагать, было ясно:

ассоциация с евангельским образом использована совершенно не в том значении, которое придается ему в Священном Писании. У Иова «добрый купец» оказывается именно купцом в прямом значении этого слова, а это предполагает совершенно определенный намек.

Итак, Иеремия сидел со свитой на подворье Рязанского епископа, окруженный почтением, обеспеченный всем необходимым и… безо всякого внимания со стороны правительства. В день царского приема он поговорил на протяжении часа с Годуновым, не сделал ни единого официального шага к созданию патриаршей кафедры в Москве, был отпущен на обед и как будто забыт. Не на день и не на неделю, на месяцы! От патриарха Константинопольского ждали «проявления доброй воли», — если говорить языком современного политического этикета. Второстепенные чиновники вели с Иеремией беседы, наводя его на мысль о необходимости даровать России своего патриарха. Ни царь, ни Годунов, ни кто-либо из высшего духовенства не вступали с ним в беседы. Но и обратно его не торопились отпустить. Вопрос о большой милостыне — не о подарках, а именно о значительной финансовой помощи — московские власти также, видимо, не торопились решать.

Иеремия гневался, недоумевал, колебался, но спокойному русскому упорству ничего противопоставить не мог. Его ничем не обижали. Но время шло, дела в запустевшей патриархии, надо полагать, требовали и его присутствия, и серьезного денежного вливания, а Москва пока предлагала дорогому гостю… лишь сытную пищу да смену сезонов. Иеремия было заговорил о том, что готов даровать Русской церкви автокефалию — наподобие Охридской архиепископии у болгар. Но это явно не тот товар, который мог бы кого-то заинтересовать в Москве. Наши митрополиты пользовались автокефалией, де-факто обретенной еще в середине XV столетия. Патриарх, конечно, мог бы де-юре дать им то, чем они уже располагали, но от его дара — невелика прибыль.

Наконец, Иеремия возмечтал о компромиссе: да! у богатых и свободных русских будет свой патриарх! — этим патриархом станет сам Иеремия. Митрополит Иерофей Монемвасийский укорял его за неразумие: где, мол, тебе, греку, ни русского языка, ни местных обычаев не знающему, править Русской церковью, выйдет из твоей затеи один позор… Но Иеремия упрямился, да и беспокоило его впустую уходящее время, а малозначительные дельцы московской дипломатической администрации манили патриарха возможностью счастливого исхода для подобного плана.

Желание Иеремии обосноваться в Москве можно понять: здесь ему не угрожала та бедность и та угроза насилия со стороны иноверцев, к которым он должен был привыкнуть на Константинопольской кафедре. Архиепископ Арсений Елассонский, прибывший ко двору московского государя в свите Иеремии, оказался до такой степени заворожен благодатным положением Церкви, что решил остаться в России. Как видно, бедствия нищего епископата на Православном Востоке его не прельщали.

Наша сторона поняла одно: греки начали поддаваться.

Царь, услышав о затее патриаршей, учинил совет с «благоверною и христолюбивою царицею Ириною», — как говорит русский официальный источник. Затем произошло ее обсуждение на заседании Боярской думы. От лица государя и бояр Б. Ф. Годунов передал Иеремии ответ: его рады видеть патриархом «в стольном… граде Володимере», поскольку в Москве уже есть своя духовная власть — митрополит. Древний, но небогатый и, в сущности, провинциальный Владимир сочли идеальным местом для резиденции пришлого патриарха… Ну а если он не пожелает поселиться во Владимире, что ж, пускай поставит патриархом «из Московского собору[274], кого Господь Бог благоволит».

Кому принадлежала идея предложить Иеремии Владимир — Федору Ивановичу или Борису Годунову?

По всей видимости, царь и конюший в этом случае действовали в полном согласии и единодушии. Оба они должны были задаться вопросом: куда девать своего митрополита, недавно поставленного Иова, коли в Москве начнет править Иеремия? Борис Федорович мыслил об этом как политик — нельзя понижать значение союзной фигуры, нельзя пускать в московские расклады чужака. Федор же Иванович, надо полагать, думал иначе: разве можно обидеть Иова? За какую вину следует унизить его и лишить духовной власти над Москвою? Нет, не годится делать зло ни в чем не повинному человеку…

В результате их единомыслие возникало из разных источников, но притекало к общему итогу: отдавать Московскую кафедру Иеремии не пожелали.

Между тем сам он, надо полагать, отнюдь не пришел в восторг от идеи отправляться во Владимир. Что там есть привлекательного для иерарха уровня Иеремии? Древние каменные соборы? Слава старинных святынь, малознакомых греческому церковному миру? Материальное довольство? Очевидно, Иеремия понимал, что если он согласится на такой вариант, то, во-первых, потеряет всякое влияние в Константинополе и, во-вторых, в России должен будет сделаться простым исполнителем воли государевой… а то и митрополичьей. Ему это не подходило.

Патриарх пытался возражать: «Мне во Владимире быть невозможно, занеже патриарх при государе всегда. А то что за патриаршество, если жить не при государе? Тому статься никак невозможно». Борис Федорович, не единожды посетивший его на подворье, был непреклонен. Иеремия прямо сказал, что хотел бы сесть на место Иова, даровав за то Московской кафедре свой патриарший сан. Самого же Иова рекомендовал «устроить в другом городе», что звучало уже несколько нагло. Федор Иванович в недоумении жаловался боярам: «И мы помыслили, что то дело нестаточное: как нам… мужа достохвального жития, святого и преподобного отца нашего и богомольца Иова изгнать?» Соответственно представители русского правительства и ответили патриарху столь же прямо: мы считаем правильным и необходимым возвести в патриарший сан Иова; а после того, как первый из русских патриархов будет поставлен от греков, следующие будут ставиться от собора русских архиереев.

Иеремия заколебался было, увидев твердость позиции русского правительства. Но его к дальнейшим спорам возбуждал тот же митрополит Иерофей Монемвасийский, а также некоторые другие духовные лица из патриаршей свиты. Иерофей поносил обещанный русской стороной Владимир, считая его сущей глушью. Он же, надо полагать, или кто-то еще из ученых греков подсказал патриарху новый контраргумент: для поставления нового патриарха у него, дескать, не хватает полномочий. Москва упорствовала. Иеремия уже готов был уступить свое благословение собору русских архиереев, дабы те учредили в Москве патриаршую кафедру самостоятельно, лишь по его позволению, а самого бы отпустили домой. Но и такое предложение российские правительственные мужи, а в первую очередь Б. Ф. Годунов, не сочли удовлетворительным. Вероятно, опасались лукавства: вот уедет патриарх с казенным серебром в Константинополь, а потом встанет вопрос о каноничности действий нашего собора, и ссылка на одно лишь благословение Иеремии окажется слишком слабым, слишком ненадежным ответом.

Иов. Царский титулярник. 1672

В январе 1589 года патриарх Константинопольский наконец дал себя уговорить. Он согласился поставить Иова.

До сих пор ход всего дела с русской стороны зависел от действий царя, Бориса Годунова, а также в некоторых случаях дьяка Андрея Щелкалова. Они направляли всю работу дипломатического аппарата, приставленного к гостям. Церковь наша, возглавленная смиренным Иовом, ждала в тишине и бездействии окончательного итога переговоров. Если бы не упорство и энергия Бориса Федоровича, если бы не благочестие государя Федора Ивановича, вряд ли Москва получила бы своего патриарха. Наверное, это и к лучшему: Русская церковь не стояла назойливым просителем у дверей патриарха Константинопольского, а сам он не потерял лица, поскольку мог, не ведя торгов с русским духовенством, даровать ему высоту патриаршего сана. Даровать — хотя бы по внешней видимости.

Незадолго до «последнего акта» по воле государя должен был сойтись для «советования» большой церковный собор. Он состоял из десяти русских архиереев во главе с Иовом, а также представителей честнейших монастырей. *Церкви дали высказаться.* Это не была пустая

формальность, как напишут впоследствии некоторые историки. Царь все решал, его конюший все устраивал, но они не могли распорядиться судьбой Церкви вопреки ее устремлениям. Он нее требовалось официальное согласие на два изъявления монаршей воли. Во-первых, учредить в Москве новую патриаршую кафедру, а в прочих городах «умножить» епископов, архиепископов и митрополитов. Во-вторых, возвести в патриарший сан митрополита Иова, а не иного претендента. Соборное совещание постановило во всем согласиться с пожеланиями, высказанными Федором Ивановичем. Могло ли быть иначе? Теоретически — да. В XIV веке, например, Церковь активно воспротивилась желанию великого князя Дмитрия Ивановича поставить митрополитом Михаила-Митяя — «новоука» в монашестве. Теперь этого не произошло. Но ведь и фигура Иова, вероятнее всего, ни у кого не вызывала активного неприятия. Он шел к патриаршеству неспешно, от ступеньки к ступеньке, от архимандритьи к епископии, а оттуда к архиепископии и митрополичьему сану, имел большой опыт монашеской жизни, был добронравен, слыл книжным человеком. Чему тут сопротивляться?

Итак, Церковь сказала свое слово.

Теперь оставалось довершить великое дело.

У греков попросили чин патриаршего поставления. Те скоро дали просимое, однако Федор Иванович остался недоволен. Он велел переработать греческий чин, добавив туда фрагменты, взятые из русского митрополичьего церемониала. В этом эпизоде нет ни тени годуновского влияния, тут виден интерес самого царя и только его. Федор Иванович, любитель богослужебного благолепия, колокольного звона, церковного быта, желал для такого случая особой торжественности. Греки дать ее не могли. Тогда царь, в иных делах равнодушно отдающий своим слугам право распоряжаться, проявил волю.

Может быть, он единственный, кто почувствовал, сколь важный поворот происходил в судьбах России, Русской церкви да и Вселенского православия. То, что совершалось тогда в Москве, будет иметь влияние на исторические судьбы Восточной Европы и, шире, всего мира на протяжении столетий, вплоть до сегодняшнего дня. Патриарший престол в Москве, то возвеличиваясь, то умаляясь, то вновь поднимаясь из ничтожества, веками играл роль главнейшего сосредоточения православных сил. Он и сейчас, после недавнего возрождения, является сильнейшим центром восточного христианства во всем мире. И лишь государь Федор Иванович, человек блаженный, христолюбивый, далекий от административных интриг, уловил тот отдаленный гром, с которым поворачивалось колесо истории. А уловив, захотел поделиться своим знанием с подданными. Пусть видит Москва, пусть видят заезжие греческие архиереи — с великой пышностью происходит великая перемена!

23 января 1589 года Иеремия впервые за время пребывания в Московском царстве посетил Успенский собор. Здесь он встретился с русским духовенством и совершил ритуал избрания кандидатов на патриарший престол. Для духовных властей в действиях грека не было ничего неожиданного, да и сам Иеремия видел свой путь со самого финала: ему предстояло назвать трех заранее обговоренных лиц[275], а затем из их числа царь Федор Иванович выбрал Иова — добросердечного смиренного Иова, близкого ему по нраву. Двое других претендентов возводились в митрополичье достоинство[276]. Иеремия благословил на поставление в сан всех троих.

Таким образом, все формальности были соблюдены.

26 января произошло поставление Иова. Церемония была обставлена с необыкновенной роскошью, подобно венчанию Федора Ивановича на царство. Царь, патриарх и «нареченный патриарх» со свитами собрались в Успенском соборе. Любопытно, что Федору Ивановичу

пришлось играть в торжественном обряде весьма активную роль. Именно он подал Иеремии драгоценную панагию, клобук и посох — знаки патриаршей власти, чтобы тот передал их Иову. Монарх также произнес речь, призывая нового патриарха молить «…Господа Бога и пречистую Богородицу, Его Матерь, и великих чудотворцев Петра, Алексия и Иону и всех святых о нас и о нашем царстве и о всем православии, яже на пользу нам и всему православному христианству душевне». Затем он вручил Иову подлинный посох митрополита Петра. Святителя Петра особо чтило и чтит московское духовенство, поскольку именно в годы его пребывания на митрополичьей кафедре престол был перенесен в Москву.

Когда церемония закончилась, обоих патриархов пригласили на пир в государевых палатах, от которого греческие иерархи пришли в восхищение. Во время его патриарх Иов отлучился и совершил по Китай-городу шествие на осляти.

Историк Церкви А. В. Карташев пишет: «Вечером патр. Иеремия, митр. Иерофей и архимандрит[277] Арсений получили впервые от патр. Иова приглашение пожаловать к нему на следующий день. Только теперь! Все их новые церковно-канонические взаимоотношения устроены были исключительно светской властью. Русское патриаршество — дитя царской воли». Антон Владимирович, исповедуя либеральные взгляды на исторические судьбы Русской церкви, без любви и почтения относился к тому влиянию, которое оказали на церковное управление государи московские. Он, разумеется, опечален тем, что Церковь оказалось ведомой, а не ведущей силой в столь большом преобразовании. Да, русское патриаршество — плод воли государевой. Но ведь это благая воля, через нее сказано слово Господне для России! Это воля святого блаженного царя. Это, наконец, воля, решившая давно назревший вопрос церковного строительства на Руси. Тут радоваться уместно…

В конце XVI столетия у иноков Соловецкого монастыря велось летописание. Автором дошедшего до наших дней летописного памятника является то ли соборный старец Петр Ловушка (Ловушкин), то ли сам игумен Иаков[278]. В любом случае это был человек, хорошо понимающий жизнь Церкви. Так вот, весьма осведомленный в церковных делах составитель Соловецкого летописца написал очень точно: «Божиим благоволением благоверный царь государь князь великий Феодор Иванович, всея Руси самодержец, по совету и по благословению патриарха Царяграда Иеремия, и со отцем своим митрополитом Иевом всеа Руси, и с архиепископы, и со архимариты, и со игумены, и со вселенским собором, и с своими князи, и з бояры уложили и поставили на патриаршество на пресловущий град Москву митрополита Иева, за неделю великые мясопустны недели»[279]. Иными словами, в глазах нашего духовенства суть великой перемены выглядела следующим образом: захотел царь Федор Иванович возвысить Русскую церковь и возвысил ее, воспользовавшись «советом» и «благословением» патриарха Константинопольского; на то ему вложил мысль сам Господь.

Торжества шли еще несколько дней. Федор Иванович, любя свою супругу, позволил ей то, чего не водилось прежде за русскими государынями. К ней в «сребровызолоченную» палату привели двух патриархов, они благословляли Ирину Федоровну, говорили ей приветственные речи, а потом, к удивлению русской знати и русского духовенства, царица сама произнесла благодарственную речь. Думается, монаршая супруга принимала живое участие в тех событиях и на семейном совете поддерживала Федора Ивановича в его устремлениях.

Наконец, праздничная полоса была исчерпана. Русские дипломатические чиновники и доверенные люди от высшего духовенства приступили к формальному закреплению достигнутого. По «Уложенной грамоте» об учреждении патриаршей кафедры в Москве, помимо введения патриаршества и двух новых митрополий (Ростовской и Новгородской), на Руси появилось дополнительно еще две митрополии (Крутицкая и Казанская), а также шесть

архиепископий (Тверская, Вологодская, Суздальская, Нижегородская, Рязанская и Смоленская)[280]; возникло, кроме того, шесть епископий в городах, где раньше не бывало архиерейских кафедр — во Пскове, Устюге, Ржеве, Дмитрове, Брянске, а также на Белом озере. Греческое и русское духовенство поставило подписи под грамотой. Документ был составлен только на русском языке: московское правительство видело в нем простое оформление уже завершенного дела. Митрополит Монемвасийский, раздосадованный этим фактом, пожелал увидеть грамоту в греческом переводе. Он даже отказывался ставить подпись. Но, поскольку все основные действия были уже совершены, его запоздалое сопротивление не вызвало ни сочувствия, ни понимания. Патриарх Иеремия и представители Думы общими усилиями «уломали» его.

В мае 1589-го греки покинули русскую столицу. Они увозили богатую милостыню, выданную на церковное строительство, многочисленные дары от царя Федора Ивановича и от царицы Ирины Федоровны.

Русское общество испытало приятное потрясение. Тогда к вопросам чести старшинства в России относились с большим трепетом и вниманием. Когда Русскую церковь почтили, возведя на более высокую иерархическую ступень в Православном мире, паства ее радовалась и гордилась таким духовным приобретением. Эти светлые чувства отразились на страницах многих летописей.

В Новом летописце сказано, что новый патриарший престол в Москве явился своего рода заместителем престола Римского, поскольку «папа… окаянный от православныя веры отпал, впаде в ересь, в Латынскую веру»[281]. Московский летописец, весьма чувствительный к вопросам церковной иерархии, отношений старшинства канонического и традиционного, в подробностях изложил, как совершался обряд поставления в патриарший сан и кто из высшего духовенства присутствовал тогда в Успенском соборе. Судя по известию в Московском летописце, рассаживая архиереев и монастырские власти, устроители церемонии постарались сделать так, чтобы греки не получили первенства, но и не были обижены явным утеснением[282]. Особый интерес автор летописца проявил к чину богослужения, да еще вспомнил о необычном зрелище, виденном в январе 1589-го: сразу два патриарха вели божественную литургию под сводами Успенского собора… В Пискаревском летописце содержится заведомо ложное свидетельство: «Патриарха Еремея в Цареграде убили за то, что он на Москве патриарха поставил»[283]. В действительности же Иеремия правил до 1595 года. Но ошибочное известие Пискаревского летописца показательно: люд московский, не интересуясь правительственными интригами да и просто не имея представления о торгах, шедших между греческим духовенством и русскими дипломатами, искренне, по-доброму уверовал в то, что греки совершили в Москве подвиг благочестия. Псковская 1-я летопись точно так же, как и Соловецкий летописец, главную роль в утверждении патриаршества на Руси отвела царю Федору Ивановичу, а патриарха Иеремию представила как орудие, послушное воле православного монарха и подвигнутое самим Богом: «Слыша государеву милость, прииде ис Царяграда патриарх Иеремей, понужен Святым Духом, и с ним архиепископ, и архимариты, и причетники церковные: и по произволению государеву и по велению патриарх благословил и поставил на Москве митрополита Иева на росейское патриаршество, вместо отпадшего римскаго папы…»[284]

Успенский собор. Фотография Н. Найденова. 1883

На этом для государя Федора Ивановича закончилась эпопея с утверждением патриаршества в «царствующем городе Москве». Все дальнейшие ее перипетии он знал главным образом по отчетам дипломатов и по разговорам о необходимости отправить греческим иерархам еще милостыню, еще, еще и еще. Более царь почти не вел переговоров лично[285] и лишь позволял дать русского серебра и русских соболей греческим патриархам, от которых зависели канонические формальности. Самое яркое, самое красивое, самое значимое прошло перед глазами Федора Ивановича и несет на себе отпечаток его воли.

Борису же Федоровичу и Посольскому приказу еще предстояло на протяжении нескольких лет держать руку на пульсе событий, а когда течение дел тормозилось, то и стимулировать ускорение всеми доступными способами.

Итак, России требовалось официальное соборное согласие всех греческих патриархов на установления, прописанные в «Уложенной грамоте». Нет смысла лишний раз говорить, что каждый новый этап в движении к этому согласию стоил нашей казне новых расходов.

Если в русской «Уложенной грамоте» патриарху Иеремии в уста вложена громогласная похвала Федору Ивановичу: «Твое… благочестивый царю, Великое Российское царствие, Третей Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивое царствие в твое во едино собрася, и ты един под небесем христьянский царь именуешись во всей вселенной, во всех христианех»[286], — то в греческом ее варианте, утвержденном в 1590 году Константинопольским, Иерусалимским и Антиохийским патриархами, а также восемью десятками иных архиереев, Москву постарались «поставить на место». Московскому патриаршему престолу нищие и слабые греки отвели последнее по чести — пятое — место среди всех православных патриарших кафедр. Патриарх Александрийский Мелетий Пигас вообще выразил несогласие с действиями Иеремии, объявив их неканоничными. Он требовал от Иеремии «уничтожить словесно и письменно» то, что сделано им «по принуждению».

Неизвестный художник. Святитель Мелетий (Пигас). Икона

Тут московской дипломатии пришлось проявить особую настойчивость и расторопность, воздействуя на неуступчивого Александрийского патриарха известным способом. Ожидая ответной благодарности, из Москвы озвучили требование сделать патриарха Русской церкви третьим по чести — после Константинопольского и Александрийского. За этим требованием стояло вполне официальное решение собора русских архиереев.

1593 год внес окончательную ясность в отношения московского правительства и Православного Востока. В феврале прошел Константинопольский собор, где вопрос о новой патриаршей кафедре все-таки получил благополучное разрешение. Мелетий Пигас сам же отыскал аргументы в пользу полной каноничности совершенного Иеремией. Перемена его мнения основывалась не на одном лишь корыстолюбии: Мелетий Пигас надеялся возродить греческое духовное просвещение, устроив училища на землях московского царя; он даже письменно призывал к этому Федора Ивановича. Но… третьего места греки Москве не дали, все-таки настояв на пятом. Москва получила соответствующую грамоту и должна была удовлетвориться. Правительству московскому, надо полагать, стало ясно, что бóльших подвижек в этом деле добиться не удастся, а если и удастся, то слишком значительными жертвами. Соборное решение греков хоть и вызвало в России явное недовольство, но никаких серьезных последствий не имело. Патриарх Иов не волновался на этот счет в своем покойном смиренномудрии[287]. Во всяком случае, он не выразил намерений вступать в борьбу. Царь же Федор Иванович, думается, рад был доброму согласию с греческими иерархами в этом великом деле и не видел надобности тешить гордыню, вновь требуя особенной чести для Москвы.

Установление патриаршества в Москве сопровождалось еще одним «нововведением», или, вернее, реставрацией одного старого, хорошо забытого, но крайне полезного учреждения. В середине XVI века Москва обзавелась собственным книгопечатанием. История его до сих пор полна белых пятен. Твердо известно относительно немногое: в 1564 году вышел Апостол — первое издание, имеющее твердо установленную дату и бесспорно относящееся к работе московских печатников — Ивана Федорова с Петром Мстиславцем[288]. Столица России недолго была местом их работы, вскоре они переместились на территорию Литовской Руси. Причины их отъезда трактуются по-разному: названо несколько версий, среди которых самая правдоподобная — миссия духовного просвещения и поддержки православных за литовским рубежом. Очевидно, эта миссия началась по распоряжению Ивана IV и с благословения митрополита Афанасия или, может быть, Филиппа[289]. Что же касается Московского государства, то с тех пор книгопечатание пребывало там в небрежении. За четверть столетия вышло всего три книги — Псалтыри 1568 и 1577 годов, а также Часовник 1577–1580 годов. Возможно, малыми тиражами издавались и другие тексты, но о них не сохранилось свидетельств в источниках, а в библиотеках нет ни единого их экземпляра. Вероятнее всего, книгопечатание возобновлялось при Иване IV от случая к случаю, на него не обращали особенного внимания.

А вот при Федоре Ивановиче — обратили. Всерьез и по-настоящему. Через двенадцать лет после выхода так называемой «Слободской Псалтыри»[290], когда, казалось, традиция московского книгопечатания исчезла, произошло его триумфальное восстановление. И оно связано, как уже говорилось, с учреждением патриаршества.

Первая после столь длительного «антракта» книга, изданная московскими печатниками, Триодь постная[291], вышла 8 ноября 1589 года. Приуроченность издания к возведению митрополита Иова в патриарший сан подчеркнута в послесловии. Прежде всего: предыдущее кириллическое издание московской печати вообще обошлось без упоминания церковных властей. В послесловии к Псалтыри 1577 года говорится, что вся работа совершалась «…благодатию и щедротами человеколюбивого Бога Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, и повелением благочестиваго и Богом венчанного и хоругви правящего скипетра великия Россия государя царя и великого князя Ивана Василиевича всея Руси самодержца, и его Богом дарованных чад царевича князя Ивана Ивановича и царевича князя Феодора Ивановича составися штанба, еже есть печатных книг дело…». А митрополита Московского и всея Руси словно бы на свете не существует! Между тем в московских изданиях, выходивших раньше, глава Русской церкви поминался. При Федоре Ивановиче это унизительное для Церкви забвение митрополичьего имени было уничтожено. В Послесловии к Триоди постной было сказано не только то, что печать началась с благословения митрополита Иова, но также и то, что завершилась она «…в 6-е лето царства государя царя и великаго князя Феодора Ивановича все Руси самодержьца и при благочестивей царице и великой княгине Ирине *и при святейшем патриархе Иове Московьском и всея Руси, в 1-е лето патриаршества его* (курсив мой. — *Д. В.*)»[292]. Иными словами, торжество Москвы как вместилища для новой кафедры патриаршей и торжество Иова прокламируются на страницах книги, которой суждено разойтись по всем областям России, вплоть до самых дальних городов.

Кто инициировал реставрацию книгопечатания в Москве? Митрополит Иов? Борис Годунов? Сам государь?

Трудно ответить на этот опрос однозначно.

Иов был большим книжником, весьма значительным духовным писателем и «главным идеологом страны»[293]. Он, конечно, должен был понимать великую пользу книгопечатания

для христианского просвещения, он, разумеется, понимал и необходимость книжной «справы» (исправления и унификации церковных книг), возможной только с утверждением издательского дела. И он, наконец, был достаточно близок к престолу еще при Иване IV, чтобы помнить опыт первого, грозненского еще введения «штаньбы». Таким образом, Иов — весьма возможный претендент на роль идейного вдохновителя новой волны московского книгопечатания.

Борис Годунов? Менее вероятно. По общим отзывам современников, Борис Федорович, будучи человеком исключительного ума, все же не испытывал большой любви к «винограду книжной премудрости». Не его мысль. Не его пристрастие. К тому же истинный правитель России, как личность весьма честолюбивая, не преминул бы так или иначе связать свое имя со столь большим государственным делом; если этого не произошло, значит, само книгопечатание не слишком заинтересовало конюшего.

А в послесловии к Триоди постной нет ни слова о нем.

Зато роль государя Федора Ивановича показана как решающая. О его трудах по возобновлению книгопечатания источник говорит прямо: «Свет истинный, Слово Божие и Сын Отчь возсия молнию светолучныя благодати в сердцы благочестиваго царя нашего и государя великого князя Феодора Ивановича всея Руси самодержца, дабы царьство его исполнилося божественных книг печатных. И повелением его, великого государя, благочестиваго царя… начата бысть печататати в богохранимом царствующем граде Москве… во исполнение церковнаго богогласия, богодовхновенная сия книга Триодь постная с Синоксари и с Марковыми главами». Выходит, сам царь Федор Иванович пожелал восстановить типографию в столице. Можно было бы, конечно, предположить «этикетный» характер этих слов: опыт прежних изданий сделал хвалу государю неотъемлемой частью послесловия. Но одно обстоятельство мешает принять подобную трактовку. Послесловие составлено так, что заставляет видеть автором своим печатника Андроника Тимофеева Невежу или кого-то из его ближайших сотрудников. А значит, человека, осведомленного в вопросе о том, кого надлежит благодарить за возобновление книгопечатания. И автор *с явными нотками личного отношения к царю* повторно называет его зачинателем сего благого дела: «Вси же елико вас церковные чада и сынове Евангелия, по рождении от семени неистленна, аще кому лучится вникнути в сию богодухновенную книгу Триодь, и разумеет, что в ней потребно и полезно, тогда преже всех творцу и содетелю благим Христу Богу хвалу и славу да воздает и его верному слузе благочестивому царю нашему и государю великому князю Феодору Ивановичю всея Руси самодерьжцу, да молит и просит душевнаго спасения и многолетнаго здравия, понеже бо *он виновен бысть таковыя пользы* (курсив мой. — *Д. В.*), да его благостроением и мы в мире и тишине поживем»[294]. Это не «этикетное» высказывание. Это слова прямые, нехитрые, исполненные простого и теплого благодарения. Похоже, не минуло еще и шести лет правления Федора Ивановича, а в народе уже начало распространяться благоговейное отношение к нему. В монархе видели молитвенника, чье постоянное обращение к Богу приносит земле «мир и тишину». И вот этот молитвенник обращается мыслью к церковным делам, милым его сердцу. Желает внести больше порядка в «церковное богогласие», коего был большой любитель. Соответственно он возвращается к опыту издательской деятельности отца, очевидно, не ушедшему от внимания молодого царевича. Тут нет ничего фантастического.

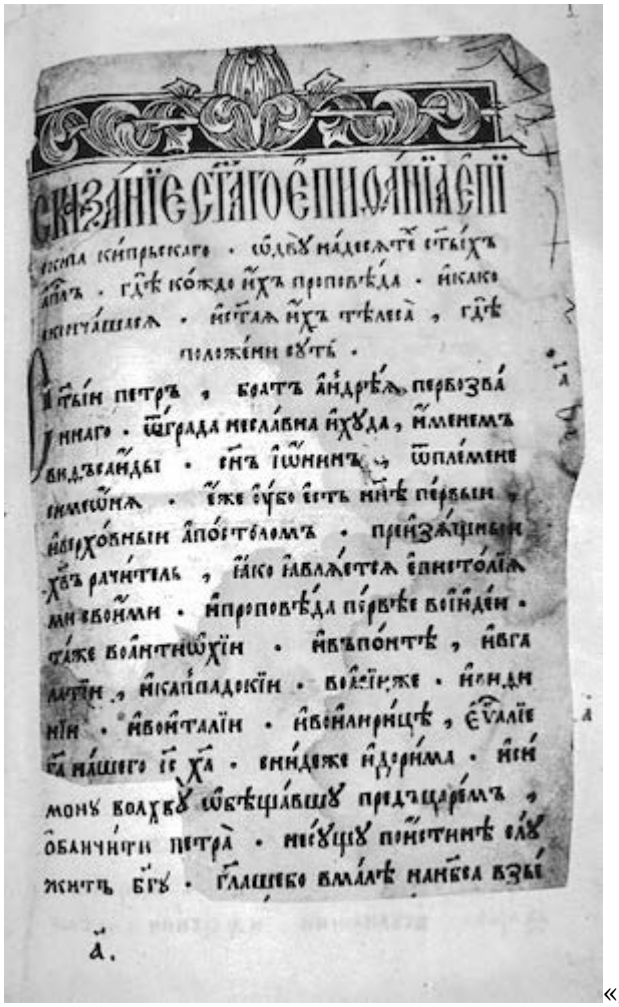
Возможно, именно инициатива Федора Ивановича по возобновлению заброшенного в русской столице издательского дела объясняет слова князя И. А. Хворостинина, который объявил государя «любителем книг». Не пристрастие ли государя к печатной книге послужило основой для подобного свидетельства?

Так или иначе, Федор Иванович должен считаться наиболее вероятным инициатором

восстановления типографского дела в Москве.

Новая волна печатных книг, появившихся в Москве, приятно удивила современников. Так, Пискаревский летописец, перечислив храмоздательские заслуги царя, сообщает о заслугах иного рода: «Повелением царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в 100-м году и в ыных годех печатаны книги: евангелия, апостолы, псалтыри, часовники, охтаи, минеи общия, служебники, треоди постныя и цветныя»[295].

К настоящему времени историкам русской печати известны экземпляры четырех московских изданий времен Федора Ивановича: Триодь постная 1589 года, Триодь цветная 1591 года, Октоих 1594 года и Апостол 1597 года. Часовник вышел в 1598 году, уже при Борисе Федоровиче, вскоре после кончины Федора Ивановича. Что же касается Евангелий, Псалтырей, Миней и Служебников, изданных между 1584 и 1598 годами, то их еще предстоит отыскать: ни одного экземпляра науке пока не известно.

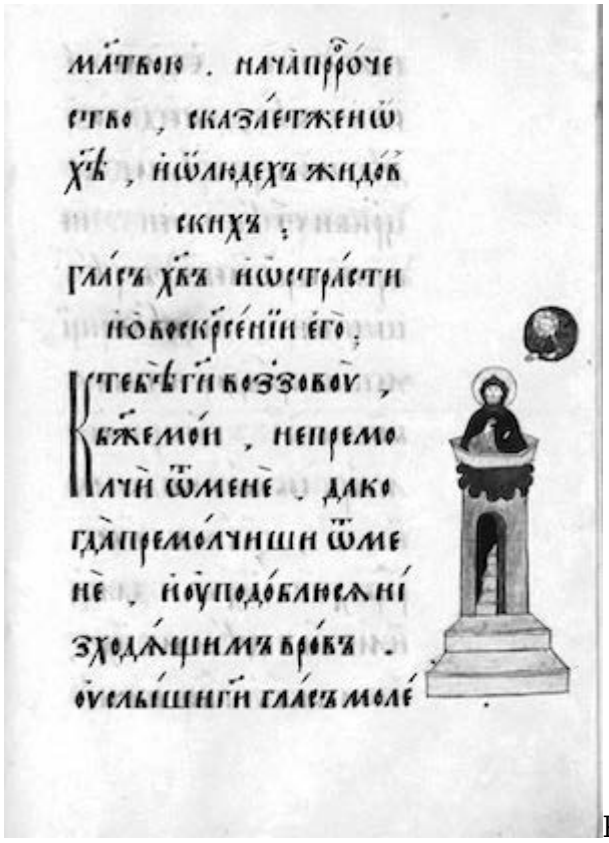

«Апостол» 1597 года

Государево решение возобновить книгопечатание отлично вписалось в общий курс годуновской «большой политики». Как уже говорилось выше, тогда Россия очень много строила. И строительные усилия Москвы коснулись огромной территории — от Царицына до Архангельска, от Смоленска до Тобольска. Но там, где вырастала русская крепость, в самом скором времени должна появиться православная церковь. А богослужение в храме требует множества предметов, без которых священник не может заняться своим делом. Прежде всего, речь идет о книгах. Не имея целого комплекта литургических текстов, иерей бессилен верно провести богослужение. Московское правительство поддерживало провинциальных священников, доставляя новопостроенным соборам и монастырям книги, иконы, причастное вино, церковную утварь разного рода. Но при Федоре Ивановиче по всей стране возводится

множество храмов, и трудно было запастись количеством книг, достаточным для того, чтобы хватало для всех потребных рассылок. Работа книжного переписчика — долгая, трудная, кропотливая — не терпит спешки. Другое дело — печатный станок, сильно ускорявший этот процесс. Когда в казенных книгохранилищах лежат, дожидаясь своего времени, сотни и тысячи идентичных экземпляров одного издания, подьячему не нужно суетиться, отыскивая необходимую книгу у торговцев. Он просто получит ее со склада. Впрочем, когда тираж разойдется, «приказной человек» вновь должен будет идти в торговые ряды.

Именно от времен Федора Ивановича (1592–1596) сохранились древнейшие документы, свидетельствующие о правительственной рассылке книг (в том числе и печатных изданий) по провинциальных храмам и монастырям. Книги отправлялись в Елец, Верхотурье и Воронеж; весьма вероятно, были у подобного рода казенных обозов и другие адресаты. Строящийся в Воронеже Успенский монастырь получил из Москвы среди прочего «Псалтырь печатную» (1594)[296].

Москва XVI столетия скудна была духовным просвещением. Еще при митрополите Макарии много правильного говорилось о необходимости завести училища и навести порядок в умах духовенства, расстроенных невежеством, грубостью нравов, а также разного рода еретическими веяниями. На «Стоглавом соборе» постановили создать «училища книжные», притом не только в столице, и «по всем градом», исправлять отныне церковные книги «соборне» и «с добрых переводов», воспретить распространение рукописных книг, не прошедших справы. Книгопечатание призвано было служить этой великой цели, и основание его в «царствующем граде Москве» явилось добрым почином, едва не сорвавшимся и едва не забытым. К концу века собственных школ завести не удавалось — во всяком случае, источники того времени не сообщают о них ни единого слова; собственная академия будет оставаться в сфере мечтаний на протяжении еще целого столетия; лишь издательскую работу удалось возобновить. Вся она до великой Смуты связана была с тиражированием церковных текстов, главным образом литургических. Конечно, Часовники, Псалтыри и Апостолы можно было использовать при научении простой грамотности, не более того. А все же и то элементарное духовное просвещение, которое совершалось посредством печатных книг, было изрядным шагом вперед по сравнению с первой половиной века. Оно давалось трудно, оно не утвердилось бы, не поддержи его монаршая воля. Оно было частью великого плана, исполнявшегося до крайности медленно, но все-таки не стоявшего на мертвой точке. План этот, завещанный Русской церкви святителем Макарием, заключался в преображении ее из организации богатой, влиятельной и свободной ото всякого подчинения иноверцам, но хаотически организованной и малокнижной в собрание людей, ценящих виноград премудрости книжной и вполне искушенных в тонких вопросах богословия. Мощь колоссального тела нашей Церкви должна была напитать дух и разум ее. Русские монастыри и архиерейские дома следовало превратить в центры духовного просвещения, которые сравнялись бы с греческими и в конечном итоге возвысились бы над ними.

Киноварный инициал и небольшая миниатюра на полях (визуальный комментарий). Псалтырь. 1594

Таким образом, воздвижение русского патриаршества было не только знаком материальной мощи, свободы и долгой исторической судьбы Православной церкви на Руси. Оно также играло роль обещания: перед русским духовенством открывается новая дверь, и под ноги ему ложится новый путь. Пойти по нему — значит обрести силу знания, силу богословской учености. Государь Федор Иванович, сколько мог, способствовал тому, чтобы движение по этой дороге продолжилось.

И когда его прервет чудовищная судорога Смуты, отнюдь не последний царь из семейства Даниловичей будет виновен в этом.

Глава 7. Дитя войны

В царствование государя Федора Ивановича совершилось три великих деяния, прямо связанных с волей и поступками монарха. Первое из них — учреждение патриаршества в Москве, второе — разгром шведов на северо-западных рубежах страны, а третье — основание московского Данилова монастыря. И если первое и последнее так легко и естественно ложатся в судьбу царя, мечтавшего быть иноком, то второе, если не всматриваться, совершенно выпадает из нее.

Государь лично участвовал в походе, победоносно завершил его и вернулся в Москву триумфатором, хотя в характере его не видно ни малейшей тяги к войне, армии, воинскому делу. Ему бы носить прозвище «Тишайший», доставшееся отнюдь не мирному царю Алексею Михайловичу…

Ни до, ни после похода против шведов Федор Иванович не руководил какими-либо военными кампаниями, осадами крепостей и действиями войск в полевых сражениях. Иван IV был далек от мысли передать младшему сыну командование армией. С начала же царствования самого Федора Ивановича его воеводы отлично справлялись с черемисским бунтом и обороной южных

рубежей от крымских набегов. Кажется, ничто не требовало личного участия государя в русско-шведской войне. Надо полагать, опытные полководцы могли бы решить боевые задачи без него, как это было на юге и востоке державы. Не имея тактического опыта, смиренный, добродушный и миролюбивый монарх мог только помешать их работе.

Зачем же понадобилось ему отправляться на войну? Кто или, может быть, что подвигло Федора Ивановича заняться делом, столь для него несвойственным? Есть в этом настоящая большая загадка…

Для того чтобы разгадать ее, следует обратиться к дипломатической и военной ситуации, сложившейся к концу 1580-х годов на русско-шведских границах.

Прежде всего, российское правительство не сомневалось в необходимости вновь затеять войну на этом направлении. К тому вынуждала стратегическая необходимость. Русское царство слишком многое потеряло при Иване IV, во время последнего «раунда» Ливонской войны. Если в 1550-х годах шведов отбили шутя, не прилагая значительных усилий, то в 1570-х и 1580-х годах они оказались противником гораздо более грозным. Во-первых, сама Россия, истощенная длительными военными усилиями в Ливонии, утратила прежнюю мощь. Во-вторых, в союзе со Шведской короной выступала Речь Посполитая и, к сожалению, сами жители немецких городов Прибалтики, страшно недовольные политикой русских властей на завоеванных территориях. На землях, когда-то принадлежавших Ливонскому ордену, русских боялись и ненавидели. Выбирая для себя нового сюзерена, тамошнее население в последнюю очередь видело таковым московского государя. И предпочтение, оказанное им шведским войскам и шведской администрации — также не столь уж популярным, но все же более приемлемым, — стоило русскому правительству очень дорого. Иван IV принужден был отдать шведскому королю, помимо значительных завоеваний в Ливонии, еще и целый ряд собственных городов. Среди них оказались Ям, Копорье, Ивангород, Корела. Но особенно жалели о Нарве: до 1558 года она не входила в число владений русского государя, однако после сдачи нашим войскам оказалась поистине драгоценным приобретением. Нарва сыграла роль стратегически важного для России портового центра. Ее утрата больно ударила по русской торговле. Русское правительство не раз предлагало шведам подписать мирный договор, по условиям которого «городки», издревле «тянувшие» к Новгородчине, передавались бы Московскому государству за солидный выкуп. Шведы раз за разом отвергали подобные предложения.

Итак, все русские городки, безусловно, требовалось отвоевывать: там жило русское православное население, шли богослужения в храмах, канонически подчиненных митрополиту Московскому, и отдать все это навсегда протестантам, «прескверным люторам», как называли их в Москве, было делом позорным да просто непредставимым. Все равно что бросить раненого товарища на поле боя. Таким образом, тут причины у войны были не только и даже не столько политическими, сколько вероисповедными. Нарва же выглядела как желанный приз для русского меча и как весьма ценный инструмент для экономических предприятий русской казны.

Сами шведы рассматривали новый раунд «натиска на восток» как нечто естественное. Иными словами, его начало являлось для Шведской короны делом времени. Россия показала при Иване IV слабость. Следовательно, ее северо-западные области также выглядели… как желанный приз. Русско-шведский рубеж, говоря языком современной политики, стал ареной провокаций и взаимных обид. Он жил в преддверии нового большого военного противоборства. Не успели отгреметь битвы ливонской войны, как российское правительство распорядилось срочно укреплять приграничные населенные пункты.

Но одно дело — ведение войны со Шведской короной, и совсем другое — личное участие

государя московского в боевых действиях. Можно, конечно, предположить, что Федора Ивановича склонил к этому Борис Годунов. Рассчитывая поднять боевой дух армии, он желал видеть самого царя в ее рядах. Ратники, очевидно, захотят заслужить благосклонное внимание монарха, да и важность всего предприятия «воинские люди» поймут гораздо лучше, увидев, что сам государь идет с ними на «свейских немцев». Исаак Масса прямо пишет: Борис Федорович «…настойчиво уговаривал царя отправиться с войском к Нарве для отвоевания Ливонии… он стоял крепко и добился того, что царь согласился и даже сам выступил в поход»[297]. Но это известие изобилует неточностями — в численности войск, порядке и хронологии происходивших событий, мотивах начала боевых действий. Следовательно, и прочие факты, здесь же изложенные Исааком Массой, должны ставиться под сомнение.

Неизвестный фотограф. Печенгский монастырь. Начало XX в.

Возможно, решающую роль сыграло событие, ничтожное по количеству участников, но больно уколовшее и Русскую церковь, и русского государя. Известно, что примерно в это время подданные шведского короля напали на Печенгский монастырь — самую северную обитель Православного мира, основанную за полстолетия до того святым Трифоном. Источники не сообщают точной даты нападения, более того, по разным свидетельствам драму в Печенгском монастыре можно отнести и к 1589-му, и к 1590 году. Но разные летописные известия сходны в одном: враг учинил над иноками невиданное, ни с чем не соразмерное зверство. Новый летописец сообщает: «Немцы… монастырь разориша и церкви Божие пожгоша и игумена и братию побиша и казну монастырскую поимаша»[298]. Но вот одна важная деталь: автор Соловецкого летописца (а Соловки были прочно связаны с Печенгой да и находились к ней ближе иных обителей) дает свидетельство, говорящее о более близком знакомстве с событиями печенгского погрома: «Божьим изволением, грех ради наших, приходили немецкие люди в Печенской монастырь войною, Божье милосердье церкви и монастырь пожгли и игумена Гурья и братью и слуг побили, казну монастырскую взяли, и стояли в Печенге 10 дней»[299]. Итак, на Соловках в деталях представляли себе, что там произошло, а значит, и *когда* произошло. По косвенным признакам в летописном тексте известие можно датировать следующим образом. Во-первых, следующее известие начинается со слов: «Того же, [70]98-го году, июля в…». 7098-й год от Сотворения мира начинался 1 сентября 1589 года от Рождества Христова и заканчивался 31 августа 1590 года, следовательно, Печенгу громили до июля 1590 года. Во-вторых, чуть выше говорится, что после разорения обители нападающие «…ис Печенги пришли в Колу-волость под Кольский острог *того же декабря месяца* (курсив мой. — *Д. В.*) за два дни до Рождества Христова и к острогу приступали». Значит, сожжение храмов и уничтожение братии монашеской произошло в самом начале декабря 1589 года. Эту страшную весть могли донести до российской столицы весьма быстро — благодаря отлично налаженной ямской службе. Конечно, она не избегла царских ушей.

Как должен был относиться к ней Федор Иванович, великий миролюбец?

Прежде всего, как государь православного народа. Он должен был мыслить себя и мыслил себя как первый защитник веры в стране. Экономические потребности России, политические интересы ее правящего класса, наконец, личные приоритеты монарха с этой точки зрения отступали на второй план. Если где-то, пусть и на полуночной окраине державы, враг разгромил монастырь и перебил монахов, значит, нанести ответный удар должен сам государь. *Это главное дело для него.* Можно предусмотреть множество компромиссных комбинаций, избавляющих страну от необходимости вести боевые действия. Можно отыскать искусных полководцев, способных провести успешную кампанию. Но только в том случае, когда вражеский удар не затрагивает Церковь. В противном случае православный монарх обязан лично принять меры — такие, чтобы потом ни у кого не появлялось желания тронуть другую обитель. Хочет государь или не хочет браться за военные труды, а общественный идеал того времени требует от него вооружиться мечом и вдеть ногу в стремя.

Иначе говоря, Федор Иванович мог бы и не отправляться в поход, не прислушиваться к просьбам Годунова, но нападение шведов на Печенгский монастырь внушило ему потребность лично возглавить русское наступление против них. Тут не в политике дело, а в вере.

Кроме того, Федор Иванович относился к ливонской проблеме как сын своего отца. Пусть и непохожий на него обликом и нравом, а все-таки унаследовавший кое-что от воинственного родителя. На протяжении всего царствования блаженный государь искупал миролюбием своим, молитвенностью, милосердием те свирепства, которые когда-то совершил отец. Но некоторые проблемы не получалось решить одним лишь добронравием. И одной из них стала шведская оккупация русских земель в северной Новгородчине. Федор Иванович отлично знал, как дорого стоила России вооруженная борьба за Ливонию. И он мог воспринимать поражение в этом великом противостоянии как семейное дело. Отец не доделал — так неужели сыну уместно отступаться?

Итак, государь Федор Иванович отправился на войну как главный защитник веры во всей России и как сын человека, пытавшегося на протяжении двадцати пяти лет решить ливонскую партию в пользу Москвы. Что тут сыграло решающую роль? Первое или второе? Трудно сказать. Думается, сильная вера Федора Ивановича и его близость к Церкви позволяют все-таки предпочесть именно первое.

* * *

…Осень 1589 года затянулась. Долго лили холодные дожди; первый робкий снег растаял, деревья зябко поводили ветвями, подчиняясь гнетущей силе сырого ветра, на реках все никак не начинался ледостав.

Наконец выдался тихий безветренный день. С неба посыпалась белая ледяная крошка, скоро сменившаяся пухом, густым, добрым, изобильным. Солнце вышло в зенит, подобно маленькому оловянному шарику, и высокое светлое небо, шитое серебром, дохнуло на землю первым крепким морозцем. Речные потоки быстро оделись в непробиваемые латы.

Встал Филиппов пост.

Государыня царица Ирина Федоровна щедро целовала своего мужа и возлюбленного, государя Федора Ивановича, вкладывая в поцелуи всю страсть свою, всю тоску. Ведь он… такой добрый… такой невоенный… такой неприспособленный к дальним походам человек… Пропадет.

А муж, расставаясь с супругой, был спокоен и уповал на Бога. Он шел ныне на правое дело, и, значит, Царь Небесный даст ныне помощи царю земному. Сколько раз, бывало, глядели в спину стрелецким сотням, уходящим на войну, двое мальчишек — Федя и Ваня — двое сыновей царя Ивана. Сколько раз прощались они с отцом! То с победой возвращался родитель, то в ужасе скакал через весь город, отдавая последние приказы воеводам, веля семье спешно сбираться для стремительного отступления на полночь. Теперь пришло время сыну его пить смертную чашу, играть с врагом лютой игрою.

Федор Иванович, не сомневавшийся, как видно, в успехе грядущей кампании, предложил царице отправиться вместе с ним — до Новгорода. А там и ждать его возвращения придется не столь уж долго. Царица, подивившись, согласилась.

«7098-го году месяца декабря в 14 день царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси пошол в свою отчину в Великий Новгород. А из Новгорода идти ему на свийского короля»[300].

Мерно шагали на северо-запад стрелецкие сотни. Конница Государева двора, лучше прочих вооруженная, посаженная на дорогих коней, резво двигалась перед ними. Служилых татар, среди которых выделялся отважный сибирский царевич Маметкул, держали неподалеку. А позади стрельцов медленно полз по заснеженным дорогам «наряд» — «великий», «середний» и «легкий», иначе говоря, артиллерийские орудия с обслугой и «зельным припасом». Позже всех покинул Москву «кош» — обоз да слабо вооруженное сборище «посохи», т. е. «даточных людей», взятых в поход ради земляных и прочих инженерных работ при осаде крепостей.

По десяткам городов отправлены были гонцы, объявлявшие о незамедлительном сборе русской воинской силы. Малые отряды сбивались в полки, получали воевод и шли к границе — туда, где должны были встретиться и составить великую армию. В приграничных городах сбор отрядов и подготовка к масштабному вторжению шли на протяжении нескольких месяцев — с августа[301].

Московская военная машина была попорчена и ослаблена в последние годы правления царя Ивана Васильевича. Армии разбегались, опытные военачальники пребывали в плену, а то и в гробу, держава оскудела людьми и серебром. Дух отошел от нашего воинства. За истекшие полдюжины лет русская сила расходовалась на противодействие татарам, подавление черемисских бунтов и — очень экономно — на присоединение сибирских земель. Правительство копило бойцов, стараясь понемногу восстановить прежнюю мощь. А если этого не удастся достигнуть, то вернуть хотя бы часть прежней силы. Ныне военная машина Московского государства, предназначенная для ведения масштабных боевых действий, опять приводилась в рабочее состояние. Передаточные ремни поскрипывали, принимая груз бремени, от которого успели отвыкнуть; хорошо смазанные шестеренки, цепляя друг друга, не давали сбоев; мощные дубовые станины, державшие всю конструкцию, внушали чувство надежности тем, кто восстанавливал их после разрушения и разора первой половины 1580-х. Все функционировало как надо.

Вооруженные силы России, благодаря хорошо отлаженному организационному механизму, стремительно собирались для мощного удара по неприятелю. Это была не та армия, которая брала Казань. Не та, что когда-то принудила к сдаче Полоцк. И даже не та, что встала несокрушимым препятствием на пути конной лавы Девлет-Гирея у Молодей. Но все-таки собралась большая сила. Будто старый лев, утративший способность долго гнаться за добычей, рассчитывает решить дело внезапным прыжком и одним ударом еще могучей лапы, или, может быть, словно боксер, получивший когда-то репутацию нокаутера, а потом долго, тяжко болевший и вернувшийся, наконец, на ринг, не восстановив прежней своей формы, уповает расправиться с соперником одним-двумя мощными хуками, — на них-то силы имеются! — так и

русская армия выходила ради скорого одоления врага, но никто из правительственных мужей не мог быть уверен, что ресурсов хватит на долгую, изнурительную войну. Неожиданным натиском отбить русские города, находившиеся под властью оккупантов, ошеломить шведов напором, отучить их от приграничных авантюр, тогда — дело сделано. Но ни в коем случае не увязать в длительной вооруженной борьбе, имея на западе воинственных поляков с литовцами, а на юге — страшных крымцев.

Вот и воевод назначали с большим разбором. Хотели надежности.

Первым воеводой большого полка, т. е. по обычаям того времени «командармом», поставили князя Федора Ивановича Мстиславского. Тактические таланты его вызывают споры в среде военных историков и, скорее всего, князь Ф. И. Мстиславский, в отличие от своего отца, не являлся искусным полководцем. Но он был исключительно знатным человеком, и ни при каких обстоятельствах никто в армии не посмел бы с ним местничать, оспаривая первенство князя по «отечеству» — столь велика была «высота крови» родовитого Гедиминовича! При нем находился второй воевода — Иван Васильевич Годунов. Этот хорошо знал предстоящий театр военных действий по прежним своим службам. К тому же он мог исполнять функцию «пригляда» за Мстиславским, чтобы тот не принялся вести тайные переговоры с родней из-за литовского рубежа…

Полк правой руки возглавил князь Михаил Федорович Трубецкой[302]. Этот был и знатен и опытен. Ему доверяли серьезные воинские операции, и он никогда их не проваливал. Во вторых воеводах того же полка оказался Богдан Юрьевич Сабуров (близкая родня Годуновых), начавший служить в воеводских чинах намного раньше князя Трубецкого.

Передовой полк получил князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, а вторым воеводой с ним шел князь Дмитрий Иванович Хворостинин. Если первый сплоховал, «на службу не поспел» и отправился из-за этой своей вины «жить в деревне», то его помощник, Хворостинин, был настоящей воинской звездой XVI столетия[303]. Он был сродни тем стремительным «железным волкам», которые при Иване III рвали в клочья и литовцев и татар. Он участвовал во многих больших битвах и осадах, всюду показывая себя наилучшим образом. За ним числилось несколько крупных побед. После отставки Катырева-Ростовского полк формально отдали под команду князю Тимофею Трубецкому (более знатному и довольно опытному военачальнику), потом его поменяли на Семена Федоровича Сабурова (малозаметного и больше известного местническими тяжбами, нежели службой), затем и его сменили малоопытным князем Андреем Васильевичем Трубецким, но душой дела, настоящим боевым командиром был все же Хворостинин. Он занимался подготовкой похода с августа 1589-го, прибыв на Новгородчину заранее.

Полк левой руки доверили князю Василию Васильевичу Голицыну (совсем не опытному), получившему вторым воеводой князя Федора Ивановича Хворостинина, брата Дмитрия Ивановича, да и по собственным боевым заслугам стоявшего высоко.

Сторожевой полк встал под команду князя Ивана Ивановича Голицына, коему назначили вторым воеводой Никиту Ивановича Плещеева-Очина из старинного боярского рода. Голицын — Гедиминович, как и Мстиславские и Трубецкие, — отличался высокой знатностью и участвовал в ряде военных кампаний. Помощник ему достался весьма знающий, одаренный и притом исключительно опытный. Это командир с изрядным послужным списком. Еще осенью 1557 года он получил первое крупное назначение, отправившись в Темников первым воеводой[304]. В 7070 (1561/1562) году Никита Иванович — один из воевод в Смоленске, затем второй воевода сторожевого полка в рати, отправленной «в литовскую землю» (первый воевода того же полка — его брат Иван)[305]. В 7072 (1563/1564) году он возглавляет гарнизон в

маленькой Керепети на ливонском рубеже, откуда в апреле 1564-го переходит наместником в Почеп, а оттуда на следующий год возвращается в Керепеть[306]. В промежутке от первого воеводского сидения в Керепети до наместничества в Почепе Н. И. Плещеев-Очин принял участие в походе большой русской рати воевод кн. В. С. и П. С. Серебряных-Оболенских в район нынешней Северной Белоруссии; оттуда 12 февраля 1564 года он прискакал гонцом к Ивану IV с отчетом о тактическом успехе армии Серебряных[307]. Никита Иванович, как и князь Д. И. Хворостинин, вошел в опричнину на раннем этапе ее существования, но, очевидно, в опричной военно-административной системе оказалось слишком много людей из обширного семейства Плещеевых. Поэтому четвертому, младшему брату из отрасли Плещеевых-Очиных предстояло оказаться в тени высокопоставленных родственников и вне крупных воеводских назначений. По служебным назначениям в опричном корпусе его заметно превзошел даже Андрей Иванович Плещеев-Очин, родной брат, явно уступавший Никите Ивановичу в командном опыте. Андрей был старше Никиты, и семейный интерес в данном случае, как видно, возобладал над государственным. Возможно, Никиту Ивановича использовали на административно-судебных службах или ждали удобного момента, чтобы возвысить. Но вплоть до общей опалы на Плещеевых такого случая не представилось. Благополучно пережив опалу, Никита Иванович на несколько лет исчезает из разрядов. Лишь в 1573 году ему доверят небольшой отряд для самостоятельных действий в Ливонии, затем, весной-летом 1575 года, он опять появится на службе — как второй воевода в Туле, а через год, в августе 1576-го, уже возглавит полк левой руки на «береговой службе» у Каширы[308]. Впоследствии его станут постоянно отправлять в походы на воеводских должностях, он возглавит полки и целые армии, заработает окольничество и будет последний раз упомянут разрядами в апреле 1593 года[309]. Фактически Н. И. Плещеев-Очин окажется одним из самых востребованных русских полководцев периода последних лет правления Ивана IV и большей части царствования Федора Ивановича. Никита Иванович сделает очень хорошую карьеру на военном поприще, но возвышение его не связано со службой в опричнине. Это был военачальник, хотя бы отчасти сравнимый по воинским заслугам с Хворостининым и второй после Дмитрия Ивановича командир, если оценивать его по критерию тактического опыта.

Ертаул возглавил князь Василий Казыкарданукович Черкасский — он уже некоторое время ходил в полковых воеводах, хотя и блистал в основном знатностью. Черкасские — выходцы с Северного Кавказа и родня царя Ивана Васильевича по его второй жене, Марии Темрюковне Черкасской. Русским помощником у него был Дмитрий Иванович Вельяминов, еще один опытный воевода из старомосковского боярского рода.

Во главе «наряда» поставили опытнейшего И. И. Сабурова и Г. И. Мещанинова-Морозова.

«Дворовыми воеводами», т. е. командирами государева полка, или, иначе, «Государева двора», в походе числились Борис Федорович Годунов и Федор Никитич Романов-Юрьев. Оба неопытны в воинском деле, последний к тому же еще молод. Но их служба должна была считаться в большей степени почетной, нежели действительной. Основные решения, надо полагать, принимали князья Мстиславский, Ф. М. Трубецкой, возможно, И. В. Годунов и князь Д. И. Хворостинин. На них-то и надеялись больше всего. Стоило Борису Федоровичу, большому политику, влезть в военное дело со своими идеями, как произошел серьезнейший срыв…[310]

Назначения военачальников представляют собой своего рода «кроссворд», разгадка которого дает очень многое для понимания того, как относилось правительство к походу на шведов.

Во-первых, на воеводство отправили восемь бояр и четырех окольничих. Иными словами, добрая половина политической элиты оказалась в седле.

Во-вторых, Годуновы, к сожалению, не отступились от любимого обычая ставить представителей своего семейства и ближайшей родни на важнейшие воеводские посты, мало сообразуясь при этом с реальными тактическими способностями, опытом, знанием театра военных действий. Тут в составе командования армии оказалось пятеро из клана Годуновых-Сабуровых. Притом лишь трое из них являлись дельными людьми, изрядно понюхавшими пороху.

В-третьих, командные кадры полевого соединения были совершенно избавлены от присутствия высшей титулованной аристократии собственно русского происхождения — ростовских, суздальских, черниговских, рязанских княжат. Их, очевидно, все еще побаивались. Разгром Шуйских произошел несколько лет назад, но людям, близким по происхождению, могли не до конца доверять… Хворостинины не в счет: они были знатью второго сорта, к тому же с Годуновыми их объединяли брачные связи. Итак, на роль знатнейших вождей войска поставили шестерых князей-Гедиминовичей и одного князя кавказской крови. А вот настоящими специалистами по тактике, т. е. реальными военачальниками, были (за исключением полка правой руки) выходцы из старинных московских боярских родов да второстепенные князья Хворостинины.

Наконец, **в-четвертых**, Московское царство бросило в поход лучших из лучших своих полководцев. Трубецкой, Хворостинины, Очин-Плещеев, Иван Годунов и Сабуровы — серьезные люди[311]. В целом по уровню опыта и тактических дарований это не была та «звездная команда», с которой, например, Иван IV брал Полоцк в 1563 году. Но все же командный состав подобрался сильный.

Общий вывод: русское правительство и, в частности, Б. Ф. Годунов долго и серьезно продумывали расстановку военачальников для этого похода; постарались свести к минимуму риск предательства, добиться чисто военной эффективности и, насколько возможно, сократить поле для местнических споров. Первые две задачи решить удалось. Местнические тяжбы все-таки вспыхнули, но в умеренном масштабе. Ошибкой Бориса Федоровича стало назначение слишком большого количества близких родственников и… самого себя. Однако в целом это хоть и мешало делу, но к катастрофическим результатам не привело.

Когда армия сконцентрировалась в Новгороде Великом, на север, за Неву, был отправлен легкий отряд. Перед ним, очевидно, поставили задачу отвлечь внимание шведов от направления главного удара; возможно, произвести разведку: есть ли у неприятеля в Карелии серьезные силы, которые он мог бы перебросить южнее, на помощь своим крепостям. Как только основные силы двинулись на Ям, этот «легкий корпус» отозвали назад и двинули перед наступающей армией. Затем разведчики тайно направились к Яму — за «языками».

Наконец, 18 января 1590 года войска покинули Новгород. А уже 23 января государь Федор Иванович с армией, пришедшей «в силе тяжкой», осадил город Ям.

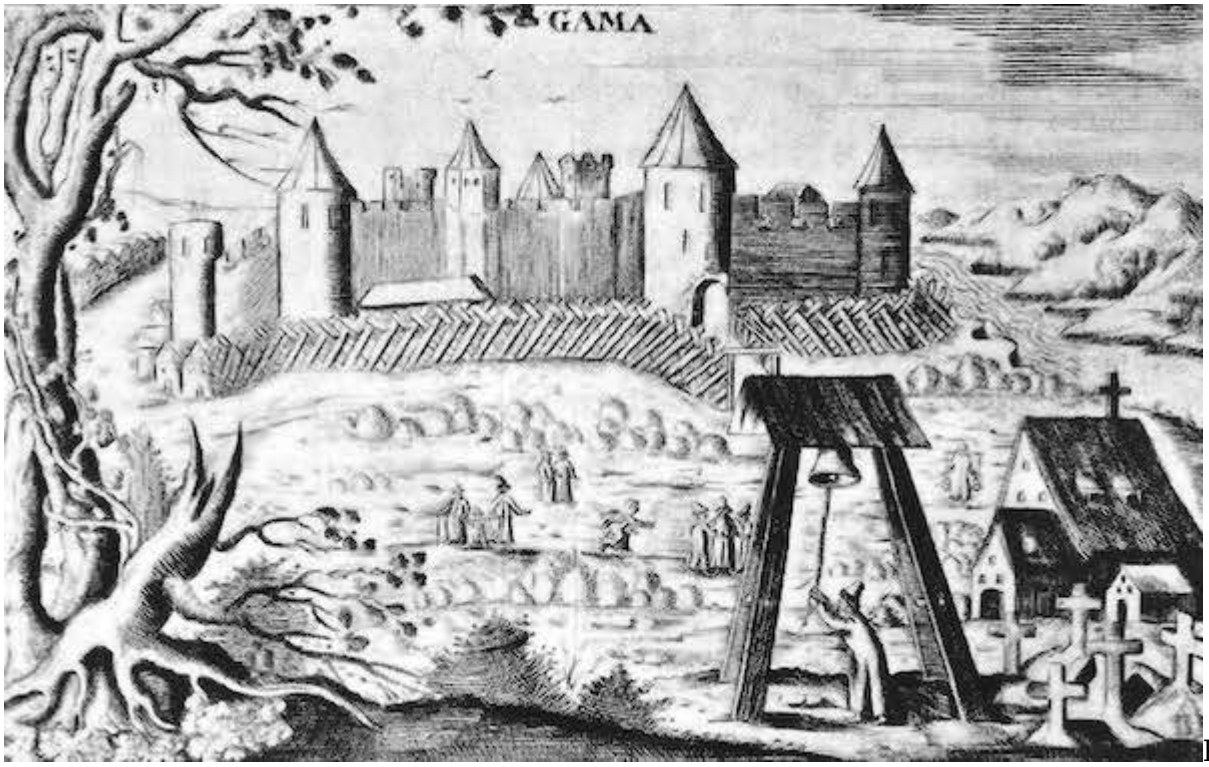
Там засело пятьсот вражеских бойцов. Солидный для Ливонии гарнизон, но все же не столь значительный, чтобы тягаться с мощной армией вторжения. По всей видимости, скорое действие русского военного механизма застало шведское командование врасплох. К отражению этого удара шведы не успели как следует подготовиться. Первая осада принесла скорую и легкую победу. Когда полки облегли Ям и начала сокрушительную работу наша артиллерия, гарнизону небо показалось с овчинку… Притом тяжелые пушки, специально предназначенные для разбивания крепостных стен, еще не успели подойти. Хватило орудий полегче. В XVI веке иностранцы отмечали сильные и слабые качества русской армии, за что-то хвалили ее, за что-то ругали, но всегда и неизменно выражали почтительное отношение к отечественной артиллерии. Подобное уважение, отчасти основанное на совместной службе,

отчасти же — на горьком опыте столкновения с искусством наших пушкарей, сохранится и позже. Еще в XVIII веке иноземные специалисты будут писать, что русская нация лучших офицеров выращивает в артиллерии. На протяжении XVI столетия артиллерия московских государей многое множество раз ломала сопротивление могучих крепостей, гарнизон которых не помышлял о сдаче. Ям таковой не был. Поэтому двух дней бомбардировки хватило, чтобы «фортеция» капитулировала[312]. С воинством, пытавшимся ее защищать, поступили милостиво, отпустив всех сдавшихся. Это был поступок в духе царя-миролюбца, и он сказался на успехе кампании гораздо лучше, нежели та свирепость, которую двенадцать лет назад проявлял в Ливонии его родитель, царь Иван. Часть шведских солдат перешла на российскую службу.

Не успел сдаться Ям, как очередной «легкий корпус» скорым маршем устремился к Ивангороду и Нарве. Здесь должны были развернуться главные события войны. Шведы уже знали о масштабах вторжения и опасались осады. На подступах к обеим крепостям действовало полевое соединение противника под командой Густава Банера[313].

Во главе авангардных сил русской армии стоял тот самый князь Дмитрий Иванович Хворостинин, от которого столь многого ждали на этой войне. Ему и прежде приходилось громить шведов. Надежды на воинский талант Хворостинина оправдались. Не напрасно Джильс Флетчер, узнавший о нем совсем недавно, писал: «…теперь у них первейший муж, наиболее пригодный для военных дел, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, воин старый и опытный. Он оказал большие услуги в войнах с татарами и поляками…» Хворостинин обнаруживает в районе Ивангорода шведский корпус и стремительно нападает на него, не дожидаясь подхода основных сил. Передовому полку Дмитрия Ивановича пришлось преодолеть упорное сопротивление шведов. Рубка шла полдня. В конце концов противник отступил.

Под Ивангородом военные заслуги князя Хворостинина перед страной достигли вершины. Он еще примет участие в осаде Нарвы, он еще встанет во главе заслона, выставленного против любых попыток деблокады города. Но это была последняя служба немолодого полководца, последний подарок, принесенный им отечеству. Старый воевода[314] устал от нескончаемых военных трудов и принял монашеский постриг в Троице-Сергиевой обители. Старость и недуги одолевали его тело, изношенное в походах и сражениях. Ивангородская победа стала «прощальным поклоном» московского «командарма». 7 августа 1590 года Дмитрия Ивановича Хворостинина не стало. Ушел из жизни один из достойнейших вельмож царствования Федора Ивановича и лучший русский полководец того времени.

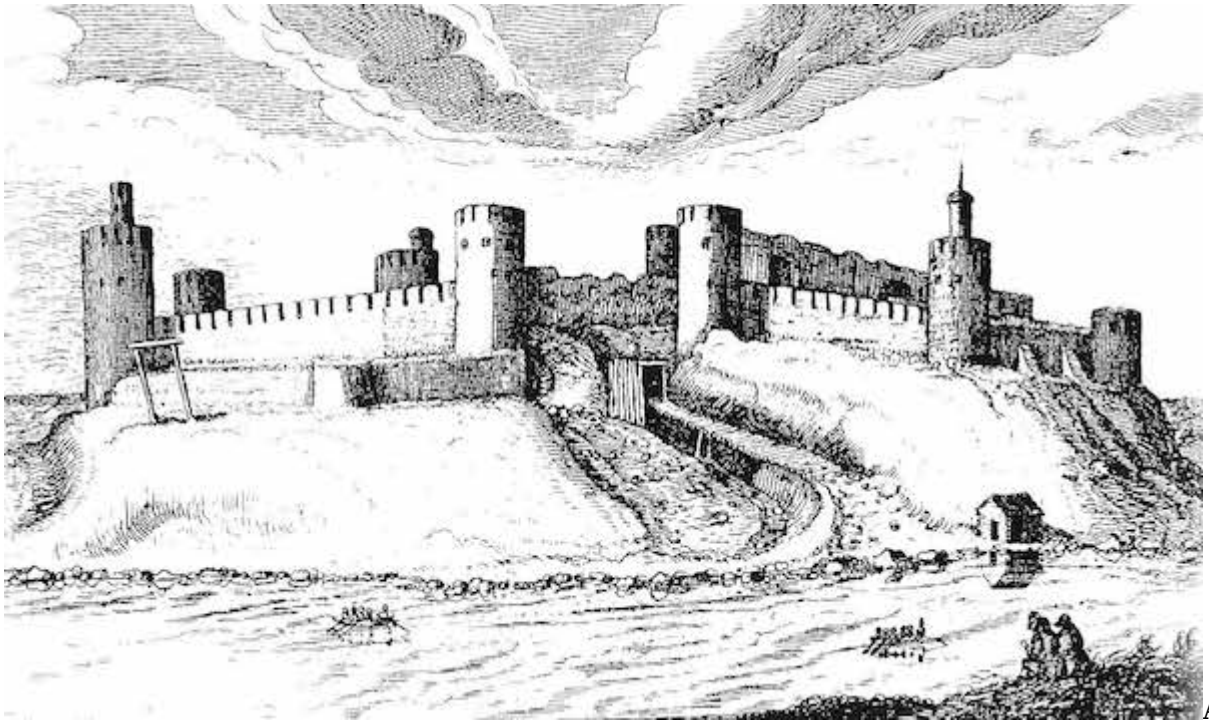

Крепость Ям. Гравюра. «Описание путешествия в Московию» Адама Олеария. XVII в.

Однако у страны хватило даровитых военачальников, чтобы успешно довершить ту военную работу, которую с блеском начал князь Д. И. Хворостинин.

Главные силы нашей армии подошли к Ивангороду 2 февраля. Шведы более не рисковали вступать в бой с превосходящими силами. К тому же их деморализовало недавнее поражение. Поэтому кавалерийские отряды врага и часть неприятельской пехоты отошли западнее — прикрывать Ревель, представлявший собой «столицу» шведских владений в Ливонии. Ивангород с Нарвой шведы фактически предоставили их судьбе, надеясь на мощь крепостных сооружений. Что ж, и тот и другая обладали первоклассными крепостями. Нарву защищал гарнизон в 1600 человек. Ивангород располагал меньшим гарнизоном, но само место, выбранное когда-то русскими фортификаторами для строительства его стен, отлично защищало укрепления. Подобраться к высоким ивангородским стенам для штурма было весьма неудобного. И там и там осажденные могли использовать сильный артиллерийский парк.

Но у армии Федора Ивановича имелись свои козыри.

А. Хутеери
с. Крепость Ивангород. 1616

Во-первых, государь привел с собой тысячи служилых татар, коих в Ливонии опасались пуще огня. Зло жалящий рой татарской конницы полетел на запад, в окрестности Раковора (Везенборга). Он приносил пожары и разорение. Как говорили в то время, татары «распустили войну». Иными словами, они надолго заняли шведских военачальников, нападая на мызы и деревни, бушуя на дорогах, появляясь в предместьях городов… Противнику не давали опомниться, вновь собраться с силами и с течением времени все-таки нанести серьезный деблокирующий удар.

Во-вторых, со стороны Пскова к царскому лагерю двигался обоз с «тяжелым» или «великим нарядом». Когда мощные стеноломные орудия прибыли на место, их расставили на позициях против Ивангорода и Нарвы. 6 января мощная русская артиллерия впервые издала устрашающий рык под стенами вражеских крепостей. С этого момента она работала полмесяца, исправно взламывая укрепления. Когда русское командование сочло проделанные ею бреши достаточно большими, настало время приступа.

Утром 19 февраля государь мог наблюдать, как колонны штурмующих двинулись под стены. К пролому устремились бойцы под командой Семена Федоровича Сабурова и князя Ивана Юрьевича Токмакова. В их распоряжении порядка 2,5 тысяч дворян и боевых холопов, около 2000 стрельцов, пятьсот казаков, служилая мордва, черемиса — всего более 5000 ратников. Токмаков шел прямо на брешь, а Сабуров должен был помогать ему, атакуя стены слева и справа от пролома[315].

К несчастью, штурм завершился печально. Атакующие, взойдя на стены, были сброшены шведами, а командир, шедший во главе главной штурмовой колонны, сложил голову. Более того, по войску прокатился тревожный слух: не завелась ли измена в высшем командовании?

Как нельзя хуже сказался «годуновский фактор». Если в административном смысле Бориса Федоровича Годунова следует признать большим приобретением для России, то как полководец он не имел ни достаточного опыта, ни природного таланта. Но, видимо, и тут пожелал проявить себя с наилучшей стороны. Одна из псковских летописей сообщает: «Ругодива[316] не могли взять, понеже Борис им норовил, из наряду бил по стене, а по башнем и по отводным

боем бити не давал. И на приступе князя Ивана Юрьевича Токмакова убиша и иных многих людей… до 5000… и не взем, отъидоша»[317]. Мудрено заподозрить в измене человека, являвшегося фактическим правителем государства. Но, видимо, действия Б. Ф. Годунова, сунувшегося раздавать приказания пушкарям, до крайности разозлили армию. Шведские артиллеристы и стрелки, не выбитые русским огнем из-за того, что его вовсе не направляли на башни, т. е. на узлы обороны, получили возможность спокойно поливать огнем штурмующие колонны. Данные о потерях, конечно, надо считать преувеличенными, иначе пришлось бы признать какую-то фантастическую меткость шведов, положивших на приступе всю колонну и все отряды, действовавшие слева и справа. Но, так или иначе, штурм захлебнулся в крови. Помимо Токмакова погиб и стрелецкий голова Григорий Маматов[318], а другой воевода — Иван Иванович Сабуров[319] — получил тяжелое ранение. Рядовых дворян, стрельцов, служилой «черемисы» также полегло немало. Правда, и шведы понесли тяжелые потери.

Для Федора Ивановича, впервые принимающего участие в большой боевой операции, это зрелище должно было иметь пугающий вид. Он никогда не видел ничего подобного. Множество ратников, отправленных на штурм от его имени, да еще и после подготовки, проведенной с участием соправителя, им назначенного, полегли у вражеских стен. У человека слабодушного подобная бойня могла вызвать уныние, а вслед за тем — стремление поскорее закончить дело любой ценой, отвязаться от него. Но царь не снял осады и, возможно, не столько из-за увещеваний советников, сколько по иной причине. Он чувствовал долг православного монарха; не искал себе этого бремени, с удовольствием избежал бы его, но раз оно легло на плечи, оставалось смириться и поступать, как подобает по царскому сану. А значит, добиться успеха под стенами Нарвы.

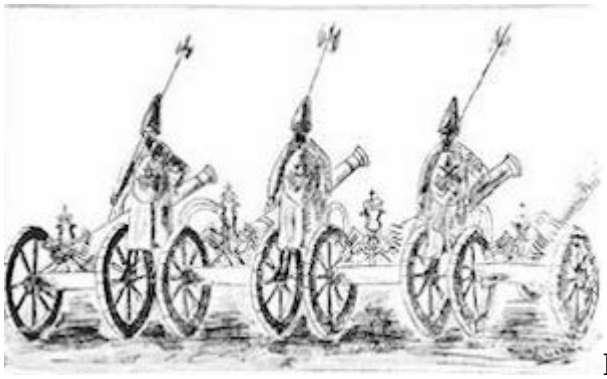
Исаак Масса через много лет писал о событиях, происходивших в царском лагере под Нарвой, следующее: «Совершив несколько приступов и потеряв очень много людей, [русские полки] возвратились назад, взяв по дороге Ямгород и Копорье; говорят, что Борис намеревался еще раз пойти на приступ и рассчитывал взять город, что и случилось бы, ибо, как утверждали жители, в нем оставалось всего 80 человек, способных к защите, и они решили сдать город, как только будет сделан еще один приступ, но великий князь, опечаленный великим кровопролитием, велел отступить, а Борис через некоторых своих приверженцев распустил по всему лагерю слух, что он единственно из расположения и любви к народу уговорил царя возвратиться, чем приобрел расположение многих простых людей, чему вельможи и дворяне втайне весьма завидовали, но не смели говорить»[320]. Известие это несет в себе много сомнительного. Во-первых, Ям армия взяла не по дороге домой, а по дороге к Нарве, а Копорье осаждал небольшой отряд, отделившийся от главных сил. Во-вторых, откуда у Исаака Массы могли быть сведения, что у Нарвы осталось всего лишь 80 защитников? Неужели бомбардировка и штурм обошлись гарнизону в полторы тысячи убитых? Или автор известия просто опирался на слухи, искаженные прошедшими годами до полного неправдоподобия? И, наконец, главное: монарх, «опечаленный великим кровопролитием», в данном случае проявил твердость. Он не велел возвращаться назад и не стал расходовать людей в новых неподготовленных штурмах. Как сказано в одном из летописных памятников, Федор Иванович велел в диалоге с нарвскими жителями применить «аргумент», имевший большую убедительную силу: «видя их суровство… велел по городу бити из наряду беспретани»[321]. Тяжелые пушки вновь издали львиный рык, на неприятеля вновь посыпались ядра. А пока артиллеристы вели беспощадный огонь, дворяне, стрельцы и казаки готовились к новому приступу.

Федор Иванович не мог просто так, из одного милосердия к своим и чужим воинам отойти от города. Он помнил, чем кончилась для Печенгского монастыря слабость царства. Он знал, что новые признаки военной слабости России могут спровоцировать новый погром какой-нибудь

северной обители. Да хотя бы Соловецкой, где еще не достроили крепостные стены![322] Ему требовался успех *в назидание шведам.*

И русские пушкари продолжали вести огонь, выламывая Нарве зубы. Пролом в крепостных сооружениях постепенно увеличивался…

Самыми важными фигурами теперь оказались не полковые воеводы и не командиры штурмовых колонн, а командующий русской артиллерией окольничий Иван Иванович Сабуров и его помощник московский дворянин Григорий Иванович Мещанинов-Морозов по прозвищу Чудо. Вообще говоря, именно их руководству и слаженной работе пушкарей царское воинство обязано большей частью достигнутых успехов.

Неизвестный художник. Русские пушкари XVII века. Рисунок тушью

Шведский главнокомандующий в Ливонии К. Горн оказался вынужден начать переговоры. Он просил отложить новый штурм и прервать бомбардировку на время переговоров. Ожидая сдачи города, наши воеводы согласились дать отдых пушкарям. Но шведские представители обещали русскому командованию слишком мало: они предлагали заключить перемирие, отдав еще не взятый нашей армией Ивангород. Что это значит? Русская армия после больших трудов отвоевывала лишь незначительную часть старинных новгородских областей, оккупированных шведами. Во власти иноземцев и иноверцев остались бы Корела и Копорье. Особенно болезненным для северных областей Московского государства было бы существование шведского плацдарма к востоку от реки Наровы, на полпути к Неве и Ладоге, с форпостом в старинной крепости Копорье. При всем миролюбии Федора Ивановича он, вероятно, должен был прислушаться к советам воевод и дипломатов: шведы хотят избавить Нарву от падения, отдав немногое. Жизни множества русских ратников, сложивших головы под Нарвой, да и огромные расходы царской казны, снарядившей великий поход на северо-запад, стоили большего.

Бомбардировка возобновилась.

Шведы, потерпев недолгое время, запросили возобновить переговоры. Они требовали значительной отсрочки для того, чтобы «снестись» с королем (и не получали таковую, разумеется). Опять заговорили орудия. Наконец, в полной мере ощутив страшный урон от огня русских пушек, осажденные решились добавить к Ивангороду и Копорье. Что же касается самой Нарвы и Корелы, то их отдавать шведское командование не соглашалось. «В том волен Бог да государь, а им болши тово говорити нечево и помереть они готовы» — так передает слова неприятельских переговорщиков русский источник. Что ж, русской армии противостояли отважные люди, имевшие в своем распоряжении отличную крепость. Надо отдать шведам должное: они, теряя людей и не получая помощи извне, держались твердо.

Нашим воеводам было над чем поразмыслить. Армия могла взять Нарву: бомбардировка

причинила ее укреплениям колоссальный ущерб, гарнизон ее уменьшился и не получил какого-либо пополнения, а ратной силы русских полков хватило бы еще не на один приступ. Но при всем том положить у нарвских стен пришлось бы немало народу. К тому же подкрадывалась весенняя распутица. Лед на Нарове начал «портиться», фуражировка приносила все более скудные плоды, а подвоз разного рода припасов от Пскова или Новгорода был затруднен. Армия могла застрять под Нарвой в очень неприятном положении. Ну а Корела[323] располагалась весьма далеко от Нарвы — у северо-западных берегов Ладожского озера. Там русских полков пока еще не видели, серьезности положения Нарвы не представляли и, буде пришел бы из Нарвы приказ отдать крепость представителю Москвы, скорее всего, просто не стали бы его выполнять. Корелу можно было взять, лишь отправив туда еще одну армию… Требовать ее ключи у Горна в Нарве выглядело, думается, нереалистично.

Вероятно, сыграло роль еще одно соображение, которое могло прийти в голову самого царя — скорее, чем в головы его воевод. Ивангород, Копорье, Ям — старинные русские волости. Тут жили свои, братья по вере. А Нарва, пусть и была под властью государя Ивана Васильевича в течение двух с лишним десятилетий, все-таки оставалась чужим городом — иноверным, иноязычным. Федор Иванович, как и все крепко верующие христиане, понимал: успех любого военного предприятия — «в руце Господней». Корысть от получения Нарвы Русским царством весьма велика. Но найдет ли Бог в этой корысти достаточное оправдание для православного государя за новое пролитие христианской крови? А ведь придется положить еще сотни, если не тысячи православных бойцов на новых приступах. Да и на противоположной стороне — хоть и «латынники», «прескверные люторы», а все-таки христиане… В результате же Царь Небесный «по грехом» царя земного и его воинства мог все-таки отдать победу неприятелю. Тогда и те уступки, которые ныне, скрепя сердце, делают шведы, окажутся безвозвратно потерянными. Так разумно ли и дальше испытывать Его милосердие?

25 февраля государь Федор Иванович и шведское командование заключили перемирие сроком на год. По его условиям шведы отдали Ивангород и Копорье — в придачу к уже занятому русскими войсками Яму. Почетное назначение ивангородским воеводой и поручение вести в дальнейшем переговоры со шведами получил И. И. Сабуров — начальник грозной русской артиллерии[324]. Небольшой русский отряд под командой Ивана Годунова с конца января блокировал крепость Копорье и теперь занял ее.

Армия возвращалась домой с победой. Хотя и не удалось добыть Нарву, но огромная территория от южного побережья Невы до Наровы была возвращена России. Русские православные люди опять оказались в составе русской православной державы. Кроме того, от нашего воинства отлетел печальный дух последних лет Ливонской войны. Череда тяжелых поражений того несчастливого времени надломила волю к победе, создала, думается, своего рода «ливонский синдром». Теперь с этим было покончено. Шведы сопротивлялись отчаянно, однако русские «городки» оказались принуждены сдать.

Государь Федор Иванович, единственный раз за всю жизнь вышедший с войсками в поход, за несколько месяцев повидал и большой успех и большую кровь. Был со своими войсками, воодушевлял их личным присутствием, вероятно, влиял на принятие важнейших тактических решений. Во всяком случае, за спокойным и разумным решением не рисковать новыми штурмами, взяв два русских города у шведов и заплатив за них цену пороха и ядер, а не цену крови, чувствуется воля царя-миролюбца.

1 марта государь отправился в Новгород, где ждала его любимая супруга, а к началу апреля был уже в Москве[325]. Как православный монарх, Федор Иванович исполнил свой долг до конца.

Хождение царя Федора Ивановича на войну завершилось благочестивым деянием, явившимся, как и поход на шведов, своего рода оплатой долгов, сделанных его отцом, Иваном Васильевичем.

В декабре 1569 года «первый в курятнике»[326] опричнины Малюта Скуратов убил инока Филиппа, бывшего митрополита Московского и всея Руси. Филипп когда-то был настоятелем Соловецкого монастыря и принес обители великие блага. Именно он сделал Соловки одним из величайших духовных центров нашего монашества. Иноки Соловецкие почитали прежнего игумена своего и весьма скоро стали относиться к нему как к святому. Они вознамерились перенести мощи Филиппа из Твери к себе в обитель. Но на то требовалось позволение государя. Свирепого Ивана Васильевича просить о подобной милости, надо полагать, не решались. В 1568 году 10 соловецких иноков во главе с игуменом были доставлены на суд, происходивший над митрополитом Филиппом, и вызвали гнев Ивана IV, вероятно, не дав сколько-нибудь серьезных обличительных показаний, которые можно было бы использовать против него. Соловецкая обитель долгое время была «опальной». Несмотря на кротость нрава Федора Ивановича, даже к нему соловецкие монахи решились обратиться с челобитьем далеко не сразу. Для этого должна была сложиться благоприятная ситуация. Узнав об успехе православного воинства, ходившего во главе с самим монархом на «прескверных лютор», как в XVI веке называли протестантов, соловецкая братия, видимо, решила исполнить давнее мечтание, надеясь на доброе расположение духа у государя.

Житие святого Филиппа[327] рассказывает об этом следующее: «По преставлению… блаженного Филиппа царю Ивану лета доволна пропроводившу и преставися ко отцем своим. И бысть в него место сын его благочестивый царь Феодор. В седьмое же лето благочестивыя державы его, в двадесятпервое лето по преставлении святого, Соловецкого манастыря иноцы благоговейнии воспомянуша потове и труды, и попечение лаврьское блаженнаго Филиппа, ныне же лишение его пребывание, ибо кроме своего престола в изгнании скончавшуся, и возвещают наставнику своему Иякову. Сия же слышав, настояи радости многи исполнися, яко от Бога извещение приимшу к своему начинанию. Помышляющу убо ему, како бы перенести мощи блаженнаго ко отечеству своему… Немедленно же убо пастырь шествие сотвори к царствующему граду Москве к благочестивому царю Феодору… Приступль ко благочестивому царю, и рече: „Даруй нам, царе благий, пустыннаго нашего гражданина Филиппа… в чюжестранствии во гробе затворенаго, иже от юности равно отцем киновии труды понесшаго… И твое благородие сицевым дарованием на ны наведет благословение, им же приступихом“. Покорися убо царь молению пастыря, и повелевает дати и своя царская писания к епископу града Тфери».

Н. В. Неврев. Митрополит Филипп и Малюта Скуратов. 1898

Получив царское позволение, подтвержденное грамотой, Иаков с братией соловецкой отправляется к тверскому епископу Захарии и тот, скорбя, повинуется. В Твери к тому времени, как видно, сложилось свое местное почитание Филиппа, и отдавать его мощи духовные власти не хотели, но с волей государя Федора Ивановича спорить не посмели. От мощей, добытых из гроба, по словам Жития, были явлены чудеса. Через полстраны соловецкие монахи везли их на север и, наконец, доставили в свою обитель. Здесь мощи упокоились под папертью церкви святых Зосимы и Савватия Соловецких — придельной в соборе Преображения Господня. На могильной плите стоят слова: «…тут и погребен бысть… в лето 7098 (1590) месяца августа в 8 день на память иже во святых отца нашего Емелиана епископа Кизику…»

С октября по май навигация между Соловецким архипелагом и большой землей до крайности затруднена, практически невозможна. 21-е «лето» «по преставлении» Филиппа начинается с декабря 1589 года. 7-е «лето» царствования Федора Ивановича отсчитывается с 1 июня 1590 года[328]. Следовательно, иноки соловецкие отправились в путь не ранее мая 1590 года, добрались до Москвы и получили аудиенцию у государя — скорее всего, в июне, — взяли у него грамоту с официальным позволением перевезти мощи, съездили в Тверь и к началу августа успели вернуться на Соловки. Таким образом, хронология переноса мощей св. Филиппа из Твери на Соловки, начиная отправкой игумена Иакова с монахами в путешествие к Москве и кончая захоронением мощей, укладывается в промежуток: с мая (или, может быть, начала июня) по 8 августа 1590 года.

Не случайно Федор Иванович оказал милость Соловецкому монастырю сразу после возвращения из нарвского похода.

С одной стороны, выезд государя с войсками в поход имел вид священной войны, дела веры.

Москву Федор Иванович покидал, получив благословение патриарха Иова «и всего вселенского собора»[329]. В Новгороде его встретил митрополит Александр со всем собором местного духовенства и «всенародным множеством»[330]. После занятия русскими войсками Яма, Ивангорода и Копорья там была произведена чистка от «нечестивых» и «всяких еллинских богомерских гнусов», — т. е., очевидно, закрытие неправославных молельных домов и храмов, уничтожение любых изображений древнегреческих и древнеримских «божеств». Православные же храмы вновь открылись. Когда царь шел через Новгород к Москве, его встречали крестным ходом с чудотворными иконами и молитвенными песнопениями. А на подходе к столице его встретил еще один крестный ход, возглавленный уже самим патриархом. Поход закончился в кремлевском Успенском соборе. Здесь Федор Иванович приложился к образу Пречистой Богородицы Владимирской и выслушал поздравительную речь Иова. Перенос мощей святого Филиппа поддержал это всеобщее приподнятое настроение, вызванное победой над иноверцами, и добавил к «делу веры», совершенному мечом, «дело веры», совершенное одним только милосердием.

С другой стороны, соловецкие монахи знали, когда просить монарха о снисхождении. Федор Иванович, надо полагать, очень радовался успеху под Нарвой, более того, он мог теперь с чистой совестью сказать себе: то, чего отец не сумел исправить, ему исправить все-таки удалось. И теперь другое дело, бросавшее тень на имя родителя, — безнаказанное, никак не отмщенное убийство Филиппа опричником, — перечеркивалось его сыном, фактически согласившимся со святостью Филиппа. Ведь удовлетворив просьбу перенести *мощи* Филиппа, — именно мощи, а не останки, — Федор Иванович показал тем самым свое отношение ко всей истории жизни святителя. Тот обличал царя Ивана Васильевича за душегубские дела опричнины, за склонность внимать наушникам и клеветникам всякого рода, за легкость в кровопролитии; вызвав монаршую немилость, Филипп потерял сан, подвергся позору и поруганию; затем он отправился в изгнание, где был впоследствии умерщвлен. Сын же способствовал тому, что в Филиппе начали видеть миротворца, невинного праведника, стоявшего в истине и пострадавшего за нее, наподобие св. Иоанна Златоуста. Современникам следовало воспринимать деяние Федора Ивановича как «исправление ума». Иными словами, акт покаяния, совершаемого сыном за отца.

Наконец, государя укрепляли в его решении опытные советники и воеводы. Надвигались тяжелые боевые действия в Карелии, Приладожье, на Кольском полуострове, борьба за возвращение Корелы. Соловецкий монастырь волей-неволей становился главным оплотом русской силы на Беломорье. Обитель принимала роль штаба, откуда осуществлялось тактическое руководство малыми острожками, стрелецкими и казачьими отрядами, а также прочими силами обороны на пространствах целого региона. Монастырь мог и сам подвергнуться нападению шведов. Тамошних иноков следовало воодушевить, ободрить. Что ж, государь, совершая большое дело благочестия, наверное, рад был добавить к нему малое административное дело: «Вот хорошо все складывается — одно к одному! Большой исповедник и миролюбец отныне прославится, батюшкиной душе сделается легче, да и тебе вот, Борис Федорович, угожу, дух тамошним жителям подкрепив. Милостив Господь, что дает мне оказать подобную милость». Такой дар был по душе царю, любившему монахов и мечтавшему о монашеской доле для себя самого…

Война же со шведами далеко не кончилась нарвским походом. Но именно тогда русская армия добилась наиболее серьезных успехов. В дальнейших боевых действиях Федор Иванович не принимал участия лично. От его имени из Москвы отправляли воевод, и те на протяжении нескольких лет бились со шведами. Для истории государства Российского эта война весьма важна, а к истории судьбы российского государя она — помимо первого эпизода — имеет отдаленное отношение. Поэтому ход ее излагается кратко.

Несколько лет вооруженного противоборства представляют собой затянувшийся реквием по какой-либо наступательной стратегии на шведско-русском рубеже. Обеим державам явно не хватало сил для ведения масштабных боевых действий. В самом начале войны Россия собрала большую армию, ударила и, что называется, «сорвала банк». Позднее, действуя меньшими силами, обе стороны не сумели добиться ничего, лишь постепенно изматывая друг друга. Победителем должен был выйти из войны тот, кому хватило бы ресурсов и решимости продолжать подобную изматывающую войну дольше неприятеля. Если бы Речь Посполитая оказала Швеции помощь, — хотя бы не военную, а дипломатическую[331], — то Московскому государству пришлось бы гораздо труднее. Но в 1590-х годах русской дипломатии удалось добиться устойчивых мирных отношений с поляками. Это был серьезный успех, которым страна обязана Борису Федоровичу Годунову и руководству Посольского приказа. С. М. Соловьев писал о нерасторжимой связи между отношениями России со Швецией и отношениями ее с Речью Посполитой. Военный успех под Нарвой сильно облегчил работу русским послам: «Несмотря на все нежелание Литвы заступаться за Швецию и нарушать перемирие с Москвою, нельзя было надеяться, что Сигизмунд польский останется долго спокойным зрителем успехов Москвы в войне с отцом его[332]; Швеция одна не казалась опасною; от нее нетрудно было получить желаемое, да и немногого от нее требовалось; чего наиболее должны были желать в Москве — удачного похода, этого достигли; и Швеции, и Польше, а главное, Литве было показано, что Москва теперь не старая и не боится поднять оружие против победителей Грозного, и царь, которого называли не способным, водит сам полки свои; до сих пор приверженцы Феодора в Польше и Литве могли указывать только на успехи его внутреннего управления, теперь могли указывать и на успех воинский, а усилить приверженцев государя московского в Литве было важнее всего при том смутном состоянии, в котором находились владения Сигизмунда III»[333].

Шведы пытались наступать. Их отряды осадили Ивангород, но отбить его не сумели. Осада Кольского острога, получавшего поддержку из Соловецкого монастыря, обернулась для них серьезным поражением и большими потерями. Так прошел остаток 1590 года. Сосредоточив 18-тысячную армию фельдмаршала Флеминга на русской границе, шведы в следующем году ударили по северо-западным приграничным областям России, в частности атаковали Копорье[334]. Но помимо разорения, учиненного русским землям, силы вторжения ничего не добились: ни один город не был ими взят. Еще одно наступление на Кольском полуострове — еще одна неудача и опять большие потери.

Русские воинские люди на протяжении всей этой войны проявляли большую стойкость в обороне. Однако два больших контрнаступления на шведские территории в Карелии и Финляндии не принесли успеха.

В декабре 1591 года большая русская рать под командой князя Федора Ивановича Мстиславского и Ивана Васильевича Годунова отправилась на Выборг. Шесть полков и «наряд» — серьезная сила. Шведский фельдмаршал Флеминг не выдержал ее натиска, отступил и заперся в городе. Псковская 3-я летопись, враждебная к Годуновым, сообщает печальные подробности об этом военном предприятии: «Повоева села и отъидоша, а под город не сме приступати, а в городе немец не много было, и вскоре на Русь возвратилися, и люди из загону не успеша собратися»[335]. В результате шведы, преследуя отходящую русскую армию, нанесли огромный урон небольшим отрядам, отставшим от основных сил. Военное предприятие, начавшееся весьма удачно, не принесло весомых плодов и стоило серьезных потерь. Неприятельские территории были опустошены на большом пространстве, но это, в сущности, имело значение оплеухи, не более того. Точно высказался по поводу русского наступления в Карелии и Финляндии Р. Г. Скрынников: «Поход… носил характер военной демонстрации»[336]. Именно так: демонстрация силы, акция устрашения… Но не по той ли

причине вышло *только это*, что воеводы Мстиславский и Годунов приложили слишком мало старания? В их распоряжении находилась весьма значительная армия. Впервые Россия собирала такую силу после нарвского похода… Военачальники, участвовавшие в выборгском походе, подверглись кратковременной опале.

Й. Б. ван Утер. Юхан III, король Швеции. 1582

«Легкие воеводы» добрались до Карелы, сожгли ее посад и вернулись к Новгороду. Другой отряд произвел набег на шведские владения, выйдя из Сумского острога. Опять — устрашение, разорение, но не взятие городов.

Итак, после нарвского похода война приняла странный вид. Словно два боксера кружат по рингу, то ли не имея достаточно сил для решающего удара, то ли не находя в себе должной решимости покончить дело мощным натиском. Идет поединок на измор. Удары слишком слабые, чтобы завершить схватку нокаутом, производят изматывающее действие. В конечном итоге побеждает по баллам тот, кто в самом начале отправил противника в нокдаун, а к исходу матча сохранил достаточно свежести, чтобы полноценно продолжать борьбу. После смерти Юхана III[337] шведы запросили перемирия: из столкновения с Московским государством они выходили изрядно потрепанными, к тому же обострились их отношения с Речью Посполитой, назревал династический конфликт. У России хватало неприятностей на юге, где постоянно тлела, время от времени вспыхивая до небес, война с крымцами. Кроме того, Ивангород, Псков и Новгород Великий оказались охвачены страшной эпидемией. В январе 1593 года Швеция и Московское государство заключили двухлетнее перемирие.

Осенью 1594 года в Тявзине, близ Ивангорода, начались трудные переговоры об окончательном мирном соглашении. Переговорный процесс затянулся на полгода. Русская сторона настаивала на возвращении под власть государя московского Нарвы и Корелы. Лишь в мае 1595-го шведские и российские дипломаты пришли к приемлемому варианту. Главным успехом для Московского государства стало не только закрепление за ним земель, отвоеванных в 1590 году, но и возвращение Корелы с уездом. Видимо, шведы понимали, что им трудно будет удержать эту область, находившуюся на крайнем востоке их державы. Более того, шведское правительство обещало соблюдать нейтралитет в случае войны России с Речью Посполитой. Главной неудачей оказалось условие, согласно которому России запрещалось превращать Ивангород в морской порт. Иными словами, русская торговля на Балтике должна была идти только через шведские руки. Кроме того, Нарва осталась в составе шведских владений.

Тявзинский договор вызвал среди советских историков бурную полемику[338].

Некоторые специалисты по истории международных отношений считали его дипломатическим поражением, так как Россия фактически отказывалась от активных действий на Балтике, более

того, официально давала роль посредников при торговле русскими товарами и получении из Европы стратегически важных грузов подданным шведской короны. Не слишком ли сильно боялись в Москве польско-литовско-шведского союза, обеспечившего поражение русской армии в предыдущую войну? Союзнические отношения между двумя западными соседями России были далеко не столь прочны, как могли опасаться в русской столице…

Однако все это — разговор об упущенных возможностях без учета реальных военно-экономических ресурсов Московского государства. В большей степени адекватна иная позиция, в концентрированной форме озвученная А. А. Зиминым: «…негативная оценка Тявзинского договора представляется заблуждением. Действительно, в 80-е годы XVI века Нарва играла крупную роль во внешнеторговом балансе России… Но в сложившейся обстановке добиться возвращения Нарвы было невозможно, сил же вести войну во имя этой цели у России не хватало. Поэтому Тявзинский договор признавал в статьях о внешней торговле реальное положение вещей, и только… В то же время возврат Корелы — важнейшего военно-административного и экономического центра Карелии — имел огромное перспективное значение».

Думается, условия Тявзинского договора — большая победа для Русского царства. Да, Нарву возвратить не удалось. Но она за два десятилетия под властью Ивана IV не успела «прирасти» к телу России, и удерживать ее можно было лишь военной силой. Подобные возможности уменьшились, а население Нарвы никоим образом не было расположено переходить под высокую руку Федора Ивановича. Да, перед русской внешней торговлей вырос «балтийский барьер». Но, во-первых, страна располагала «северными морскими воротами» — Архангельском, а потому вовсе не была отсечена от западноевропейских товаров да и свои товары могла сбывать без шведского посредничества. И, во-вторых, много ли усилий приложило Московское государство от Ивана III до Смутного времени, строя портовые центры на Балтике, обзаводясь собственным флотом, проводя политику привлечения западноевропейских купцов? Ничуть не бывало. Лишь незадолго до Ливонской войны производились вялые попытки сделать из Ивангорода балтийский порт. «Нарвское плавание» при Иване IV принесло немало пользы, но от него Россия по-прежнему не становилась морской державой. Так что условия Тявзинского договора лишали Россию того, к чему она не проявляла неуклонного стремления на протяжении более чем столетия (и никак не изменила свою политику при Федоре Ивановиче).

Да и чему, в конце концов, мешал договор 1595 года? Если бы Московскому государству понадобилось построить порт на Неве или Нарове, оно в любой момент и под любым предлогом отказалось бы от соблюдения его условий. Ну а пока война на два фронта представлялась, надо полагать, излишней, — и совершенно резонно! Ведь ее пришлось бы вести после страшной эпидемии, обезлюдевшей Псковщину и Новгородчину, да еще при наличии Архангельска, при дорогостоящей строительной программе, при блестящих перспективах продвижения в Сибири — иначе говоря, заниматься рискованным предприятием без крайней на то необходимости.

Зато обширные области, значительные города и крепости вернулись под власть России, там встали наши гарнизоны, и от их присутствия шведы не могли избавиться простым разрывом мирного соглашения. Не говоря о том, что возврат Яма, Копорья, Ивангорода и Корелы дал православию возможность вновь восторжествовать на обширных пространствах Северной Новгородчины, владения русского царя просто весьма значительно округлились.

Очень хорошо, что война закончилась именно так, а не гораздо хуже. И спокойное миролюбие царя Федора Ивановича было в высшей степени уместно. Отец его был не таков, жаждал обрести в Ливонии большее, ставил на этом направлении задачи, намного превосходившие возможности Московского государства. И в конечном итоге — проиграл. Р. Ю. Виппер написал

об этом с исключительной меткостью: «Его вина или несчастье состояло в том, что… он не мог вовремя остановиться перед возрастающим врагом, что он растратил и бросил в бездну истребления одну из величайших империй мировой истории». И далее: «Уж если осуждать Грозного, то придется поставить ему в вину или самую идею войны, или, по крайней мере, то, что он не смог вовремя бросить неудавшееся предприятие, что он сокрушал в Ливонии лучшие силы своей державы»[339].

Так вот, при Федоре Ивановиче и отчасти благодаря его характеру *Россия научилась останавливаться вовремя.*

Завершая рассказ о русско-шведской войне, хотелось бы напомнить: единственный серьезный успех за несколько лет боевых действий был добыт в те два месяца, когда государь Федор Иванович возглавлял русскую армию. И каждый волен дать этому свое объяснение. Кто-то скажет: совпадение. Кто-то заговорит о факторе неожиданности, о неготовности шведов к серьезному отпору при начале вооруженного противоборства. Кто-то найдет добрые слова в адрес отважных и умелых воевод.

Ну а кто-то назовет Федора Ивановича прямым и прочным орудием Господа Бога…

Глава 8. Дело царевича Дмитрия

15 мая 1591 года ушел из жизни царевич Дмитрий Углицкий, родной брат государя Федора Ивановича. Его смерть вызвала большой бунт в Угличе, убийство царского дьяка Михаила Битяговского, приглядывавшего за Нагими, а также его сына Данилы, Осипа Волохова (сына мамки царевича, Василисы) и еще нескольких человек. 19 мая до Углича добралась следственная комиссия, спешно собранная в Москве. Ее возглавляли князь Василий Иванович Шуйский, а также митрополит Сарский и Подонский Геласий.

До наших дней дошло «следственное дело» о смерти царевича. Это плод разыскной работы, проведенной среди угличан и Нагих комиссией Шуйского. Исследователи сломали немало копий, оценивая достоверность этого документа, весьма внушительного по объему. Он вызвал целую дискуссию. Однако состояние «дела» и приемы работы комиссии отступают на второй план перед одним фактом. Глава комиссии, князь Василий Иванович, будущий государь всея Руси, озвучил три разных версии по поводу судьбы царевича. Официальная версия, опирающаяся на результаты следственной деятельности, такова: играя в «тычку», *мальчик испытал приступ «падучей болезни»*[340]*, коей страдал сызмальства, и заколол себя ножом*. Для царя Федора Ивановича Шуйский озвучил именно этот вариант (1591). При Лжедмитрии I он признал «подлинность» нового царя, а значит, и возможность *чудесного спасения мальчика* (1605). Воцарившись, Василий Иванович заявил, что царевича полтора десятилетия назад все-таки *убили* (1606). Какая может быть достоверность у «следственного дела», если человек, персонально отвечавший за его составление, полностью отверг содержащиеся там выводы? Можно двести лет заниматься палеографическим и текстологическим анализом этого памятника старомосковского делопроизводства, но итог в любом случае придется ставить под сомнение из-за трех взаимоисключающих свидетельств Шуйского. Всякий раз он под давлением политических обстоятельств менял «показания», и не факт, что даже последние его заявления по «делу царевича Дмитрия» правдивы.

П. Ф. Плешанов. Убиение царевича Димитрия. 1890

В разное время политические круги, связанные с Борисом Годуновым, Лжедмитриями I и II, Василием Шуйским и первыми государями из династии Романовых, насаждали одну из трех этих версий.

В царствование Федора Ивановича и Бориса Федоровича правительство внушало народу несомненную правильность официальной версии: мальчик случайно закололся во время игры. Никакого криминала. Никакого душегубства. Никакого политического интриганства. А вот мятеж в Угличе и убийства приказных людей, совершенные с подачи Нагих, — настоящее большое преступление. Сторонники иного мнения, смевшие высказываться публично, подвергались ссылкам и казням.

При Лжедмитриях подданным и дипломатам соседних государей заявляли вполне официально и безо всякого сомнения: царевич спасся. Его хотели убить клевреты Бориса Годунова, но мальчика уберегли от душегубов и ныне он честно взошел на московский престол… так… опять хотели убить и опять уберегся и опять метит на престол… так… опять хотели убить… и опять… В общем, по-настоящему крупных Лжедмитриев было три, и каждый «уберегся», причем последний уберегался три раза, как в компьютерной игре, — пока русскому народу не надоело

возиться с самозванческими бирюльками.

При Василии Шуйском и первых Романовых столь же официально и несомненно принималось на уровне государственной политики: Дмитрия Ивановича убили злодеи, подосланные Борисом Годуновым, возмечтавшем о царском венце. При государе Василии Ивановиче произошло обретение мощей невинноубиенного царевича, и он был прославлен в лике святых Русской церковью.

Подавляющее большинство русских публицистов и летописцев конца XVI — первой половины XVII столетия разделяет третью версию. Мнение Церкви, в сущности, такое же. Большинство иностранцев, хорошо знавших русскую жизнь, не сомневались в том, что Дмитрий Иванович пал от рук убийц. Та же версия в разных вариациях признана наиболее вероятной большинством серьезных ученых, занимавшихся историей Московского государства. Наконец, русский интеллектуалитет пошел за мнением Николая Михайловича Карамзина, Александра Сергеевича Пушкина и Алексея Константиновича Толстого, осудивших Бориса Годунова за убийство мальчика. У первой версии, опирающейся на «следственное дело», немного сторонников — что при Федоре Ивановиче, что сейчас, но все-таки они существуют. Что же касается второй, о «чудесном спасении», то она оказалась хороша в основном для авторов авантюрной исторической прозы.

Надо признаться честно: несмотря на усилия историков-профессионалов, состояние источников не позволяет дать точный ответ на вопрос о том, был ли убит Дмитрий Иванович или же стал жертвой несчастного случая. *Наиболее правдоподобна версия, согласно которой царевича убили.* Именно — наиболее правдоподобна, окончательного доказательства у нее нет. Эта книга посвящена государю Федору Ивановичу, а не Борису Годунову и не младшему сыну Ивана Грозного; следовательно, нет резона перебирать в ней заново свидетельства всех источников по «делу царевича Дмитрия», сопоставлять мнения специалистов, просеивать сопутствующие исторические факты, чтобы потом в сотый раз прийти к туманному выводу, приведенному в первых строках данного абзаца.

Хотелось бы лишь прокомментировать одно обстоятельство из сферы чистой хронологии. Царевич Дмитрий Иванович лишился жизни, когда ему было восемь с половиной лет[341]. Мальчик находился на пороге отрочества. Он начинал, хотя бы в первом приближении, понимать обстоятельства политической жизни, связанные с ним самим и его семьей. Он мог уже проявлять интерес к ним, и некоторые источники как будто сообщают о подобном интересе. Наконец, сам государь Федор Иванович, будучи бездетным, мог теперь заинтересоваться судьбой брата, потенциального наследника. А потом и приблизить его к себе, повести с ним разговоры, в перспективе — переместить из Углича поближе к своей особе. Прежде у монарха не было оснований заводить диалог с царевичем. О чем говорить царю с малышом? Теперь же мальчик пришел в возраст, когда беседа со взрослым братом получала смысл. И тут царевич пропал. Исчез с доски большой политики. Его миновали хвори младенчества, он спокойно пережил несколько детских лет, а встретился со смертью на пороге того возраста, который сделал бы его значимой политической фигурой. Слишком вовремя, чтобы ныне историк мог спокойно соглашаться с версией случайной смерти…

С конца 1586 года Б. Ф. Годунов во главе большой группировки родственников и сторонников доминировал в политической жизни России. Сам царь влиял на дела нечасто, притом более всего в тех сферах, которые мало интересовали Годуновых. Взросление царевича Дмитрия ставило перед всей «партией Годуновых» серьезную проблему. Федор Иванович, пожелав однажды вернуть брата ко двору, вместе с ним возвратил бы и Нагих, раздосадованных полным отстранением от придворной жизни. Те, влияя через мальчика на царя, могли добиться высоких постов для себя и, во всяком случае, получили бы места в Боярской думе. А это

грозило совершенно новыми, непросчитываемыми раскладами большой политики. Более того, ставило под сомнение всякую возможность для Годуновых сохранить влияние после кончины Федора Ивановича.

М. В. Нестеров. Царевич Дмитрий убиенный. 1899

Если бы Федор Иванович умер не в 1598 году, а в начале 1591-го, до смерти своего брата, как знать, кто бы выглядел более легитимным претендентом на престол! Вдова Федора Ивановича, царица Ирина, конечно, была связана с государем законным браком, а его брат Дмитрий произошел от брака, который не имел правильной канонической основы. Но… он являлся сыном и братом царя, порфирородным. У него в жилах текла кровь Рюриковичей. Это — во-первых. А во-вторых, при наличии такого кандидата на трон против Годуновых могли подняться оставшиеся семейства высшей знати: лучше делить власть с «несмысленным» отроком да слабыми Нагими, нежели с могучими Годуновыми. Иначе говоря, царевич отлично подходил на роль живого знамени для большого междоусобья. И кто знает, чья сила взяла бы верх в подобном противостоянии… В 1605 году Лжедмитрий, тень настоящего царя, пришел в Москву и уничтожил Федора Борисовича, сына законно венчанного монарха, т. е. гораздо более легитимного наследника, нежели его отец Борис Годунов. Что послужило основой для победы самозванца? Прежде всего, даже у незаконного сына Ивана Грозного кровь была намного «выше», нежели у кого-либо из Годуновых. Устоялась бы новая династия, привыкли бы к ней, да хотя бы успели венчать Федора Борисовича на царство, тогда — другое дело! А невенчанный сын выскочки, вызывавшего бешеное раздражение у родовитой аристократии, ни

в ком из сильных людей не порождал сочувствия.

Теперь хотелось бы прокомментировать одно обстоятельство из сферы чистой медицины. Насколько вероятно, что у мальчика, страдающего эпилепсией, во время игры в «тычку» начнется приступ и он убьет себя ударом ножа? Дабы не подменять собой медэксперта, автор этих строк решил обратиться с подобным вопросом к дипломированному врачу Дмитрию Федотову, долгое время практиковавшему (в том числе и в составе бригады скорой помощи), а ныне ставшему известным писателем.

По его словам, эпилептик, потеряв контроль над телом, может кольнуть себя ножом. Но вот заколоться ударом в горло — крайне сомнительно. Для этого больному человеку надо удержать в руке нож, претерпеть одновременное судорожное сокращение нескольких групп мышц, притом в момент, когда нож направлен именно в горло, а не куда-нибудь еще, и удар должен непременно прийтись на жизненно важный орган. Дмитрий Федотов резюмировал: «Очень маленькая вероятность».

А если учесть, что для игры в «тычку» нож держат за лезвие, то во время эпилептического припадка мальчик, скорее, изранил бы себе руку, чем горло.

Получается труднопредставимая ситуация. Скорее, кто-то, воспользовавшись приступом у несчастного царевича, мог направить его руку, нежели он сам, сильным и очень неудобным движением нанес колющий удар себе в горло.

Итак, царевич самим фактом своего существования создавал колоссальную проблему для Годуновых. Его не убили в младенчестве. Все же поднять руку на младенца, к тому же царской крови, — великий грех. Не всякий решится запятнать им душу. Да и надеялись, надо полагать, на одно простое соображение: может, приберет его Господь, как прибрал Он другого отпрыска Ивана Грозного — старшего сына от Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Тот утонул во младенчестве, так и этот заболеет или будет сражен иной какой-нибудь напастью…[342] В общем, *сам*.

Но вот не получилось.

Пришлось *убирать*.

Слишком уж вовремя приспела «случайная» смерть царевича Дмитрия Ивановича.

Р. Г. Скрынников высказал точку зрения, хотя и экстравагантную, но все же покорившую умы некоторых историков: «Смерть Дмитрия была выгодна не столько Годунову, сколько его противникам. Они обвинили правителя в преднамеренном убийстве младшего сына Грозного… Восстание могло обернуться для Годуновых катастрофой»[343]. Кое-кто прочитал этот тезис Руслана Григорьевича как обвинение неким силам антигодуновской оппозиции в убийстве царевича.

Но… кому из реальных политических деятелей в 1591 году могла принести выгоду насильственная смерть Дмитрия?

Нагим? О нет. Они лишались своего единственного сокровища, единственной надежды впоследствии приблизиться к престолу.

Шуйским? Странно же они отыграли эту партию, если глава следственной комиссии, князь Василий Иванович Шуйский, поддержал версию, выгодную Годуновым.

Романовы-Юрьевы? Но они находились в союзе с Годуновыми[344].

Князь Ф. И. Мстиславский? С его стороны нет никаких действий против Годуновых. Наоборот, Годуновы надеются на него как на знатнейшего человека страны, способного возглавить армию перед лицом смертельно опасного врага. Летом 1591 года к Москве придет Казы-Гирей, и Мстиславского назначат главнокомандующим. Кабы он интриговал против Бориса Федоровича, ожидала бы его ссылка, если не что-нибудь похуже ссылки, а вовсе не командование вооруженными силами державы.

Таким образом, замечание Скрынникова не удается связать с какой-либо действительной политической силой.

Остается повторить сказанное выше.

Анализ источников по «делу царевича Дмитрия», проводившийся несколькими поколениями российских историков, исследование каждой строчки, каждого нюанса в показаниях очевидцев, каждого свидетельства современников показывает следующее: наиболее правдоподобна гипотеза, согласно которой Дмитрий Иванович подвергся умышленному убийству и нити от этого убийства тянутся в лагерь Годуновых.

Не сходится лишь одно: такая неосязаемая, почти невидимая вещь, как политический почерк, манера «вести дела». Борис Федорович Годунов — тонкий знаток интриги. Он не был сторонником массовых публичных казней в стиле Ивана Грозного. Он вообще не любил расправляться с врагами прилюдно, у всех на виду. В его стиле было: убрать врага с глаз долой, аккуратно подвести его под опалу, отправить его в ссылку, а уж там тихо прикончить руками пристава или иного верного человека. Так он поступил с Мстиславским-старшим, с Шуйскими, с митрополитом Дионисием, притом последнего не стал уничтожать, довольствуясь лишением сана. В Риге жила с дочерью вдова ливонского короля Магнуса Мария — дочь удельного князя Владимира Андреевича Старицкого и правнучка великого князя Московского Ивана III Великого. В случае смерти Федора Ивановича она оказалась бы претендентом первой величины — на уровне того же царевича Дмитрия, ибо появилась на свет от законного брака. В 1585 году, исполняя поручение Б. Ф. Годунова, Джером Горсей выманил Марию Ливонскую из Риги посулами богатой жизни — там ее содержали без особой роскоши[345]. Но и в России королеву ожидала не лучшая судьба. Ее постригли вместе с дочерью в монахини. А инокине уже не взойти на престол ни при каких обстоятельствах… Она жила безбедно (хотя и желала большего), среди прочих инокинь подмосковного Пососенского монастыря — близ Троице-Сергиевой обители[346]. Дочь ее недолго оставалась в живых после приезда в Россию; она умерла, возможно, насильственной смертью. Держатель Тверского княжения и бывший правитель всей России в течение года, крещеный чингизид Семион Бекбулатович[347] также мог рассматриваться русской знатью как отличный кандидат на роль царя-марионетки; его лишили обширных владений на Тверской земле и отправили в село Кушалино. Таким образом, он скатился к статусу хотя и очень знатного, но совершенно безвластного человека. Столь же виртуозно и… негромко Борис Федорович станет убирать со своей дороги неприятелей, когда станет государем московским. Без какого-либо социального взрыва исчезли из московской жизни Романовы-Юрьевы, князья Черкасский, Сицкий… Притом чаще всего, не имея прямой необходимости убивать, Борис Федорович оставляет противнику жизнь, лишь отобрав у него средства для продолжения борьбы.

Напоминает ли инцидент в Угличе хоть сколько-нибудь эту расчетливую, «шахматную» рациональность? Убийство среди бела дня, при свидетелях, мятежное буйство, скандал… Притом не все Годуновы готовы были поддержать тогда «семейное дело», а представители некоторых родов — Клементьевы-Чепчуговы, Загряжские — прямо отказались мараться

душегубством, когда их пытались использовать для злого дела в Угличе[348]. Убийцы не успели еще приступить к своей работе, а заговор уже получил огласку. «Хорошо сделана» только работа следственной комиссии. Врагу Годуновых князю В. И. Шуйскому дали поработать на благо Годуновых и его именем скрепили версию, подтверждающую непричастность Бориса Федоровича к убийству. Жутковато, аморально, но с точки зрения «большой игры» — красиво. Все остальное в большей степени напоминает «уголовную разборку», пользуясь терминологией нашего времени, чем заранее спланированное политическое убийство, результаты которого просчитаны на несколько шагов вперед. А потом является следственная комиссия, собранная усилиями Бориса Федоровича, и в какой-то степени выправляет «корявины» де́ла…

Это наводит на мысль о том, что инициатором убийства был не Борис Федорович лично, а кто-то из его родственников или приближенных, ретивый не по уму[349]. Притом человек, которого сам Б. Ф. Годунов непременно простил бы за самоуправство, за жестокий план, реализованный у него за спиной. Например, его дядя, Дмитрий Иванович Годунов. Он, во-первых, обеспечил восхождение Бориса Федоровича, помог ему оказаться у кормила власти. Во-вторых, сам играл весьма значительную роль в правящем круге. Наконец, в-третьих, все-таки дядя — родная кровь… Он мог начать действовать по собственному плану, не ожидая угрозы со стороны племянника. Дядя сделал дело — страшно, безнравственно, глупо. Племянник, хоть и жестокий интриган, а все же умный, государственный человек, исправил дядины «труды», насколько мог. Он понимал дядю — или кто еще мог быть организатором убийства — и сам бы, вероятно, предпринял какие-то действия в том же направлении, только аккуратнее, тише… А может быть, не предпринял бы, убоявшись Бога. Остается гадать. Но, так или иначе, бродя по кровавым следам, оставленным родней в Угличе, Борис Федорович замарался так, что репутация злодея прикрепилась к нему бесповоротно.

Быть причастным к умерщвлению маленького мальчика, какой бы политикой ни оправдывалось это действие, — великий, страшный, губительный грех. Даже если великий государственный муж, каким являлся Борис Годунов, не отдавал приказа убить царевича, одни его усилия укрыть истину, казнить правдолюбцев, защитить преступную родню — уже глубоко греховны. А если все-таки именно он затеял уничтожить Дмитрия, что ж, величайшие заслуги Бориса Федоровича перед российской государственностью и русским народом не перевешивают подобного преступления.

Возможно, угличская трагедия свыше дарована России, чтобы поколение за поколением, вникая в ее смысл, избавлялись от шелухи политических соображений и задумывались о страшном грехе убийства… Возможно, Господь послал нашему народу притчу о том, к чему ведет нарушение заповеди «Не убий!». Один мальчик, погибший при загадочных обстоятельствах, — и великая Смута, вытекшая из этого малого источника, чтобы погубить миллионы христиан… А злополучный Борис Федорович стал Божьим инструментом воспитания. Иваном Грозным отучали православный народ России от своевольства и гордыни, а Борисом Годуновым — от жажды власти и склонности к душегубству. Они, быть может, сыграли роль резцов в деснице Господней, устроителей нашей земли в отрицательном смысле: так поступать нельзя! Благодатен опыт отказа от пороков, а не следования им. Вся история царевича Дмитрия и рода Годуновых была, вероятно, одним словом Бога, произнесенным специально для нашей страны.

Что же царь Федор Иванович? Убит его младший брат. Страна полнится слухами о причастности Годуновых к его смерти. Люди, служащие в составе «Государева двора», говорят о том же самом. Некоторых подбивали участвовать в душегубстве…

А государь не лишает близости к престолу человека, которого столь многие считают главным

виновником угличской трагедии. В источниках, близких по времени к «делу царевича Дмитрия», нет свидетельств о какой-либо немилости, выраженной Федором Ивановичем по отношению к Борису Годунову. Ни казни, ни опалы, ни злого слова. Смиренная тишина. В чем причина? Ужели столь слаб царь, столь безволен или даже столь глуп, чтобы спустить Годуновым такое преступление или просто не увидеть их виновности?

Ответ на эти вопросы не так прост, как может показаться. Нет ничего простого, ничего очевидного в отношении царя к Годуновым после смерти царевича.

Прежде всего, Федор Иванович переживает страшное время. Печаль сокрушает его. Он бездетен. Родители его давно в гробу. Один брат ушел из жизни давным-давно, другой же недавно лег в могилу… Теперь — никого родного в целом свете, кроме супруги Ирины. И вот приходят разные люди, укоряя родню единственного близкого человека в страшных грехах.

Верить не хочется…

И никаких душевных сил самому заняться расследованием.

«Когда это известие[350] пришло в Москву, — пишет Исаак Масса, — сильное смущение овладело и народом, и придворными, и *царь был в таком испуге, что желал смерти; его утешали, как только могли* (курсив мой. — *Д. В.*); царица также была глубоко огорчена и желала удалиться в монастырь, ибо подозревала, что убийство совершилось по наущению ее брата, жаждавшего управлять царством и владеть короною; но она молчала и все, что слышала, таила в сердце, никому ничего не сообщая»[351]. Царь, сломленный горем, желавший окончить свой путь земной после такого удара, размышляет отнюдь не об отмщении. Он просто не находит себе места от душевных терзаний. Господь через него, как думали тогда многие, давал защиту всей Русской земле. Но сам Федор Иванович в делах личных, семейных подвергался страшным бедам.

И его в таком состоянии не так уж сложно было обмануть. Ведь это человек с голубиным сердцем. Смиренный, тихий молитвенник, богомолец, избегавший всякой скверны. Может быть, бесхитростная интуиция, позволяющая таким людям читать в сердцах добрые и злые намерения, указала бы ему истинных виновников смерти бедного царевича, кабы сам царевич не был ему столь дорог. Невыносимая боль мучила Федора Ивановича. И он, по мягкости и добродушию, в молениях о душе брата, сокрушаясь сердцем, поверил докладу Шуйского. Федор Иванович не был ни слишком слаб, ни слишком малоумен, чтобы недостаток воли или здравого разумения отняли у него возможность наказать Годуновых. Тут другое дело. Царь проявил необыкновенную доверчивость лишь по одной причине: большое горе лишило его всякой решимости вглядываться в чашу с обыденным человеческим злом.

Новый летописец с полной отчетливостью показывает, как совершался обман: «Князь… Василей [Шуйский] начал роспрашивати града Углеча всех людей, како небрежением Нагих заклася сам [царевич]. Они же вопияху все единогласно, иноки и священницы, мужие и жены, старые и юные, что убиен бысть от раб своих от Михаила Битяговского по повелению Бориса Годунова с ево советники. Князь же Василей пришед с товарыщи к Москве *и сказа царю Федору неправедно, что сам себя заклал. Царь же Федор положи опалу на Нагих* (курсив мой. — *Д. В.*); Борис же з бояры поидоша к пытке и Михаила Нагово и Андрея пыташа накрепко, чтобы они сказали, что сам себя заклал. Они же никак тово не сказаша: то и глаголаху, что от раб убиен бысть. Борис же, розъяряся, хотяше и достальных погубити; царицу ж Марею повеле постричи и повеле сослати в пусто место за Белоозеро, а Нагих всех розосла по городом по темницам; град же Углеч посла и повеле разорити… И иних казняху, иних языки резаху, иних по темницам розсылаху; множества же людей отведоша в Сибирь и поставиша

град Палым (Пелым)[352] и ими насадиша, и оттово же Углеч запустел»[353].

Одна из новгородских летописей свидетельствует о том же, добавляя лишь ряд подробностей. К государю Федору Ивановичу сразу после бунта в Угличе из мятежного города отправлена была грамота, согласно которой смерть царевича произошла «от нарочно присланных убийц». Однако Борис Годунов предъявил царю, давно оставившему рычаги правления страной, иную грамоту — о случайном самозаклании Дмитрия. Царь, «вельми… скорбея»[354], отправился в Углич (эта подробность в других источниках отсутствует, а достоверность ее спорна), но по наущению Годуновых на Москве начали устраивать пожары[355], дабы отвлечь умы от угличского дела. И царю также было сказано: «Уже… брата не воскресиши, а свое здравие больше повредиши, а тем временем на Москве до последней хоромины выгорит, и не к чему будет возратитися, но повели твоя держава послати лутшия мужи во град Углечь на взыскание истины». Царь, как сообщает летопись, «…не разуме коварства сего злохитрого, но яко сродника своего, добра ему желающего, послушав, послал перваго своего боярина Василья Шуйскаго, сам же возвратился к Москве»[356]. Ну а следственная комиссия во главе с князем Шуйским скрыла от монарха истину.

Многие ли осмеливались прийти к царю со словами обличения? Многие ли смогли преодолеть боязнь перед могущественными Годуновыми? Не столь давно они расправились с величайшими родами царства. Сам князь Василий Иванович Шуйский покорно склонил голову перед ними, доложив царю ложную версию угличских событий. Должно быть, страх замкнул уста большинству влиятельных людей, способных донести правду до царя. Дьяк Иван Тимофеев впоследствии с необыкновенной силой выразит тяжкий смысл этого угрюмого молчания в своем трактате. Обвиняя в злодействе Бориса Годунова, что, как уже говорилось, не совсем очевидно, он пишет: «Знал он[357], знал, что нет мужества ни у кого и что не было тогда, как и теперь, „крепкого во Израиле“ от головы до ног, от величайших и до простых, так и благороднейшие тогда все онемели, одинаково допуская его сделать это, и были безгласны, как рыбы… Знатнейших он напугал и сделал несмелыми, менее знатных и ничтожных подкупил, средних между ними не по достоинству наградил многими чинами… Думаю, что здесь грешно умолчать и о том, что не меньшую тяжесть мук, которые суждены этому цареубийце[358], понесут в будущем и все, молчавшие пред ним и допустившие его сделать это»[359].

А если кто-то и сумел преодолеть соблазны — не поддался сребролюбию, не покорился тщеславию, не убоялся расправы, то и это слово правды попадало на каменистую, неплодородную почву. Ведь, в сущности, кому должен был поверить Федор Иванович? Служильцам своего двора, угличским челобитчикам или…

Стоит всмотреться в этот список:

Ирина Годунова, царева супруга;

Борис Годунов, царский шурин и главное доверенное лицо в делах державного управления;

Князь Василий Шуйский, враг Годуновых, большой вельможа, боярин, глава следственной комиссии в Угличе;

Андрей Петрович Клешнин, участник следственной комиссии, окольничий, бывший «дядька» царевича Федора Ивановича, да еще и тесть Г. Ф. Нагого;

Митрополит Сарский и Подонский Геласий, духовный глава той же следственной комиссии;

Патриарх Московский и всея Руси Иов.

Все это — великие люди царства. Все это — ближайшее окружение царя. Все это — персоны, которым Федор Иванович, если полагаться на здравый смысл, должен был доверять в первую очередь. Больше, чем кому бы то ни было. И прежняя вражда князей Шуйских с Годуновыми подводила очень серьезный фундамент под нынешнее выступление главы следственной комиссии *в пользу Годуновых.*

И все они так или иначе поддержали версию князя Шуйского и случайной смерти царевича. А если не поддержали, то, во всяком случае, не стали ее оспаривать. Причины, по которым сами Годуновы и Шуйский придерживались ее, не вызывают особенных вопросов. Но отчего Церковь наша свидетельствовала в пользу душегубства? Ведь минет всего лишь полтора десятилетия после 1591 года, и она канонизирует *невинноубиенного* царевича Димитрия. Невинноубиенного, а вовсе не налетевшего на нож во время припадка! Почему же тогда, в мае 1591-го, русские иерархи смолчали? Может, испугались судьбы, постигшей незадолго до того митрополита Дионисия и владыку Крутицкого Варлаама? Конечно, можно было бы допустить такое мнение — кто из добрых и крепко верующих православных не допускает порою слабости? — если бы не весьма мужественное поведение Иова при Лжедмитрии I. Патриарх, лишенный сана, едва не убитый озверевшей толпой, все-таки нашел в себе силы прилюдно обличить власть самозванца. Чего он, монашествующий, так убоялся в 1591-м? Как видно, причина его молчания заключается не в страхе за собственную жизнь или сан. Иов, а за ним и Варлаам, надо полагать, чувствовали разлитый в воздухе тяжелый запах всеобщего озлобления. Еще искорка — и вся страна запылает как один громадный костер! Толпы пойдут громить Кремль и убивать Годуновых, те выведут стрельцов, прикажут открыть огонь, запылает провинция, высокородные аристократы вновь поднимутся против годуновской партии… Брат пойдет на брата, крови прольется нескудно, разрушится та благодатная тишь, которая давала государству Российскому столь необходимую передышку. Два иерарха — Иов в первую очередь — ощутили зловонное дыхание Смуты. Они… испугались не за себя, а за страну. И автор этих строк не смеет судить их за страшное молчание: ведь два больших духовных пастыря взяли, быть может, тягчайший грех на душу. Они не обличили Годуновых, но они надолго отсрочили великое кровопролитие.

Дело царевича Дмитрия. Фото: Shakko. По лицензии CC BY-SA 3.0

Господь рассудит, ошибались они или все-таки были правы.

А теперь, вооружившись здравым смыслом, надобно окунуться в обстоятельства тех майских дней 1591-го. Допустим, кто-то сумел встретиться с царем и передать ему слово правды об убийстве царевича. Более того, подобное могло случить не один раз. Федор Иванович, обеспокоенный, идет к супруге: «Иринушка, кто виноват, как ты думаешь?» А та отвечает уклончиво: «Не ведаю. Неужто ты думаешь, что это сродственники мои?» Идет царь к самому Борису Годунову: «Признайся, ты сотворил злодейство! Зачем же ты младенца…» На это Борис Федорович спокойно молвит: «Бог свидетель, я не виновен. И вот злейший мой враг, князь Шуйский, скажет тебе, великий государь, то же самое». Василий Иванович Шуйский подтверждает слова Бориса Федоровича. Здесь же оказывается Андрей Петрович Клешнин и, дружелюбно улыбаясь, говорит: «Поверишь ли мне, великий государь, старому твоему дядьке? Я в родстве с Нагими, это все знают[360], но скажу честно: дело чистое, шурин твой нимало не запачкан». Чему тут верить? По здравому рассуждению, верить следовало бы не каким-то смутьянам, а вот этим людям. И вот являются патриарх Иов с владыкой Варлаамом и обращаются к царю с такими словами: «Доныне тишь была на Москве и по всей Руси. Убережем ее, великий государь. Бог найдет виновных, а ныне понаказать бы мятежных людей, но иной крови отнюдь не проливать. Великий государь, смилуйся, яви милосердие!» — «Да кто ж царевича убил?» — «Не уберегли младенца, прибрал его Господь. А ныне ты не поддавайся гневу, великий государь, сия страсть — пагубная».

И остался Федор Иванович тих, милосерден, негневен.

Ему было очень плохо. И он поверил в самую добрую версию угличского дела.

Печальной этой истории самый верный, самый правдивый итог подвел Алексей Константинович Толстой, вложивший в уста Федора Ивановича реплику, обращенную к Борису Годунову:

Шурин!
Прости меня! Я грешен пред тобой!
Прости меня — мои смешались мысли —
Я путаюсь — я правду от неправды
Не отличу!

Великий праведник просит прощения у великого грешника. Он ошибается.

Но разве не остается после этого праведник праведником, а грешник — грешником?

И разве не остается — неисповедимыми путями — правда об этой истории в памяти народной?

Глава 9. Основатель Донского монастыря

В то время, когда на северных рубежах Московская держава перешла в наступление, на юге ей пришлось держать оборону от извечного неприятеля — крымцев.

Южный фронт на протяжении нескольких поколений являлся самым трудным и самым опасным для Московского государства. Если на севере или на западе Россия брала чужие города, обороняла либо отбивала свои, боролась за территорию, давала служилым людям возможность обогатиться во время походов, то вечная война на юге имела иной смысл и иные приоритеты. Здесь дрались за самое жизнь страны. И великий рубеж, проходивший по Оке, отделял земли, подверженные постоянным набегам, земли, которые следует считать одной

огромной зоной риска, от коренных областей России, защищенных более или менее надежно. Однако, рассуждая о подобной надежности, надо сделать две оговорки. **Во-первых**, она стоила невероятно дорого. Каждый год страна собирала силы, чтобы двинуть на Окский рубеж огромную армию. Угрожают ли русским землям татары, не угрожают ли, а полки всегда и неизменно выходят в поле, имея полную готовность «пить смертную чашу». На протяжении нескольких месяцев воеводы и рядовые воины отстаивают «береговую службу». Время от времени она оборачивается смертельной схваткой с непредсказуемым исходом. Юг приучал к войне на уничтожение. Татары убивали русских, если не могли взять их в плен и отогнать на работорговые рынки Крыма, где высокоцивилизованные итальянцы занимались скупкой живого «товара» для последующей перепродажи по всему Средиземноморью. Русские убивали татар, стремясь к тому, чтобы как можно меньше татарских мужчин могло вернуться с новым набегом, а значит, опять грабить, жечь, убивать русских. Обе стороны люто ненавидели друг друга, и эта ненависть настоялась, стала выдержанной, как хороший коньяк… Здесь никогда не просили пощады и никогда не давали ее. И страна была готова оплачивать ежегодный выход армии на юг, давать воинов, строить крепости ради одного: старинному врагу следовало хребет ломать на подходе, не допускать его в центральные области державы. И, **во-вторых**, время от времени хорошо налаженная «береговая служба» все-таки давала сбой. По разным причинам. Не имеет смысла обсуждать их, важнее в данном случае другое: во всех подобных случаях жизнь России повисала на волоске. Так было при Василии III, случалось и при Иване IV. При Федоре Ивановиче напряженность борьбы на степном фронте не уменьшилась ни на йоту. И большое нашествие крымцев точно так же, как при отцах, дедах и прадедах, могло закончиться страшной военно-политической катастрофой.

Угроза подобного исхода появилась в июле 1591 года.

Крымский хан Казы-Гирей шел к столице России с огромной армией. И даже в сердцах отважных людей, привыкших встречать крымцев лицом к лицу, встрепенулся ужас, рожденный подозрением: а не сам ли Господь Бог «по грехом» русских людей прислал свирепых иноплеменников? Ведь совсем недавно, чуть более двух месяцев назад, Русь не сберегла от смерти невинного младенца — Дмитрия Углицкого… Ужели небесное отмщение за его смерть совершается столь быстро?

В Москву приходили известия одно страшнее другого: крымский хан ведет, помимо своих подданных, еще ногайцев и черкас, при нем турки, в том числе янычары и турецкая артиллерия. По одним данным, его войско насчитывает 100 тысяч бойцов, по другим — у страха глаза велики! — 400 тысяч.

Между тем тысячи московских ратников пребывают на ливонском и карельском фронтах. Их в принципе невозможно быстро передвинуть к Москве, каким бы форсированным маршем им ни приказали двигаться. Московские воеводы, прикидывая, сколько они могут выставить против Казы-Гирея, понимают: численное превосходство будет не на их стороне. Давать татарам бой в чистом поле — очень рискованно. Можно лишиться армии, а с ее разгромом почти неминуемо падет и Москва.

Полки, вышедшие было на юг, к Окскому рубежу, спешно оттягиваются к столице. Уже плохо: татары проходят через Русскую землю, никем не защищаемую, помимо гарнизонов в степных городках и малых крепостях. Завоеватели жгут, грабят, убивают, уводят пленников. Приступают к Туле, но города «скорым изгоном» взять не могут и лишь предают огню тульские посады. Переправляются через Оку под Серпуховом, палят посады и здесь, но запершийся в ожидании приступа город брать не решаются. Как видно, не хотят задерживаться: впереди ждет Москва, главный приз, город, битком набитый богатствами, густо населенный рабами… Если поспешить, авось царь московский не успеет собрать большие силы для отпора.

Из столицы на Пахру отправляется передовой отряд в 250 конников под командой князя В. И. Бахтеярова-Ростовского. Владимир Иванович должен был препятствовать переправе крымцев, а также вести за ними наблюдение. В первом он не преуспел: крымцы разбили его, многих положили на месте и взяли в плен. Однако русским воеводам, организовывавшим оборону Москвы, успели доложить о стремительном приближении неприятеля, и они изготовились к бою.

До этого момента ситуация развивалась не слишком удачно для русского командования. Но все же до прибытия неприятеля ему удалось сконцентрировать под стенами столицы значительные силы для отпора. И, что особенно важно, собрать мощный артиллерийский парк.

Двумя «начальными людьми» русской оборонительной армии были князь Федор Иванович Мстиславский и Борис Федорович Годунов. При формальном старшинстве первого второй являлся самым влиятельным администратором в стране. И от его административной расторопности сейчас зависела судьба всей оборонительной операции. Годунов, как показала Нарва, не обладал тактическими талантами, зато, как показала вся его жизнь, у Бориса Федоровича имелось стратегическое чутье.

Помня, что в предыдущем генеральном столкновении с крымскими татарами, на Молодях в 1572 году, их остановил гуляй-город, наше командование распорядилось опять развернуть его. Это значило: создать из телег с расположенными на них деревянными щитами импровизированное укрепление, за которым располагались стрелки, а также конница, готовая выйти в контратаку. В случае необходимости гуляй-город можно разобрать, перекомпоновать, отвести ближе к городу. Кроме того, учитывалась природная стойкость русской армии в обороне. Прямое столкновение в поле на протяжении XVI–XVII столетий являлось для наших войск значительно менее выгодным способом вести боевые действия, чем оборонительные операции. Твердость в полевом сражении наши предки проявляли далеко не всегда. Зато если имелся хоть какой-то укрепленный рубеж, его у русских бойцов отбить было до крайности сложно.

Русская подвижная крепость встала южнее Замоскворечья, приблизительно по линии современных улиц Донская площадь — Серпуховской вал — Даниловский вал. Древняя Данилова обитель оказалась в роли своего рода «форта»[361].

Когда наши полки заняли назначенные позиции, сложности начались у Казы-Гирея. Первой неприятной неожиданностью стал гуляй-город, за которым русские ратники изготовились драться насмерть. Второй — Белый город со множеством башен и орудиями, возле которых стояли пушкари с зажженными фитилями. Татарская конница, пусть и усиленная бесстрашными янычарами, была не лучшей силой на приступе. Вряд ли крымцы готовились штурмовать мощные укрепления…

Казы-Гирей расположил свои силы по широкой дуге от Коломенского до Воробьевых гор. Вероятно, штурм гуляй-города казался ему делом более простым, нежели атака на каменные стены Белого города. В случае успеха его армии открывалось «мягкое подбрюшье» русской столицы — богатое Замоскворечье. А оттуда при удаче конные лучники могли запустить «красного петуха» в центр Москвы. Благо, стояла страшная жара и большой пожар вновь, как при Иване Грозном, мог уничтожить город за несколько часов…[362]

4 июля татары оттеснили русские дворянские сотни к гуляй-городу и начали атаку на него. Основные усилия прикладывались к взлому русской обороны на флангах. Отряды «царевичей» бросались в атаки у Данилова монастыря, у Котлов, от Воробьева. Крымцев неизменно отбивали, нанося сильный урон, захватывая пленников. Однако и глубокие контратаки русских

захлебывались — дворянскую кавалерию отбрасывали назад, к гуляй-городу. По свидетельствам летописцев и разрядов, легкие силы обеих сторон «травились» долгое время, наши ввели в бой литовских и немецких наемников, но никто не мог перебороть неприятеля, бой шел «ровно»[363].

Казы-Гирей не мог проделать брешь в русской обороне легкими силами, а ввязываться в большое сражение, видимо, не хотел. Это могло обернуться плачевно для него самого. Пока хан размышлял над следующим ходом, его армии оставалось разорять Южное Подмосковье.

Бой тянулся до ночи с 4 на 5 июля. Он так и не принес решающего успеха ни одной из сторон.

На утро 5-го русские ратники, защищавшие Москву, пришли в изумление: враг пропал! До рассвета снялся со станов и скорым ходом отступал на юг, оставляя имущество, лошадей, бросая тела задавленных в спешке. Обратный путь крымской орды был устлан мертвецами и умирающими. Дворянская конница и казаки гнались за нею, но успели совершить немногое: потрепать обоз да сцепиться с арьергардными отрядами, отбив часть пленников и, в свою очередь, захватив, по разным данным, от 400 до 1000 татар. Трофеями московских воевод стали кони и верблюды, во множестве оставленные неприятелем.

6 июля Казы-Гирей был за Окой.

Там его уже не преследовали (что само по себе выглядит упущением русского командования), и хан осмелился напасть на Дедилов. Но, как видно, «дух отошел» от его воинства. По известию Пискаревского летописца, даже с маленькой русской крепостицей крымская орда не справилась: «И зашол [Казы-Гирей] к Дедилову, и приступал, и ничесо же сотворил»[364].

Неизвестный художник Крымский хан Казы-Гирей. Гравюра. XVI в.

Бегство Казы-Гирея до сих пор вызывает вопросы у историков. Причины его не вполне ясны. Самая выигрышная для русского национального самосознания версия такова: лагерь крымцев был приведен в ужас и смятение удачной диверсией московской кавалерии. Русские пушкари, бесшумно и незаметно перетащив под покровом темноты свои орудия поближе к татарским позициям, открыли шквальный огонь, которого противник совершенно не ожидал. Затем дворянская конница потрясла крымцев внезапным ударом. В результате деморализованный противник ретировался.

Красивая эта версия не находит в источниках достаточного подтверждения.

Действительно, среди ночи на ханские станы в районе Коломенского напали 3000 русских бойцов под руководством Василия Янова[365]. Возможно, удар этой группы вызвал изрядный

переполох среди завоевателей. Но измышления о перетаскивании пушек и об огненном вале, сокрушившем врага, не имеют под собой фактической основы. Историки, пишущие о ночной передислокации русской артиллерии, вероятно, плохо понимают, что представляли собой пушки XVI века, как они передвигались и сколько весили. Надо полагать, реалии пушкарского дела того времени должны были уступить место впечатлениям от работы конной артиллерии XVIII столетия, чтобы родилась столь странная реконструкция событий 4–5 июля. Передвинуть орудия конца XVI века бесшумно и незаметно к позициям татар и внезапно открыть огонь — картинка из приключенческого романа, если только не из фантастического. Р. Г. Скрынников выражает по этому поводу основательные сомнения: «Управлять полками и перевозить артиллерию в темноте было практически невозможно»[366].

Артиллерийский огонь начали вести с тех позиций, на которых орудия стояли вечером 4 июля. Ночная бомбардировка не могла причинить серьезного урона крымцам. Надо полагать, израсходованные заряды были большей частью потрачены впустую. Исаак Масса прямо говорит: стреляли, не причиняя вреда татарам. Но тогда зачем опытным русским пушкарям устраивать среди ночи подобную «огненную потеху»?

Объяснений может быть несколько.

Возможно, ночную стрельбу предприняли с целью устрашения. Это вполне вероятно, особенно если учесть свидетельство дьяка Ивана Тимофеева, согласно которому канонада велась из орудий, установленных на «каменных стенах»[367]. Это могли быть пушки Кремля, Китай-города или Белого города, а также стены Симонова и Новодевичьего монастырей, где стояли с отрядами воеводы Василий Квашнин и Андрей Измайлов[368]. Иван Тимофеев знал, о чем пишет, поскольку в то время он являлся служильцем Пушкарского приказа — своего рода министерства артиллерии. Так вот, ни от Кремля, ни от Китай-города, ни от Белого города ядра не могли долететь до Коломенского и Котлов, где стояли крымцы. Да и от монастырей выходит далековато… Оттуда могли палить, показывая мощь русской артиллерии, демонстрируя, сколько пушек можно еще задействовать для нужд обороны. Что ж, какое-то впечатление на татар эта демонстрация могла произвести. Однако они и сами располагали артиллерией. Более того, крымцы неоднократно являлись на Русь с пушками и время от времени приводили их в действие против наших полков. Соответственно русские прекрасно об этом знали. Значит, либо рассчитывали напугать Казы-Гирея количеством и мощью орудий, а не просто «огненным боем», либо, что вернее, расчет был иной.

Конечно, можно допустить спонтанное начало стрельбы. Как говорится в Новом летописце, ночью «в полках у воевод бысть всполох великий»[369], — иначе говоря, тревога. А в Пискаревском летописце делается попытка объяснить причины этой тревоги: «И тое ночи, неким смотрением Божиим да молитвами благочестиваго царя и государя Федора Ивановича всеа Русии, некий боярской человек еде лошадей пойти и оторвася у него конь, и он ста вопити: „Переймите конь!“ И от того стался страх в обозе и во всех городех на Москве, и стрельба многая отовсюду; и осветиша городы все от пушек»[370]. Да, существует вероятность того, что общее напряжение обороняющихся, помноженное на боязнь ночного нападения, породило вспышку паники, а вслед за тем и беспорядочную стрельбу в направлении крымцев. Однако… так можно объяснить пальбу из гуляй-города. Но как массовая истерика могла перекинуться на пушкарей, скажем, Белого города?! Они находились на изрядном расстоянии, они не получали приказа поддержать огнем русскую оборону на юге… Допустить столь сильную заразительность паники, чтобы она, подобного микробам, перелетала на версты по воздуху и заражала людей, находящихся на изрядном отдалении от вспышки, было бы очень странно.

Огонь из орудий, стоящих на стенах, притом массовый огонь, да еще с учетом полной его боевой неэффективности, мог быть заранее спланированной акцией русского командования. И цель «напугать» татар являлась в данном случае второстепенной, если она вообще ставилась. По всей видимости, планировалась гораздо более сложная игра.

О ней подробно рассказывает Исаак Масса: «Борис, как главный воевода и наместник царя, подкупил одного дворянина отдаться в плен так, чтобы неприятель не открыл обмана, и татары, видя, что он одет в золотую парчу, расшитую жемчугом, подумали, что он, должно быть, знатный человек, и привезли его связанного в лагерь к своему царю; на вопрос хана, чего ради в эту ночь беспрестанно стреляли, не причиняя никакого вреда неприятелю, он весьма мужественно отвечал, что в эту ночь тридцать тысяч поляков и немцев прибыли в Москву с другой стороны на помощь московиту; пленника жестоко пытали, но он оставался непоколебим и твердил все одно, не изменяя ни слова, так что татары подумали, что то правда, и, поверив, весьма испугались и… в чрезвычайном беспорядке и сильном замешательстве обратились в бегство…»[371] Свидетельство дьяка Ивана Тимофеева позволяет внести некоторые коррективы в этот рассказ. Во-первых, пленник не рассказывал татарам о каких-то, неведомо откуда взявшихся немецких и польских союзниках; он сообщил иное: «Радость в городе из-за того, что из западных стран, из земель Новгородской и Псковской, согласно ранее посланным царем приказам, на помощь ему, соединившись вместе, быстро вошли в город многочисленные вооруженные войска, которых царь и жители города с нетерпением ожидали». Во-вторых, сам русский пленник, героически выдержавший пытки, сумел сбежать от крымцев, когда они ударились в бегство[372]. Эта версия получает серьезное дополнительное подтверждение на страницах Нового летописца. В нем сообщается уже о показаниях многих пленников, заявивших Казы-Гирею, заинтересовавшемуся причиной беспорядочной пальбы в русском лагере: «Приидоша к Москве многая сила Новгородская и иных государств московских, прити[373] сее нощи на тебе»[374].

Эта, последняя, версия в высшей степени правдоподобна. На Новгородчине и Псковщине стояли московские полки, имевшие приказ вести боевые действия со шведами. И Казы-Гирей не знал, велено ли им идти к Москве, а если велено, то когда. А значит, он не представлял себе, где именно в момент оборонительной операции под Москвой они находились: на своих местах, на полпути к Москве или же у самой столицы. Кроме того, жестокая военная хитрость, когда татарам подсовывали ложного пленника с дезинформацией о подходе резервов, успешно применялась московскими воеводами и раньше. Так, например, у Молодей в 1572 году подобный прием заставил отступить Девлет-Гирея. Правда, в обоих случаях требовалось прежде изрядно потрепать татар, и только потом они становились на редкость доверчивы к таким трюкам. Борис Годунов да и прочие воеводы, разумеется, старались припомнить опыт последнего большого столкновения с татарами, шедшими на Москву. Не напрасно московское командование развернуло гуляй-город. Очевидно, хитрость с фальшивым пленником тоже решили вновь опробовать на татарах, надеясь отогнать их призраком свежих сил на подходе. Надо отдать должное нашим тактикам времен Федора Ивановича: уловка сработала и на этот раз.

Победу пышно праздновали. Поскольку она, административно и тактически, во многом являлась детищем Годуновых[375], им достались богатейшие награды. «Государь царь и великий князь Федор Иванович бояр и воевод жаловал своим большим царским жалованием: больших бояр и воевод — князя Федора [Мстиславского] и Бориса, и Степана, и Ивана Годуновых — вотчинами большими, а иных воевод — кубками и шубами, и иным своим жалованием»[376]. Именно тогда Борису Федоровичу достался почетнейший в Московском государстве титул царского «слуги», равнозначного титулу «служилый князь»[377]. Ему же государь пожаловал «златокованную цепь» со своей шеи, золотой сосуд, захваченный в ставке

Мамая после Куликовской битвы, шубу с царского плеча[378]. Правительство пыталось создать в мнении народном ассоциацию между Борисом Годуновым и Дмитрием Донским. И в официальных документах стычки под гуляй-городом и диверсия отряда В. Янова превратились в полномасштабное сражение между московской ратью и войском Казы-Гирея.

Но слава удачливых военачальников не пошла впрок Годуновым. По Московской державе ползли жутковатые слухи, будто сам Борис Федорович призвал крымских татар на Русь, дабы отвлечь людей от размышлений о смерти царевича Дмитрия Углицкого. Особенно сердились на Б. Ф. Годунова на южной «украйне» России, т. е. в землях, более всего пострадавших от крымского нашествия. Ведь их фактически оставили без защиты! Из Алексина прибыл «сын боярский»[379] Иван Подгородецкий, сообщивший, что один из его крестьян оговорил Годунова: «Приведоша царя крымского под Москву Борис Годунов, бояся от земли про убойство царевича Дмитрея». Тогда и странный отход татар от Москвы после ночной канонады получал совсем другое объяснение… Все начинало выглядеть не как новая боевая слава русской армии, а как злодейство, обряженное в воинский доспех. Конечно же, правды тут не было никакой: за несколько недель, прошедших после инцидента в Угличе, вытащить самого крымского хана, быстренько составить ему коалицию из ногайцев и турок, подвергнуть смертельной опасности Москву, самого царя, на благосклонности которого только и держалась власть Годуновых, — все это невозможное, немыслимое дело. Притом не только с точки зрения здравого смысла, но и с точки зрения технической исполнимости. Но… после умертвления Шуйских, после сведения с кафедры митрополита Дионисия любая пакость легко липла к одеждам Бориса Федоровича. Один раз был злодеем, отчего же вновь и вновь не совершать ему зло? Даже прямые и очевидные заслуги не помогали в этих обстоятельствах от черной молвы.

Болтливого крестьянина взяли под арест, пытали. Он оклеветал под пыткой многих людей. В результате начался масштабный сыск: «Многих людей переимаху и пытаху и кровь неповинную пролияху, не токмо в одном граде, но и во всей украйне; и множество людей с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а инии по темницам умираху. И оттово многие места запустеша»[380]. Так большой ратный успех получил кровавый шлейф пыток и казней.

Что же происходило летом 1591-го с государем Федором Ивановичем? Какую роль он сыграл в событиях московской обороны?

На первый взгляд, царь явился лишь безучастным свидетелем великого вооруженного противостояния.

Исаак Масса сообщает о нем: «великий князь Федор Иванович видел все это[381] из своего дворца, расположенного посреди Москвы, на высокой горе у реки Москвы, и горько плакал, говоря: „Сколько крови проливает за меня народ. О, если бы я мог за него умереть“»[382]. Пискаревский летописец сообщает, что царь молился о спасении Москвы. Новый летописец уточняет: царь стоял на молитве день и ночь[383]. Так же пишет и патриарх Иов. По его свидетельству, царь вспомнил о чуде, дарованном от Бога через икону Богородицы его предку, великому князю Дмитрию Ивановичу, на поле Куликовом, где русские полки разбили Мамая. Федор Иванович приказал устроить «соборное моление» Богородице и крестный ход с Ее чудотворной иконой; он сам долго молился перед образом, призывая Пречистую заступиться за город «и всю страну християнскую». Как только крестный ход завершился, государь дал распоряжение отнести святыни к гуляй-городу, туда, где располагался в походном шатре храм преподобного Сергия Радонежского. В день битвы царь вновь молился и «укреплял» своих приближенных, говоря им, что бояться Казы-Гирея им не стоит, поскольку заступничеством Богородицы и святых чудотворцев хан отступит со стыдом и срамом[384]. Новый летописец прямо сообщает о чуде, совершенном тогда монархом. Когда царь наблюдал из окна за своими

ратниками и крымцами, бившимися вдали, за его спиной встал боярин и дворецкий Г. В. Годунов. Не выдержав напряжения, Григорий Васильевич расплакался. Утешая его, Федор Иванович молвил: «Не бойся: сее же нощи поганые побегут и завтра тех поганых не будет»[385]. Это доброе пророчество Годунов сейчас же разнес «многим людем».

Изображение царя Федора Иоанновича на Царь-пушке в Москве. Литография. XIX в.

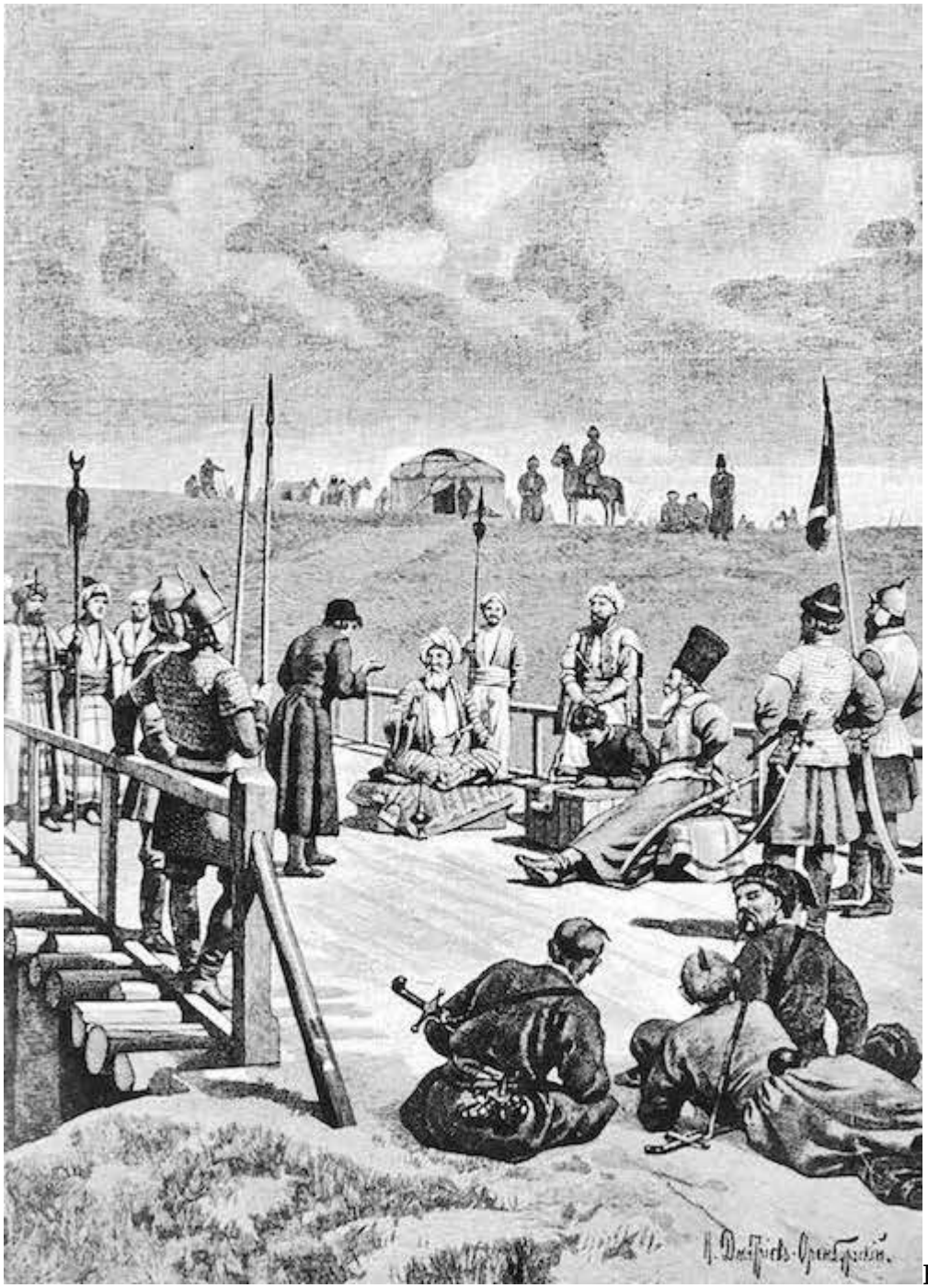
Таким образом, Федор Иванович, отпуская воевод на битву и не вмешиваясь в их распоряжения, в то же время напряженно искал защиты сил небесных для своей страны и своей столицы. Он вел духовную брань, вымаливая заступничество для грешного своего народа. И христианин не заметит ничего странного или тем паче невозможного в том, что царь-молитвенник уверенно предсказал поражение иноверного войска. Вера его приближенных в добрый исход вооруженной борьбы упрочилась, ведь они видели в словах Федора Ивановича ободрительное откровение Высшего Судии. Между тем для малой горсти войск, собранных под Москвой, любое известие, укреплявшее духовную стойкость, имело важнейшее значение.

Подданные Федора Ивановича заметили и кое-что иное. Царь, помимо нескольких месяцев нарвского похода, не имел военного опыта. Он не мог возложить на себя бремя руководства оборонительными действиями. Но он и не оставил их. А ведь так бывало не раз: и Дмитрий Донской, и Иван Грозный, бывало, уезжали из Москвы, если ей угрожал татарский погром. Но когда государь оставался на месте, проявив тем самым отвагу, он самим фактом своего присутствия воодушевлял армию. Федор Иванович осмелился быть рядом со своим народом перед лицом смертельной опасности. Этого не забыли, и через много лет его добрым словом помянет летописец: «Великий государь царь Федор Иванович всея Русии советует с отцем своим и богомольцем Иевом патриархом и з бояры, и з дворяны, как стояти против царя[386]. А прежния великия князи бегали с Москвы на Белоозеро. А благочестивый государь царь, не хотя того сотворити, надеясь на Бога и на Пречистую Богородицу, и на свою праведную молитву, посылает во все полки за берег и на берег, а веля воеводам итити… к Москве»[387].

Вслед за победой над Казы-Гиреем происходит событие как минимум столь же важное для русской истории. В особенности для истории Москвы. По воле Федора Ивановича создается монастырь, который в будущем станет одним из честнейших, одним из знаменитейших в нашей стране. Его основание прямо связано с «одолением иноплеменников», пришедших на Русь как завоеватели и грабители. Сама обитель стала настоящим мемориалом стойкости русских воинов, оборонявших гуляй-город.

Пискаревский летописец рассказывает об этом следующее: Федор Иванович «…на том месте,

где обоз[388] стоял, велел поставить храм камен Пречисты<е> Богородицы Донския и монастырь согради, и и<г>умена и братию учинити, и вотчину пожаловал под Москвою село Семеновское, семь верст от Москвы по Колужской дороге»[389]. О том же повествуют Арсений Елассонский, то же извещает и Новый летописец, уточняя только, что царь желал видеть в новой обители общежительное устройство[390]. Патриарх Иов сообщает хронологические подробности возведения монастырского собора: по прошествии года с небольшим после победы над крымцами «…благочестивый самодержец повеле устроити монастырь честен близ царьствующего града Москвы на том месте, идеже прежереченный град-обоз стояше, и в нем созда церковь камену во имя Пречистые Богородицы, честныя и славныя Ея похвалы, и всякими изрядными лепотами пречюдно украси ю; и подобие пречюдные иконы Пречистые Богородицы Донския написати повеле, златом и камением драгим украсив»[391].

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Переговоры о мире ханского посла Казы-Гирея и князя Хворостинина на мосту реки Сосны в 1593 г. Конец XIX — начало XX в.

Итак, все три источника ясно и однозначно свидетельствуют: царь Федор Иванович, благодаря Богородицу за Ее заступничество, велит основать монастырь. Он изъявляет волю свою через год с лишним после отражения Казы-Гирея. Следовательно, собор Донского монастыря начали возводить в конце лета или осенью 1592 года. Судя по документам того времени, в 7101 году от Сотворения мира (1592/1593 год от Рождества Христова) собор уже существовал[392]. Значит, его строительство завершилось не позднее августа 1593 года. Там хранился список с чудотворной иконы Богородицы Донской[393], и каждый год 5 июля в память об избавлении от «агарян» совершалось особое празднование и крестный ход из Кремля в монастырь.

Для Федора Ивановича основание Донской обители было делом столь же естественным, как дыхание или речь. Он молил Царицу Небесную о помощи, Она откликнулась на государево моление и обратила вспять иноплеменное воинство, как уже поступала, в представлении русских людей того времени, еще в 1395 году, при нашествии на Русь орды Тамерлана. Федор Иванович, исполненный благодарности и любивший монашество, подарил Спасительнице Москвы новую иноческую обитель. Тут все естественно, все на своих местах. Православный монарх сажает в землю своей державы зернышко, из которого впоследствии разрастется великое дерево — благочестие Донского монастыря. Изначально зернышко это невелико: малый храм, немногочисленная братия[394], тихое место за пределами Москвы. Но в будущем…

Донской монастырь. Фотограф Н. Найденов. 1883

В будущем обитель, страшно разоренная лихолетьем Смуты и восстановленная при Михаиле Федоровиче, станет «царским богомольем». Она украсится нарядной каменной оградою, высоким резным иконостасом, а также новыми величественными храмами, превосходящими по размерам маленький древний собор… Во второй половине XVII столетия скромный монастырь поистине расцветет. При нем возникнет кладбище, принявшее прах родовитых аристократов,

знаменитых ученых, писателей, философов, архитекторов; в XX веке его дополнит странное «кладбище московских церквей»[395]. Сюда полюбят приезжать наши государи, но особенно — патриархи. Здесь возникнут духовные училища. Здесь французские варвары, войдя в Москву, устроят разор и грабеж, но обитель вновь поднимется. Здесь проживет несколько лет святой Тихон, патриарх Московский и всея Руси, здесь же он будет похоронен. Монастырь страшно изуродуют при советской власти — впрочем, как и все московские обители, — но он опять возродится после распада СССР.

Старый (или, иначе, «Малый») собор Донского монастыря — тот самый, возведенный при Федоре Ивановиче, — дошел до наших дней. В XVII столетии к нему пристроили колокольню и трапезную. В середине XVIII века у него переложили барабан, а шлемовидную главку заменили на луковичную. Но большей частью эта небольшая церковь, украшенная «пламенным» завершением из нескольких рядов кокошников, сохранилась. Она до сих пор напоминает москвичам о доблести их далеких предков, о молитве царя за свой народ, о заступничестве Богородицы.

Источник XVII столетия донес иную версию происхождения Донского собора. Дьяк Иван Тимофеев в своем «Временнике» приписал его создание Борису Годунову, действовавшему из корыстных побуждений: «…честолюбивый (Борис) под видом веры, ради явленного тогда Богом истинного чуда[396], на обозном месте, где стояло православное ополчение всего войска, построил новый каменный храм во имя Пресвятой Богородицы, по названию Донской, и устроил при нем монастырь, по виду ради богоугодного дела, а по правде — из-за своего безмерного тщеславия, чтобы прославить победой свое имя в (будущих) поколениях. Как в других подобных (поступках) он понят был, так и в этих, потому что на стенах (храма) красками, как в летописи, — что приличествовало лишь святым, изобразил подобие своего образа[397]. В этом его скрытом лукавстве из лести послужили ему в нужное время святители из духовенства: их сокровенные (побуждения) и лесть, и лукавство обнаружились потом наставшими временами. После построения и освящения церкви и после устройства монастыря он назначил в годовом круге определенный день, в который совершилось то победоносное и святое происшествие, и указал первосвятителю установить и узаконить обязательное хождение туда с крестным ходом и с честными хоругвями из года в год, как в настоящее время, так и в следующие года»[398].

«Временник» Ивана Тимофеева переполнен нападками на Бориса Федоровича. Тот, разумеется, не был ангелом, и с врагами своими проявлял жестокость, и семье своей добывал блага за счет государства. Однако отзывы Ивана Тимофеева столь эмоциональны, что порой из них исчезает всякая объективность. Распаляясь злостью на «слугу и конюшего боярина», дьяк написал вещи странные и ни с чем не сообразные: как, например, можно построить храм «по виду ради богоугодного дела»? Возведение новой церкви — в любом случае богоугодное дело, какими бы мотивами ни руководствовался тот, кто взялся за подобный труд.

Годунов ли на самом деле инициировал строительство? Сомнительно. Иван Тимофеев — современник Годунова, но далеко не тот человек, который мог быть хорошо осведомлен во всех тонкостях дворцовой и тем более высшей церковной политики. Он даже среди дьяков не попадал по чести в первую десятку и уж подавно не входил в Думу… Видя роспись Донского собора, восхваляющую православное воинство, Иван Тимофеев узнает среди ратных людей Бориса Годунова — а конюший был достаточно тщеславен, чтобы потребовать у живописцев подобной услуги, — и интерпретирует увиденное преувеличенно. Иными словами, не только настенное изображение Годунова, но и весь собор объявляет плодом деятельности Бориса Федоровича.

В действительности же полагаться на версию Ивана Тимофеева нельзя.

Столь скрупулезный, когда речь заходит о заказчиках архитектурных проектов, памятник, как Пискаревский летописец, четко отделяет храмы, возведенные по воле Годуновых и с позволения царя, от собственно царских построек. В нем инициатором строительства Донского собора однозначно назван царь Федор Иванович, а не кто-либо из Годуновых[399]. Патриарх Иов, весьма благосклонный к Борису Федоровичу и не пропускающий случая похвалить его, опять-таки ясно говорит *о решении, исходившем от государя Федора Ивановича.* К тому же вся богатая строительная деятельность Годуновых не знает примера, когда они основывали новый монастырь и давали средства для строительства «с нуля». Годуновы, бывало, оплачивали строительные затеи в уже существующих обителях (хотя гораздо чаще возводили храмы вне монастырских стен), но создавать новые не пытались. А вот Федор Иванович возобновил Зачатьевский монастырь, да и в целом проявлял необыкновенную щедрость в отношении русского иночества, много строил именно для него. Наконец, Москва знает как минимум еще одну «мемориальную» церковь, связанную с отражением Казы-Гирея в 1591 году. Это храм Происхождения честных древ Животворящего Креста Христова в Симоновом монастыре (1593), возведенный по обету царем Федором Ивановичем[400]. Создание ее никто не связывает с деятельностью Годуновых, между тем резонно было бы говорить об однотипности подобного «благодарственного» строительства. Если относительно скромный храм в Симоновой обители обязан своим появлением воле государевой, то почему более значительную постройку, возведенную по тому же поводу, следует связывать с волей Бориса Федоровича Годунова?

Итог: основание Донского монастыря государем Федором Ивановичем значительно более вероятно, чем создание этой обители Б. Ф. Годуновым. Однако влияние Бориса Федоровича на стенную роспись Донского собора нет смысла отрицать.

Ныне же всякий православный москвич видит в Донской обители духовную жемчужину первой величины, украшающую венец российской столицы, и одно из самых красивых мест города.

Глава 10. Кончина и посмертное прославление

Великий государь, царь и великий князь Московский и всея Руси Федор Иванович провел на престоле — от венчания на царство до кончины — тринадцать с половиной лет.

Если первая половина царствования была наполнена делами, так или иначе требовавшими вмешательства государя, его волеизъявления, то с 1592 года подобные обстоятельства складывались весьма редко. Отпечаток личности Федора Ивановича виден прежде всего на трех исторических деяниях, возвысивших Российское государство и русский народ. Первым среди них и по времени, и по значимости является учреждение патриаршества в Москве. Вторым — освобождение Яма, Ивангорода и Копорья от шведской оккупации. Третьим — основание Донского монастыря под Москвой после разгрома Казы-Гирея. Так или иначе, государь принял участие во многих других значительных предприятиях: без него не произошло бы восстановления Зачатьевского монастыря, не были бы построены многие храмы и, очевидно, не возобновилось бы книгопечатание в Москве. Но три великих события, названных первыми, столь масштабны по значению своему и столь нерасторжимо связаны с личностью Федора Ивановича, что их следует считать главными заслугами государя. Именно их надо вспоминать в первую очередь, когда речь заходит о его царствовании и о его влиянии на ход дел в Российской державе.

С 1592 года ничего столь же крупного не происходит.

Вернее, обстоятельства политической, культурной, религиозной жизни Московского

государства не требуют прямого и очевидного вмешательства Федора Ивановича. Он молится за свою страну, свою столицу и свой народ. Он ездит в паломничества по монастырям. Он по-прежнему является крупным благотворителем, щедро жертвующим на нужды Русской церкви и Православного Востока. Он выходит на дипломатические приемы, передоверяя действительные переговоры Посольскому приказу и «слуге» Борису Федоровичу. Он наполняется добрыми надеждами, когда царица Ирина производит на свет долгожданного ребенка — Феодосию. Он скорбит, когда царевна умирает, не пережив младенчества.

А его шурин в это время управляет государством.

В середине — второй половине 1590-х годов страна успешно решает важнейшие политические задачи: заключен Тявзинский мир со шведами, быстрыми темпами продолжается русское наступление в Сибири и на степном Юге, крепко держится русская оборона по Окскому рубежу…

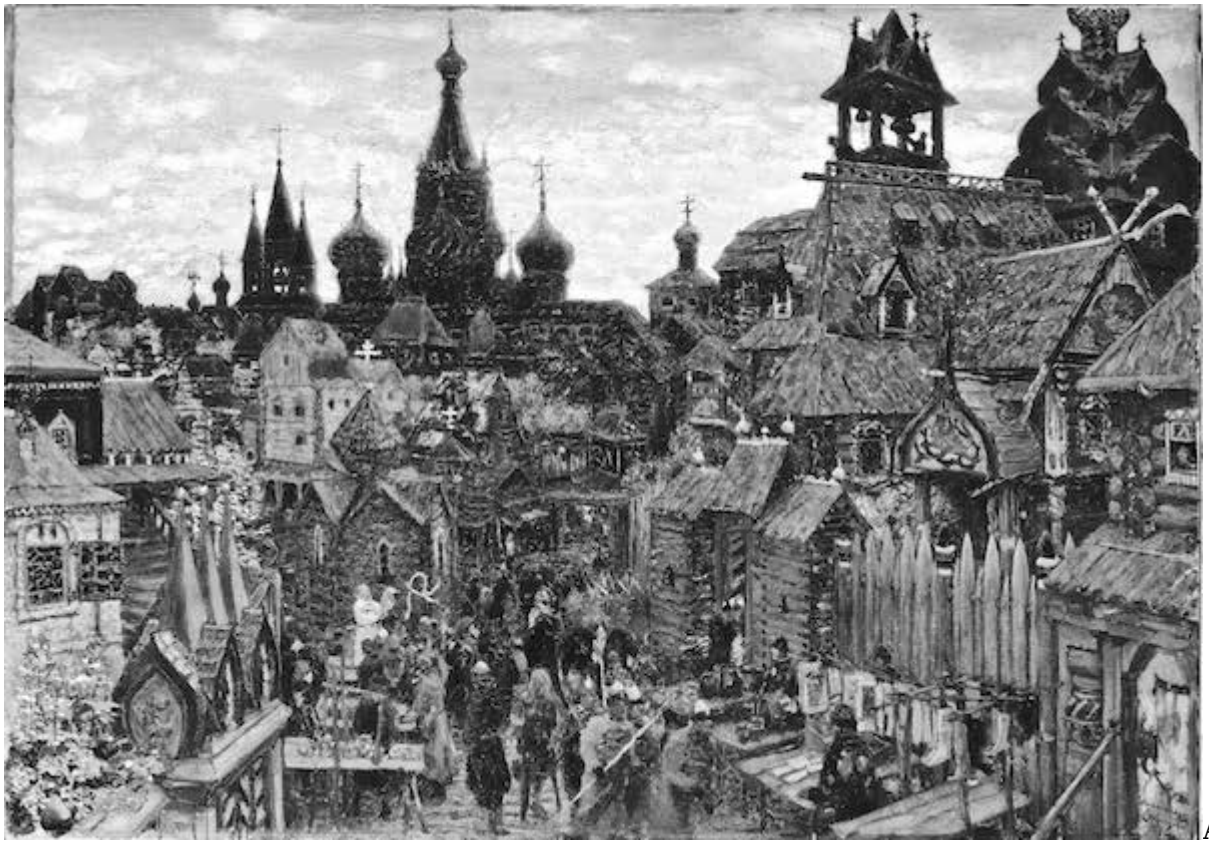
Не видно, чтобы Федор Иванович принимал активное участие в этой государственной работе.

Лишь раз его милосердная рука вновь простирается над Москвой — так, что весь столичный люд говорит об этом. В 1594 году начался пожар «…на Москве в Китай-городе, и выгоре град Китай весь: не токмо дворы, но и в храмах в каменных и в погребах все погорело». Пламя, распространявшееся от деревянных китайгородских лавок во все стороны, погубило «церкви и манастыри без остатка везде». Вскоре на город обрушилось новое бедствие: «Бысть на Москве буря велия, многия храмы и у деревянного града с башен верхи послома, и в Кремле-граде у Бориса Годунова с ворот верх сломило; многие дворы розлома, людей же и скот носящи». Федор Иванович в ту пору посещал Пафнутьев-Боровский монастырь «…и приехал в великой кручине, и жалует народ: утешает и льготу дает». Китайгородские лавки отстраивались в камне — на средства, пожертвованные царем погорельцам из государственной казны[401].

В остальном же Федор Иванович словно удаляется на второй план собственного царствования. Последние годы жизни, как видно, тяжело ему дались: из родных и близких людей поддержать царя может лишь супруга Ирина. Прочие к тому времени покоятся в гробах…

Ночью с 6 на 7 января 1598 года после тяжкой болезни ушел из жизни и он.

Кончина Федора Ивановича не меньше, чем смерть Ивана Грозного, окружена слухами, за давностью лет превратившимися в легенды. Твердо известно следующее: до наступления последнего срока монарх успел исповедаться, причаститься и собороваться; 8 января царя похоронили. Его супруга Ирина вскоре стала инокиней Александрой Новодевичьего монастыря. После тяжелой политической борьбы и при поддержке патриарха Иова Борис Годунов занял русский престол. Ирина Федоровна скончалась осенью 1603 года. Видна в этом какая-то высшая милость: похоронив мужа и дочь, она хотя бы не видела смерти брата и не знала, что сыну его предстоит погибнуть страшной смертью при Лжедмитрии I. Ныне тело государя Федора Ивановича лежит в Архангельском соборе Московского кремля, рядом с погребениями царя Ивана IV и царевича Ивана Ивановича. Тело государыни Ирины Федоровны покоится в подвальной палате Архангельского собора, куда он было перенесено из разрушенного Вознесенского собора (1930).

А. М. Васнецов. Улица в Китай-городе. 1900

Летописные источники и сочинения иностранцев по-разному передают волю умирающего царя о преемнике. Есть свидетельства в пользу того, что он «передал скипетр» супруге Ирине, Федору Никитичу Романову-Юрьеву, совету бояр (из которых лишь Борис Годунов осмелился взять скипетр) и… никому, велев положиться на то, как Бог рассудит. Последний вариант — самый правдоподобный. Во-первых, он в наибольшей степени соответствует складу личности Федора Ивановича. Государь безгранично уповал на милость Господню. Во-вторых, царь болел долго, а умирал быстро, он даже не успел постричься в монахи — как делали обыкновенно прежние московские государи; очевидно, в последние часы перед кончиной ему стало трудно размышлять и высказывать твердые волеизъявления. Незадолго до ухода царь видел одного или двух «мужей светлых в святительской одежде». С хронологической дистанции в четыре столетия невозможно определить, что с ним происходило: чудо или утрата ясного сознания, приключившаяся от болезни[402]. Скорое погребение косвенно свидетельствует о том, что выглядел усопший царь нехорошо и страдания оставили на нем уродующий отпечаток.

Многие подозревали тогда насильственную кончину. Поговаривали о том, что Борис Годунов, желая полновластия, поторопил смерть Федора Ивановича[403]. В одной псковской летописи говорится прямо: «Дьявол завистника востави, шурина своея ему царицы супруги, и смерть от него прият»[404]. Исаак Масса утверждает то же самое: «Я твердо убежден в том, что Борис ускорил его смерть при содействии и по просьбе жены, желавшей скорее стать царицею, и многие московиты разделяли мое мнение; царя похоронили весьма торжественно, и весь народ вопил и плакал»[405]. Супругой Бориса Годунова являлась дочь Малюты Скуратова, лютейшего опричника, да и сам Борис Федорович, погубивший немало врагов, небезосновательно подозреваемый народом в связи с темным «угличским делом», мог вызвать самые жуткие сплетни о душегубстве. Но… эту тайну время не открыло. Историки не обладают четкими доказательствами виновности или невиновности Бориса Федоровича.

По здравому размышлению, скорее, он не взялся бы за такое дело. Ныне общеизвестно: Федору

Ивановичу наследовал Борис Годунов; но тогда, в первые месяцы 1598-го, подобный ход событий выглядел далеко не очевидным. Борис Федорович взял трон не сразу, в очень сложной обстановке; между тем при жизни Федора Ивановича он властвовал над Россией спокойно и незыблемо. Стоило ли влезать в столь рискованную авантюру? Стоило ли брать на душу столь тяжелый грех? Да и стал бы с таким жаром поддерживать Годунова при восшествии на престол патриарх Иов, любивший Федора Ивановича, если бы мог хоть на миг заподозрить в нем цареубийцу? Напрашивается вывод: злодейство Бориса Федоровича в данном случае сомнительно.

Погребли его рядом с отцом и старшим братом в Архангельском соборе Московского Кремля.

Через несколько лет после кончины царя-инока (до начала Смуты) патриарх Иов напишет житийную повесть о святом блаженном государе Московском и всея Руси. Именно так отнесутся к нему некоторые публицисты и летописцы XVII столетия. Почитание Феодора Иоанновича быстро установится в столице России, он попадет в святцы, позднее, уже в XX веке, войдет в Собор Московских святых как чудотворец. Но уже относящаяся к XVII столетию «Книга, глаголемая описание о российских святых» содержит имя царя среди московских чудотворцев.

Имена царя-ктитора и его благоверной супруги стали особенно дороги для насельниц Зачатьевского монастыря. В современной истории обители, начиная с ее возрождения в начале девяностых годов XX века, память царя Феодора Иоанновича почитается с благоговением и благодарностью. Имена государя, царицы Ирины (в иночестве Александры) и их умершей в младенчестве дочери царевны Феодосии вписаны в монастырский синодик. В дни памяти святого великомученика Феодора Стратилата и великомученицы Ирины на Божественной Литургии совершается сугубое молитвенное поминовение царственных супругов. В обители имеется старинная, сохранившаяся в числе святынь дореволюционного Зачатьевского монастыря икона святого покровителя царя Феодора Стратилата с частицей мощей.

21 ноября 2017 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла настоятельница Зачатьевского женского монастыря игумения Иулиания с сестрами молились на праздничной Литургиии в Архангельском соборе Московского Кремля у останков благоверного царя Феодора Иоанновича. Богослужение возглавил Высокопреосвященный митрополит Истринский Арсений. У гробницы благочестивого царя было совершено его молитвенное поминовение, и сестры обители в своих сердцах возносили благодарную молитву Богу и боголюбивому царю-ктитору монастыря, испрашивая Божией милости и благодатного покрова над обителью.

Святой Феодор Стратилат, поражающий мечом змея. Русская икона XIX в.

Память святого Феодора совершается в день его преставления 7 (20) января и в Неделю перед 26 августа (8 сентября) в Соборе Московских святых (празднование учреждено в 1997 году). Кроме того, этот монарх входит в Собор всех святых русских государей, память которого отмечается 15 (28) июля. Празднование Собора всех святых русских государей установлено в 2013 году по благословению игумена Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне схиархимандрита Иеремии (Алехина) — в связи с освящением храма в честь всех прославленных Церковью князей и царей Руси.

Тезоименитство блаженного государя приходится на 8 (21) июня.

Иконы его, как местночтимого святого, создавались в XVII веке, пишут их и сейчас, после возрождения Русской церкви. Существует и его акафист.

4 ноября 2009 года на Воскресенской набережной в Йошкар-Оле был воздвигнут полноростовой монумент — памятник царю Феодору Иоанновичу работы скульптора Андрея Ковальчука. А 5 августа 2016 года еще один монумент, посвященный Федору Иоанновичу, — царь, величественно сидящий на троне, — был открыт в Белгороде, основанном в его правление. Скульптор — Александр Лохтачев.

Но лучшим светским памятником деятельности блаженного государя по сию пору является

блистательная историческая драма Алексея Константиновича Толстого «Царь Феодор Иоаннович». В ней монарх выведен как нравственно чистый человек, чье духовное целомудрие возвышает его в глазах современников, даже политических противников, до уровня святости.

* * *

Государь Федор Иванович вступил на престол, сам того не желая и не имея опыта государственной деятельности. Он принял страну разоренной, обезлюдевшей, потерпевшей тяжелое поражение. Правил тихо, молил Бога о милости, не писал «широковещательных» и «многошумящих» посланий. На войну выезжал из столицы всего один раз, а в длительных богомольях бывал часто. Берег жену, страдал от бездетности. Строил храмы, ласкал монастыри, любил Церковь и верил в Ее благодатность. Когда надо, говорил то, что надо, предоставляя другим людям возможность довести дело до конца. Царствовал, почти не правя, лишь изредка, в особенно важных случаях, брал вожжи в свои руки. История текла как будто мимо него. Умные деятели ткали ее полотно, царь же чаще всего стоял поодаль и время от времени бросал взгляды на их работу да иногда чуть-чуть подправлял.

Умер.

Оставил страну далеко раздвинувшей пределы, окрепшей, отразившей неприятельские удары, получившей собственную патриаршую кафедру. При нем, в 1586 году, русский артиллерийский арсенал получил от отечественных литейщиков сорокатонную «царь-пушку»[406], и портрет смиреннейшего монарха на ее могучих бронзовых мышцах сообщал грядущим поколениям: при Федоре Ивановиче Россия могла делать такие пушки… когда-то опять сможет?

Те же умные люди, которые при нем, казалось, ткали узор времени по собственному разумению, без государевой «святой простоты» через семь лет ахнули вместе с державой в немыслимую катастрофу.

Тихий, блаженный, святой царь. Поминали его русские с улыбками на лицах и печалью в душе: жаль, мало царствовал.

Уместно закончить повествование о нем словами Ивана Тимофеева: «У него не было „брани против плоти и крови“, — по Писанию, но неприятелей своих он одолевал молитвою. И настолько помогала ему сила молитвы, что ею он привлекал на себя милость Божию; и нечто даже более чудесное приобрел он в дарах добродетелей, именно — часть дара пророческого, если и не очень явно, но достаточно осведомленные знают; некогда, при его жизни, страшно было осмеливающимся приступать к нему, не очистив совесть, хотя он по-Божьи не обличал согрешающих. Если кто, зная это, теперь с верою призовет его в молитвах, — не согрешит, и я первый из всех не поленюсь. Ибо во дни его десница Творца мира лучше всякой человеческой надежды самостоятельно управляла и сохраняла его царство».

Москва, 2009–2010

Приложение

Известия из Пискаревского летописца о создании Царь-пушки и появлении в Твери алхимика

1. «Лета 7095-го (1586/1587) положил опалу царь и великий государь Федор Иванович на князя Ивана Петровича Шуйского и сослал его на белоозеро, и велел постричи; и тамо скончася нужною смертию, и положен в Кирилове манастыре 97-го (1588/1589). Того же году

повелением государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси слита пушка большая, такова в Руси и в ыных землях не бывала, а имя ей „Царь“»[407].

2. «Лета 7104-го (1595/1596) явился некий человек во граде Твери: перепускаше руду золотую и серебряную. И известиша царю и великому князю Феодору Ивановичу всея Руси. И послаша по него, и приведоша его на Москву. И сташа плавити. Едино сотвори добро и что злато. И некоим смотрением Божиим не дашеся ему такая мудрость. И царь государь положи на него опалу, чая в нем воровства некоего, и велеша его пытати без милости и ученика его. И рече бояром: „Некое де смотрение Божие: много де пытаюся по-прежнему да не умею. Та же зелия кладу и водки да не имеет разделение!“ И в той муке преставися оба, опишась ртути»[408].

Фрагмент из завещания Ивана IV (1572), содержащий советы сыновьям Ивану и Федору по семейным делам

«А ты, Иван сын, береги сына Федора, а своего брата, как себя, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, чтобы ему на тебя не в досаду, что ему не дашь удела и казны. А ты, Федор сын, Ивана сына, своего брата старейшаго, докудова строитель, уделу и казны не прося, а в своем бы еси обиходе жил, смечаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебя б льзе прокормити было, и оба вы есте жили заодин и во всем устроивали, как бы прибыточнее. А ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата молодшаго, держал, и берег, и любил, и жаловал его, и добра ему хотел во всем так, как себе хочешь, и на его лихо ни с кем не ссылался, а везде бы еси был с Федором сыном, а своим братом молотшим, и в худе и в добре, один человек, занеже единородныя есть у матери своей.

И вы бы сами о себе прибежище положили, яко же рече Христос во святом Евангелии: „иде же собрани аще два или три во имя Мое, ту есмь Аз посреде их“. И аще Христос будет посреде вас для вашея любви, и никто может вас поколебати, вы будете друг другу стена, и забрало, и крепость. К кому ему прибегнуть и на кого уповать! Ты у него отец, и мать, и брат, и государь, и промысленник. И ты б его берег, и любил, и жаловал, как себя. А хотя буде в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял, а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. А Бог благоволит вам, тебе быть на государстве, а брату твоему Федору на уделе, и ты б удела его под ним не подъискивал, а на него лиха ни с кем ни ссылался.

А где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, и ты б его берег и накрепко бы еси смотрел правды, а напрасно бы еси не задирался, а людским бы вракам не потакал, занеже, аще кто и множество земли приобрящет и богатства, а трилакотна гроба не может избежати, и тогды то все останется, по Господней притчи, — ему же угобзися нива, иже хотяше разорити житницы и болшая создати, к нему же рече Господь: „безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготова, кому будет?“

А ты б любовь нелицемерную держал к брату своему, а к моему сыну Федору, яко же рече Божественный апостол Павел: „любы не завидит, любы не гордится, любы не злообразуется, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истинне, все уповает, вся терпит, любы николи же отпадает“; яко же рече той же апостол: „аще кто о ближних своих не промышляет, веры отверглся, и есть невернаго горши“.

А ты, сыне мои Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, как мене, и покорен буди ему во всем, и добра хоти ему, как мне, родителю своему, во всем, и во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был так, как мне, отцу своему, и во всем бы еси жил так, как из моего слова. А будет благоволит Бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал, и на ево лихо не ссылался ни с кем, а везде бы еси с

Иваном сыном был в лихе и в добре один человек. А докуды, и по грехом, Иван сын государства не доступит, а ты удела своего, и ты бы с сыном Иваном вместе был заодин, и с его бы еси изменники и с лиходеи никоторыми делы не ссылался. А будут тебе учнут прельщать славаю, и богатством, и честию, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят, мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, и ты б отнюдь того не делал и из Ывановой сыновниной воли не выходил; как Иван сын тебе велит, так бы еси был, а ни на что бы еси не прельщался. А где тебя Иван сын пошлет на свою службу или людей твоих велит тебе на свою службу послати, и ты б на его службу ходил и людей своих посылал, как коли сын мой Иван велит.

А где по рубежам Иванова сыновня земля сошлась с твоею землею, и ты б берег того наикрепко, смотрел бы еси правды, а напрасно бы еси не задирался, и людским бы еси вракам не потакал, занеже аще кто множество богатства или земли приобрящеть, а трилакатнаго гроба не может избежати, и тогда то все останется, токмо едина дела, что сотворихом, благо ли, или зло.

И ты б сына моего Ивана, а своего брата старейшаго, держал в мое место, отца своего, честно и грозно, и надежду бы еси держать во всем на Бога да на него, и ни в чем бы еси ему не завидел, занеже единородные есте у своей матери.

И вы б сами себе прибежище положили, яко же рече Христос во святом Евангелии: „иде же собрани два или три во имя Мое, то есмь и Аз посреде их“. И аще Христос будет посреди вас для вашия любьви, ино кто может вас поколебать! Он тебе стена, и забрало, и рать, и крепость. К кому тебе прибегнуть и на кого уповать! Он тебе отец, и мать, и брат старейший, и государь, и промысленик.

И ты б, Федор сын, сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, во всем покорен был, и добра ему хотел и во всем так, как мне и себе, и во всем воли его буди, до крови и до смерти, ни в чем ему не прикослови. А хотя будет на тебя Иванов сыновен гнев или обида в чем ни будь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, непрекословен был, и рати никакой ни вчинял, и собою ничем не боронился, а ему еси бил челом, чтоб тебя пожаловал, гнев свой сложить изволил, и жаловал тебя во всем по моему приказу. А в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему любо, и послушает челобитья, ино добро, а не послушает, и ты б собою не оборонялся ж, а всем бы еси печаль на радость преложа, положил на Бога, занеже всяким неправдам местник есть Бог.

А ты б, Иван сын, с братом своим молодшим, а с моим сыном Федором, жил в любви и в согласии заодин во всем, по моему приказу.

И вы б, дети мои, Иван и Федор, жили в любви и в согласии заодин, и сей мой наказ памятовали крепко. Аще бо благо учнете творити, вся вам благая будет. Аще ли злая сотворите, вся вам злая сключатся, яко же речено бысть во Евангелии: „аще кто преслушает отца, смертию да умрет“. Всего же болши гоните, и утвержайтеся, и разумейте от православныя веры догматех, да зде благоугодно поживши, и тамо будущих благ наследницы будете, яже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыде, яже уготова Бог любящим его. Бога любите от всего сердца, и заповедь Его от всего сердца творите, елико ваша сила. Яко же речено бысть во Евангелии: „Уподобися Царствие Небесное десяти девам, яже прияша светилники своя, изыдоша в сретение жениху, пять же бе от них мудрых и пять юродивых, яже приимши светилники своя, не взяша с собою елея, [мудрыя же] прияша елей в сосудех, со светилники своими; коснящу же жениху, воздремаша вси, и спаша, в полунощи же вопль бысть: се жених грядет, исходите во сретение ему. Тогда воставше вся девы тыя, украсиша светильники своя, юродивыя же мудрым реша: ‘дадите нам от масла вашего, яко

светилницы наши угасают’. Отвещаша же мудрыя: ‘егда нам и вам не достанет, идите же паче к продающим и купите себе’. Идущим же им купити, прииде жених, и готовыя внидоша с ним на браки и затворени быша двери. Последи же приидоша и протчия девы, глаголюще: ‘господи, господи, отверзи нам’. Он же отвещав, рече им: ‘аминь, глаголю вам, [не вем вас, бдите убо], яко не весте дне и часа, в он же Сын Человеческий приидет’“. И паки глаголет: „Человек некий отходя, призва своя рабы и предаст им имение свое, овому даст пять талант, овому жь два, овому жь един, комуждо противу силы его. Имый пять талант дела в них, и сотвори другия пять талант. Такожде же иже два име, приобрете им другая два. Приемый же един, вкопа его в землю и скры сребро господина своего. По мнозе же времяни прииде господь раб тех, стезався с ними словесы. И приступл пять талант приемы, принесе другую пять талант, глаголя: ‘господи, пять талант ми еси предал, и се другая пять приобретох ими’. Рече же ему господь его: ‘добрый рабе, благий и верный, в мале бысть верен, над многими тя поставлю, вниди в радость господа своего’. Приступл же два таланта приемый, рече: ‘господи, два таланта ми еси предал, се другая два таланта приобретох ими’“. И сей тут же благодать прия. Закопавы же в землю прият наказание. Размыслите в сердце своем и веру имейте, яко иже глаголет, бывает, яко речет: „Глаголю вам, вся, елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете, и будет вам. И егда стоите молящеся, отпущаете, и Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Небо и земля преидет, словеса же Моя не преидут. О дни том и о часе никто же весть, ни ангели, иже суть на небесех, ни Сын, токмо Отец. Блюдите, бдите, молитеся, не весте бо, когда Господь дому приидет, в вечер, или в полунощь, или в петлоглашение, или утро, да пришед внезапу, обрящет вы спяща. Весте, яко царие язык господствует и велицы обладают, не тако же будет в вас, понеже аще хощет вящий быти, да будет всем слуга; иже аще хощет в вас быти старейший, да будет всем раб, яко же Сын Человеческий не прииде, да послужат ему, но да послужити и дати душу свою избавление за многих. Я же вам глаголю: иже бо аще кто постыдится моих словес, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Своей и Отчей Иисус Христос. И кто бо есть строитель верный и мудрый, его же поставить Господь над челядию своею, даяти во време житомерие! Блажен раб той, его же пришед господь его, обрящет тако творяща, воистину глаголю вам: над всем имением [своим] поставит его. Аще же речет раб той и во сердци своем, коснить господин мой медлит прийти, и начнет бити рабы и рабыня, ясти же и пити и упиватися, приидет господин раба того в день, в онь же не чает, и в час, в он же не весть, опровергнет его и часть его с неверными положит. Той же раб, ведый волю господина своего, и не сотворив, биен будет много, не ведавый же сотворив, достойная мзду приимет: всякому ему же дано будет много, много взыщится от него, и ему же предаша множайша, просят от него“.

И паки рече Иисус: „человек некий сотвори вечерю велию, и зва многи, и посла раб своих в год вечери рещи званным: ‘грядите, яко же уже готово суть вся’. И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече: ‘село купил и имам нужду изыти и видети, молю ти ся, имей мя отреченна’. И другий рече: ‘супруг волов купих пять, и иду искусити их, молю ти сь, имей мя отреченна’. И другий рече: ‘жену поях, и сего ради не могу прийти’. И шед раб той, поведа господину вся сия. Тогда разгневася дому владыка, рече рабу своему: ‘изыди скоро на распутия и стогны града, и нищия, и бедныя, и слепыя, и хромыя введи семо’. И рече раб: ‘се есть, яко же повеле, и еще есть место’. И рече господин к рабу: ‘изыди на роспутия и халуги, убеди внити, да наполнится дом мой’. Глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусил Моея вечери, мнози бо суть звани, мало же избранных“. И паки: „Человека два внидоста в церковь помолитися, един фарисей, а другий мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: ‘Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь, яко же прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или яко же сей мытарь; пощуся два краты в суботу, десятину даю всего, елика притяжу’. Мытарь же издалече стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше в персии своя, глаголюще: ‘Боже, милостив буди мне, грешнику’. Глаголю вам, яко сей изыде оправдан паче онаго, яко всяк возносяйся смириться, смиривыйся вознесется. Яко же воздадите убо, яже кесарева кесареви,

и яже Божия Богови. Не посла бо Бог сына своего в мир, да судит мирови, но да спасется им мир; веруя в Он не будет осужден, а не веруя уже осужден есть, яко не верова во имя единороднаго Сына Божия. Се есть суд, яко свет прииде в мир, и возлюбиша человецы тму паче, неже свет, беша бо дела их зла. Всяк бо делая зло, ненавидит света и не приходит ко свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть, творяй же истину, грядет ко свету, да явятся дела его, яко о бозе делани суть. Аще кто Мне служит, и Мне да последствует, иде же есмь аз, ту и слуга мой будет, и аще кто мне служит, почтет его Отец Мой. И аще любите Мя, заповеди Моя соблюдете, и Аз умолю Отца, инаго утешителя вам даст, да будет с вами в веки дух истинный. Аще кто любит Мя, и слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, к нему приидеве и обитель у него сотвориве“. Сице убо заповеда Господь нашь Иисус Христос совершати заповеди Своя, совершавшим же и волю его сотворившим сице любовне о них молить и благодать подаеть. „Отче, прииде час, прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя, яко же дал еси Ему власть всякой плоти, да всяко, яже дал еси Ему, даст им живот вечный. Се же есть живот вечный, да знают Тебе, единаго Бога, и Его же посла Иисус Христа; Аз прославих Тя на земли, и дела соверших, еже дал еси Мне, сотворю; и ныне прослави Мя, Отче, у Тебе Самаго славу, яже имех у Тебе, прежде мир не бысть; и явих имя Твое человеком, их же дал еси Мне от мира, Твои беша, и Мне их дал еси, и слово Твое сохраниша; ныне разумеша, яко вся, елика дал Мне, от Тебе суть; яко глаголы, их же дал еси Мне, дах им, и тии прияша и разумеша, яко от Тебе изыдох, и вероваша, яко Ты Мя посла, Аз о сих молю, ни о всем мире молю, но о тех, иже дал еси Мне, яко Твоя суть; и Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя, и прославихся в них; Аз дах им слово Твое, и мир возненавиде их, яко не суть от мира, яко же и Аз от мира несмь; не молю, да возмеши их от мира, но да соблюдеши их от неприязни; от мира не суть, яко же и Аз несмь от мира; спаси их во истинну Твою, слово Твое истинно есть; яко же Мене посла в мир, и Аз послах их в мир, и за них Аз свящу Себе, да и ти будут священники во истину; не о сих молю токмо, но и о верующих слове их ради в Мя, да вси едино суть, яко и Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и ти в Нас едино будет, да и мир веру имет, яко Ты Мя посла; и Аз славу, ю же дал еси Мне, дах им, да будут едино яко же и Мы едино естьмы; Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершенни во едино, и да разумеет мир, яко Ты Мя посла и возлюбил еси их, яко же Мене возлюбил еси. Отче, их же дал еси, хощу, дондеже естмь Аз, и тии будуть со мною, [да видят славу Мою], ю же дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира. Отче праведный, мир Тебе не позна, Аз же Тя познах, и тии познаша, яко Ты Мя посла; и сказах им имя Твое, и скажу, да любы, ею же Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них“. Видите, каково сие Божие дарование, что убо сего любезнейшии, еже в Бозе быти, и яко Богу быти, и с Богом пребывати, и Божии любви в целовецех вселятися, и безконечных благ наслаждатися и наследствовати! Что убо сего злешии, еже от Бога отлучитися, и вечных благ наслаждения лишитися, и безконечных мук восприяти! И вы бы, дети моя, Иван и Федор, Божиих заповедей и евангельских усердно послушали, и моего наказания и повеления так же бы есте со усердием послушали, и усердно от всея силы и крепости, елико возможно, прелестей мира сего злых отбегали, и безконечных заповедей же Господних, и благих и вечных благ наслаждения наследствовати возжелети от всея души, и крепости, и разума, и берегучись от всякаго поползновения, и преткновения, и ветреннаго соблазна вражия.

И были есте, дети мои, Иван и Федор, в любви по сему моему наказу, заодин, неразделно, раздельны бы есте были вотчинами и казнами, а сердцем бы есте и любовию были неразделны, а никто никому ни в чем не завидел; а будет кто чем скуден, ино по любви друг друга слушал, а силою б никто ни у кого не имал, а во всяком бы еси деле были, в лихе и в добре, везде заодин, а друг бы за друга не отрекся во всяком деле не токмо что труждатися или страдати, но и кровь пролити и умерети.

И были бы есте, Иван и Федор, по моему наказу оба заедин, и во всем бы себя берегли, и жили по Бозе во всяких делах. И хотя, по грехом, што и на ярость приидет в междоусобных бранях, и

вы бы творили по апостолу Господню: правду и равнение давайте рабом своим, послабляюще прощения, ведяще, яко и вам Господь есть на небесех. Так бы и вы делали во всяких опалах и казнех, как где возможно, по разсуждению, на милость претворяли и оставливали часть душам своим, яко долготерпения ради от Господа милость приимите, яко же инде речено есть: „подобает убо царю три сия вещи имети, яко Богу не гневатися, и яко смертну не возноситися, и долготерпеливу быти к согрешающим“. Сице аще о Бозе благо поживете, и приложатся вам лета живота. Нас же, родителей своих и прародителей, не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будет, но аще и в гонении и во изгнании будете, во Божественных литургиях, и в панихидах, и в литиях, и в милостынях к нищим и препитаниях, елико возможно, не забывайте, понеже наших прародителей душ воспоминанием велику ползу нам и себе приобрящете зде и в будущем веце, и благостоянием святым Божиим церквам, и на враги победа, и одоление, и государству строение, и своему животу покой и вечных благ наслаждение молитвою их происходит, понеже от отец благодать Божия и благословение к вам пришедшее, наследником и чадом. И Бог мира в Троице славимый, буди с вами, молитвами пресвятыя и преблагословенныя владычицы нашея Богородицы, заступницы христианския, и милость честнаго ея образа иконы владимерския, державы Руския заступление, во всяко время, на всяком месте, буди на вас, и всех святых всея вселенныя молитва и благословение, и руских чюдотворцов, Петра, Алексея, Ионы, Ивания, Никиты, и Леонтия, Сергия, и Варлаама, и Кирила, и Похнутия, и Никиты, и всех святых руских молитвами, и благословения всего нашего роду, от великаго князя Владимера, просветившаго Рускую землю святым крещением, нареченнаго во святом крещении Василия, и до отца нашего, великаго князя Василия Ивановича всея России, во иноцех Варлаама, и матери нашея, великия княгини Елены, и жены моей Настасии, а вашей матери, молитва и благословение буди на вас, ныне, и присно, и во веки веков. А что, по грехом, жон моих, Марьи да Марфы, не стало, и вы б жон моих, Марью да Марфу, а свои благодатныя матери, поминали во всем по тому, как аз уставил, и поминали бы есте их со всеми своими родители незабвенно. А будет Бог помилует, и государство свое доступите, и на нем утвердитеся, и аз благословляю вас. Ты, сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем. А ты, сын мой Иван, держи сына моего Федора, а своего брата молотшаго, без обиды, и буди ему во всем в мое место»[409].

Основные даты жизни царя Федора Ивановича

1557, 31 мая — рождение. Третий сын царя Ивана Васильевича от Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

1558–1583 — Ливонская война, шедшая с перерывами и закончившаяся тяжелым поражением России.

1560, 7 августа — кончина матери царевича Федора, Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

1564, октябрь — первая богомольная поездка царевича Федора за пределы Москвы. Вместе с отцом, братом Иваном и царицей Марией Темрюковной он побывал в Троице-Сергиевой обители.

1565, лето — осень — первое большое богомолье царевича Федора Ивановича. В ходе двух поездок по обителям он посетил Троице-Сергиев монастырь, Никитский (Переяславль-Залесский), Кирилло-Белозерский, а также обители Ростова, Ярославля, Вологды. В дальнейшем он совершал длительные богомольные поездки постоянно.

1573–1575 — временной промежуток, в котором, вероятнее всего, состоялась женитьба царевича Федора Ивановича на Ирине Федоровне Годуновой.

1581, ноябрь — кончина брата царевича Федора Ивановича — Ивана Ивановича.

1584, 18 марта — кончина Ивана IV, отца Федора Ивановича.

1584, апрель — восстание в Москве, вызванное борьбой за власть между различными придворными группировками.

1584, 31 мая — венчание Федора Ивановича на царство.

1584–1585 — возобновление монашеской жизни на месте, которое ранее занимал Алексеевский монастырь, создание московской Зачатьевской обители по воле Федора Ивановича и его жены Ирины Федоровны. Строительство и освящение каменных храмов.

1585 — попытка служилой аристократии развести царя с Ириной Годуновой и женить его на Анастасии Мстиславской. Требования знати отвергнуты Федором Ивановичем.

1586 — изготовление бомбарды «Царь» (ныне ее именуют Царь-пушкой) с портретом государя Федора Ивановича на коне.

1586, май — волнения московского посада, связанные с борьбой между группировками Годуновых и князей Шуйских.

1586, лето — начало переговоров об учреждении патриаршей кафедры в Москве. Идея об утверждении патриаршества в России принадлежала, вероятнее всего, митрополиту Московскому Дионисию. Федор Иванович активно поддержал ее и приложил все усилия к воплощению в жизнь.

1586, последние месяцы — падение Шуйских при дворе, лишение сана митрополита Дионисия.

1586 — основание крепости Тюмень в Сибири.

1587 — основание крепости Тобольск, надолго ставшей столицей русской Сибири.

1588 — прославление св. Василия Блаженного, строительство придельного храма над его мощами в Покровском соборе по воле государя Федора Ивановича.

1588, лето — прибытие в Москву Константинопольского патриарха Иеремии и возобновление переговоров о создании патриаршей кафедры в Москве. Царь Федор Иванович дает Иеремии аудиенцию, а затем принимает активное участие в обсуждении условий, на которых в России учреждается патриаршество.

1589, 23 января — избрание патриархом Константинопольским Иеремией претендентов на возведение в патриарший сан. Царь Федор Иванович из трех претендентов останавливает выбор на Иове, митрополите Московском.

1589, 26 января — поставление Иова в сан патриарха, первого из патриархов Московских и всея Руси. Царь Федор Иванович играет активную роль в церемонии поставления, в частности произносит речь, обращенную к Иову.

1589, 8 ноября — выход из печати Триоди постной, означавший восстановление московского книгопечатания после долгого перерыва и, вероятно, по личной инициативе царя Федора Ивановича.

1589, 14 декабря — начало большого похода русской армии на шведские владения в Ливонии.

Федор Иванович возглавляет войско.

1590, 18 января — выход русской армии из Новгорода Великого после сосредоточения сил.

1590, 27 января — взятие русской армией во главе с Федором Ивановичем города Яма после двухдневной бомбардировки. Царь впервые лично участвует в боевых действиях. После сдачи Яма армия начинает наступление на Ивангород и Нарву, передовой полк наносит тяжелое поражение шведскому корпусу под Ивангородом.

1590, 6 февраля — начало бомбардировки Ивангорода и Нарвы.

1590, 19 февраля — неудачный штурм вражеских укреплений. Русская армия несет тяжелые потери из-за ошибок, допущенных Б. Ф. Годуновым.

1590, 20 февраля — возобновление бомбардировки Нарвы. Начало переговоров со шведами.

1590, 25 февраля — заключение перемирия со шведами сроком на год. Передача под контроль русских войск Ивангорода и Копорья.

1590, начало апреля — возвращение царя Федора Ивановича с победой в Москву.

1590, лето (вероятнее всего, июнь) — позволение, полученное от Федора Ивановича соловецкими монахами, перенести мощи бывшего митрополита Московского к месту его прежнего игуменства: на территорию Соловецкой обители.

1591, 15 мая — смерть царевича Дмитрия Ивановича Углицкого, брата царя Федора Ивановича. Впоследствии «невинноубиенный» царевич был причислен Русской церковью к лику святых.

1591, июль — нашествие крымского хана Казы-Гирея, дошедшего до московских пригородов, но затем отбитого от столицы. Федор Иванович остается в Москве, день и ночь молится Богородице о заступничестве.

1592, конец мая или начало июня — наиболее вероятная дата рождения царевны Феодосии.

1592, осень — отправка по воле государя Федора Ивановича во Псков (и, возможно, в другие места) святой воды и меда с мощей московских чудотворцев для защиты северных русских городов от «мора».

1592, конец лета или осень — основание Донского монастыря под Москвой по воле государя Федора Ивановича. Начало строительства в нем соборной церкви.

1593, февраль — окончательное подтверждение Константинопольским собором православного духовенства учреждения патриаршей кафедры в Москве.

1594, 25 января — наиболее вероятная дата смерти царевны Феодосии, единственного ребенка царя Федора Ивановича и царицы Ирины. По некоторым сведениям, это могло произойти несколькими месяцами ранее: в сентябре 1593 года.

1594, август или сентябрь (предположительно) — большой московский пожар, начавшийся с деревянных лавок в Китай-городе. Федор Иванович «жаловал» погорельцев, давал им «льготу» и оплачивал строительство каменных лавок из своей казны.

1594 — возведение крепости Тара в Сибири, мощного опорного пункта, оплота русского присутствия.

1595, май — заключение Тявзинского мирного договора со Швецией.

1598, ночь с 6 на 7 января — кончина великого государя, царя и великого князя Московского и всея Руси Федора Ивановича. Виною смерти стала болезнь монарха, однако распространились слухи о насильственной кончине, приписывающие роль убийцы Б. Ф. Годунову. Достоверных свидетельств по этому поводу в источниках нет. Вопрос о том, был ли уход Федора Ивановича из жизни естественным, остается открытым.

Между 1598 и 1603 годами — начало почитания царя Феодора Иоанновича как местночтимого московского святого. Особую роль в посмертном прославлении государя сыграл первый патриарх Московский и всея Руси Иов. Впоследствии Феодор Иоаннович вошел в Собор Московских святых как чудотворец. Память святого Феодора совершается в день его преставления 7 (20) января и в Неделю перед 26 августа (8 сентября) в Соборе Московских святых.

Приложение. А. К. Толстой. Царь Федор Иоаннович

Трагедия в пяти действиях

Действующие лица

Царь Федор Иоаннович, сын Иоанна Грозного.

Царица Ирина Федоровна, жена его, сестра Годунова.

Борис Федорович Годунов, правитель царства.

Князь Иван Петрович Шуйский, верховный воевода.

Дионисий, митрополит всея Руси.

Варлаам, архиепископ Крутицкий.

Иов, архиепископ Ростовский.

Благовещенский протопоп.

Чудовский архимандрит.

Духовник царя Федора.

Князь Василий Иванович Шуйский, племянник князя Ивана Петровича.

Князь Андрей, Князь Дмитрий, Князь Иван — Шуйские, родственники Ивана Петровича.

Князь Мстиславский, Князь Хворостинин — ближние воеводы, сторонники Шуйских.

Князь Шаховской, Михайло Головин — сторонники Шуйских.

Андрей Петрович Луп-Клешнин, бывший дядька царя Федора, **Князь Туренин** — сторонники Годунова.

Княжна Мстиславская, племянница кн. Ивана Петровича и невеста Шаховского.

Василиса Волохова, сваха.

Богдан Курюков, Иван Красильников, Голубь, отец, Голубь, сын — московские гости, сторонники Шуйских.

Федюк Старков, дворецкий кн. Ивана Петровича.

Гусляр.

Царский Стремянный.

Слуга Бориса Годунова.

Гонец из села Тешлова.

Гонец из Углича.

Ратник.

Бояре, боярыни, сенные девушки, стольники, дьяки, попы, монахи, торговые люди, посадские, стрельцы, слуги, нищие и **народ**.

Действие — в Москве, в конце XVI столетия.

Действие первое

ДОМ КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

На левом конце сцены — стол, за которым сидят все **Шуйские**, кроме Ивана Петровича и Василия Ивановича. Рядом с Шуйскими **Чудовский архимандрит, Благовещенский протопоп** и некоторые **другие духовные лица. Несколько бояр** также сидят за столом; **другие** расхаживают, разговаривая, в глубине сцены. По правую руку стоят **купцы** и **люди разных сословий**. Там же виден другой стол с кубками и сулеями. За ним стоит, в ожидании, **Старков**, дворецкий князя Ивана Петровича.

Андрей Шуйский

(к духовным)

Да, да, отцы! На это дело крепко
Надеюсь я. Своей сестрой, царицей,
Сидит правитель Годунов. Он ею
Одной сильней всего боярства вместе;
Как вотчиной своею, помыкает
И Думою, и церковью Христовой,
И всей землей. Но только лишь удастся
Нам от сестры избавиться его —
Мы сладим с ним.

Чудовский архимандрит

Так князь Иван Петрович
Свое согласье дал?

Андрей Шуйский

Насилу дал!
Вишь, больно жаль ему царицы было:
Я в доме-де своем справляю свадьбу,
Племянницу за князя Шаховского,
Вишь, выдаю, — царицу же с царем
Я разлучу; у нас веселье будет,
У них же плач!

Благовещенский протопоп

Зело он мягкосерд.

Дмитрий Шуйский

Такой уж норов: в поле лютый зверь,
А снял доспех — и не узнаешь вовсе,
Другой стал человек.

Головин

А как же он
Согласье дал?

Андрей Шуйский

Спасибо князь Василью,
Он уломал его.

Головин

Не жду я проку
От этого. По мне: уж если делать —
Так все иль ничего.

Андрей Шуйский

А что б ты сделал?

Головин

Попроще б сделал, да теперь, вишь, нам
Не время толковать об этом. Шш!
Вот он идет!

Входят **Иван Петрович Шуйский** с **Василием Шуйским**, который держит бумагу.

Кн. Иван Петрович

Отцы! Князья! Бояре!
Бью вам челом — и вам, торговым людям!
Решился я. Нам доле Годунова
Терпеть нельзя. Мы, Шуйские, стоим

Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Как повелось от предков; он же ставит
Всю Русь вверх дном. Нет, не бывать тому!
Он — или мы! Читай, Василь Иваныч!

Василий Шуйский

(читает)

«Великому всея Русии князю,
Царю и самодержцу, государю
Феодору Иванычу — от всех
Святителей, князей, бояр, попов,
Всех воинских людей и всех торговых,
От всей земли: царь, смилуйся над нами!
Твоя царица, родом Годунова,
Неплодна есть, а братец твой, Димитрий
Иванович, недугом одержим
Падучиим. И если б, волей божьей,
Ты, государь, преставился, то мог бы
Твой род пресечься и земля в сиротство
Могла бы впасть. И ты, царь-государь,
Нас пожалей, не дай остаться пусту
Отцовскому престолу твоему:
Наследия и чадородья ради,
Ты новый брак прими, великий царь,
Возьми себе в царицы (имярек)…»

Кн. Иван Петрович

Мы имя впишем после; со владыкой
Решим, кого нам указать. Читай!

Василий Шуйский

(продолжает)

«Неплодную ж царицу отпусти,
Царь-государь, во иноческий чин,
Как то твой дед покойный учинил,
Великий князь Василий Иоанныч.
И в том тебе мы, целою землею,
От всей Руси, соборне бьем челом
И руки наши прилагаем».

Кн. Иван Петрович

(к боярам)

Все ли
Согласны подписаться?

Бояре

Все согласны!

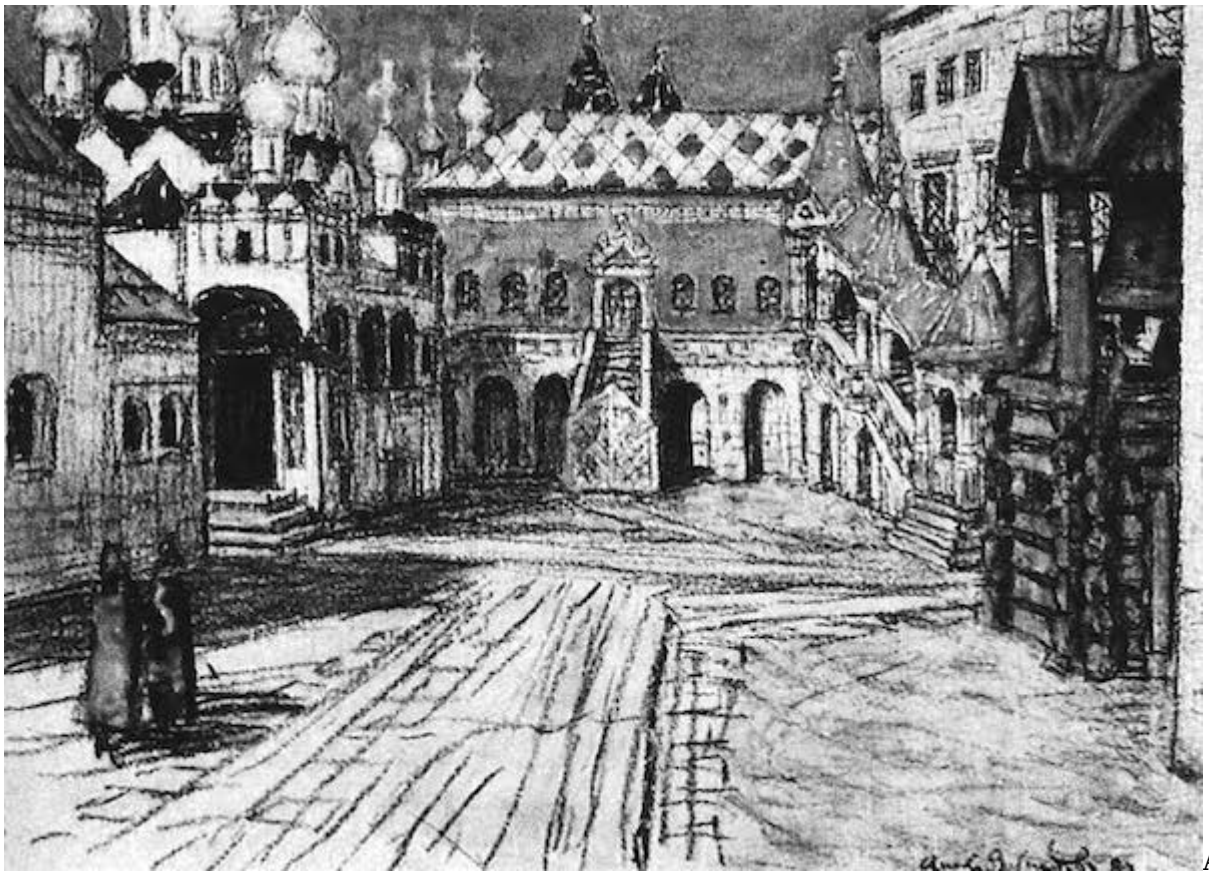
Кн. Иван Петрович

(к духовным)

А вы, отцы?

Благовещенский протопоп

Святой владыко нас
Благословил тебе дать руки.

А. М. Васн
ецов. Царская площадка и Красное крыльцо Грановитой палаты в Кремле. 1904

Чудовский архимандрит

Полно
Христову церковь Годунову доле
Насиловать!

Кн. Иван Петрович

(к купцам)

А вы?

Купцы

Князь-государь,
Уж нам ли за тобою не идти!
От Годунова нам накладной всех
С тех пор, как он дал льготы англичанам!

Кн. Иван Петрович

(берет перо)

Прости ж мне Бог, что я для блага всех
Грех на душу беру!

Василий Шуйский

И полно, дядя!
Какой тут грех? Не по вражде к Ирине
Ты на нее идешь, но чтоб упрочить
Престол Руси!

Кн. Иван Петрович

Я на нее иду,
Чтобы сломить Бориса Годунова, —
И сам себя морочить не хочу!
Мой путь не прям.

Василий Шуйский

Помилуй! Что Ирине
В мирском величье? Супротив блаженства
Небесного все прах и суета!

Кн. Иван Петрович

Я говорю тебе, мой путь не прям —
Но пятиться не стану. Лучше пусть
Безвинная царица пропадает,
Чем вся земля!

(Подписывается.)

Прикладывайте руки!

Все начинают подписываться. **Кн. Иван Петрович** отходит в сторону. К нему подходит **кн. Шаховской**.

Шаховской

Князь-государь, когда же мне позволишь
С невестою увидеться?

Кн. Иван Петрович

Тебе

Одна забота только о невесте?
Не терпится? Пожди, она сойдет
Тебя с другими потчевать.

Шаховской

Ты, князь,
Ведь при других мне только и даешь
С ней видеться.

Кн. Иван Петрович

А ты б хотел один?
Ты молод, князь, а я держуся крепко
Обычая. Им цело государство,
Им — и семья.

Шаховской

Обычая ль тогда
Держался ты, когда сидел во Пскове,
Тебя ж хотел Замойский извести,
А ты его, в лукавстве уличив,
Как честного, на поле звал с собою?

Кн. Иван Петрович

Не красная был девица Замойский,
Я ж не жених. Глаз на́ глаз со врагом
Быть не зазор.

Шаховской отходит. Подходит Головин.

Головин

(вполголоса)

Когда б ты захотел,
Князь-государь, короче б можно дело
И лучше кончить. Углицкие люди
Ко Дмитрию Ивановичу мыслят.

Кн. Иван Петрович

Ну, что же в том?

Головин

А на Москве толкуют,
Что Федор-царь и плотью слаб и духом;
Так если б ты…

Кн. Иван Петрович

Михайло Головин,
Остерегись, чтоб я не догадался,
Куда ты гнешь.

Головин

Князь-государь…

Кн. Иван Петрович

Я мимо
Ушей теперь намек твой пропускаю,
Но если ты его мне повторишь,
Как свят господь, я выдам головою
Тебя царю!

Входит **княжна Мстиславская** в большом наряде; за ней **две девушки** и **Волохова** с подносом, на котором чары. Все кланяются княжне в пояс.

Василий Шуйский

(тихо Головину)

Нашел кого поднять
На прирожденного на государя!
Да он себя на мелкие куски
Даст искрошить скорей. Брось дурь!

Головин

Кабы
Он только захотел…

Василий Шуйский

Кабы! Кабы
У бабушки бородушка была,
Так был бы дедушка.

Кн. Иван Петрович

Ну, гости дорогие,
Теперь из рук племянницы моей
Примайте чары!

Волохова передает поднос **княжне**, которая обносит гостей с поклонами.

Шаховской

(ко Мстиславской шепотом, принимая от нее чару)

Скоро ли поволишь
Мне свидеться с тобою?

Княжна отворачивается.

Волохова

(шепотом Шаховскому)

Завтра ночью,
В садовую калитку!

Кн. Иван Петрович

(подымая кубок, который поднес ему Старков)

Наперед
Во здравье пьем царя и государя
Феодора Иваныча! Пусть много
Он лет царит над нами!

Все

Много лет
Царю и государю!

Кн. Иван Петрович

А затем
Пью ваше здравье!

Кн. Хворостинин

Князь Иван Петрович!
Ты нам щитом был долго от Литвы —
Будь нам теперь щитом от Годунова!

В. М. Васнецов. Боярышня. 1884

Благовещенский протопоп

Благослови тебя всевышний царь
Святую церковь нашу отстоять!

Чудовский архимандрит

И сокрушить Навуходоносора!

Купцы

Князь-государь! Ты нам — что твердый Кремль,
А мы с тобой в огонь и в воду!

Кн. Хворостинин

Князь,

Теперь дозволь про молодых нам выпить,
Про жениха с невестой!

Все

Много лет!

Кн. Иван Петрович

Благодарю вас, гости дорогие,
Благодарю! Она хотя мне только
Племянница, но та же дочь. Княжна!
И ты, Григорий! Кланяйтеся, дети!

Все

(пьют)

Во здравье удалому жениху
И дорогой невесте!

Кн. Иван Петрович

Всем спасибо!

(Ко Мстиславской.)

Теперь ступай, Наташа. Непривычна
Ты, дитятко, еще казаться в люди,
Вишь, раскраснелась, словно маков цвет.

(Целует ее в голову.)

Ступай себе!

Княжна, Волохова и девушки уходят.

Волохова

(уходя, к Шаховскому)

Смотри же, не забудь:
В садовую калитку! Да гостинчик
Мне принеси, смотри же!

Кн. Иван Петрович

Медлить нам
Теперь нельзя. Пусть тотчас ко владыке
Идет наш лист, а там по всей Москве!

Василий Шуйский

Не проболтаться, боже сохрани!

Все

Избави бог!

Кн. Иван Петрович

Простите ж, государи,
Простите все! Владыко даст нам знать,
Когда к царю сбираться с челобитьем!

Все расходятся.

Мой путь не прям. Сегодня понял я,
Что чистым тот не может оставаться,
Кто борется с лукавством. Правды с кривдой
Бой неравен; а с непривычки трудно
Кривить душой! Счастлив, кто в чистом поле
Перед врагом стоит лицом к лицу!
Вокруг него и гром, и дым, и сеча,
А на душе спокойно и легко!
Мне ж на́ душу легло тяжелым камнем,
Что́ ныне я не право совершил.
Но, видит бог, нам все пути иные
Заграждены. На Федора опоры
Нет никакой! Он — словно мягкий воск
В руках того, кто им владеть умеет.
Не он царит — под шурином его
Стеня, давно земля защиты просит,
От нас одних спасенья ждет она!
Да будет же — нет выбора иного —
Неправдою неправда сражена
И да падут на совесть Годунова
Мой вольный грех и вольная вина!

(Уходит.)

Старков

(глядя ему вслед)

Неправда за неправду! Ну, добро!
Так и меня уж не вини, боярин,
Что пред тобой неправду учиню я
Да на тебя всю правду донесу!

ПАЛАТА В ЦАРСКОМ ТЕРЕМЕ

Годунов в раздумье сидит у стола. Близ него стоят **Луп-Клешнин** и **князь Туренин**. У двери дожидается **Старков**.

Клешнин

(к Старкову)

И ты во всем свидетельствовать будешь?

Старков

Во всем, во всем, боярин! Хоть сейчас
Поставь меня лицом к царю!

Клешнин

Добро!
Ступай себе, голубчик, с нас довольно!

Старков уходит.

(К Годунову.)

Что? Каково? Сестру, мол, в монастырь,
А брата побоку! И со владыкой
Идут к царю!

Годунов

(в раздумье)

Семь лет прошло с тех пор,
Как царь Иван преставился. И ныне,
Когда удара я не отведу,
Земли едва окрепшее строенье,
Все, что для царства сделать я успел, —
Все рушится — и снова станем мы,
Где были в ночь, когда Иван Васильич
Преставился.

Клешнин

Подкопы с двух сторон
Они ведут. Там, в Угличе, с Нагими
Спознался их сторонник Головин,
А здесь царя с царицею разводят.
Не тут, так там; коль не мытьем удастся,
Так ка́таньем!

Туренин

(к Годунову)

Боярин, не давай
Им с челобитием идти к царю!
Его ты знаешь; супротив попов,
Пожалуй, он не устоит.

Клешнин

Пожалуй!

Рассчитывать нельзя. Покойный царь
Пономарем его недаром звал.
Эх, батюшка ты наш, Иван Васильич!
Когда б ты здравствовал, уж как бы ты
И Шуйских и Нагих поуспокоил!

Годунов

Из Углича к нам не было вестей?

Клешнин

Не получал. Пусть только Битяговский
Ту грамоту пришлет, что Головин
Писал к Нагим, уж мы скрутили б Шуйских!

Туренин

А если он сам от себя ворует?

Клешнин

Нам нет нужды! С той грамотой они
У нас в руках.

Туренин

Твоими бы устами
Пришлося мед пить. У меня ж со князем
Иван Петровичем старинный счет:
Когда во Пскове с голоду мы мерли,
А день и ночь нас осыпали ядра
Каленые, я, в жалости души
И не хотя сидельцев погубленья,
Дал им совет зачать переговоры
С Батуром-королем. Но князь Иван
На шею мне велел накинуть петлю
И только по упросу богомольцев
Помиловал. Я не забыл того
И вотчины свои теперь бы отдал,
Чтобы на нем веревку увидать!

Клешнин

Ему б к лицу! С купцом, со смердом ласков,
А с нами горд. Эх, грамоту б добыть!

Туренин

(к Годунову)

Твоя судьба висит на волоске —
Тебе решиться надо!

Годунов

(вставая)

Я решился.

Туренин

На что?

Годунов

На мир.

Туренин и Клешнин

(вместе)

Как? С Шуйскими на мир?

Годунов

Мы завтра же друзьями учинимся.

Туренин

Врагам своим ты хочешь уступить?
Ты согласишься поделиться с ними
Своею властью?

Клешнин

Батюшка, дозволь
Тебе сказать: ты не с ума ли спятил?
Ведь ты козла в свой пустишь огород!

Годунов

Когда, шумя, в морскую бурю волны
Грозят корабль со грузом поглотить,
Безумен тот, кто из своих сокровищ
Не бросит часть, чтоб целое спасти.
Часть прав моих в пучину я бросаю,
Но мой корабль от гибели спасаю!

Клешнин

А как сойдешься с ними ты? С повинной
К ним, что ль, пойдешь? Аль их к себе попросишь?
Кто мир устроит между вас?

Годунов

Сам царь.

Стольник отворяет дверь.

Туренин

А вот и царь!

Входит **царь Федор**. За ним **стремянный**.

Федор

Стремянный! Отчего
Конь подо мной вздыбился?

Стремянный

Государь,
Ты, вишь, в мошну за деньгами полез
Для нищего, конь подался вперед,
Ты ж дернул за поводья, конь с испугу
И стал дыбиться.

Федор

Самого меня
Он испугал. Стремянный, не давать
Ему овса! Пусть сено ест одно!

Клешнин

А я бы, царь, стремянного приструнил,
Чтоб милости твоей таких не смел
Он бешеных давать коней!

Стремянный

Помилуй,
Какой же бешеный он конь? Ему
Лет двадцать пять. На нем покойный царь
Еще езжал.

Федор

Я, впрочем, может быть,
Сам виноват. Я слишком сильно стиснул
Ему бока. Ты говоришь, с испугу
Вздыбился он?

Стремянный

С испугу, государь!

Федор

Ну, так и быть, уж я его прощу;

Но ездить я на нем не буду боле.
В табун его! И полный корм ему
Давать по смерть!

Из другой двери входит **царица Ирина**.

Аринушка, здорово!

Ирина

Здорово, свет! Никак, ты уморился?

Федор

Да, да, устал. От самого Андронья
Все ехал рысью. Здесь же, у крыльца,
Конь захотел меня сшибить, да я
Дал знать себя! Бока ему как стиснул,
Так он и стих. Аринушка, я чаю,
Обед готов?

Ирина

Готов, свет государь,
Покушай на здоровье!

Федор

Как же, как же!
Сейчас пойдем обедать. Я от этой
Езды совсем проголодался. Славно
Трезвонят у Андронья. Я хочу
Послать за тем пономарем, чтоб он
Мне показал, как он трезвонит… Ну,
Аринушка, какую у Андронья
Красавицу я видел! Знаешь кто?
Мстиславская! Она пришлася Шуйским
Племянницей. Видал ее ты, шурин?

Неизвестный гравер. Портрет царя Федора Иоанновича. Вторая половина XVIII в.

Годунов

Нет, государь; мы с Шуйскими давно уж
Не видимся.

Федор

Жаль, шурин, очень жаль!..
Высокая, и стройная такая,
И белая!

Ирина

Да у тебя уж, Федор,
Зазнобы нет ли к ней?

Федор

И брови, знаешь,
Какие у нее!

Ирина

Да ты и впрямь
Уж много говоришь о ней!

Федор

(лукаво)

А что ж,
Аринушка? Ведь я еще не стар,
Ведь я еще понравиться могу!

Ирина

Стыдись, она невеста!

Федор

Да, она
Посватана за Шаховского. Шурин,
Ты Шаховского знаешь, князь Григорья?

Годунов

Знавал когда-то, царь, но он ведь ныне
Сторонник Шуйских.

Федор

Шурин, даже грустно
Мне слышать это: тот сторонник Шуйских,
А этот твой! Когда ж я доживу,
Что вместе все одной Руси лишь будут
Сторонники?

Годунов

Я рад бы, государь,
За мной не стало б дело, если б знал я,
Как помириться?

Федор

Право, шурин? Право?
Зачем же ты мне прежде не сказал?
Я помирю вас! Завтра же тебя
Я с князь Иван Петровичем сведу!

Годунов

Царь, я готов, но, кажется…

Федор

Ни-ни!
Ты этого, Борис, не разумеешь!
Ты ведай там, как знаешь, государство,
Ты в том горазд, а здесь я больше смыслю,
Здесь надо ведать сердце человека!..
Я завтра ж помирю вас. А теперь
Пойдем к столу.

(Направляется к двери и останавливается.)

Аринушка, послушай:
А ведь Мстиславская-то на меня
Смотрела в церкви!

Ирина

Что ж мне делать, Федор,
Такая, видно, горькая уж доля
Мне выпала!

Федор

(обнимая ее)

Родимая моя!
Бесценная! Я пошутил с тобою!
Да есть ли в целом мире кто-нибудь,
Кого б ты краше не была? Пойдем же,
Пойдем к столу, а то обед простынет!

(Уходит.)

Ирина следует за ним. **Годунов, Клешнин и Туренин** идут за обоими.

Клешнин

(к Годунову, уходя)

Миришься ты? В товарищи возьмешь ты
Исконного, заклятого врага?

Туренин

Того, кем ты всех боле ненавидим?
А после что ж?

Годунов

А после — мы увидим!

Уходят.

Действие второе

ЦАРСКАЯ ПАЛАТА

Царь Федор сидит на креслах. По правую его руку **Ирина** вышивает золотом в пяльцах. По левую — сидят в креслах **Дионисий**, митрополит всея Руси; **Варлаам**, архиепископ Крутицкий; **Иов**, архиепископ Ростовский, и **Борис Годунов**. Кругом стоят **бояре**.

Федор

Владыко Дионисий! Отче Иов!
Ты, отче Варлаам! Я вас позвал,
Святители, чтоб вы мне помогли
Благое дело учинить, давнишних
Мне помогли бы помирить врагов!
Вам ведомо, как долго я крушился,
Что Шуйские, высокие мужи,
И Годунов Борис, мой добрый шурин,
Напрасною враждой разделены.
Но, видно, внял господь моим молитвам,
Дух кротости в Бориса он вложил.
И вот он сам мне обещал сегодня
Забыть свои от недругов досады
И первый Шуйским руку протянуть.
Не так ли, шурин?

Годунов

Твоему желанью
Повиноваться — долг мой, государь!

Федор

Спасибо, шурин! Ты Писанье помнишь
И свято исполняешь. Только вот
О Шуйском я хотел тебе сказать,
О князь Иван Петровиче: он нравом
Немного крут, и горд, и щекотлив;
Так лучше б вам помене говорить бы,
А чтобы ты к нему бы подошел,
И за руку бы взял его — вот этак, —
И только бы сказал, что все забыто
И что отныне ты со всеми ими
В согласии быть хочешь.

Годунов

Я готов.

Федор

Спасибо, шурин! Он ведь муж военный,
Он взрос в строю, среди мечей железных,

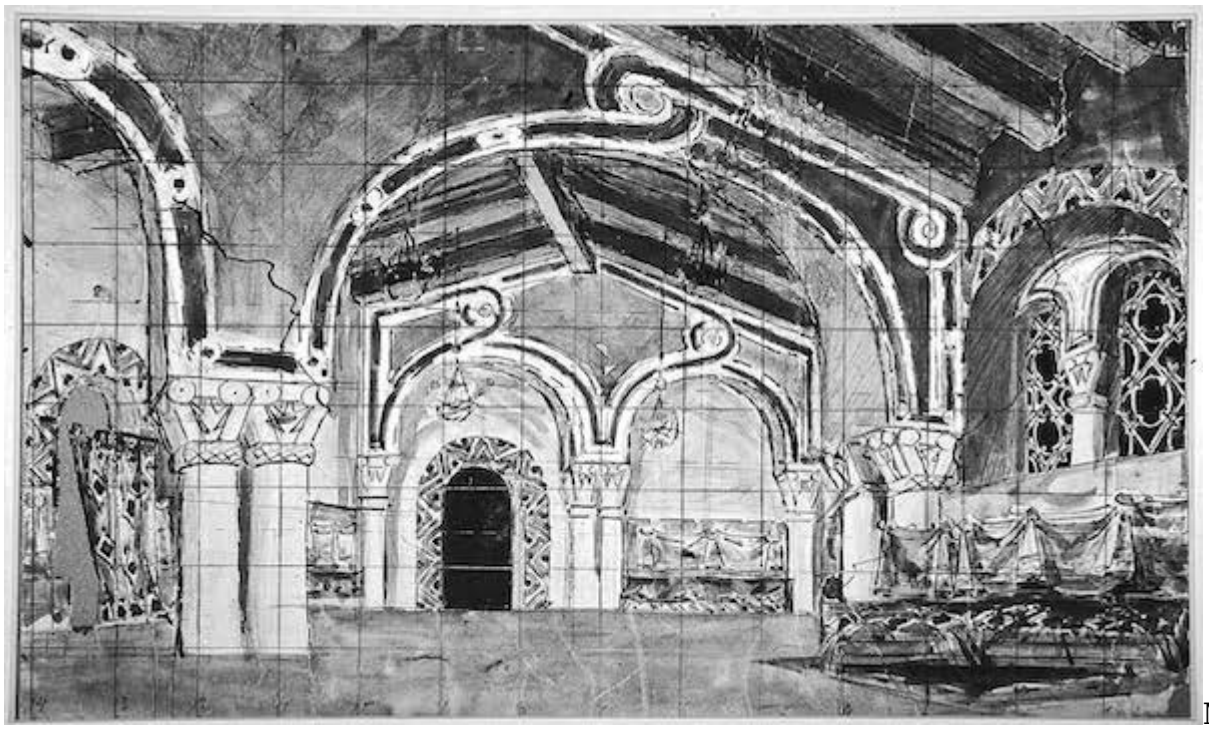
Пищалей громоносных, страшных копий
И бердышей! Но он благочестив
И, верно, уж на ласковую речь
Податлив будет.

(К Дионисию.)

Ты ж, святой владыко,
Лишь только за руки они возьмутся,
Их поскорей благослови и слово
Спасительное тотчас им скажи!

Дионисий

Мой долг велит мне, государь, о мире
Вещать ко всем, а паче о Христовой
Пещися церкви. Аще не за церковь
Князь Шуйский спорит с шурином твоим,
Его склонять готов я к миру.

М. А. Врубель. Царские палаты. Эскиз. 1899

Федор

Отче,
Мы все стоим за церковь! И Борис,
И я, и Шуйский — все стоим за церковь!

Дионисий

Великий царь, усердие твое
Нам ведомо; дела же, к сожаленью,
Не все исходят от тебя.

(Смотрит на Годунова.)

Намедни
Новогородские купцы, которых
За ересь мы собором осудили,
Свобождены и в Новгород обратно,
Как правые, отпущены, к соблазну
Всех христиан.

Годунов

Владыко, те купцы
С немецкими торгуют городами
И выгоду приносят государству
Немалую. Мы с ними разорили б
Весь Новгород.

Дионисий

А ересь ни во что
Ты ставишь их?

Годунов

Избави бог, владыко!
Уж царь послал наказы воеводам
Той ереси учителей хватать.
Но соблазненных отличает царь
От соблазнителей.

Федор

Конечно, шурин!
Но самых соблазнителей, владыко,
Ни истязать не надо, ни казнить!
Им перед богом отвечать придется!
Ты увещал бы их. Ведь ты, владыко,
Грамматиком недаром прозван мудрым!

Дионисий

Мы делаем, сколь можем, государь,
Чрез увещанья. Но тебе еще
Не все известно: старосты губные
И сборщики казенных податей
В обители входить святые стали,
И в волости церковные въезжать,
И старые с них править недоборы,
Забытые от прежних лет!

Годунов

Владыко,

Великий царь предупредил твое
Печа́лованье. Что́ нас крайность сделать
Заставила, уж то не повторится.

(Подает ему грамоту.)

Вот грамота, владыко, о невъезде
В именья церкви никаким чинам
И о решенье всяких дел не царским,
Но собственным твоим судом.

Федор

Да, отче,
Он написал ее, а я печать
Привесил к ней!

Дионисий

(пробегает грамоту)

Блаженны миротворцы!
Когда правитель обещает мне
И в остальных статьях все льготы церкви,
Ее права и выгоды блюсти —
То прошлое да будет позабыто!

Федор

Так, так, владыко! Отче Варлаам,
Ты помоги владыке!

Варлаам

Государь,
Что в деле сем святой владыко скажет,
Я повторю охотно.

Федор

Отче Иов,
И на тебя рассчитываю я!

Иов

Правитель твой, великий государь,
Незлобия и мудрости исполнен,
А наше дело господу молиться
О тишине и мире!

Федор

И тебя,
Аринушка, прошу я: если Шуйский

Упрется, ты приветливое слово
Ему скажи. Оно ведь много значит
Из женских уст и умягчает самый
Суровый нрав. Я знаю по себе:
Мужчине я не уступлю ни в чем,
А женщина попросит иль ребенок,
Все сделать рад!

Ирина

Мой царь и господин,
Как ты велишь, так мы и будем делать;
Но наше слово, против твоего,
Что может значить? Если только ты
Им с твердостию скажешь, что их распря
Тебя гневит, то князь Иван Петрович
Ослушаться тебя не будет властен.

Федор

Да, да, конечно, я ему велю,
Я прикажу ему! А вы, бояре,
Скорей зачните с ними разговор;
Не стойте молча; хуже нет того,
Как если два противника сошлись,
Уж помирились, смотрят друг на друга,
А все молчат…

Клешнин

Мы рады говорить бы,
Царь-государь, когда б его лишь милость,
На Шуе князь, нам рты разинуть дал!

Федор

Что ты понес? Какой он князь на Шуе?

Клешнин

А то, что он себя удельным князем,
А не слугой царевым держит — вот что!

Кн. Хворостинин

Твой дядька, царь, простить не может Шуйским,
Что за Нагих вступаются они.

Головин

И что тебя хотели б упросить
Царевича взять на Москву обратно.

Федор

Димитрия? Да я и сам бы рад!
Сердечный он! Ему, я чай, там скучно,
А я-то здесь его бы потешал:
И скоморохов показал смешных бы,
И бой медвежий! Я просил Бориса,
Не раз просил, да говорит: нельзя!

Клешнин

И в том он прав! Твой батюшка покойный
Нагим недаром Углич указал;
Он знал Нагих, он воли не давал им,
И шурин твой на привязи их держит!

Федор

Негоже ты, Петрович, говоришь,
Они дядья царевичу, Петрович!

Клешнин

Царевичу! Да нешто он царевич?
И мать его, седьмая-то жена,
Царица нешто? Этаких цариц
При батюшке твоем понабралось бы
И более, пожалуй!

Царевич Дмитрий Иоаннович. Копия портрета из Царского титулярника. 1880-е

Федор

Полно, полно!
Мне Митя брат, ему ж дядья Нагие.
Так ты при мне порочить их не смей!

Клешнин

А что же мне, хвалить их, что они
Тебя долой хотели бы с престола,
А своего царенка на престол?

Федор

Как смеешь ты?

Клешнин

И Шуйских тож хвалить,
Что заодно идут они с Нагими?

Федор

Я говорю тебе: молчи! молчи!
Сейчас молчи!

Клешнин

(отходя к окну)

Ну, что ж? И замолчу!

Федор

(к Годунову)

Не позволяй ему в другой раз, шурин,
Порочить мачеху и брата!

Годунов

Царь,
Он человек усердный и простой!

Крики на площади.

Клешнин

(глядя в окно)

Ну, вон идут!

Федор

Кто?

Бояре

(смотрят в окно)

Шуйские идут!

Федор

(подходит к окну)

Как? Уж пришли?

Клешнин

Да, вот уж у крыльца!

Крики слышны громче.

Вишь, впереди идет Иван Петрович,
А круг его валит с купцами чернь!
Ишь, голосят и шапки вверх кидают!
Еще, еще! Стрельцов сбивают с ног!
Держальников оттерли! Подхватили
Его под руки! Эвот, по ступеням
Его ведут! Небось и государя
Так не честят они!

Федор

Смотри же, шурин,
Не забывай, что ты мне обещал!
Аринушка, — смотри же, замечай!
Коль, неравно, у них пойдет негладко,
Ты помоги! Отцы мои, — я паче
На вас надеюсь!

(Возвращается поспешно на свое место.)

Стольник

(отворяя дверь)

Князь Иван Петрович!

Входят **Шуйские**; за ними **Мстиславский, Шаховской** и **другие**.

Клешнин

(тихо к Туренину, глядя на Шуйских)

Ишь, как идут! И шеи-то не гнутся!

Кн. Иван Петрович

(опускаясь на колени)

Великий царь! По твоему указу
Пред очи мы явилися твои!

Федор

Встань, князь Иван Петрович! Встань скорее!
Тебе так быть негоже!

(Поднимает его.)

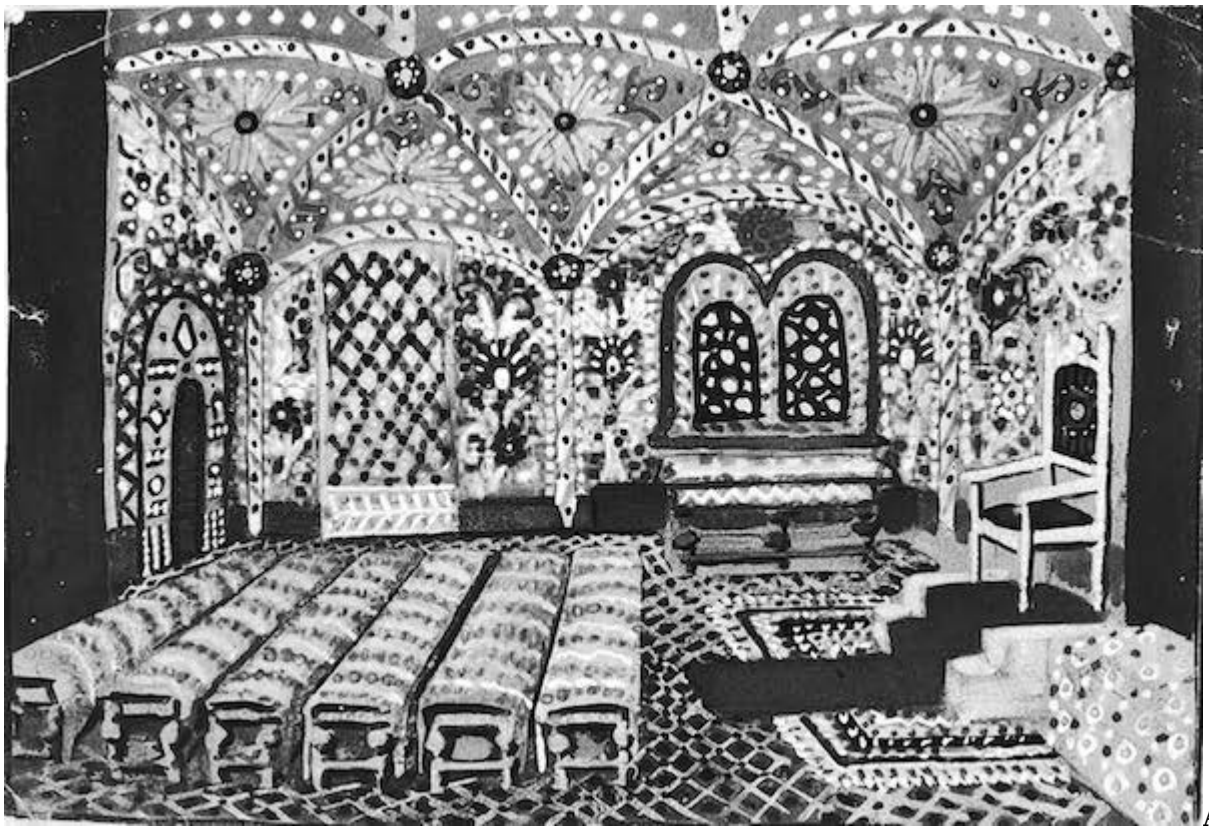
Мы с царицей
Давно тебя не видим. Ты, должно быть,
Семейным делом занят? Мне сказали:
Племянницу ты замуж выдаешь?

Кн. Иван Петрович

Так, государь.

Федор

Я рад, я очень рад!
Я поздравляю вас! Так вот я, князь,
Хотел сказать тебе, что мы давно
Тебя не видим — впрочем, может быть,
Тебе не время? Это сватовство —
Ты оттого и в Думу, вероятно,
Давно уже не ходишь?

А. И. День шин. Боярская дума. Эскиз декораций. Начало XX в.

Кн. Иван Петрович

Государь,
Мне в Думе делать нечего, когда
Дела земли вершит уже не Дума,
А шурин твой. Поддакивать ему
Довольно есть бояр и без меня!

Федор

Иван Петрович! Мне прискорбно видеть,
Что меж тобой и шурином моим
Такое несогласье учинилось!
Нам сам господь велел любить друг друга!
Велел, владыко?

Дионисий

Истинно велел!

Федор

Вот видишь, князь? Что говорит апостол
В послании к коринфянам? «Молю вы…»
Как дальше, отче Варлаам?

Варлаам

«Молю вы,
Да тожде вы глаголете, да распри
Не будут в вас, да в том же разуменье
И в той же мысли будете!»

Федор

Вот видишь!
А как в своем послании соборном
Апостол Петр сказал? «Благоутробни…»
Как дале говорит он, отче Иов?

Иов

«Благоутробни будьте, братолюбцы,
Не воздающе убо зла за зло,
Ни досаждения за досажденье!»
И шурин твой, великий государь,
Апостольское слово исполняет
Воистину!

Федор

Да, отче Иов, да!
Ты, князь Иван Петрович, будь уверен,
Он чтит тебя — мы все твои заслуги
Высоко чтим — так, видишь ли, когда бы
Ты захотел — когда бы ты с Борисом —

(тихо к Годунову.)

Кончай же, шурин!

Годунов

Князь Иван Петрович!
Уже давно о нашей долгой распре
Крушуся я. Коль ты забыть согласен
Все прошлое, я также все забуду
И рад с тобой и с братьями твоими
Быть заодин. И с тем на примиренье

Тебе я руку подаю!

Кн. Иван Петрович

(отступая)

Боярин,
Упорно слишком враждовали мы,
Чтобы могли теперь без договора
Сойтися вдруг!

Годунов

Какого договора
Ты хочешь, князь?

Кн. Иван Петрович

Боярин Годунов!
Виню тебя, что ты нарушил волю
И завещание царя Ивана
Васильича, который, умирая,
Русь пятерым боярам приказал!
Один был — я; другой — Захарьин-Юрьев;
Мстиславский — третий; Бельский был четвертый,
А пятый — ты. Кто ж ныне, говори,
Кто государством правит?

Годунов

Царь Феодор
Иванович, его же царской воли
Я исполнитель.

Кн. Иван Петрович

Не хитри, боярин!
Его ты волей завладел лукаво!
Едва лишь царь преставился Иван,
Ты Бельского в изгнание услал,
Мстиславского насильно ты в монахи
Велел постричь; от Юрьева ж, Никиты
Романыча, избавили тебя
Болезнь и смерть. Осталися мы оба.
Но ты, со мной совета избегая,
Своим высоким пользуясь свойство́м,
Стал у царя испрашивать указы,
На что хотел, вступаться начал смело
В права бояр, в права людей торговых
И в самые церковные дела.
Роптали все…

Годунов

Князь, дай мне слово молвить…

Кн. Иван Петрович

Роптали все. Но имя государя
Тебе щитом служило; мы же дело
Получше знали; люди на Москве
К нам мыслили — и мы за правду встали,
Мы, Шуйские, а с нами весь народ.
Вот нашей распри корень и начало.
Я все сказал. Пускай же в этом деле
Нас царь рассудит!

Годунов

Князь Иван Петрович!
Великий царь меж нас желает мира,
Твоя же речь враждою дышит, князь;
Негоже мне упреком на упреки
Ответствовать, но оправдаться должен
Я пред тобой. Меня винишь ты, князь,
Что я один вершу дела? Но вспомни,
Хотел ли ты со мною совещаться?
Не ты ль всегда мой голос отвергал?
И, не снося ни в чем противоречья,
Не удалился ль ты от нас? Тогда
Великий царь, твою холодность видя,
Мне одному всю землю поручил.
Я ж, не в ущерб воистину для царства,
Ее приял. Война с Литвою миром
Окончена, а королю ни пяди
Не уступили русской мы земли.
В виду Орды, мы подняли на хана
Племянника его, и хан во страхе
Бежал назад. Мы черемисский бунт
Утишили. От шведов оградились
Мы перемирьем. С цесарем немецким
И с Данией упрочили союз,
А с Англией торговый подписали
Мы договор, быть может неугодный
Гостям московским, но обильный выгод
Для всей земли. И в самое то время,
Когда уж Русь от смут и тяжких бедствий
В устройство начинала приходить,
Ты, князь, — я то тебе не в укоризну
Теперь скажу, — ты, с братьями своими,
Вы собирали в скоп народ московский
И черный люд вы тайно научали
Бить государю на меня челом!

Кн. Иван Петрович

(выступает вперед)

Не за себя мы поднялись, боярин!
Когда ломать ты начал государство,
За старину с народом встали мы!

Кн. Дмитрий Шуйский

Таких досад, как от тебя, боярин,
И при Иване не было царе!

А. П. Рябушкин. Ожидают выхода царя. 1901

Кн. Иван Иванович Шуйский

Покойный царь был грозен для окольных;
Кто близок был к нему, тот и дрожал;
Кто ж был далек, тот жил без опасенья
По своему обычаю. Ты ж словно
Всю Русь опутал сетью, и покоя
Нет от тебя нигде и никому!

Годунов

Когда земля, по долгом неустройстве,
В порядок быть должна приведена,
Болезненно свершается целенье
Старинных ран. Чтоб здание исправить,
Насильственно коснуться мы должны
Его частей. Но, милостию божьей,
Мы неизбежную страданья пору
Уж перешли, и мудрость государя
Сознали все; вы только лишь одни,
Вы, Шуйские, противитесь упорно
И жизни новой светлое теченье
Отвлечь хотите в старое русло!

Кн. Иван Петрович

Лишь мы одни? Владыко Дионисий!
Скажи ему, одни ли о насильях
Мы вопием Христовой церкви?

Дионисий

Княже,
С правителем до твоего прихода
Мы говорили. Все, о чем с тобою
Скорбели мы, — он отменил.

Кн. Иван Петрович

Нечисто!

Годунов

А в остальном надеюся я с вами,
Князья, сойтись. Уж миновала ныне
Пора волнений; в уровень законный
Вошла земля, и не о чем нам спорить.
Ей вместе мы теперь послужим лучше,
Чем мог бы я один.

Дионисий

Такое слово
Смиренномудренно. Совет наш, княже,
Не продолжать вам распри, несогласной
С учением спасителя и вредной
Для государства.

Федор

Отче, я уверен,
Они того не захотят! Не правда ль?
Не правда ль, князь? Вот и моя царица
Тому не верит. Что же ты молчишь,

Аринушка?

Ирина

(продолжая вышивать)

Не верится мне вправду,
Что долго так князь Шуйский заставляет
Себя просить о том, что государь
Ему велеть единым может словом.

(Смотрит на Шуйского.)

Скажи мне, князь, когда бы ты теперь
Не пред царем Феодором стоял,
Но пред отцом его, царем Иваном,
Раздумывал бы столько ты? Ужели ж
За то, что царь с тобою так негневен,
Так милостив, так многотерпелив,
Свой долг пред ним забудешь ты?

Кн. Иван Петрович

Царица,
Я говорил пред государем ныне,
Как говорил бы пред его отцом,
И, прежде чем от мысли отказаться,
На плаху я скорее бы пошел.
Но мне навряд бы при царе Иване
Так говорить пришлось — затем что вряд бы
Покойный царь так беззаботно отдал
Из рук своих в чужие руки власть!

Ирина

Когда во Пскове, князь Иван Петрович,
Ты, окружен литовцами, сидел
И мужеством своим непобедимым
Так долго был оплотом для Руси, —
Я за твое спасенье и здоровье
Дала тогда молитвенный обет:
На раку, где покоятся во Пскове
Святые мощи Всеволода-князя,
Вот этот вышить золотной покров.
Я шью давно — и вот моя работа
К концу подходит. Но ужель она,
Начатая во здравие того,
Кто землю спас, окончится, когда
Противником он станет государству?

(Встает и подходит к Шуйскому.)

Ужели тот, за чье спасенье я

Так горячо со всей молилась Русью,
Ее покой упорством возмутит?
Прошу тебя, не омрачи напрасно
Своей великой славы! Покорись
Святителям и царскому веленью!
Князь-государь,

(кланяется ему в пояс)

моим большим поклоном
Прошу тебя, забудь свою вражду!

Кн. Иван Петрович

(в волнении)

Царица-матушка! Ты на меня
Повеяла как будто тихим летом!
Своим нежданным, милостивым словом
Ты все нутро во мне перевернула!
Как устоять перед тобой? Поверь,
Веленье государево исполнить
Я рад душой — но наперед дозволь мне
Сказать два слова брату твоему.

(К Годунову.)

Не в первый раз, боярин, хитрой речью
Обходишь ты противников своих.
Какой залог нам дашь ты, что не хочешь
Нас усыпить, чтоб тем вернее после
Погибель нашу уготовить?

Годунов

Князь,
Залогом вам мое да будет слово
И вместе с ним ручательство царя.

Федор

Да, да, князья, я за него ручаюсь!

Кн. Иван Петрович

Какая участь ожидает тех,
Которые, защите нашей веря,
К нам мыслили?

Годунов

Их ни единый волос
Не упадет, и ни единым пальцем

Не тронут их.

Кн. Иван Петрович

И будешь ты на том
Крест целовать пред государем?

Годунов

Буду!

Кн. Иван Петрович

(к боярам, пришедшим с ним)

Как мыслите?

Бояре

На что согласен ты,
Мы все согласны!

Кн. Иван Петрович

(к Годунову)

Вот моя рука!

Федор

Друзья мои! Спасибо вам, спасибо!
Аринушка, вот это в целой жизни
Мой лучший день! Владыко Дионисий,
Крест им скорее! Крест!

Дионисий берет со стола крест и подает сперва Шуйскому, потом Годунову.

Кн. Иван Петрович

Клянусь отныне
Не враждовать ни мыслию, ни делом
К великому боярину, к Борису
Феодорычу Годунову; в том же
Я за себя, и за своих за братьев,
И за сторонников за наших всех,
За всех бояр и всех людей торговых
Целую крест спасителя Христа!

(Прикладывается ко кресту.)

Годунов

Целую крест, что с Шуйскими отныне
Мне пребывать в согласье и в любви,

Без их совета никакого дела
Не начинать, сторонникам же их —
Князьям, боярам и торговым людям —
Ничем не мстить за прежние вины!

(Прикладывается ко кресту.)

Федор

Вот это так! Вот это значит: прямо
Писание исполнить! Обнимитесь!
Вот так! Ну, что? Ведь легче стало? Легче?
Не правда ли?

Крики на площади.

О чем они кричат?

Кн. Иван Петрович

Должно быть, царь, хотелось бы узнать им,
Чем кончилась сегодня наша встреча
С боярином. Дозволь, я выйду к ним.

Федор

Нет, нет, останься! Сами пусть они
Сюда придут. Пусть умилятся, глядя
На ваше примиренье!

(К Клешнину.)

Выдь, Петрович,
Выдь на крыльцо и приведи их!

Клешнин

Всех?
Да их, я чай, там сотен будет с двадцать,
Аршинников!

Федор

Зачем же всех? Зачем?
Пусть выборных пришлют!

Клешнин уходит.

Я с ними, шурин,
И не охотник, правда, говорить,
Когда они обступят вдруг меня
На выходе, кто с жалобой, кто с просьбой,
И стукотня такая в голове
От них пойдет, как словно тулумбасы

В ней загремят; терпеть я не могу!
Стоишь и смотришь и не знаешь ровно,
Что отвечать? Но здесь другое дело,
Я рад их видеть!

Годунов

Государь, боюсь,
Тебе их вздорных жалоб не избыть;
Народ докучлив. Лучше прикажи мне,
Я выйду к ним!

Клешнин

(возвращаясь)

Царь! Выборные люди!
От всех купцов, лабазников, качей,
И шорников, и мясников, которых
Привел с собой князь Шуйский! Вот они!

Выборные

(входят и становятся на колени)

Царь-государь! Спаси тебя господь,
Что светлые свои повидеть очи
Ты нас пожаловал!

Федор

Вставайте, люди!
Я рад вас видеть. Я послал за вами,
Чтоб вам сказать, — да что ж вы не встаете?
Я осерчаю!

Выборные встают, исключая одного старика.

Что же ты, старик?
Что ж не встаешь?

Старик

И рад бы, государь,
Да не смогу! Вишь, на колени стать-то —
Оно кой-как и удалось, а вот
Подняться-то не хватит силы! Больно
Уж древен стал я, государь!

Федор

(к другим)

Возьмите ж

Его под руки, люди!

Двое купцов поднимают старика.

Ну, вот так!
Ты, дедушка, себя не утрудил ли?
Кто ты?

Старик

Богдан Семенов Курюков,
Московский гость!

Федор

Который год тебе?

Курюков

Да будет за́ сто, государь! При бабке
Я при твоей, при матушке Олене
Васильевне, уж денежником был,
Чеканил деньги по ее указу
Копейные, на коих ноне князь
Великий знатен с копием в руке;
Оттоль они и стали называться
Копейными. Так я-то, государь,
В ту пору их чеканил. Лет мне будет,
Пожалуй, за́ сто!

Федор

Дедушка, да ты
Шатаешься! Бояре, вы б ему
Столец подставили!

Курюков

Помилуй, царь!
Как при твоей мне милости сидеть!

Федор

Да ты ведь больно стар, ведь ты, я чаю,
Уж много видел на своем веку?

Курюков

Как, батюшка, не видеть! Всяко видел!
Блаженной памяти Василья помню
Иваныча, когда свою супругу
Он, Соломонью Юрьевну, постриг,
Неплодья ради, бабку же твою,

Олену-то Васильевну, поял.
Тогда народ, вишь, на́дво разделился,
Кто, вишь, стоял за бабку за твою,
Кто за княгиню был за Соломонью.
А в те поры и меж бояр разрухи
Великие чинились; в малолетство
Родителя, вишь, твоего, Ивана
Васильича, тягались до зареза
Князья Овчины с Шуйскими-князьями,
А из-за них и весь московский люд.
А наш-то род всегда стоял за Шуйских,
Уж так у нас от предков повелось.
Бывало, слышишь: бьют в набат у Спаса —
Вставай, купцы! Вали к одной за Шуйских!
Тут поскорее лавку на запор,
Кафтан долой, захватишь что попало,
Что бог послал, рогатину ль, топор ли,
Бежишь на площадь, ан уж там и валка;
Одни горланят: «Телепня-Овчину!»
Другие: «Шуйских!» — и пошла катать!

Федор

То грех великий, дедушка!

Курюков

А вот,
Как в возраст стал твой батюшка входить,
Утихло все.

Клешнин

Что? Видно, не шутил?

Курюков

Избави бог! Был грозный государь!
При нем и все бояре приутихли!
При нем беда! Глядишь, столбов наставят
На площади; а казней-то, и мук,
И пыток уж каких мы насмотрелись!
Бывало, вдруг…

Федор

Я, дедушка, позвал вас,
Чтоб вам сказать…

Курюков

Бывало, грянут бубны,
Чтобы народ на площадь шел…

Федор

Я вас
Велел позвать…

Курюков

Тут, хочешь аль не хочешь —
Неволею идешь…

Молодой купец

(дергая его за полу)

Богдан Семеныч!
Царь говорит с тобой!

Х. Вайгель. Иван IV Васильевич. Гравюра. Фрагмент. Вторая половина XVI в.

Курюков

Постой, племянник,
Дай досказать. Вот мы придем на площадь,
Ан там стоят…

Федор

(к молодому)

Так ты — ему племянник?

Молодой

Да, государь, я внучатный ему
Племянник есть!

Курюков

Ан там уж палачи
Стоят и ждут…

Молодой

(дергая его за полу)

Богдан Семеныч! Что ты?

Федор

(к молодому)

Твое лицо мне кажется знакомо?

Курюков

С секирами…

Федор

(к молодому)

Где видел я тебя?

Молодой

А о Миколе мы, великий царь,
Твое здоровье тешили: медвежий
Тогда был бой, а я медведя принял,
И милость мне твоя поднесть велела
Стопу вина!

Курюков

С секирами стоят…

Федор

Да что ты, дедушка, одно наладил!
Что, в самом деле? Что тут вспоминать?
С секирами! С секирами! Не дашь
Мне слова вымолвить!

(К молодому.)

Так ты тот самый,
Что запорол медведя? Помню, помню!
Аринушка! Вот это тот купец,
О ком тебе рассказывал я, знаешь?
Синельников — ведь так тебя зовут?

Молодой

Красильников, великий государь,
Иван Артемов!

Федор

Да, да-да, да-да!
Красильников! Аринушка, представь:
Медведь к нему так близко подошел,
Так близко — вот как ты теперь, владыко,
Ко мне стоишь, а он шагнул вот этак,
Да изловчил рогатину, да разом
Вот так ее всадил ему в живот!
Медведь-то прет, да все ревет: уу!
Да загребает лапами его,
Вот так его, владыко, загребает,
Пока совсем не выбился из сил
И на бок не свалился!

Годунов

Государь,
Ты этим людям повестить хотел
О нашем примиренье.

Федор

(к Красильникову)

У тебя
Был брат еще, который Шаховского
В бою кулачном одолел?

Красильников

Он мне
Двоюродный есть брат, царь-государь,
Микитой Голубем зовут.

(Оборачивается к своим.)

Микита!
Слышь, выходи к царю!

Голубь выступает вперед и кланяется.

Федор

Здорово, Голубь!
Что, как живешь? Что сила-то? Что сила?
Не голубиная в тебе, чай, сила?
Не по прозванью?

Голубь

Жаловаться грех,
Царь-государь, господь нас не обидел,
Мы силою своей довольны!

Неизвестный художник. Кулачный бой на Руси. 1829

Федор

(к Шаховскому)

Князь!
Узнал его?

Шаховской

Как друга не узнать!
Ведь ты ребро сломил мне, Голубь, гладко!
По милости твоей недели три
Я пролежал!

Голубь

(кланяясь)

Усердно, князь Григорий
Петрович, здравствуем тебе! Даст бог,
В великий пост мы на Москве-реке
Еще с тобою встретимся на славу —
Авось твоя удача будет!

Шаховской

Что ж,
Я встретиться всегда с тобою рад —
Теперь держись!

Голубь

А что поставишь, князь?

Шаховской

Чеканный ковш! А ты?

Голубь

Соболью шапку!

Ирина

(к Федору)

Свет-государь, не позволяй им биться;
Час неровён, недолго до беды!

Федор

Ты думаешь, Аринушка?

(К Шаховскому и Голубю.)

Смотрите ж,
Не крепко бейтесь! Паче же всего
Под ложку берегитесь бить друг друга,

То самое смертельное есть место!

Кн. Иван Петрович

Великий царь, дозволь, я повещу им,
Зачем ты их позвать велел!

Федор

Ну, ну,
Добро, скажи им!

Кн. Иван Петрович

Выборные люди!
Вам ведомо да будет, что боярин
Борис Феодорович Годунов
И я, князь Шуйский, с братьями моими,
Мы учинились в мире и в ладу
И обещали клятвою друг другу,
Чтобы ни нам, ни нашим меж собою
Сторонникам не враждовать отныне,
А быть в согласье!

Голубь-отец

Князь Иван Петрович!
Да как же это? Мы с тобою шли,
А ты нас бросил?

Кн. Иван Петрович

Я не бросил вас!
Мне обещал боярин без меня
Не начинать отныне ничего —
А я всегда за вас стою!

Красильников

Эй, князь,
Остерегись!

Голубь-сын

Эй, не мирися, князь!

Голубь-отец

Не выдавай нас, князь Иван Петрович!

Кн. Иван Петрович

Не бойтесь, люди! Мне боярин клятву
Святую дал, что никого из вас

Не тронет он ни пальцем!

Голос

(позади других)

Дать-то клятву
Он даст ее, да сдержит ли?

Курюков

Поволь
Худое слово, князь Иван Петрович,
Мне, старику, по-старому сказать!
Когда твои нас деды подымали
На Телепня-Овчину, при Олене
Васильевне, при бабке государя,
Они за нас, а мы за них тогда
Держались крепко; тем-то и силен
Твой дедушка Василий был Васильич!
А если б он на мир пошел с Овчиной,
Пропал бы он и мы пропали б с ним!

Голубь-отец

Когда ты, князь, с врагом своим исконным
Хотел мириться, незачем нас было
И подымать!

Голубь-сын

Эх, князь Иван Петрович!
Вы нашими мири́тесь головами!

Кн. Иван Петрович

(гневно)

Молчи, щенок! Знай, бейся на кулачках,
О деле ж дай старейшим говорить!
Как смеете не верить вы ему,
Когда он крест — вы слышите ли? — крест
В том целовал?

Годунов

(тихо к Клешнину)

Заметь их имена
И запиши.

Выборные между тем совещались между собой и все разом подходят к Федору.

Выборные

Царь-государь! Помилуй!
Не дай погибнуть нашим головам!
Царь-государь! Помилуй! Защити!
Помилуй, государь! Не оставляй нас.
Теперь пропали мы!

Федор

Да что вы? Что вы?
С чего вы взяли? От кого мне, люди,
Вас защищать?

Голубь-отец

От шурина твого!
От Годунова, государь!

Голубь-сын

Твой шурин
Ведь нас теперь совсем заест!

Федор

Как можно!
Кто вам сказал? Мой шурин любит вас!
Ты им скажи, Борис, что ты их любишь!
Вот он сейчас вам скажет! Он вам все,
Все растолкует! Мне же самому,
Мне некогда теперь!

Хочет уйти; выборные обступают его.

Выборные

Царь-государь!
Одна надежда наша на тебя!
Мы дурна не чинили! Мы за Шуйских,
За слуг твоих, стояли! Прикажи,
Чтоб нас Борис Феодорыч не трогал!
Вели ему!

Федор

Да, хорошо! Пустите!
Мне некогда! Скажите все Борису!
Ему скажите!

Выборные

Как же, государь,
Ему же мы да про него же скажем?
Яви нам милость! Выслушай нас, царь!

Дозволь тебе…

Федор

(затыкая уши)

Ай-ай, ай-ай, ай-ай!
Скажите все Борису! Все Борису!
Мне некогда! Скажите все Борису!

(Уходит, держа пальцы в ушах.)

Выборные с недоумением смотрят друг на друга.

Действие третье

НОЧЬ. САД КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

Василиса Волохова

(выходит из дому)

Ну, темь так темь! Ни звездочки не видно!
Пора б ему прийти! Уж он не там ли,
Не за оградой ли стоит?

(Подходит к калитке и говорит шепотом.)

Князь! Князь!
Нет никого! Прислушаться, нейдет ли?
Эх, соловьи проклятые мешают!
Расщелкались! Не слышно ничего!
Вот что-то хрустнуло! Идет, должно быть!

(Оборачивается назад и говорит шепотом.)

Княжна! Пожалуй!

Княжна Мстиславская

(шепотом)

Где ты, Василиса
Панкратьевна?

Волохова

Здесь, матушка!

Княжна

Не вижу!

Волохова

Сюда, сюда пожалуй! Дай мне ручку!
Да как же ты, голубушка, дрожишь!

Княжна

Свежо как будто!

Волохова

Ноне-то? Помилуй!
Теплынь какая! Аж травою пахнет!
А вон оттоль, из монастырской рощи,
Березой и черемухой несет!
Уж подлинно весенняя-то ночка,
А ручка у тебя как лед!

Княжна

Я лучше
Уйду домой!

Волохова

Владычица святая!
Да ты чего боишься? Разве он
Тебе чужой? Ведь, слава богу, я
Сама тебе присватала его!

Княжна

У дядюшки гостей полна палата —
Что, если вдруг кому придет на мысль
В сад заглянуть!

Волохова

Великая беда,
Что с женихом застали бы невесту!
Вот если ты захочешь после свадьбы
С каким-нибудь молодчиком сойтись,
Вот тут так надо делать осторожно!
А впрочем, не диковина и то!
За добрую пригоршню золотых
Все можно сделать!

Княжна

Полно, Василиса
Панкратьевна, стыдись!

Волохова

А что стыдиться,

Голубушка! Все вертится на деньгах!
Для них и замуж отдают, для них
И женятся; для них брат губит брата,
А сын отца! Уж против них никто
Не устоит!

Княжна

Панкратьевна, постой, —
Ты не слыхала ничего?

Волохова

(прислушивается)

Позволь-ка!
Никак, плеснула рыбица в пруду…
Уж эти соловьи мне! Пши, пши, пши!
Насилу-то замолкли! А теперь
Пошли в траве кузнечики трещать!

Княжна

Ты ничего не слышишь?

И. И. Левитан. Черемуха. 1880-е

Волохова

На Неглинной

Как будто мельница шумит…

Шаховской

(за оградой, вполголоса)

Ау!

Волохова

Ну, наконец!

(Бежит к калитке и отворяет ее.)

Войди же, князь!

Показывается на ограде **Шаховской** и спрыгивает в сад.

Пострел!
Ведь я ж тебе калитку отворила!

Шаховской

На что она? Жаль, что низка ограда!
С кремлевской я бы соскочил стены,
Чтоб поскорей мою увидеть радость!
Насилу-то мне удалось!

(Хочет обнять княжну.)

Волохова

Вот так!
Целуй ее! Милуй ее! А я-то
За ручки подержу!

Шаховской

(отступая)

Княжна, не бойся!
Не подойду, доколе не поводишь!

Волохова

Ну, сокол-князь! Ведь я сдержала слово,
А ты принес ли мне гостинчик?

Шаховской

(подавая кошелек)

На!

Волохова

(потряхивая деньгами)

Сердечные! Звенят! Эх, жаль, темно!

Шаховской

(к княжне)

Да что ж ты отвернулась от меня!
Иль не́любя я тебе?

Княжна

Вишь, ждать заставил!

Шаховской

А страшно было ждать?

Княжна

Вестимо, страшно!
В такую ночь!

Шаховской

Чай, бурная?

Княжна

А леший?
А мало ль что? Вишь, он еще смеется!

Шаховской

Да как же не смеяться мне тебе?
В саду-то леший!

Княжна

Да, тебе смешно,
А мне-то каково? А невзначай
Вдруг выйдет брат? Иль дядя? Что тогда?
Постылый ты!

Шаховской

А что же делать мне,
Когда тебя мне видеть не дают?
Кой раз увидишь, а поговорить
И думать нечего!

Княжна

Вишь ты какой!
А ты о чем хотел бы говорить?

Шаховской

О том, что нет тебя на свете краше!
Что без тебя мне стала жизнь не в жизнь!
Что невтерпеж мне ждать, пока сыграем
Мы нашу свадьбу!

Княжна

Вишь ты! Ну а если б
Брат отказал тебе?

Шаховской

Тогда бы я
Тебя увез!

Княжна

А если б не пошла я?

Шаховской

Насильно б взял!

Княжна

А я бы убежала?

Шаховской

А я б догнал!

Княжна

А я в Москву-реку
Прыгну́ла бы?

Шаховской

А я бы за тобой!

Княжна

А водяной бы за меня вступился?

Шаховской

А я б его за бороду схватил

Да за усы моржовые!

Княжна

Ха-ха!
Моржовые!

Оба смеются.

Шаховской

А вот ведь рассмеялась!
И смех-то твой — что рокот соловьиный!
Краса моя! Когда ты засмеешься,
Весь темный сад как будто просиял!
Смотри, вон там и звездочка явилась!
А вон другая! Третья! Вон еще!
Вишь, выглянули все тебя послушать!
Вон и в пруду зажглися! Берегись,
Расскажут водяному, как над ним
Смеешься ты!

Княжна

Ха-ха!

Волохова

Ну, вот пошла!

Слышен стук в калитку.

Княжна

Ай, что́ это?

Волохова

Стучат, никак, в калитку!

(Прячется с княжной за дерево.)

Шаховской

(подходит к калитке)

Кто там стучит?

Голос

(извне)

Впустите, ради бога!

Шаховской

Кто там?

Голос

То я! Красильников, купец!
Беда случилась! Поскорей впустите!

Шаховской отворяет калитку. Красильников вбегает. Одежда его изорвана.

Красильников

Где Шуйский-князь! Где князь Иван Петрович?

Шаховской

На что тебе?

Красильников

Князь! Князь Иван Петрович!

В окнах дома показываются огни. **Кн. Иван Петрович** и **гости** его сходят с крыльца. **Шаховской** скрывается меж дерев.

Кн. Иван Петрович

Что тут за шум? Кто звал меня?

Красильников

То я!
Князь-государь, помилуй, защити!
Сейчас стрельцы вломились к нам в подворье!
К Ногаевым и к Голубю, ко всем,
Кто в выборных вчера был у царя!
Схватили всех!

Кн. Иван Петрович

Кто их схватил?

Красильников

Клешнин,
По приказанью Годунова!

Кн. Иван Петрович

Как?!

Красильников

Я сам насилу вырвался от них!

Кн. Иван Петрович

По приказанью Годунова?

Красильников

Да!

Кн. Иван Петрович

Ты говоришь, что Годунов велел
Всех выборных схватить?

Красильников

Так нам Клешнин
Сам повестил: вперед-де вам наука
Царю челом на Годунова бить!

Головин

Что, князь, тебе я говорил? Ты видишь!

Кн. Василий Шуйский

Ты видишь, дядя! Не хотел ты верить!
Больным сказаться не хотел, когда
Пришли тебя к царю звать!

Кн. Иван Петрович

Быть не может!
Не может быть!

Красильников

Князь-батюшка, пошли
К нам во дворы узнать, как было дело!

Кн. Иван Петрович

Он дорого заплатит мне за то!

Головин

Сперва купцов, а там, смотри, и нас
Начнут хватать!

Кн. Андрей Шуйский

Бессовестный!

Мстиславский

Безбожник!

Кн. Иван Петрович

Клялся на крест! На честный крест клялся!

Кн. Андрей Шуйский

Ведь это он недаром учинил:
Он разделить хотел с народом нас!

Кн. Василий Шуйский

Он всей Москве тем показать хотел,
Что мыслить к нам и верить нам нельзя,
Что выдаем сторонников мы наших!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Чай, и теперь уж ропщут все на нас!

Красильников

Да! Не во гнев сказать вам, государи:
Как наших-то на тройках повезли,
На шум людей сбежалося немало,
Не слишком вас честили!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Что́ тут думать!
Пока еще не все от нас отпали,
Поднять Москву!

Кн. Андрей Шуйский

Все слободы поднять!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Раздать купцам оружие!

Кн. Андрей Шуйский

К Борису
Идти во двор — убить его!

Головин

А в Углич
Послать к Нагим, чтоб Дмитрия сейчас же
Поставили царем! Чтоб на Москву

Шли с угличанами Нагие!

Кн. Иван Петрович

(строго)

Тише!

Кн. Василий Шуйский

(к Головину)

Так, зря, нельзя.

Головин

С Нагими я списался,
Они лишь знака ждут!

Кн. Иван Петрович

Ты смел писать к ним?
Ты на царя смел Углич подымать?
Ты головой за то заплатишь!

Кн. Василий Шуйский

Дядя,
В чем он виной, за то на нем одном
Лежит ответ; но ссориться теперь
Не время нам!

Головин

Князь-государь, виновен
Я пред тобой; однако ж пригодилась
Моя вина. Ведь поневоле звать
Царевича придется!

Кн. Иван Петрович

Никогда!

Кн. Василий Шуйский

(к Головину)

Накличешь ты беду на нас, боярин!

Кн. Дмитрий Шуйский

Поднять Москву!

Кн. Василий Шуйский

Уж и Москву поднять!
Зачем? Пойдем, как мы вчера хотели,
Просить о царском о разводе!

Кн. Дмитрий Шуйский

Поздно!
Вчера владыко был за нас, сегодня ж
С Борисом он в миру; вчера купцы
Нам верили, сегодня уж не верят!

Кн. Андрей Шуйский

Убить его!

Кн. Василий Шуйский

Да, так вот и убьешь!
Он караул теперь небось удвоил!

(Вынимает из кармана челобитню.)

Вот подписи владыки и властей;
А вот дворян и всех людей торговых;
Все выдали себя — отстать не могут,
Хоть и хотели б!

Кн. Дмитрий Шуйский

Тем ли угрожать
Ты будешь им, что этот лист Борису
Покажешь ты?

Кн. Василий Шуйский

Показывать его
Нам и не след. Он — что заряд в пищали:
Страшон, пока не выпущен! Заставит,
Коль захотим, всех на Бориса встать!

Кн. Андрей Шуйский

Убить верней!

Кн. Иван Петрович

Вы словно все в бреду!
К чему царя нам разводить с царицей?
К чему еще Бориса убивать?
Он сам себя позорным делом выдал!
Избавил нас отыскивать средь тьмы
Кривых путей! И можем ныне мы,
Хвала творцу, не погрешая сами,

Его низвергнуть чистыми руками!

Кн. Дмитрий Шуйский

Что хочешь сделать ты?

Кн. Иван Петрович

Идти к царю
И уличить обманщика!

Кн. Василий Шуйский

Напрасный
То, дядя, труд. Что скажет Годунов,
Тому поверит царь.

Кн. Иван Петрович

Царь слышал клятву!
Все слышали ее! Себя очистить
Ничем не может Годунов!

(К Красильникову.)

Иди,
Скажи купцам, что государь велит
Их выборных вернуть, а что Бориса
Он отрешит сегодня же!

Звон к заутрене.

Светает!
Иду к царю! Не нужно много слов —
Наружу ложь! И сгинет Годунов,
Лишь солнце там, в востоке, засияет!

(*Уходит.*)

Красильников также. Молчание.

Кн. Дмитрий Шуйский

Ну, что, князья?

Кн. Иван Иванович Шуйский

Да что ж? Признаться, я
Добра не жду!

Кн. Василий Шуйский

Какое тут добро!
С чем он пошел, с тем и назад вернется,

Лишь время мы напрасно потеряем.

Кн. Андрей Шуйский

(к кн. Василью)

Зачем его не удержал ты?

Кн. Василий Шуйский

Дядю?
Да нешто вы не знаете его?
Когда что раз он в голову втемяшил —
Не вышибешь. Знай, думает, я прав,
Так съем неправого, — младенец сущий!

Кн. Иван Иванович Шуйский

Что ж делать нам?

Кн. Василий Шуйский

Да быть, к его приходу,
Готовым всем по-прежнему идти
Вот с этой челобитней; приискать бы
Царицу нам да имярек вписать!

Мстиславский.

С владыкой он об этом сам хотел
Держать совет.

Кн. Василий Шуйский

Да не успел. Позвали
Его к царю, мириться, вишь. Нам надо
Найти царицу до его прихода,
Чтоб не ломал он даром головы.

Мстиславский

Она б должна царю прийтись по нраву
И быть из наших. А таких немного.

Кн. Василий Шуйский

Есть на примете у меня одна.

Мстиславский

Кто? Говори!

Кн. Василий Шуйский

Да хоть твоя сестра.

Мстиславский

Наташа? Что ты? Разве ты забыл:
Она посватана за Шаховского!

Кн. Василий Шуйский

Посватана — не выдана еще.
Послушай, князь: нешуточное дело
Мы затеваем. От родни царицы
Зависит все. Уверены ли мы,
Что новая родня захочет быть
У нас в руках? Сестра ж твоя из наших!

Мстиславский

Оно-то так. Пригодней нет ее,
Мне самому на ум уж приходило —
И если б не дали мы слова…

Кн. Василий Шуйский

Князь!
Иль я не знаю, как ты слово дал?
Не по сердцу тебе был Шаховской,
Боец кулачный, ветром голова
Наполнена! Врасплох тебя застал
Он с дядею, бух в ноги, так и так,
Друг друга любим! Князь Иван растаял,
А ты смолчал.

Кн. Андрей Шуйский

Я то же говорил:
Зачем спешить? Наташа, слава богу,
Могла пождать.

Кн. Дмитрий Шуйский

Скор больно князь Иван.

Мстиславский

Да, поспешил; Наташа бы могла
Царицей быть!

Неизвестный гравер. Василий Шуйский. XIX в.

Кн. Василий Шуйский

А будь она царицей —
Ты царский шурин, тот же Годунов,
Почище только.

Мстиславский

Да, кажись, почище.

Кн. Василий Шуйский

Над чем же думать?

Мстиславский

Если бы не слово…

Кн. Василий Шуйский

Так вот помеха? Слово дал ему!
А разве нам ты также не́ дал слова
Во что б ни стало вырвать у Бориса
И разделить его меж нами власть!

Мстиславский

Как отказать ему?

Кн. Василий Шуйский

Затей с ним ссору!

Мстиславский

Что скажет дядя?

Кн. Василий Шуйский

Он вернется в гневе
За то, что царь не даст ему суда;
Он будет рад племянницу свою
Царицей сделать.

Кн. Иван Иванович Шуйский

Так! Назад он слова
Сам не возьмет, а ссора приключись —
Не время будет разбирать, кто прав,
Кто виноват.

Кн. Дмитрий Шуйский

И если быть Наташе
Царицею — так надо поспешить!

Головин

(к Василию Шуйскому)

Позволь взглянуть мне, князь Василь Иваныч!

(Берет челобитню и, пока другие разговаривают, достает с пояса перо и чернилицу и вписывает что-то в бумагу.)

Кн. Василий Шуйский

(к Мстиславскому)

Решайся, князь!

Мстиславский

Когда б на нем какую
Вину найти!

Кн. Василий Шуйский

Тогда б ты был согласен?

Мстиславский

Еще бы!

Шаховской

(является между ними)

Князь! Спроси сперва меня,
Согласен ли невесту уступить
Другому я?

Все

Откуда он? Как смел он
Здесь тайно быть?

Слышен крик княжны.

Мстиславский

То вскрикнула сестра!
Они здесь вместе были!

(Идет в глубину сада и выводит княжну за руку.)

Показывается **Волохова**.

Вот и сваха!
Ты помогала им?

Волохова

Помилуй! Что ты?
Мы прогуляться только что сошли —
А он скакни через забор! Ей-богу!
Ей-богу, ну!

Мстиславский

Так вот как бережешь
Ты нашу честь, сестрица! — Князь Григорий,
Твое негоже дело — я тебе

Даю отказ!

Шаховской

Мою невесту хочешь
Царю ты сватать? Берегися, князь!
Доколе жив я — не бывать тому!

Волохова

(наступая на Шаховского)

А почему ж и не бывать? Смотри,
Как расходился! Невидаль какая,
Что он жених! Царь Федор-то Иваныч
Небось тебя почище! Негодяй!
Бессовестный! Срамник! Безбожник! Вор!

Шаховской

Прочь, ведьма, прочь! Посторонитесь все!
Ко мне, княжна! Она моя пред богом —
Ее сейчас веду я под венец, —
И первый, кто из вас…

(Вынимает кинжал.)

Все

В ножны кинжал!

Кн. Василий Шуйский

(к Мстиславскому)

Хорош жених! На брата замахнулся!

Мстиславский

Сестра, ко мне! Князь, слышал ты меня?
Ступай отсель! Разорван наш союз!

Все

Князь, не дури! Ступай! Его ты слышал!
Брат над сестрой волен!

Шаховской

Еще посмотрим!
Княжна, скажи: ты хочешь за меня?

Мстиславский

Молчи, сестра!

Княжна

О, господи!

Шаховской

Княжна!
Ты хочешь ли, чтоб за царя тебя
Посватали?

Княжна

Нет, нет! Я быть твоею,
Твоей хочу!

Шаховской

Иди ж со мной!

Мстиславский

(к сестре)

Ни с места!

Шаховской

Иди со мной!

Княжна

Я не вольна, ты видишь!

Головин

(к Шаховскому)

Князь, покорись, ты силой не возьмешь!
Все кончено меж ними и тобой!
Иль думаешь, тебе Иван Петрович
Простит, что ты сегодня учинил?
Все кончено.

(Показывает ему челобитню.)

Смотри: княжны Мстиславской
Здесь имя вписано!

В. И. Суриков. Боярышня со скрещенными на груди руками. Этюд к картине «Боярыня Морозова». 1887

Кн. Василий Шуйский

(про себя)

Ай да боярин!

Головин

Под грамотой ты этой с нами руку
Сам приложил — назад не можешь!

Шаховской

(выхватывая у него грамоту)

Дай!

Головин

Стой! Что ты? Стой!

Шаховской

В моих она руках!

Все

Держи его!

Шаховской

(грозя кинжалом)

Назад! Тот ляжет в прах,
Кто подойдет! Иду на суд великой
К царице я — вот с этою уликой!

(Убегает с грамотой.)

ПОКОЙ ЦАРЯ ФЕДОРА

Входит **Годунов** в сопровождении **дьяка**, который кладет на стол связку бумаг и две государственные печати, большую и малую. Из другой двери входит **Клешнин**.

Годунов

(к Клешнину)

Ты все ль исполнил?

Клешнин

Сладил все, боярин;
Их до зари схватили на домах;
Эх, кабы нам из Углича прислали
Ту грамоту!

Годунов

Ты мне ее немедля
Тогда подашь.

Клешнин уходит. Входит **царица Ирина**.

Сестра-царица, здравствуй!
Еще не вышел государь?

Ирина

Недавно
С иконой духовник в опочивальню
К нему вошел.

Входит из другой двери **Федор**. За ним **духовник** с иконой.

Федор

Аринушка, здорово!
Здорово, шурин! А ведь я проспал
Заутреню! Такой противный сон
Пригрезился: казалось мне, я снова
Тебя, Борис, мирю с Иваном Шуйским,
Он руку подает тебе, — а ты —
Ты также руку протянул, но вместо
Чтоб за́ руку, схватил его за горло
И стал душить — тут чепуха пошла:
Татары вдруг напали, и медведи
Такие страшные пришли и стали
Нас драть и грызть; меня же преподобный
Иона спас. Что, отче духовник,
Ведь этот сон не грешен?

Духовник

Нет, не то
Чтоб грешен был, а все ж недобрый сон.

Федор

Брат Дмитрий также снился мне и плакал,
И что-то с ним ужасное случилось,
Но что — не помню.

Духовник

Ты, ложася спать,
Усерднее молися, государь!

Федор

Брр! Скверный сон!

(Увидя бумаги.)

А это что такое?
Надоедать мне хочешь снова, шурин?
Надоедать?

Годунов

Недолго, государь,
Я задержу тебя; твое согласье
Лишь нужно мне для некоторых дел.

Федор

А без меня покончить их нельзя?
Я не совсем здоров.

Годунов

Два слова только.

Федор

Ну, так и быть. Ты, отче духовник,
Угодника на по́лицу поставь,
Вчерашнего ж угодника прими
До будущего года. А какого
У нас святого завтра?

Духовник

Иоанна
Ветхопещерника.

Федор

Я житие
Его в Минеях перечту, лишь только
Меня Борис отпустит; а теперь
Благослови меня заняться делом.

Духовник благословляет его и уходит. **Федор** садится. **Годунов** развязывает бумаги.

Ну, что там, шурин, в связке у тебя?
Уж так и быть, вытаскивай!

Годунов

(вынимая из связки несколько листов)

Нам пишут
Украинские воеводы, царь,
Что хан опять Орду на север двинул.

Федор

Да это сон мой в руку! Недостало
Еще, чтоб ты стал Шуйского душить!

Годунов

(кладет перед ним бумаги)

Вот, государь, наказы воеводам.

Федор

Прихлопни их!

Годунов передает бумаги дьяку, который прикладывает к ним печать.

Годунов

(подавая другую бумагу)

А это, государь,
Царь Иверский землей своею бьет
Тебе челом и просит у тебя,
Чтоб ты его в свое подда́нство принял.

Федор

Царь Иверский? А где его земля?

Годунов

Она граничит с царством Кизилбашским,
Обильна хлебом, шелком, и вином,
И дорогими, кровными конями.

А. П. Рябушкин. Красная палата. 1899

Федор

Так ею мне челом он бьет? Ты слышишь,
Аринушка? Ты слышишь? Вот чудак!
Что вздумалось ему?

Годунов

Его теснят
Персидский царь с султаном турским.

Федор

Бедный!
Он православной веры?

Годунов

Православной.

Федор

Ну, что ж? Скорей принять его в подда́нство!
И знаешь, шурин, надо бы ему
Подарок приготовить. Что бы нам,
Аринушка, послать ему?

Годунов

Сперва
Вот эту грамоту с твоим согласьем
И с вызовом послов его к Москве.

Федор

Ну, хорошо, привешивай печать,
Привешивай!

Дьяк привешивает печать.

А это что такое?

Годунов

То князю Троекурову наказ,
Как говорить ему на польском сейме,
Когда начнется выбор короля.
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,
Мы многих привлекли к себе панов
И что они поднесть уже готовы
Тебе корону.

Федор

Мне? Помилуй, шурин!

Что я с ней делать буду? Мне и так
Своих хлопот довольно. Вот еще!
И что их всех подмыло? Там какой-то
Царь Иверский свою дарит мне землю,
А тут паны корону су́ют! Нет!
Добро тот царь; а эти что? Латинцы!
Враги Руси!

Годунов

Затем-то, государь,
Престолом их ты брезгать и не должен,
Чтоб слугами их сделать из врагов.

Федор

Ты думаешь? Ну, хлоп по ней! Вот так!
Что, все теперь?

Годунов

Еще две челобитни
От двух бояр, при батюшке твоем
В Литву бежавших. У тебя они
Теперь вернуться просят позволенья.

Федор

Кто ж им мешает? Милости прошу!
Да их, я чай, туда бежало много?
Мое такое разуменье, шурин:
Нам делать так, чтоб на Руси у нас
Привольней было жить, чем у чужих;
Так незачем от нас и бегать будет!
Ты знаешь что? Ты написал бы к ним
Ко всем в Литву, что я им обещаю
Земли и денег, если пожелают
Вернуться к нам.

Годунов

Я так и думал, царь,
И грамоту о том уж изготовил.

Федор

Ну, хорошо, прихлопни ж и ее!
Что, все теперь?

Годунов

Все, государь.

Дьяк берет печати, собирает бумаги и уходит.

Федор

Ну, шурин,
Тебя я доле не держу. А ты,
Аринушка, Минеи б разогнула
Да житие святого Иоанна
Ветхопещерника прочла бы мне!

Ирина

Дозволь сперва мне, Федор, челобитье
Тебе подать. Письмо я получила
Из Углича от вдовой от царицы,
От Марьи Федоровны. Слезно
Тебя она о милости великой,
О позволенье просит на Москву
Вернуться с сыном, с Дмитрием, своим.

Федор

Аринушка, да как же? Ты ведь знаешь,
Ведь я давно прошу о том Бориса,
Ведь я бы рад!..

Ирина

А как сегодня ты
Опальников простил своих литовских,
То я подумала, что ты вернуть
И мачеху и брата согласишься.

Федор

Аринушка, помилуй! Разве я
Не рад вернуть их?

(Показывая на Годунова.)

Вот кому скажи!

Ирина

Я знаю, Федор, что правленье царством
Ты справедливо брату поручил;
Никто, как он, им править не сумел бы;
Но здесь не государственное дело;
Оно твое, семейное, и ты,
Один лишь ты, судьею быть в нем должен!

Федор

Борис, ты слышишь, что она сказала?
Ведь это правда! Ты ведь, в самом деле,
И шагу мне ни в чем не дашь ступить!
На что это похоже? Я хочу,
Хочу вернуть Димитрия! Ты знаешь,
Когда я так сказал, уж я от слова
Не отступлю!

Годунов

(к Ирине)

Не дельно ты, сестра,
Вмешалася, во что не разумеешь.

(К Федору.)

Царевича вернуть нельзя.

Федор

Как? Как?
Когда уж я сказал, что я хочу?

Годунов

Дозволь мне, государь…

Федор

Нет, это слишком!
Я не ребенок! Это…

(Начинает ходить по комнате.)

Стольник

(отворяя дверь)

Князь Иван
Петрович Шуйский!

Годунов

(к стольнику)

Царь его сегодня
Принять не может!

Федор

Кто тебе сказал?
Впустить его!

(Продолжает ходить по комнате.)

Я скоро у себя
Не властен в доме стану!

Входит **кн. Иван Петрович Шуйский**.

Здравствуй, князь!
Спасибо, что пожаловал! С тобою
Я буду говорить, с тобою, князь,
О Дмитрии, о брате!

Кн. Иван Петрович

Государь,
Я сам давно хотел тебе поведать
О Дмитрии-царевиче, но прежде —
На шурина на твоего тебе
Я бью челом!

Федор

Как? На Бориса?

Кн. Иван Петрович

Да!

Федор

Что сделал он?

Кн. Иван Петрович

Свою солживил клятву!

Федор

Что? Что ты, князь?

Кн. Иван Петрович

Ты слышал, государь,
Как он клялся, что ни единым пальцем
Не тронет он сторонников моих?

Федор

Конечно, слышал! Ну?

Кн. Иван Петрович

Сегодня ж ночью
Он тех купцов, с которыми вчера

Ты говорил, велел схватить насильно
И отвезти неведомо куда!

Федор

Позволь, позволь — тут что-нибудь не так!

Кн. Иван Петрович

Спроси его!

Федор

То правда ль, шурин?

Годунов

Правда.

Ирина

Помилуй, брат!

Федор

Побойся Бога, шурин!
Как мог ты это сделать!

Годунов

Я нашел,
Что их в Москве оставить не годится.

Федор

А клятва? Клятва?

Годунов

Я клялся не мстить им
За прежние вины — и я не мстил.
Они за то увезены сегодня,
Что, после примирения, меня
Хотели снова с Шуйскими поссорить,
Чему ты был свидетель, государь.

Федор

Да, разве так! Но все же надо было…

Годунов

Дивлюся я, что князь Иван Петрович
Стоит за тех, которые так дерзко

Пыталися меж нас расстроить мир!

Кн. Иван Петрович

А я дивлюсь, как ты, боярин, смеешь
Бессовестным, негодным двоязычьем
Оправдывать себя! Великий царь!
Он не в глаза ль смеялся нам вчера,
Тебе и мне, когда, в руках владыки,
Он честный крест на криве целовал?

Федор

Нет, шурин, нет, ты учинил не так!
Твои слова мы поняли не так!

Кн. Иван Петрович

Что будет думать о тебе земля,
Великий царь, когда свою он клятву,
Тобою освященную, дерзнул
Попрать ногами?

Федор

Этого не будет!
Купцов вернуть сегодня ж!

Кн. Иван Петрович

Только, царь?
А он, который обманул тебя,
Меня ж бесчестным сделал пред народом, —
По-прежнему землею будет править?

Федор

Но, князь, позволь… тут не было обмана…
Вы только ведь не поняли друг друга…
Да и к тому ж ведь вы уж сговорились,
Чтоб вместе вам обсуживать дела?

Кн. Иван Петрович

Он так клялся; ему на этом слове
Я подал руку — но ты видишь сам,
Как целованье держит он свое!
Великий царь, остерегись его!
Не доверяй ему ни государства,
Ни собственной семьи не доверяй!
Ты говорить со мной хотел о брате?
Ты знаешь ли, кто тот, кого приставил
Он в Угличе ко брату твоему?

Тот Битяговский? Знаешь ли, кто он?
Изменник он! И вор! И лжесвидетель,
Избавленный от виселицы им!
Не оставляй наследника престола
В таких руках!

Федор

Нет, нет, на этом, князь
Спокоен будь! Уж я сказал Борису,
Что Дмитрия хочу я взять к себе!

Годунов

А я на то ответил государю,
Что в Угличе остаться должен он.

Федор

Как? Ты опять? Ты споришь?

Годунов

Государь,
Дозволь тебе сказать…

Федор

Нет, не дозволю!
Я царь или не царь?

Годунов

Дай объяснить мне…
Лишь выслушай…

Федор

И слушать не хочу!
Я царь или не царь? Царь иль не царь?

Годунов

Ты царь…

Федор

Довольно! Больше и не надо!
Ты слышала, Арина? Князь, ты слышал?
Он согласился, что я царь! Теперь уж
Не может спорить он! Теперь он — цыц!

(К Годунову.)

Ты знаешь, что такое царь? Ты знаешь?
Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты,
Князь, будь спокоен! Дмитрия к себе
Из Углича я выпишу сюда!
И мачеху, и мачехиных братьев,
Всех выпишу! Что это, в самом деле?
На что это похоже? Даже в пот
Меня он бросил! Посмотри, Арина!

(Ходит по комнате и потом останавливается перед Шуйским и Годуновым.)

Ну а теперь, как я вас помирил,
Так полно вам сердиться друг на друга!
Ну, полно, шурин! Полно, князь! Довольно!
Ну, поцелуйтесь! Ну!

Кн. Иван Петрович

Великий царь,
Тебя постичь я не могу! Ты видел,
Из собственных его ты слышал уст,
Что клятвой он двусмысленно играет,
Его насилье сам ты отменил,
Ты согласился, что оставить брата
Нельзя в руках наемника его, —
А между тем ты оставляешь царство
В его руках? Великий государь,
Одно из двух! Иль я теперь обманщик,
И ты меня суди за клевету —
Или его за вероломство должен
Ты отрешить!

Углич. Угличский Кремль. Гравюра из немецкой энциклопедии. 1860

Федор

Да я ведь уж исправил
Его вину перед тобой? Чего же
Тебе еще? Ничем он не доволен!
Арина, слышишь?

Ирина

Князь Иван Петрович,
Мне кажется…

Годунов

Оставь его, сестра!
Царя избавлю я от затрудненья
Меж нас решать. Великий государь!
Доколе ты мне верил, я тебе
Мог годен быть — как скоро ж ты не веришь,
Я не гожусь. Князь Шуйский молвил правду:
Один из нас другому должен место
Здесь уступить. Свой выбор, государь,
Ты учинил, когда так благосклонно
Ты обвиненья выслушал его,
Мою же речь отвергнул наотрез.
Дозволь мне удалиться.

Федор

Что ты? Что ты?

Годунов

Кому прикажешь, государь, дела
Мне передать?

Федор

Да ты меня не понял!
Ах, боже мой! что ты наделал, князь!

Годунов

Нет, государь, твою я волю понял:
Тебе угодно тех людей, которых
Я удалил, чтоб город успокоить, —
Вернуть назад. Тебе Нагих угодно,
С царевичем, в Москву перевести,
Хоть есть причины важные оставить
Их в Угличе. Когда, великий царь,
Ты так решил — твоя святая воля
Исполнится, но на себя ответа
Я не беру!

Федор

Да я не знал, Борис,
Что есть такие важные причины!
Уж если ты…

Кн. Иван Петрович

Прости, великий царь!

Федор

Князь! Князь! Куда?

Кн. Иван Петрович

Куда-нибудь подале,
Чтоб не видать, как царь себя срамит!

Федор

Князь, погоди, мы все уладим…

Кн. Иван Петрович

Царь
Всея Руси, Феодор Иоанныч, —
Мне стыдно за тебя — прости!

(Уходит.)

Федор

Князь! Князь!
Ах, боже мой, — ушел! И этот вот
Меня оставить хочет! Шурин, ты —
Ты пошутил! А что ж с землею будет?

Годунов

Великий царь, могу ль тебе служить я,
Когда ты руки связываешь мне?

Федор

Да нету, шурин, нету! Будет все
По-твоему. Ну, что ж? Согласен ты?
Да, шурин? Да?

Годунов

На этом уговоре,
Великий царь, согласен я, но помни,
Что только так могу я продолжать

Тебе служить.

Федор

Спасибо же тебе!
Спасибо, шурин. Знаешь ли, теперь
Нам Шуйского бы надо успокоить!
Ведь он тебя не понял; я ведь тоже
Тебя вчера не понял!

Входит **Клешнин**, подает Годунову бумаги и уходит. **Годунов** пробегает их и передает Федору.

Годунов

Государь,
Сперва прочти вот это донесенье
Из Углича и тайное письмо,
Которое Михайло Головин,
Сторонник Шуйских, написал к Нагим;
Его прислал с нарочным Битяговский.

Федор

(смотрит в бумаги)

Ну, что же тут? «И в пьяном виде часто
Ругаются негодными словами…»
Да кто же слов не говорит негодных,
Когда он пьян? «И деньги вымогают
С угрозами…» Да ты уж им не мало ль
Назначил, шурин? Ведь они привыкли
Жить широко при батюшке! Ты им бы
Поболе дал! Ну, что же тут еще?
«И хвалятся, что с помощию Шуйских
Они царя…» Помилуй, быть не может!

Годунов

Ты грамоту прочти Головина.

Федор

(читает про себя, останавливается и качает головой)

Меня согнать с престола? Боже мой,
Зачем бы им не подождать немного?
Всем ведомо, что я недолговечен;
Недаром тут, под ложечкой, болит.
Не то хоть Мите подрасти бы дали!
Уж как бы я охотно уступил
Ему престол! А то теперь насильно
Меня согнать, а малого ребенка
Вдруг посадить, а там еще опека,

Разрухи, смуты, разоренье царству —
Нехорошо!

Годунов

Теперь ты видишь, царь,
Зачем Нагим нельзя позволить было
Вернуться на Москву?

Федор

Нехорошо!

Годунов

Ты благодушно, царь, об этом судишь,
А между тем великая опасность
Грозит земле. Не терпит время. Нам
Решительное надо сделать дело!

Федор

Какое дело, шурин?

Годунов

Государь!
Из грамоты Головина ты видишь,
Что Шуйские с Нагими в заговоре.
Ты должен приказать немедля Шуйских
Под стражу взять.

Федор

Под стражу? Как? Ивана
Петровича под стражу? А потом?

Годунов

Потом — когда себя он не очистит —
Он должен быть…

Федор

Что должен быть?

Годунов

Казнен.

Федор

Как? Князь Иван Петрович? Тот, который
Был здесь сейчас? Которого сейчас я

Брал за руку?

Годунов

Да, государь.

Федор

С которым
Тебя вчера я помирил?

Годунов

Тот самый.

Федор

Он? С братьями казнен?

Годунов

Со всеми, кто
Причастен к их измене.

Федор

И с Нагими?

Годунов

Без Шуйских эти не опасны, царь.

Федор

Того казнить сбираешься ты, шурин,
Кто землю спас?

Годунов

Того, кто посягает
На твой престол.

Федор

И это все затем,
Что в пьяном виде на меня Нагие
Грозилися? Что вздумалось кому-то
К ним написать, без ведома, должно быть,
И самых Шуйских? Шурин, ты скажи мне,
Ты с тем лишь мне служить еще согласен,
Чтоб я тебе их выдал головой?

Годунов

Лишь только так могу я, государь,
Тебе за целость царства отвечать.
Когда тебе мне верить не угодно,
Раз навсегда дозволь мне удалиться,
А на себя за все возьми ответ!

Федор

(после долгой борьбы)

Да, шурин, да! Я в этом на себя
Возьму ответ! Вот видишь ли, я знаю,
Что не умею править государством.
Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить и обмануть нетрудно.
В одном лишь только я не обманусь:
Когда меж тем, что бело иль черно,
Избрать я должен — я не обманусь.
Тут мудрости не нужно, шурин, тут
По совести приходится лишь делать.
Ступай себе, я не держу тебя;
Мне бог поможет. Я измене Шуйских
Не верю, шурин; если ж бы и верил,
И тут бы их на казнь я не послал.
Довольно крови на Руси лилося
При батюшке, господь ему прости!

Годунов

Но, государь…

Федор

Я знаю, что́ ты скажешь:
Что через это царство замутится?
Не правда ли? На то господня воля!
Я не хотел престола. Видно, богу
Угодно было, чтоб немудрый царь
Сел на Руси. Каков я есть, таким
Я должен оставаться; я не вправе
Хитро вперед рассчитывать, что будет!

Годунов

Но, государь, подумай…

Федор

Что тут думать?
Что думать, шурин? Дело решено.
Мне твоего не надо уговора;
Свободен ты; оставь меня теперь;
Мне одному остаться надо, шурин!

Годунов

Я ухожу, великий государь!..

Направляется медленно к двери, но прежде, чем отворить ее, оборачивается на Федора.

Федор дает ему уйти и кидается на шею Ирине.

Федор

Аринушка! Родимая моя!
Ты, может быть, винишь меня за то,
Что я теперь его не удержал?

Ирина

Нет, Федор, нет! Ты сделал так, как должно!
Ты ангела лишь слушай своего,
И ты не ошибешься!

Федор

Да, я тоже
Так думаю, Аринушка. Что ж делать,
Что не рожден я государем быть!

Ирина

Ты весь дрожишь, и сердце у тебя
Так сильно бьется!

Федор

Бок болит немного;
Аринушка, я не пойду к обедне.
Ведь тут греха большого нет, не правда ль,
Одну обедню пропустить? Я лучше
Пойду к себе в опочивальню; там
Прилягу я и отдохну часочек.
Дай на руку твою мне опереться;
Вот так! Пойдем, Аринушка; на бога
Надеюсь я, он не оставит нас!

(Уходит, опираясь на руку Ирины.)

Действие четвертое

ДОМ КНЯЗЯ ИВАНА ПЕТРОВИЧА ШУЙСКОГО

Князь Иван Петрович и **княжна Мстиславская**. В стороне стол с кубками, за которым стоит **Старков**.

Кн. Иван Петрович

Не плачь, Наташа, я ведь не серчаю;
Тебе простил я; баба та тебя
Попутала, а бог и наказал.

Княжна

Князь-дядюшка, а с ним-то что же будет?

Кн. Иван Петрович

С Григорьем-то? Да в гору, чай, пойдет,
Когда захочет выдать нас. Два раза
Я посылал за ним, чтобы его
Усовестить, да не могли найти.
Вот голова! Когда б меня дождался,
Так не дошло б до этого.

Княжна

Ты, дядя,
Его простил бы? Ты бы за царя
Меня не стал неволить?

Кн. Иван Петрович

За таким
Тебя мне жаль бы видеть было мужем!
Я пожурил бы вас обоих, сло́ва ж
Назад не взял бы. Ошалели братья.

Княжна

Он не пойдет к царице! Не захочет
Он выдать вас!

Кн. Иван Петрович

И самому мне что-то
Не верится; но выдаст иль не выдаст,
Мы ждать не будем; прежде, чем вернулся
Я от царя, все было решено.

Княжна

Не мучь меня — скажи мне, бога ради,
Что́ ты решил?

Кн. Иван Петрович

Не девичье то дело,
Наташенька; узнаешь после.

Княжна

Дядя,
Твой мрачен вид — ты смотришь так сурово —
Со мной одной по-прежнему ты ласков,
Ты добр со мной; но страшно мне смотреть
Тебе в глаза — хотелось бы по ним
Мне отгадать, что́ ты задумал?

Кн. Иван Петрович

Тотчас
Князья придут, мне дело с ними есть;
Поди к себе, Наташа.

Княжна

Дай остаться
С тобою мне! Дай потчевать гостей!

Кн. Иван Петрович

Нельзя, Наташа.

Княжна

(про себя)

Господи, ужели
Недаром сердцу чуется беда!

(Уходит.)

Входят **братья кн. Ивана Петровича**, купцы **Голубь** и **Красильников с другими сторонниками Шуйских**. Все останавливаются перед ним в почтительном молчании. Кн. Иван Петрович смотрит на них некоторое время, не говоря ни слова.

Кн. Иван Петрович

(сидя)

Вам ведомо, как дело повернулось:
Схватить нас могут каждый миг. Хотите ль
Погибнуть все или со мной идти?

Все

Князь-государь, приказывай что хочешь —
Мы все с тобой!

Кн. Иван Петрович

Так слушайте ж меня!
Князь Дмитрий, ты сейчас поедешь в Шую,
Сберешь народ, дворян и духовенство
И с лобного объявишь места им,

Что Федор-царь во скудоумье впал
И государить долее не может;
Царем же нам законным учинился
Его наследник Дмитрий Иоанныч,
Пусть крест ему целуют. — Князь Андрей!
Тебя я шлю в Рязань. Сбери войска
И на Москву веди их. Князь Феодор!
Ты едешь в Нижний! Князь Иван, ты — в Суздаль!
Боярин Головин! Тебя избрал
Я в Углич ехать. Там с Нагими вы
Димитрия объявите царем
И двинетесь, при звоне колокольном,
С ним на Москву, хоругви распустя.
Я со Мстиславским и со князь Васильем
Останусь здесь, чтоб Годунова взять
Под караул.

(К дворецкому.)

Федюк, подай братину!
Во здравье каждому и в добрый путь —
И да живет царь Дмитрий Иоанныч!

Все

(кроме Василия Шуйского)

Да здравствует царь Дмитрий Иоанныч!

Кн. Василий Шуйский

Князь-дядюшка, не в гнев тебе сказать —
Не скоро ль ты решился? Вспомни только —
Сего утра еще ты не хотел
Дойти до этого!

И. Я. Билибин. Боярский пир. Начало XX в.

Кн. Иван Петрович

Я был дурак!
Пред кем хотел я уличить Бориса?
Перед царем? Нет на Руси царя!

Кн. Василий Шуйский

Обдумай, князь…

Кн. Иван Петрович

Я все обдумал. Голубь!
Я виноват перед тобой — ты прав!
Как малого мальчишку, тот татарин
Меня провел — он лучше знал царя!
Как удалось тебе уйти?

Голубь

Доро́гой,
Князь-батюшка, веревки перетер,
А на плоту, на Красной переправе,
Сшиб двух стрельцов, с повозки прыгнул в воду
И вплавь утек!

Кн. Иван Петрович

Ты вовремя вернулся!

Сегодня же с Красильниковым ты,
И с этими другими молодцами,
Торговых вы подымете людей!

Красильников

Уж положись на нас, князь-государь!
Все поголовно встанем на Бориса!

Кн. Иван Петрович

Лишь смеркнется, готовы будьте все;
Когда ж раздастся выстрел из царь-пушки —
Входите в Кремль.

(К дворецкому.)

Федюк, подай стопу!
Во здравье всех!

(Отпивает и передает купцам.)

Купцы

Князь-батюшка! Ты нам
Родной отец! Тобою лишь стоим!
Дай господи тебе сломить Бориса —
И да живет Димитрий-царь!

Кн. Иван Петрович

Аминь!

Купцы уходят.

(К Мстиславскому.)

Ты, князь, сейчас же выбери надежных
Пятьсот жильцов. Пусть крест они целуют
Царю Димитрию; когда ж стемнеет,
Веди их в Кремль. Я с князь Васильем вместе
Меж тем схвачу Бориса на дому.

Кн. Василий Шуйский

Эй, дядюшка! Ты знаешь, я не трус,
Опасного я не боюся дела —
Но все ж подумай лучше!

Кн. Иван Петрович

Много думать —
От дела отказаться. Нам теперь
Уж нечего раскидывать умами —

И ясен путь открылся перед нами!

ДОМ ГОДУНОВА

Годунов в волнении ходит взад и вперед. **Клешнин** стоит, прислонясь к печи.

Годунов

Я отрешен! Сам Федор словно нудит
Меня свершить, чего б я не хотел!
Нагие ждут давно моей опалы,
И весть о ней им дерзости придаст.
Они теперь на все решатся. Дмитрий
Им словно стяг, вкруг коего сбирают
Они врагов, и царских и моих.
Того и жди: из Углича пожаром
Мятеж и смуты вспыхнут. Битяговский —
Мне на него рассчитывать нельзя —
Меня продаст он, если не приставлю
За ним смотреть еще кого-нибудь.
Я принужден — я не могу иначе —
Меня теснят…

(К Клешнину.)

Ты хорошо ли знаешь
Ту женщину?

Клешнин

На все пригодна руки!
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна к богу, с чертом не в разладе —
Единым словом: баба хоть куда!
Она уж здесь. Звать, что ль, к тебе?

Годунов

Не нужно.
Ты скажешь ей, чтобы она блюла
Царевича, а паче примечала б,
Что говорят Нагие. Как царя
Оставил ты?

Клешнин

Над кипой тех бумаг,
Которые отнесть ему велел ты;
То лоб потрет, то за ухом почешет,
И ничего, сердечный, не поймет!

Годунов

Не выдержит.

(Задумывается.)

Мне все на ум приходит,
Что в оный день, когда царя Ивана
Постигла смерть, предсказано мне было.
Оно теперь свершается: помеха
Моя во всем, вредитель мой и враг —
Он в Угличе…

(Опомнившись.)

Скажи ей, чтоб она
Блюла царевича!

Клешнин

А посмотреть
Ее не хочешь, батюшка?

Годунов

Не нужно!

(Про себя.)

«Слаб, но могуч — безвинен, но виновен —
Сам и не сам — потом — убит!»

(К Клешнину.)

Скажи ей,
Чтобы она царевича блюла!

(Уходит.)

Клешнин

(один)

Чтобы блюла! Гм! Нешто я не знаю,
Чего б хотелось милости твоей?
Пожалуй — что ж! Грех на душу возьму!
Я не брюзглив — не белоручка я!
Пока он жив, от Шуйских и Нагих
Не будет нам покоя. Вишь, как крылья
Подрезали! Не ждал я этой рыси
От Федора Иваныча! Конечно,
Не выдержит — а если между тем
Случится что?

(Отворяет дверь.)

Сударыня, войди!

Волохова

(входит с просвирой в руках)

Благослови, владычица святая!
Поклон тебе, боярин, принесла
От Трех святителей, просвирку вот
Там вынула во здравие твое!

Клешнин

(ласково)

Садись сюда, голубушка, спасибо!
Тебе сказали, для чего послал
Я за тобой?

Волохова

(садясь)

Сказали, государь,
Сказали, свет: боярин Годунов
Сменяет, мол, царевичеву мамку,
Меня ж к нему приставить указал.
Уж будь спокоен! Пуще ока стану
Его беречь; и ночи не досплю,
И куса не доем, а уж дитятю
Я соблюду!

Б. В. Зворыкин. Боярин. 1900-е

Клешнин

Бывала в мамках ты?

Волохова

Лгать не хочу, боярин, не бывала,
А уж куда охоча до детей!
Ребеночек ведь тот же ангел божий!

Сама сынка вскормила своего,
Двадцатый вот пошел ему годок,
Все при себе, под крылышком, держала
До морового года; лишь в тот год
Поопасалась вместе жить.

Клешнин

Что так,
Голубушка!

Волохова

А в этакую пору
Недолго до греха: как раз подсыплет
Чего-нибудь, отпел, похоронил,
Наследство взял — и поминай как звали!
Кому в такое время разбирать!

Клешнин

Ты свахою, голубушка, теперь?

Волохова

Бываю в свахах, батюшка-боярин,
Хвалиться грех, а без меня немного
Играется и свадеб на Москве!

Клешнин

Какую же последнюю ты свадьбу
Устроила?

Волохова

А Шаховского князя
С Мстиславскою княжною, государь.

Клешнин

Не с тою ли, которую вчера
Ты при живой царице за царя
Хотела сватать?

Волохова

Боже упаси!
Какой тебе разбойник то сказал?
Какой собака, вор и клеветник?
Чтоб у него язык распух! Чтоб очи
Полопались!

Клешнин

(грозно)

Молчи, старуха! Цыц!
Мы знаем все! Покойный государь,
Блаженной памяти Иван Васильич,
На медленном огне тебя бы, ведьму,
Изволил сжечь! Но жалостлив боярин
Борис Феодорович Годунов:
Он вместо казни даст тебе награду,
Когда свою исполнить службу ты
Сумеешь при царевиче.

Волохова

Сумею!
Сумею, батюшка! Сумею, свет!
Уж положися на меня! И мухе
Я на дитятю сесть не дам! Уж будет
И здрав, и сыт, и цел, и невредим!

Клешнин

Но если б что не по твоей вине
Случилось с ним…

Волохова

Помилуй, уж чему
При мне случиться!

Клешнин

(значительно)

Он тебе того
В вину бы не поставил!

Волохова смотрит в удивлении.

Слушай, баба:
Никто не властен в животе и смерти —
А у него падучая болезнь!

Волохова

Так как же это, батюшка? Так что же?
В толк не возьму?

Клешнин

Бери, старуха, в толк!

Волохова

Да, да, да, да! Так, так, боярин, так!
Все в божьей воле! Без моей вины
Случиться может всякое, конечно!
Мы все под богом ходим, государь!

Клешнин

Ступай, карга! С тобой перед отъездом
Увижусь я — но помни: денег вдоволь —
Или тюрьма!

Волохова

Помилуй, государь,
Зачем тюрьма! Уж ты не поскупись,
Ведь наше дело вдовье. Да дозволь уж
Сынка забрать!

Клешнин

Ты в том вольна, ступай!

Волохова

Прости же, государь; уж будешь нами
Доволен! Так! Конечно, так, конечно!
Час неровён, случиться может всяко!
Один лишь бог силен и всемогущ,
Один господь, а наше дело вдовье!

(Уходит.)

Слуга

(докладывает)

Федюк Старков!

Клешнин

Зови его сюда!

Старков входит, занавес опускается.

ЦАРСКИЙ ТЕРЕМ. ПОЛОВИНА ЦАРИЦЫ

Федор сидит за кипою бумаг и обтирает пот с лица. Перед ним стоят государственные печати, большая и малая. **Ирина** подходит и кладет ему руку на плечо.

Ирина

Ты отдохнул бы, Федор.

Федор

Ничего
Понять нельзя! Борис нарочно мне
Дела такие подобрал! Один лишь
Толковый лист попался: наш гонец
Из Вены пишет: цесарь-де готовит
Подарок мне — шесть обезьян мне шлет.
Аринушка, я их отправлю к Мите!

Ирина

Так ты его не выпишешь?

Федор

Вот видишь,
Аринушка, когда бы согласился
Борис остаться…

Ирина

На его ты место
Еще не выбрал никого?

Федор

Ведь ты же,
Ты ж говорила: лучше подождать.
Ты думала, он сам придет мириться,
А он прислал мне этот ворох дел!
Уж я над ним измучился, и вот
Еще беда: за Шуйским я послал,
За князь Иваном, чтоб помог он мне
Все разобрать, а он велел ответить,
Что нездоров; упрямится, должно быть.
Я вновь послал: челом-де бью ему,
Такое-де есть дело, о котором
Не знает он!

Входит **Клешнин**.

А, это ты, Петрович!
Откуда ты?

Клешнин

От хворого.

Федор

Откуда?

Клешнин

От хворого от твоего слуги,
От Годунова.

Федор

Разве он хворает?

Клешнин

А как же не хворать ему, когда
Его, за все заслуги, словно пса,
Ты выгнал вон! Здорово, мол, живешь!

Федор

Помилуй, я…

Клешнин

Да что тут говорить!
Ты, батюшка, был от младых ногтей
Суров и крут и сердцем непреклонен.
Когда себе что положил на мысль,
Так уж поставишь на своем, хоть там
Весь свет трещи!

Федор

Я знаю сам, Петрович,
Что я суров…

Клешнин

Весь в батюшку пошел!

Федор

Я знаю сам — но неужель Борис
Не помири́тся, если я скажу,
Что виноват?

Клешнин

Он столького не просит.
Лишь прикажи мне приложить печать
Вот к этому листу о взятье Шуйских
Немедленно под стражу — и он снова
Тебе слуга!

Федор

Как? Он не перестал
Подозревать?

Клешнин

Царь! Тут не подозренье,
Тут полная улика налицо!
Старков, дворецкий князь Ивана, нам
Сейчас донес, что князь Иван сегодня
Решил признать царенка государем,
Тебя ж решил с престола до утра
Согнать долой. Ты, батюшка, Старкова
Хоть сам спроси!

Федор

Уж эти мне доносы!
Я в первый раз Старкова имя слышу,
А Шуйского звучит повсюду имя,
Как колокол. Ужели хочешь ты,
Чтоб я какому-то Старкову боле,
Чем Шуйскому, поверил?

Клешнин

Верь не верь,
Я говорю тебе: когда их всех
Ты не велишь сейчас же…

Стольник

(докладывает)

Князь Иван
Петрович Шуйский!

Клешнин

Как? Он сам?

Федор

(радостно)

Пришел!
Пришел, Аринушка!

Клешнин

Вели его
Под стражу взять!

Федор

Стыдись, стыдись, Петрович!

(К стольнику.)

Пускай войдет!

(К Клешнину.)

Я при тебе его
Сейчас спрошу.

Входит **кн. Иван Петрович**.

Здорово, князь Иван!
Вообрази: есть на тебя донос,

Кн. Иван Петрович смущается.

Но я ему не верю. Я хочу,
Чтоб ты мне сам сказал, что предо мною
Ты чист теперь, как ты пред целым светом
Всегда был чист, и слова твоего
С меня довольно.

Кн. Иван Петрович

Государь…

Федор

Ты, князь,
Меня пойми: ведь я не сомневаюсь,
Я лишь хочу…

Клешнин

Нет, батюшка, позволь!
Уж коль на то пошло, дай лучше мне
Его спросить: князь-государь! Ты можешь
Поцеловать царю вон ту икону,
Что изменить не думал ты ему?

Кн. Иван Петрович

Допрашивать меня не признаю
Я права за тобой.

Федор

Князь, то не он —
То я прошу тебя!

Клешнин

Вот я икону
Сейчас сыму…

Федор

Не нужно тут иконы.
Скажи по чести мне, по чести только!
Ну, князь!

Кн. Иван Петрович

Уволь меня!

Ирина

(которая не спускала глаз с Шуйского)

Свет-государь,
Зачем таким вопросом оскорблять
Того, чья доблесть всем давно известна?
Не спрашивай его — потребуй только,
Чтоб он тебе святое слово дал
И впредь остаться верным, как он верен
Доселе был!

Федор

Нет, я хочу, Арина,
Вот этого порядком пристыдить.
Скажи мне, князь, по чести мне скажи:
Задумал ты что-либо надо мною?
Да говори ж!

Клешнин

По чести! Слышишь, князь?

(Про себя.)

А по иконе было бы вернее!

Ирина

(к Федору)

Свет-государь…

Федор

Ну, князь?

Кн. Иван Петрович

Уволь меня!

Федор

Нет, не уволю!

Клешнин

Ты, чай, трусишь, князь?

Федор

Какое трусит? Он упрям и крут,
Да я его и круче и упрямей!
Нашла коса на камень, и доколе
Он мне не даст ответа, я его
Не выпущу отсель!

Кн. Иван Петрович

Так знай же все!

Федор

(с испугом)

Что? Что ты хочешь?..

Кн. Иван Петрович

Да! Ты слышал правду —
Я на тебя встал мятежом!

Федор

Помилуй…

Кн. Иван Петрович

Ты слабостью своею истощил
Терпенье наше! Царство отдал ты
В чужие руки — ты давно не царь,
И вырвать Русь из рук у Годунова
Решился я!

Федор

(вполголоса)

Тс! Тише!

(Указывая на Клешнина.)

Не при нем!
Не говори при нем — Борису он
Расскажет все!

Клешнин

Да продолжай же, князь!

Федор

Молчи, молчи! Глаз на́ глаз скажешь мне!

Клешнин

Царь ждет ответа!

Кн. Иван Петрович

Да, сегодня брата
Я твоего признал царем!

Федор

Петрович,
Не верь ему! Не верь ему, Арина!

Кн. Иван Петрович

Теперь тебя о милости единой
За прежние заслуги я прошу:
Один лишь я виновен! Не вели
Сторонников моих казнить — не будут
Они тебе опасны без меня!

Федор

Что ты несешь? Что ты городишь? Ты
Не знаешь сам, какую небылицу
Ты путаешь!

Кн. Иван Петрович

Не вздумай, государь,
Меня простить. Я на тебя бы снова
Тогда пошел. Царить не можешь ты,
А под рукою Годунова быть
Я не могу!

Клешнин

(про себя)

Вишь, княжеская честь!
И подгонять не надо!

Федор

(берет Шуйского в сторону)

Князь, послушай:
Лишь потерпи немного — Мите только
Дай подрасти — и я с престола сам

Тогда сойду, с охотою сойду,
Вот те Христос!

Клешнин

(подходит к столу и берет печать)

Прихлопнуть, что ль, приказ?

Федор

Какой приказ? Ты ничего не понял!
Я Митю сам велел царем поставить!
Я так велел — я царь! Но я раздумал;
Не надо боле; я раздумал, князь!

Клешнин

Да ты в уме ль?

Федор

(на ухо Шуйскому)

Ступай! Да ну, ступай же!
Все на себя беру я, на себя!
Да ну, иди ж, иди!

Кн. Иван Петрович

(в сильном волнении)

Нет, он святой!
Бог не велит подняться на него —
Бог не велит! Я вижу, простота
Твоя от бога, Федор Иоанныч, —
Я не могу подняться на тебя!

Федор

Иди, иди! Разделай, что ты сделал!

(Вытесняет его из комнаты.)

Клешнин

(подымая печать над приказом)

Царь-батюшка, вели скрепить приказ!
Не дай ему собрать войска! Царица,
Скажи ему, что участь государства
В приказе сем!

Ирина

В нем нет уже нужды!
Гроза прошла, не враг нам боле Шуйский!

Федор

Петрович, слышишь? Слышал ты, Петрович?
Аринушка, ты ангел! От тебя
Ничто не скроется, ты все заметишь
И все поймешь! Да, Шуйский нам не враг!

Шум за дверью. **Сенная девушка** вбегает в испуге.

Сенная девушка

Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то
Вломился в терем сумасшедший!

Голос Шаховского

(за сценой)

Прочь!
Прочь! Не держите! Я хочу к царице!

В дверях показывается **Шаховской**, удерживаемый **несколькими слугами**. Он их отталкивает и бросается **Ирине** в ноги.

Шаховской

Прости меня, прости меня, царица!
Напрасно я от самого утра
К тебе прошусь!

Неизвестный художник. Царь Федор Иоаннович. XIX в.

Федор

Да это Шаховской!

Слуги

(вбегают со стрельцами)

Хватайте вора!

Федор

Тише, тише, люди!
Здесь вора нет!

(К Шаховскому.)

Скажи мне, растолкуй,
Чего ты хочешь?

Шаховской

Царь! Казни меня —
Казни меня, но выслушай! Тебя
Хотят с твоей царицей развести!

Федор

Ты бредишь, князь!

Клешнин

(про себя)

Так вот оно в чем дело!

(К Федору.)

Царь, выслушай его!

Шаховской

Мою невесту
Они хотят посватать за тебя!

Федор

Кто? Кто они?

Шаховской

Дядья моей невесты,
Княжны Мстиславской, Шуйские-князья!

Федор

Да ты и впрямь помешан, князь!

Шаховской

(встает и подает бумагу)

Вот, вот
Их челобитня! Матушка-царица!
Вели невесту мне отдать! Вели,
Царь-государь, сегодня же — сейчас же
Нас обвенчать!

Клешнин

Об этой челобитне

Слыхали мы. Позволь-ка поглядеть!

(Берет бумагу в руку и, просмотрев, обращается к Федору.)

Вот, батюшка, ты говорил сейчас,
Твоя царица знает князь Ивана —
А на поверку вышло, что не знает!
Ее, сердечную, ее, голубку,
Ее, которая сейчас, как ангел,
Стояла за него, — ее он хочет,
Как грешную, преступную жену,
Как блудницу, с тобою развести,
Тебе ж свою племянницу посватать!
Не веришь, батюшка? Смотри, читай!

(Подает Федору бумагу.)

Федор

(читает)

«Ты новый брак прими, великий царь,
Мстиславскую возьми себе в царицы…
Ирину ж Годунову отпусти
Во иноческий чин…»

Клешнин

Ты руку знаешь
Иван Петровича? Читай же подпись!

Федор

(читает)

«И в том тебе соборне бьем челом
И руки прилагаем: Дионисий,
Митрополит всея Руси… Крутицкий
Архиепископ Варлаам… Князь…» Что?

(Дрожащим голосом.)

«Князь… Князь Иван… Иван Петрович
Шуйский»!
Его рука! Он также подписался!
Аринушка, он подписался!

(Падает в кресла и закрывает лицо руками.)

Ирина

Федор…

Федор

Он! Он! Пускай бы кто другой, но он!
Нас разлучить с тобой!

(Плачет.)

Ирина

Опомнись, Федор!

Федор

Тебя сослать!

Ирина

Мой царь и господин!
Не ведаю сама, что это значит;
Но ты подумай: если князь Иван
Сейчас хотел свести тебя с престола,
Он мог ли мыслить выдать за тебя
Мстиславскую?

Федор

Тебя — мою Ирину —
Тебя постричь!

Ирина

Ведь этого не будет!

Федор

(вскакивая)

Не будет! Нет! Не дам тебя в обиду!
Пускай придут! Пусть с пушками придут!
Пусть попытаются!

Ирина

Свет-государь,
Напрасно ты тревожишься. Кто может
Нас разлучить? Ты царь ведь!

Федор

Да, я царь!
Они забыли, что я царь! Петрович,
Где тот приказ?

(Бежит к столу и прикладывает печать к приказу.)

На! На! Отдай Борису!

Ирина

Что сделал ты…

Федор

Под стражу их! В тюрьму!

Ирина

Мой господин! Мой царь! Не торопись!

Федор

В тюрьму! В тюрьму!

Шаховской

(выходя из оцепенения)

Царь-государь, помилуй!
Я не того просил! Я о невесте
Тебя просил!

Федор

Борис вас разберет!

Шаховской

Он изведет их! Он погубит Шуйских!

Федор

Всех разберет он!

Шаховской

Я палач им буду!
Царь, смилуйся!

Федор

В тюрьму! В тюрьму их!

Шаховской

Боже!
Что сделал я!

(Убегает.)

Ирина

Свет-государь, послушай —

Верни его! Верни ты Клешнина!
Не торопись! Не посылай ты Шуйских
Теперь в тюрьму, *теперь*, когда они
Обвинены в измене!

Федор

Ни, ни, ни,
Аринушка! И не проси меня!
Ты этого не разумеешь! Если
Я подожду, я их прощу, пожалуй,
Я их прощу — а им нужна наука!
Пусть посидят! Пусть ведают, что значит
Нас разлучать! Пусть посидят в тюрьме!

(Уходит.)

БЕРЕГ ЯУЗЫ

Через реку живой мост. За рекой угол укрепления с воротами. В стороне — рощи, мельницы и монастыри. По мосту проходят **люди** разных сословий. **Курюков** идет с бердышом в руках. За ним **гусляр**.

Курюков. Стой здесь, парень, налаживай гусли, а как соберется народ, зачинай песню про князь Иван Петровича! Господи, благослови! Господи, помоги! Вот до чего дожить довелось!

Гусляр строит гусли; Курюков осматривает бердыш.

Ишь, старый приятель! От самого от блаженной памяти от Василь Иваныча не сымал тебя со стены, аж всего ржавчина съела. А вот сегодня еще послужишь. Ну, перебирай лады, парень, вона народ подходит!

Посадский *(подходит к Курюкову).* Доброго здоровья дедушке Богдану Семенычу! Что это у тебя за бердыш?

Курюков. Внучий бердыш, батюшка, внучий бердыш! Татары, слышно, оказались. Внуку-то, вишь, некогда, так я-то вот и взялся его бердыш на справку снести да вот парня послушать остановился.

Посадский. А близко нешто татары?

Курюков. Близко, слышно.

Другой посадский. А кого навстречу пошлют?

Третий посадский. Чай, опять князь Иван Петровича?

Курюков. Годунова пошлют!

Первый. Что ты, помилуй, Богдан Семеныч.

Курюков *(злобно).* А что? Чем Годунов вам не воевода?

Третий. Где ж ему супротив Иван Петровича?

Курюков. Ой ли? *(К гусляру.)* Ну, что ж песня-то? Песня?

Гусляр

(поет)

«Копил король, копил силушку,
Подходил он под Опсков-город,
Подошедши, похваляется:
„Уж собью город, собью турами,
Воеводу, князя Шуйского,
По рукам и по ногам скую,
Царство русское насквозь пройду!“»

Один из народа. Царство русское насквозь пройду! Ха-ха! Малого захотел!

Другой. Иван Петровича скую! Да, скуешь его! Попробуй!

Курюков *(к гусляру).* Ну, парень!

Русский воин XVI в. Перегравировка из книги Ц. Вичеллио 1590 г.

Гусляр

(продолжает)

«То не божий гром над Опсковом гремит,
Бьют о стены то ломы железные,
Ядра то каленые сыплются!»

Женщина. Пресвятая богородица, какие страхи!

Гусляр

(продолжает)

«А не млад то светел месяц зарождается,
Государь то Иван Петрович князь
На стене городской проявляется.
Он идет по стене, не сторонится,
Ядрам сустречь глядит, не морщится».

Один. Да, этот не морщился!

Гусляр

(продолжает)

«Целовали мы крест сидеть до смерти —
Не сдадим по смерть Опскова-города!»

Один. И не сдали Пскова, не сдали!

Другой. Святые угодники боронили его!

Женщина. Матерь божия покрывала!

Курюков. А кто сидел-то в нем, православные? Кто сидел-то в нем?

Один. Одно слово: Иван Петрович!

Курюков. То-то!

Гусляр

(продолжает)

«И пять месяцев король облегает Псков,
На шестой повесил голову.
А тем часом князь сделал вылазку
И побил всю силу литовскую,
Насилу король сам-третий убежал.
Бегучи, он, собака, заклинается:
„Не дай, боже, мне на Руси бывать,
Ни детям моим, ни внучатам,
Ни внучатам, ми правнучатам!“»

Один. И поделом ему! Знай наших! Знай князь Иван Петровича!

Гусляр

(заканчивает)

«Слава на небе солнцу высокому!
Слава на земле Иван Петровичу!
Слава всему народу христианскому!»

Один. Слава, воистину слава! Вот утешил, добрый человек!

Другой. Воздал честь, кому честь подобает! *(Кладет ему деньги в шапку.)* На тебе, добрый человек!

Все. Прими ж и от нас! И от меня! И от меня!

Все бросают деньги в шапку гусляра.

Один. Братцы, смотри, кто это сюда скачет?

Другой. Ишь, как плетью жарит коня! Должно быть, гонец!

Гонец *(верхом).* Место! Место! Раздайтесь на мосту!

Посадский. Эй, друг, откуда? С чем едешь?

Гонец. От Тешлова! Татары Оку перешли, на Москву идут! Место! Место!

Все раздаются. Гонец скачет по мосту в город.

Один. Ишь, притча какая! Чай, скоро подступят!

Женщина *(голосит).* Ой, господи светы! Ой, батюшки мои! Опять выжгут наши слободы!

Третий. Ну, расхныкалась! Нешто мы не видывали их! А князь-то Иван Петрович на что?

Четвертый. Король-то небось почище татар, а и тот от Иван Петровича поджамши хвост убежал!

Третий. Не родился еще тот, кто бы сломил Иван Петровича!

Курюков *(выступает вперед).* Родился, православные, родился! Родился он, окаянный! Сломил он Иван Петровича! Сковал его, света нашего! По рукам и по ногам сковал!

Народ. Что ты, дедушка, господь с тобой! Кто смеловал обидеть Иван Петровича!

Курюков. Годунов, православные, Годунов! Годунов хочет извести его! Сейчас его, отца нашего, в слободскую тюрьму поведут, здесь по мосту поведут!

Шум и говор в народе.

Вспомяните, детушки, кто всегда стоял за вас! Кто вас от лихих судей боронил? От старост и воевод? От приставов и от целовальников? Кто не пустил короля на Москву? Кто татар столько раз отгонял? Шуйские стояли за нас, православные! Да есть ли кто на целом свете супротив Шуйских? А к кому ноне примкнулись князья и бояре нашему ворогу, Годунову, отпор дать? Пропадем мы без Шуйских, детушки!

Голоса в народе. Не дадим в обиду Шуйских! Не дадим в обиду отца нашего, князь Иван Петровича!

Курюков. Так отобьем же его у Годунова, православные, да на руках домой понесем!

Народ. Отобьем!

Курюков. Постоим за Шуйских, как при Олене Васильевне стояли! Вот он, православные! Вот

он, отец наш, Иван Петрович! Вот он, с братьями, в кандалах идет!

Из городских ворот выезжают **бубенщики**. За ними едет **кн. Туренин**. За Трубецким **стрельцы** ведут **кн. Ивана Петровича** и других **Шуйских** (кроме Василия) в кандалах.

А. М. Васнецов. Старая Москва. 1896

Туренин *(к народу).* Раздайтесь на мосту! Что дорогу загородили!

Курюков. Батюшка, князь Иван Петрович! Говорил я тебе, не мирись! Говорил, родимый, не мирись с Годуновым!

Народ. Правое твое дело, Иван Петрович, а мы за тебя!

Туренин. Раздайтесь, смерды! По царскому указу Шуйских в тюрьму ведем!

Народ. По царскому? Неправда! По Годунова указу!

Туренин *(стрельцам).* Разогнать народ!

Курюков. Стойте дружно, православные! Кричите: Шуйские живут!

Народ. Шуйские живут! Выручим отца нашего!

Курюков. Ну, теперь за мной, как при Олене Васильевне! Шуйские! Шуйские! *(Бросается с бердышом на стрельцов.)*

Народ *(бросаясь за ним).* Шуйские! Шуйские!

Туренин *(к стрельцам).* Руби воров! Кидай их в воду!

Свалка.

Курюков *(падая с моста).* Шуйские! Господи, прими мою душу!

Кн. Иван Петрович. Смирно, детушки! Слушайте меня!

Народ. Отец ты наш! Не дадим тебя в обиду!

Кн. Иван Петрович. Слушайте меня, детушки, разойдитесь! То воистину царская воля! Не губите голов ваших!

Туренин. Вперед!

Кн. Иван Петрович. Погоди, князь, дай последнее слово к народу сказать. Простите, московские люди, не поминайте лихом! Стояли мы за вас до конца, да не дал бог удачи; новые порядки начинаются. Покоритесь же воле божией, слушайтесь царских указов, не подымайтесь на Годунова. Теперь не с кем вам идти на него и некому будет отстаивать вас. А терплю я за вину мою, в чем грешон, за то и терплю. Не в том грешон, что с Годуновым спорил, а в том, что кривым путем пошел, хотел царицу с царем развести. А потом и хуже того учинил, на самого царя поднялся! Он — святой царь, детушки, он — от бога царь, и царица его святая. Дай им, господи, много лет здравствовать! *(К Туренину.)* Ну, теперь, князь, идем. Простите, московские люди!

Народ. Батюшка! Отец наш! На кого ты нас, сирот, покидаешь!

Туренин. Бейте в бубны!

Бубенщики бьют в бубны. Народ расступается. Шуйских проводят через сцену. Из городских ворот выбегает **Шаховской**, без шапки, в одной руке сабля, в другой пистолет. За ним **Красильников** и **Голубь** с рогатинами.

Шаховской *(вне себя).* Где князь Иван Петрович?

Один из народа. А на что тебе? Выручать, что ли? Опоздал, боярин!

Другой *(указывая на сцену).* Эвот, сейчас тюремные ворота за ним захлопнулись!

Шаховской. Так за мной, люди! Раскидаем тюрьму по бревнам!

Красильников. Чего ребята, задумались? Аль не знаете нас?

Голубь. Это князь Шаховской, а нас вы знаете!

Говор в народе. А что ж, братцы! И в самом деле! Нас-то много, как не выручить! Идем, что ли, за князем?

Шаховской. К тюрьме, ребята! Шуйские живут!

Народ. Шуйские! Шуйские!

Все бегут за Шаховским.

Действие пятое

ПОКОЙ В ЦАРСКОМ ТЕРЕМЕ

Годунов и **Клешнин**.

Годунов

Сторонники захвачены ли Шуйских?

Клешнин

Быкасовы, Урусовы-князья,
И Татевы, и Колычевы все
Уже сидят. Не удалось накрыть лишь
Головина — пропал, как не бывало!
Мстиславского ж ты трогать не велел.

Слуга

(докладывает Годунову)

По твоему боярскому указу,
Василь Иваныч Шуйский приведен.

Годунов

Впустить его.

(К Клешнину.)

Ты нас одних оставишь.

Клешнин и слуга уходят. **Василий Шуйский** входит.

Здорово, князь. Мне ведомо, что дядю
От заговóра воровскóго ты
Удерживал. Хвалю тебя за это.

Василий Шуйский

Царю быть верным крест я целовал.

Годунов

И доводить на ворогов на царских.
Но ты на князь Ивана не довел.

Василий Шуйский

Я знал, боярин, что через Старкова
Все ведомо тебе.

Годунов

А знал ли ты,
Что этот лист мне также ведом?

Василий Шуйский

Знал.

Годунов

(показывая ему бумагу)

Ты сознаешься в подписи своей?

Василий Шуйский

Не в ней одной. Я сознаюсь, боярин,
Что челобитня эта мной самим
Затеяна. Зачем мне запираться?
Тебе хотел я службу сослужить:
Когда дядья в союз вошли с владыкой,
А к ним Москва пристала, каждый свой
Давал совет; нашлися и такие,
Что в Угличе признать царем хотели
Димитрия. Чтоб отвратить беду,
Я предложил им эту челобитню.
Зачем ее ты не дал нам подать?!
Ты знал о ней! Царя б ты подготовил,
Он нас бы выслушал, нам отказал бы,
И все бы кончилося тихо.

Годунов

Гладко
Ты речь ведешь. Я верю ли тебе
Или не верю — в этом нет нужды.
Ты человек смышленый; ты уж понял,
Что провести меня не так легко
И что со мной довольно трудно спорить.
В моих руках ты. Но не буду трогать
За прошлое тебя и обещаний
Не требую на будущее время.
Как прибыльней тебе: со мной ли быть
Иль на меня идти — об этом ты
Рассудишь сам. Подумай на досуге.

Василий Шуйский

Борис Феодорыч! О чем мне думать?
Я твой слуга!

Годунов

Мы поняли друг друга.

Прости ж теперь, на деле я увижу,
Ты искренно ли говорил.

Василий Шуйский уходит.

Слуга

(докладывает)

Боярин,
Царица к милости твоей идет!

Входит **Ирина**, в сопровождении **нескольких боярынь**. Годунов опускается перед ней на колени.

Годунов

Великая царица, я не ждал
Прихода твоего…

Ирина

(к боярыням)

Оставьте нас.

Боярыни уходят.

Брат, не тебе — мне на коленях быть
Перед тобой приходится!

Годунов

(вставая)

Сестра,
Зачем ко мне пришла ты без доклада?

Ирина

Прости меня — мне дорог каждый миг —
Тебя просить пришла я, брат!

Годунов

О чем?

Ирина

Ужели ты погубишь князь Ивана?

Годунов

В своей измене сам сознался он.

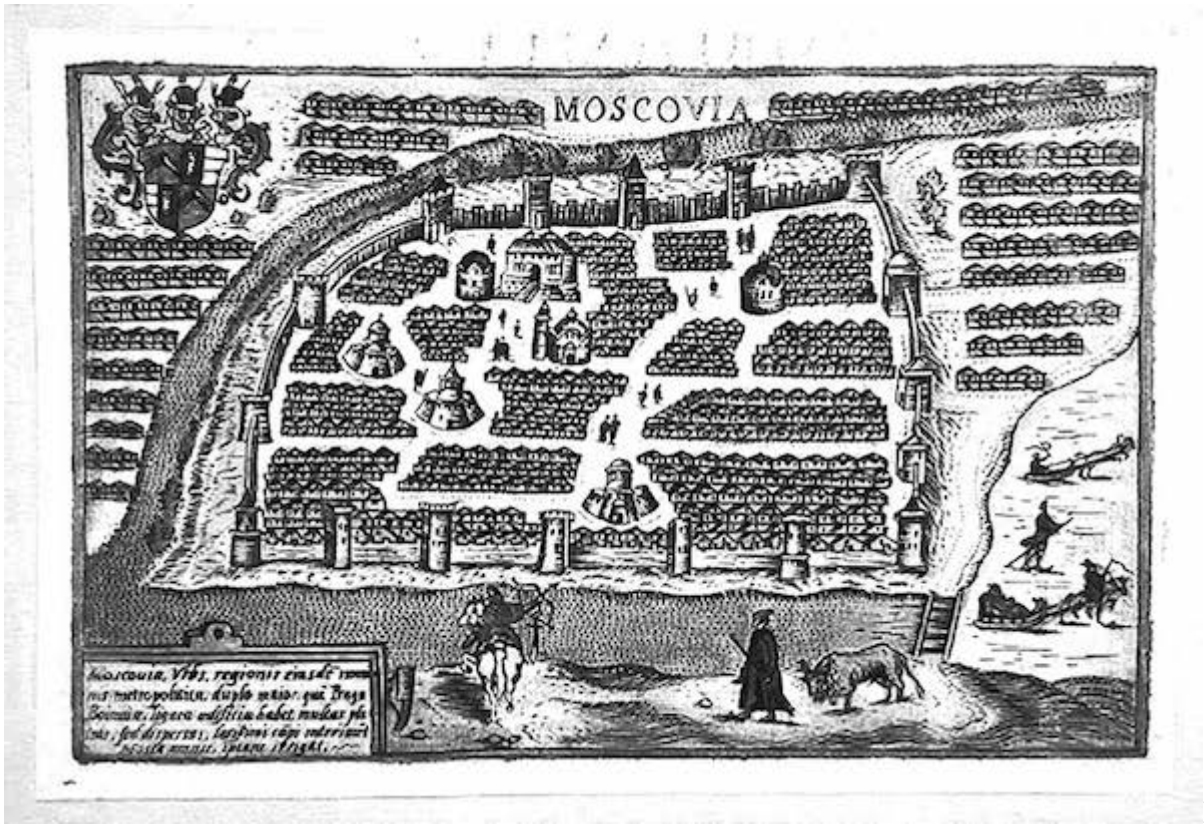
Ирина

Он в ней раскаялся! Его мы слову
Поверить можем. Благостью царевой
Он побежден. Чего боишься ты?
Ужель опять ко дням царя Ивана,
К дням ужаса, вернуться ты б хотел?
Им срок прошел! Не благостью ли Федор
Одной силен? Не за нее ли любит
Его народ? А Федорова сила —
Она твоя! Для самого себя
Ее беречь ты должен! Ею ныне,
Лишь ей одной, мы с Шуйскими достигли,
Чего достичь не смог бы страхом казни
Сам царь Иван!

Годунов

Высокая гора
Был царь Иван. Из недр ее удары
Подземные равнину потрясали
Иль пламенный, вдруг вырываясь, сноп
С вершины смерть и гибель слал на землю.
Царь Федор не таков! Его бы мог я
Скорей сравнить с провалом в чистом поле.
Расселины и рыхлая окрестность
Цветущею травой сокрыты, но,
Вблизи от них бродя неосторожно,
Скользит в обрыв и стадо и пастух.
Поверье есть такое в наших селах,
Что церковь в землю некогда ушла,
На месте ж том образовалась яма;
Церковищем народ ее зовет,
И ходит слух, что в тихую погоду
Во глубине звонят колокола
И клирное в ней пенье раздается.
Таким святым, но ненадежным местом
Мне Федор представляется. В душе,
Всегда открытой недругу и другу,
Живет любовь, и благость, и молитва,
И словно тихий слышится в ней звон.
Но для чего вся благость и вся святость,
Коль нет на них опоры никакой!
Семь лет прошло, что над землею русской
Как божий гнев пронесся царь Иван.
Семь лет с тех пор, кладя за камнем камень,
С трудом великим здание я строю,
Тот светлый храм, ту мощную державу,
Ту новую, разумную ту Русь, —
Русь, о которой мысля непрестанно,
Бессонные я ночи провожу.

Напрасно все! Я строю над провалом!
В единый миг все может обратиться
В развалины. Лишь стоит захотеть
Последнему, ничтожному врагу —
И он к себе царево склонит сердце,
И мной в него вложенное хотенье
Он изменит. Врагов же у меня
Немало есть — не все они ничтожны:
Ты наглость знаешь дерзкую Нагих,
Ты знаешь Шуйских нрав неукротимый —
Не прерывай меня — я Шуйских чту —
Но доблесть их тупа и близорука,
Избитою тропой они идут,
Со стариной сковало их преданье —
И при таком царе, каков царь Федор,
Им места нет, быть места не должно!

Неизвестный гравер. План Москвы в XVI веке. 1630-е

Ирина

Ты прав, Борис, тебе помехой долго
Был князь Иван; но ты уж торжествуешь;
Его вина, которой ныне сам
Стыдится он, порукой нам, что нет
У Федора слуги вернее!

Годунов

Верю;

Он вновь уже не встанет мятежом,
Изменой боле царского престола
Не потрясет — но думаешь ли ты,
Перечить мне он также отказался?

Ирина

Ты поборол его, тобой он сломан,
В темнице он; ужели мщенья ты
Послушаешь?

Годунов

Я мщения не знаю;
Не слушаю ни дружбы, ни вражды;
Перед собой мое лишь вижу дело
И не своих, но дела моего
Гублю врагов.

Ирина

Подумай о его
Заслугах, брат!

Годунов

За них приял он честь.

Ирина

К стенам Москвы с Ордою подступает
Ногайский хан. Кто даст ему отпор?

Годунов

Не в первый раз Москва увидит хана.

Ирина

От Шуйского от одного она
Спасенья ждет.

Годунов

Она слепа сегодня,
Как и всегда. Опаснее, чем хан,
Кто в самом сердце царства подрывает
Его покой; кто плевелом старинным
Не устает упорно заглушать
Величья нового посев. Ирина!
В тебе привык я ум высокий чтить
И светлый взгляд, которому доступны
Дела правленья. Не давай его

Ты жалости не дельной помрачать!
Я на тебя рассчитывал, Ирина!
Доселе ты противницей моею
Скорее, чем опорою, была;
Ты думала, что Федор государить
Сам по себе научится; тебе
Внутри души казалося обидным,
Что мною он руководим; но ты
Его бессилье видишь. Будь же ныне
Помощницей, а не помехой мне.
Недаром ты приставлена от бога
Ко слабому царю. Ответ тяжелый
Есть на тебе. Ты быть должна царицей —
Не женщиной! Ты Федора должна
Склонить теперь, чтоб отказался он
От всякого вступательства за Шуйских!

Ирина

Когда б могла я думать, что нужна
Погибель их для блага государства,
Быть может, я в себе нашла бы силу
Рыданье сердца подавить; но я
Не верю, брат, не верю, чтобы дело
Кровавое пошло для царства впрок,
Не верю я, чтоб сам ты этим делом
Сильнее стал. Нет, тяжким на тебя
Оно укором ляжет! Помогать
Избави бог тебе! Нет, я надеюсь
На Федора!

Годунов

Со мною хочешь снова
Ты врозь идти?

Ирина

Пути различны наши.

Годунов

Придет пора, и ты поймешь, Ирина,
Что нам один с тобою путь.

(Отворяет дверь и говорит за кулисы.)

Царица
Зовет своих боярынь!

Боярыни входят.

Ирина

Брат, прости!

Годунов

(с низким поклоном)

Прости меня, великая царица!

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД АРХАНГЕЛЬСКИМ СОБОРОМ

Нищие толпятся у входа. В глубине сцены виден **народ**.

Один нищий. Скоро ль выйдет царь?

Слепой. Слышишь, панихиду служат по покойном государе; уж вечную память пропели; должно быть, сейчас выйдет.

Другой нищий. А кто служит панихиду-то?

Слепой. Иов служит Ростовский. Его, слышно, и в митрополиты поставят, а владыку сведут.

Первый нищий. Дионисия-то сведут?

Слепой. Да, сведут. И Дионисия и Варлаама Крутицкого сведут. Годунову, вишь, неугодны стали, за Шуйских вступались.

Четвертый *(на костылях, протесняется вперед).* Братие! Слышали, что на Красной площади деется?

Слепой. А чему там деяться?

Четвертый. Купцам головы секут!

Первый. Каким купцам?

Четвертый. Ногаевым! Красильникову! Голубю, отцу с сыном! Еще других повели!

Все. Господи, твоя воля! Да за что ж это?

Четвертый. За то, что за Шуйских стояли. Сами-то Шуйские уж в тюрьме сидят!

Первый. Боже их помилуй! А царь-то что же?

Четвертый. Годунов обошел царя!

Все. Место! Место! Царица идет!

Нищие сторонятся, **Ирина** подходит со **Мстиславской**; за ней **боярыни. Стольник** идет впереди и раздает милостыню.

Ирина. Стой здесь, княжна. Выйдет царь, поклонись ему в ноги и проси за дядю.

Княжна. Государыня царица, награди тебя господь, что привела ты меня!

Ирина. Не бойся, дитятко, царь милостив. Что же ты так дрожишь? Дай я тебе поднизи

подправлю; и косу-то растрепала ты свою!

Княжна. Царица-матушка, сердце замирает; научи меня, как царю сказать?

Ирина. Как у тебя на сердце, так и скажи, дитятко. Где жених твой? Ему бы теперь с тобою быть!

Княжна. Не видала я его, царица, с той самой ночи, с того часа, как... *(Закрывает лицо и рыдает.)*

Дж. Кваренги. Восточный фасад Архангельского собора. Рисунок. 1797

Ирина. Бедная ты! И ему-то каково! Чай, теперь умереть бы рад, чтобы свое дело поправить!

Княжна. Воздай тебе матерь божия, что жалеешь ты нас!

Трезвон во все колокола. **Бояре** выходят из собора. Двое из них раздают милостыню. За ними идет **Федор**.

(Вполголоса.) Теперь, царица?

Ирина. Нет еще, подождем, дитятко; видишь, он помолиться хочет.

Федор

(становится на колени, лицом к собору)

Царь-батюшка! Ты, скольким покаяньем,
Раскаяньем и мукой искупивший
Свои грехи! Ты, с богом ныне сущий!

Ты царствовать умел! Наставь меня!
Вдохни в меня твоей частицу силы
И быть царем меня ты научи!

(Встает и хочет идти.)

Ирина

(ко Мстиславской)

Княжна, теперь!

Княжна

(бросается в ноги Федору)

Царь-государь, помилуй!

Федор

Чего тебе, боярышня? Встань, встань!

Княжна

Помилуй дядю моего!

Федор

Кто ты?
Кто дядя твой?

Княжна

Иван Петрович Шуйский!

Федор

Так ты княжна Мстиславская? Да, да,
Я узнаю тебя!

Ирина

(становится на колени)

Свет-государь!
Она тебя со мною вместе молит
За князь Иван Петровича!

Федор

Арина,
Что ты, Арина? Встань! Вставайте обе!
Я князь Иван Петровича прощу,
Но надобно, чтобы в тюрьме немного

Он посидел!

Ирина

Свет государь, прости
Его теперь! Пошли за ним сейчас же!
Вели ему оборонять Москву,
Как некогда он Псков оборонял!

Федор

Ну, хорошо, Арина, я и сам
Хотел послать за ним, немного позже
Хотел послать, но для тебя, Арина,
Пошлю сейчас.

(К Годунову.)

Борис, пошли за ним!

Годунов

Великий царь, ты сам же нам дозволил
Начать сперва над Шуйскими допрос.
Он начался…

Федор

Он должен прекратиться.

Годунов

Но, государь…

Федор

Ты слышал мой приказ?

Годунов

Великий царь…

Федор

Не вовремя ты вздумал
Перечить мне. От нынешнего дня
Я буду царь. Советы все и думы
Я слушать рад, но только слушать их —
Не слушаться! Где пристав князь Ивана?
Где князь Туренин?

Клешнин

Эвот, он идет!

Подходит **Туренин**.

Федор

(к Туренину)

Сейчас всех Шуйских освободить! Ивана ж
Петровича ко мне прислать!

Туренин не трогается с места.

Ты слышишь?
Чего ты ждешь?

Туренин

Великий царь…

Федор

Как смеешь
Еще стоять ты предо мной, когда
Тебя я шлю!

Туренин

Великий государь!
Не властен я твою исполнить волю…
Иван Петрович…

Федор

Ну?

Туренин

Он сею ночью…

Федор

Что — сею ночью? Говори! Ну, что?

Туренин

Он сею ночью пе́тлей удавился!

Княжна

Святая Матерь Божья!

Туренин

Государь,
В том виноваты, что недосмотрели;

Мы береглися, как народ его бы
Не свободил; вчера толпу отбили;
Привел ее с купцами Шаховской,
Да кабы я не застрелил его,
Вломились бы!

Княжна падает в обморок.

Федор

(смотрит страшно на Туренина)

Князь Шуйский удавился?
Иван Петрович? Лжешь! Не удавился —
Удавлен он!

(Хватает Туренина обеими руками за ворот.)

Ты удавил его!
Убийца! Зверь!

(К Годунову.)

Ты ведал это?

Годунов

Бог
Свидетель мне — не ведал.

Федор

Палачей!
Поставить плаху здесь, перед крыльцом!
Здесь, предо мной! Сейчас! Я слишком долго
Мирволил вам! Пришла пора мне вспомнить,
Чья кровь во мне! Не вдруг отец покойный
Стал грозным государем! Чрез окольных
Он грозен стал — вы вспомните его!

Гонец, весь запыленный, с грамотой в руках, поспешно подходит к Годунову.

А. М. Васнецов. Гонцы. Ранним утром в Кремле. Начало XVII века. 1913

Гонец

Из Углича, боярину Борису
Феодорычу Годунову!

Федор

(вырывая грамоту у гонца)

Дай!
Когда сам царь стоит перед тобой,
Так нету здесь боярина Бориса!

(Глядит в грамоту и начинает дрожать.)

Аринушка, мое неясно зренье,
Не вижу я, мне кажется, я что-то
Не так прочел — в глазах моих рябит —
Прочти ты лучше!

Ирина

(взглянув в грамоту)

Боже милосердый!

Федор

Что там, Арина? Что?

Ирина

Царевич Дмитрий…

Федор

Упал на нож? И закололся? Так ли?

Ирина

Так, Федор, так!

Федор

В падучем он недуге
Упал на нож? Да точно ль так, Арина?
Ты, может быть, не так прочла — дай лист!

(Смотрит в грамоту и роняет ее из рук.)

До смерти, да, до смерти закололся!
Не верится! Не сон ли это все?
Брат Дмитрий мне заместо сына был —
У нас с тобой ведь нет детей, Арина!

Ирина

Всю Русь господь бедою посетил!

Федор

Его любил, как сына, я, его
Хотел к себе я взять, но там оставил —
Там, в Угличе. — Иван Петрович Шуйский
Мне говорил не оставлять его!
Что скажет он теперь? Ах, да бишь! Он
Уж ничего не скажет — он удавлен!

Годунов

(который между тем поднял и прочел грамоту)

Великий царь…

Федор

Ты, кажется, сказал:
Он удавился? Митя ж закололся?
Арина, а? Что, если…

Годунов

Государь,
Тебе сейчас отправить в Углич надо

Кого-нибудь…

Федор

Зачем? Я сам отправлюсь!
Я сам хочу увидеть Митю! Сам!
Я никому не верю!

Ратник подходит к Годунову.

Ратник

По дороге
Серпуховской маячные дымы
Виднеются!

Годунов

Великий государь,
То хан идет. Чрез несколько часов
Его полки Москву обложат. Ехать
Не можешь ты теперь.

Клешнин

Царь-государь,
Пошли меня, холопа твоего!
Я, батюшка, хоть прост, а что увижу,
То и скажу!

Годунов

А розыск учинить
Об этом деле мог бы князь Василий
Иваныч Шуйский. Пусть поедут оба
И разберут, чьей в Угличе виной
Беда случилась!

Федор

(с недоумением)

Вправду? Вправду хочешь
Послать ты в Углич Шуйского, Василья?
Послать племянника того, кого ты —
Кого они сегодня ночью…

(Бросается Годунову на шею.)

Шурин!
Прости меня! Я грешен пред тобой!
Прости меня, мои смешались мысли —
Я путаюсь — я правду от неправды

Не отличу! Аринушка моя,
Поди ко мне. Петрович, поезжай
Со князь Васильем. Князь Василий, что бишь
Тебе хотел сказать я? Позабыл!
Да, вот что: я послал на той неделе
Игрушек Мите —

(Рыдает.)

Я хотел бы знать —
Хотел бы знать, успел ли он — успел ли…

А. Хринцевич. Смерть царевича Дмитрия. 1909

Княжна

(которую подводят боярыни)

Все кончено! Жених застрелен мой…
Удавлен дядя…

Ирина

Дитятко, тебя
К себе возьму я, будешь ты отныне
Мне вместо дочери!

Княжна

Царица, я
Постричься бы хотела…

Федор

Да, княжна,
Да, постригись! Уйди, уйди от мира!
В нем правды нет! Я от него и сам бы
Хотел уйти — мне страшно в нем, —
Арина, спаси меня, Арина!

Боярыни уводят княжну.

Ирина

Свет мой, Федор,
В молитве мы у Бога утешенья
Должны просить!

Федор

В молитве? Да, Арина!
Я в монастырь пойду, молиться буду —
Посхимлюсь там…

Ирина

Нельзя тебе, свет Федор!
Венец наследный некому тебе
Твой передать.

Федор

Да, я последний в роде —
Последний я. Что ж делать мне, Арина?

Ирина

Свет государь, нет выбора тебе;
Один Борис лишь царством править может,
Лишь он один. Оставь на нем одном
Правления всю тягость и ответ!

Федор

Так, так, Арина! Не вмешаюсь боле
Я ни во что!

Годунов

(тихо к Ирине)

Пути сошлися наши!

Ирина

О, если б им сойтись не довелось!

Звон труб. Входит **Мстиславский** в броне и в шлеме. **Оружничий** Годунова приносит ему вооруженье.

Мстиславский

(Годунову)

Полки тебя, боярин, в поле ждут!

Годунов

(вооружаясь)

Все по местам!

Бояре уходят.

Мстиславский

Ты сам ли встретить хана
Нас поведешь?

Годунов

Боярин князь Мстиславский!
Я муж совета, ты же муж войны!
Отныне будь верховным воеводой —
За честь Руси, как вождь, веди нас в бой,
Я ж следую, как ратник, за тобой!

(Уходит со Мстиславским.)

Народ бежит за ними. На сцене остаются только Федор, Ирина и нищие.

Федор

Бездетны мы с тобой, Арина, стали!
Моей виной лишились брата мы!
Князей варяжских царствующей ветви
Последний я потомок. Род мой вместе
Со мной умрет. Когда бы князь Иван
Петрович Шуйский жив был, я б ему
Мой завещал престол; теперь же он
Бог весть кому достанется! Моею,
Моей виной случилось все! А я —
Хотел добра, Арина! Я хотел
Всех согласить, все сгладить, — боже, боже!
За что меня поставил ты царем!

1864–1868

[1] Слово «воинник» употреблялось в XVI в., обычно обозначало сына боярского (мелкого дворянина), который был рядовым конником в дворянском конном ополчении.

[2] Существует предание, согласно которому царевич Федор родился неподалеку от города Переяславля-Залесского. «В 1557 году, — как писал протоиерей Александр Свирелин, — царь Иоанн Васильевич с супругою своею Анастасией Романовной и главой Русской Церкви митрополитом Афанасием был на освящении соборного храма в Переславском Никитском монастыре, а, возвращаясь обратно в Москву, царица, отъехав семь верст от города, в деревне Собилово благополучно разрешилась сыном, названным во Святом Крещении Феодором». Обрадованный царь велит построить каменную церковь во имя св. Феодора Стратилата, небесного покровителя новорожденного царевича, а на месте рождения царевича Феодора поставить высокий каменный столп или часовню.

Часть фактов, попавших в это предание, могут считаться достоверными, прочие же должны быть поставлены под сомнение.

Федоровский храм действительно был воздвигнут (он станет соборным в переяславском Федоровском монастыре), и его датируют 1557 годом. Дошла до наших дней и некая часовня-крест, расположенная в трех километрах от монастыря. Она сохранила формы XVII века: то ли ее возвели именно в XVII, а не в XVI столетии, то ли сильно перестроили. В XIX веке за ветхостью ее разобрали, но вскоре восстановили на прежнем месте и в прежнем виде.

Для XVI века связь между строительством храма и рождением царского сына — вещь обыкновенная. Государь вполне мог отдать приказание возвести эту церковь как благодарение Богу за сына. В Спасо-Преображенском соборе Соловецкого монастыря (1558–1566) также появился придел во имя Феодора Стратилата. Соловецкие иноки с почтением относились к государю, давшему на строительство немалые деньги, и к царской семье. Такие же обстоятельства весьма возможны и для Федоровского монастыря. Но вряд ли царевич Федор был рожден неподалеку от Переяславля-Залесского. Во-первых, царская летопись дает подробные отчеты обо всех сколько-нибудь значительных поездках государя Ивана Васильевича на богомолье, и по ее свидетельству выходит: Иван IV посетил Никитский монастырь в сентябре 1556 года (при митрополите Макарии), а затем — в мае 1564 года (на этот раз уже с митрополитом Афанасием), но никак не в мае 1557-го. [Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 250; Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 334.] Во-вторых, крестил младенца сам митрополит Макарий уже в Москве и, по всей видимости, 8 июня (день поминовения св. Феодора Стратилата). Выходит, роженицу и малыша заставили быстро оставить ложе и нестись к столице, дабы успеть за полторы сотни километров ко крещению. Автомобилей тогда, хочется напомнить, не существовало… Что помешало царице Анастасии остаться в Переяславле-Залесском и крестить в одном из многочисленных тамошних храмов своего ребенка — понять невозможно. Что заставило царя рисковать женой, находящейся на последнем месяце беременности, отправившись с нею на богомолье за тридевять земель, — также понять весьма трудно. В итоге версия, согласно которой царевич Федор появился на свет в деревне Собилово, выглядит неправдоподобно. Скорее всего, он издал первый крик в Москве, в кремлевских палатах молодой царицы.

[3] Брать с собой в дальние богомолья младшего сына Иван Васильевич стал не раньше, чем мальчику исполнилось восемь лет.

[4] Не только последней, но и незаконной — по каноническим правилам Русской Церкви о браке.

[5] Это завещание не пригодилось: Иван IV умер двенадцатью годами позже, и многое в политической реальности России уже никак не соответствовало содержанию этого документа.

[6] Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 303.

[7] Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 332, 351.

[8] Там же. С. 341.

[9] Там же. С. 354.

[10] Подробнее о смерти Ивана Ивановича см. главу «Соправители».

[11] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 15, 178; Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 229; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII века // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 32. В исторической науке наиболее убедительные доказательства насильственной смерти Ивана IV представил В. И. Корецкий. См.: *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII века. М., 1986. С. 48–70.

[12] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 202; Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 219; *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и его мемуары из русской истории по рукописи Трапезундского Сумелийского монастыря. К., 1899. С. 76.

[13] Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 178.

[14] Б. Ф. Годунова называют вторым. Порой к ним присоединяют царского медика Эйлофа.

[15] *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII века. М., 1990. С. 87.

[16] Последний сын Ивана Грозного. Родился от Марии Нагой, ставшей женой царя уже после того, как количество его браков превысило число, дозволенное церковными канонами.

[17] Имеются в виду государевы палаты в Кремле, а все действие происходит в рамках нынешней кремлевской Соборной площади.

[18] Успенский собор Московского Кремля.

[19] Чуть более 1 м.

[20] Тут Горсей ошибается либо пытается возвеличить в глазах соотечественников своего русского покровителя Б. Ф. Годунова: Борис Федорович не имел княжеского титула.

[21] Годуновы, все трое — троюродные братья царицы Ирины Федоровны.

[22] Так в источнике.

[23] *Горсей Дж.* Указ соч. С. 142–145.

[24] «Яблоко» — держава.

[25] Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 220–221.

[26] Там же. С. 222.

[27] Там же. С. 221.

[28] Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 221.

[29] Там же. С. 222.

[30] В 1547 году подобную честь оказали другим архимандритам — настоятелям Новоспасского и Симонова монастырей. См.: Летописец начала царства // ПСРЛ. Т. 29. С. 50.

[31] *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII века. М., 1986. С. 72.

[32] *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997. С. 86.

[33] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 230.

[34] Там же. С. 231.

[35] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 231, 232.

[36] *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 332, 333.

[37] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 231.

[38] *Богданов А. П.* Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV–XVII веков. М., 1995. С. 217–218.

[39] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 232.

[40] Автор этих строк, являясь твердым сторонником монархической идеи, хотел бы в данном случае не затевать спора о достоинствах и недостатках самодержавной монархии. Эти споры ближе к историософии либо политической публицистике.

[41] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 75, 129.

[42] *Маржерет Ж.* Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 150.

[43] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 152–153.

[44] *Скрынников Р. Г.* Далекий век. Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака: исторические повествования. Л., 1989. С. 253.

[45] Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора, в 1593 году // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 151–160.

[46] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 104.

[47] *Масса И.* Указ. соч. С. 20, 32, 34.

[48] *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 11.

[49] Между 1601 и 1608 годами, с перерывами.

[50] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 270–271.

[51] Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 222. Что касается слов о «древности» чина венчания на царство, то это, мягко говоря, преувеличение: первый и единственный обряд подобного рода произошел в 1547 году.

[52] «Ведомо тебе отцу нашему и богомольцу, преосвященному Деонисию, митрополиту Московскому и всеа Руси, и вам, богомольцам нашим архиепископам и епископам, и всему освещенному собору, и вам, бояром нашим и окольничим, и всему синклиту нашего царьского величества, и всем православным християном, как по закону Божию и по преданию святых отец и по изложению нашея християнския веры от благочестиваго перваго християнского царя Константина и по нем бывших Устинияна и Феодосья Великих и прародителей наших российских царей и великих князей обычаев по преставлении благословляли на государства больших детей своих. По тому обычаю и блаженные памяти отец наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, оставя земное царство, переселился в вечное блаженство, благословил на Владимирское и Московское государство с прележащими государствы меня, большаго сына своего, и нарек царем и великим князем всеа Руси. И тебе бы, отцу нашему и богомольцу Деонисию, митрополиту всеа России, со всем освященным собором нас благословити и молити Бога о всех нас, дабы Господь Бог во дни нашаго царствия устроил мир и тишину, и благоденствие, и преизобилие всякаго блага» (Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 231).

[53] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 198.

[54] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 235.

[55] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 49.

[56] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 2–3.

[57] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 3.

[58] Написано до Смуты.

[59] «Временник» Ивана Тимофеева появился как осмысление исторического опыта Смутного времени.

[60] Слово «хронограф» означало в XVII веке историческое сочинение, где, в отличие от летописи, представлявшей собственно русскую историю, основу составляли известия по истории библейской, евангельской, истории православных царств, и лишь в добавление к ним приводились сведения о судьбах Руси.

[61] Хронограф 1617 года // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987. С. 319.

[62] Там же. С. 323.

[63] *Шаховской С. И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987. С. 361, 363. Авторство в отношении этого памятника вызвало в науке дискуссию, в ходе которой применялись даже количественные методы (что, впрочем, не дало твердой атрибуции). От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства / под ред. Л. В. Милова. М., 1994. С. 282–289. Автор этих строк считает князя С. И. Шаховского наиболее вероятным автором названного текста, однако до сих пор существуют и иные версии авторства.

[64] *Хворостинин И. А.* Словеса дней и царей, и святителей // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987. С. 437.

[65] Уважаемые читатели, к сожалению, мы не можем опубликовать изображение картины, поскольку нам не удалось связаться с правообладателями. С изображением картины вы можете ознакомиться, пройдя по QR-коду. Приносим извинения за доставленные неудобства. — *Изд.*

[66] Глинские не относились к числу Рюриковичей и Гедиминовичей.

[67] «Сын боярский» — чин. К действительному сыну какого-нибудь боярина человек, носивший этот чин, не имел ни малейшего отношения.

[68] Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 218.

[69] Строитель — второе лицо после игумена в монастырской иерархии.

[70] «Именная служба» — поручение, при котором имя исполнителя фиксируется в специальном служебном документе — разряде. В перспективе разрядная запись может служить доказательством высокого положения рода, к которому относится исполнитель.

[71] *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 77.

[72] Царевич Дмитрий — сын царицы Марии Нагой, последней в ряду жен Ивана IV, т. е. шестой по одному счету и седьмой по другому. Между тем Церковь считала законными первые три брака, на четвертый выдала монарху особое решение — подданным «не во образец», — прочие же никак не соответствовали церковным канонам.

[73] Причем Василий Иванович получил его в первые месяцы правления царя Федора Ивановича.

[74] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 32.

[75] Один из Головиных был, например, казначеем.

[76] В опричнине Б. Ф. Годунов служил, не будучи крупной фигурой. Он не участвовал в решении важнейших военно-политических вопросов, не прославился каким-либо выдающимся служебным достижением, но и не запятнал себя участием в карательной деятельности. Если он и был «палачом», то где-то очень глубоко «в душе»: Б. Ф. Годунов на протяжении всей своей жизни не проявлял склонности к массовым репрессиям. Опричный террор в его государственной деятельности продолжен не был — даже в самых скромных масштабах. Политических противников своих Борис Годунов «убирал» с бессовестной жестокостью. Но даже в отношении лютых его врагов можно назвать лишь единичные случаи, когда дело

доходило до душегубства; чаще — опала, ссылка.

[77] К дочерям Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского по прозвищу Малюта в народе относились плохо, видя в них «лютые отрасли» от «злого плода». Особенно досталось Марии Григорьевне: она пользовалась репутацией человека честолюбивого и злонравного, притом худо отзывались о ней как иноземцы, так и русские. Один провинциальный летописец обвинил супругу Б. Ф. Годунова, среди прочего, в том, что она «окормила отравой» праведного царя Федора Ивановича, после чего и великое началось разорение Московского государства. См.: Прибавления [к Первой Псковской летописи]. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. С. 125.

[78] По поводу смерти царевича Ивана существует несколько версий: не все историки соглашаются с тем, что он умер от раны, нанесенной во время ссоры Иваном IV. Однако эта версия опирается на показания нескольких не зависящих друг от друга источников, и ее разделяет подавляющее большинство специалистов.

[79] Об истории брака Федора Ивановича и Ирины Годуновой подробнее рассказывается ниже, в главе «Царь-инок».

[80] Обстоятельства смерти царевича Дмитрия подробнее рассматриваются ниже.

[81] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 101.

[82] На это ссылаются иностранные дипломаты, рассчитывавшие, как видно, на деятельное сочувствие Мстиславского интересам Речи Посполитой.

[83] В первую очередь Романовым-Захарьиным-Юрьевым, занимавшим строго антипольские позиции.

[84] У князя Федора Ивановича Мстиславского в Смутное время будет шанс самому сделаться царем, но он им не сумеет воспользоваться.

[85] Так, сторонник Шуйских М. Головин, перебежав к неприятелю, призывал поляков и литовцев к скорейшему наступлению на Русь.

[86] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 33.

[87] Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 220.

[88] Б. Ф. Годунов даже именовал себя в частной переписке «главнокомандующим всеми военными силами». См.: *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 158.

[89] *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875. С. 225; Отчет о посольстве Е. Бауса. ЧОИДР, 1884. Кн. 4. Отд. 3. С. 101.

[90] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 87.

[91] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 32–33.

[92] Это слово для XVI столетия имело несколько различных значений. Среди прочего так именовали центральные ведомства; в этом смысле «приказ» допетровской России был близок

коллегиям XVIII столетия и министерствам более поздних времен.

[93] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 147.

[94] Там, где Поссевино не может использовать собственные путевые впечатления, он опирается на свидетельства других католиков, долгое время живших в России.

[95] Имеется в виду сожжение Москвы крымцами хана Девлет-Гирея в 1571 году.

[96] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 42, 43.

[97] Тягло — совокупность податей и повинностей «на великого государя».

[98] «Служилая кабала» — особо тяжкая форма зависимости земледельца от хозяина земли, жестко ограничивавшая личную свободу «похолопившегося» человека. Широкое распространение получило также «боевое холопство», когда холоп играл роль воинского слуги помещика, постоянного бойца в отряде, с которым тот выезжал на смотр и в поход. Холоп по «служилой кабале» был в более благоприятном положении, чем «полный холоп» (по сути, раб). Так, например, держатель кабалы не мог передать его по наследству и не имел никаких прав на его детей.

[99] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 126.

[100] Выражение Р. Ю. Виппера.

[101] Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 214.

[102] Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 204, 205, 211.

[103] Там же. С. 213, 214.

[104] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 37.

[105] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 233.

[106] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 36.

[107] Датировка основания Уфы вызвала масштабную дискуссию. Автор этих строк принял позицию В. В. Трепавлова, предложившего наиболее основательные с научной точки зрения доказательства того, что датой основания города следует считать 1586 год.

[108] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 195.

[109] На западе Белый город начинался от Водовзводной башни Кремля, на востоке он упирался в Китайгородскую стену.

[110] Изначально назывался «Новохолмогоры». Имя «Архангельский город», «Архангельск» официально получил позднее — по Михайло-Архангельскому монастырю, неподалеку от которого располагалась пристань.

[111] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 87. Помимо чрезмерных требований и вызывающего поведения, Баус провоцировал русский правящий класс на самое негативное отношение еще и тем, что

через него велись переговоры о новом браке Ивана IV… при живой жене.

[112] *Славнитский Н. Р.* Крепости Северо-Запада России в XVI веке // Балтийский вопрос в конце XV–XVI веков: сборник научных статей. М., 2010. С. 497.

[113] Мещовский помещик.

[114] При Иване Грозном Сукины поднялись высоко. Один из них даже удостоился боярского чина. «Родословной» фамилией Сукины не были, но думные чины получали неоднократно. Иначе говоря, для Москвы XVI века В. Б. Сукин был фигурой на порядок более заметной, нежели казачий атаман Ермак. Василий Борисович, кстати, еще при Иване IV получил «дворовый» чин стряпчего, позднее дослужился до чина «московского дворянина», а затем стал думным дворянином, т. е. достиг высокого служебного статуса — заметно выше, чем у того же И. А. Мансурова.

[115] *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 218, 237.

[116] Сибирские летописи // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 98, 140, 190, 259, 315, 345. Особенности летоисчисления времен Московского государства предполагают, что даты 1594 и 1595-го сливаются воедино: год начинался с 1 сентября, и в данном случае имеется один и тот же год: 1594-й, осень или первый месяц зимы.

[117] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 347.

[118] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 347.

[119] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 351–352.

[120] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 352.

[121] Там же. С. 284.

[122] Там же. С. 289–291.

[123] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 352.

[124] Но в государственные родословцы князья Елецкие все же вошли.

[125] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 26.

[126] *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII веках. Хронологический реестр. М., 1994. С. 121–123.

[127] В источниках нет единой даты, примерно 1577 год, последние месяцы.

[128] Разрядная книга 1475–1605 годов. Т. II. Ч. 3. М., 1982. С. 429.

[129] Разрядная книга 1475–1605 годов. Т. III. Ч. 3. М., 1989. С. 24.

[130] Там же. С. 40–41.

[131] Разрядная книга 1475–1605 годов. Т. III. Ч. 3. М., 1989. С. 115.

[132] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841. С. 1–4.

[133] Имеется в виду 7106 год от Сотворения мира, т. е. 1597/1598 год от Рождества Христова.

[134] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841. С. 4, 5.

[135] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2: 1598–1613. СПб., 1841. С. 5–6.

[136] Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880. С. 35–36.

[137] Сибирские летописи // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 41.

[138] Кучумову родню.

[139] Сибирские летописи // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 190; Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880. С. 36.

[140] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 123.

[141] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 27, 31, 198.

[142] *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. М., 1999. С. 22–23.

[143] Чего нельзя сказать об итоге царствования самого Бориса Федоровича. Но оценки его как монарха, а не как «невенчанного правителя» выходят за рамки книги.

[144] *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. М., 1999. С. 63, 64, 65, 68.

[145] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 42.

[146] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 133.

[147] *Смит Т.* Путешествие и пребывание в России. Рязань, 2009. С. 220, 222.

[148] Исаак Масса нимало не сомневался в том, что Б. Ф. Годунов виновен в смерти царевича Дмитрия Углицкого. Мало того, он твердо убежден также и в том, что Борис Федорович «ускорил смерть» царя Федора Ивановича в 1598 году.

[149] *Масса И.* Указ. соч. С. 32.

[150] *Масса И.* Указ. соч. С. 40.

[151] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 273.

[152] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 192, 222–223.

[153] Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 264.

[154] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 200.

[155] *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века. Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С. 299.

[156] В сущности, позже, когда эта «санкция» потеряет силу из-за кончины государя, Борис Федорович вздумает править самостоятельно, и ум его, разумеется, от этого ничуть не ослабеет, но вот та самая мистическая защита пропадет. На страну обрушатся природные бедствия, мятежные настроения, и в финале появится самозванец, самим фактом своего существования бросавший Борису Федоровичу вызов — дескать, неистинный царь владеет царством. Борису Годунову как будто хотели преподать урок свыше: тронное кресло тебе не положено, а взял то, что тебе не принадлежит, так будешь жестоко расплачиваться.

[157] Во всяком случае, по мнению современников. Правда, трудно отыскать среди действующих крупных политиков того времени высоконравственные личности; да их и ныне в политике — сущие единицы. Государь Федор Иванович, смиренный, богомольный, чистый человек, — исключение. Притом он постарался уйти от политики, избегнуть связанных с нею интриг.

[158] Живым «фактором стабильности» Борис Федорович Годунов являлся как минимум до того момента, когда мальчик Дмитрий, последний сын Ивана Грозного, стал слишком взрослым и превратился тем самым в угрозу семейному благополучию Годуновых… Тут уж Борис Федорович пошел на крайне рискованные шаги, в конечном итоге не давшие добрых результатов. Но об этом — ниже.

[159] Прибавления [к Первой Псковской летописи]. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. С. 113.

[160] Сын шведского короля Юхана III.

[161] *Дмитриев М. В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 годов. М., 2003 С. 218, 281.

[162] *Иванов Ю. Г.* Великие крепости России. Смоленск, 2003. С. 180.

[163] Подробнее о событиях этой войны см. ниже, в главе 7 «Дитя войны».

[164] Но только первое время. Это везение прекратилось относительно быстро.

[165] Небольшое православное государственное образование на территории современной Грузии.

[166] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 105.

[167] На закате своего царствования Борис Федорович сделал еще одну попытку захватить Тарки. Чувство меры, присущее этому политику, на сей раз явно изменило ему. Он отправил на Кавказ большой отряд, в то время как воинские силы были насущно необходимы в коренной России, где разгоралась Смута, где ожидали новой войны с Речью Посполитой. Результат

похода к Таркам был печальным: наша армия взяла город, потом отдала его, а по дороге домой подверглась разгрому. В конце XVI — начале XVII столетия Московское царство явно не располагало достаточными средствами, чтобы твердой ногой встать на Кавказе. Итогом кавказской политики того времени стал лишь напрасный расход сил.

[168] За исключением, пожалуй, «Цесарского» направления русской внешней политики. В царствования Федора Ивановича и Бориса Федоровича Россия налаживает союзнические отношения со Священной Римской империей, часто принимает «цесарских послов», отправляет туда своих дипломатов. Московскому государству требовался крупный европейский «игрок» за спиной Речи Посполитой, способный оказывать России содействие в ее постоянном противоборстве с западным соседом. Род Годуновых интересовали матримониальные комбинации, которые могли бы связать их с одним из европейских монарших домов и обеспечить так или иначе их пребывание на высшей ступени власти даже в случае смерти Федора Ивановича и бездетности его супруги Ирины Годуновой. Габсбурги же искали сильного союзника в борьбе против турок; Россия в антиосманских военных проектах предпочла не участвовать (это было бы верхом политического авантюризма!), но реальную финансовую помощь оказала: в конце концов, султан являлся сюзереном худшего врага России — крымского хана. Борис Федорович Годунов смело и активно действовал и ради блага страны, и ради блага своего семейства. «Цесарская» политика — то направление, в котором он проявил себя как незаурядный дипломат. Тут он изобретал принципиально новые ходы, вел дела расчетливо, тонко, умно. Правда, во всех случаях, когда Б. Ф. Годунов строил лукавые и своекорыстные планы, направленные на приобретение выгод исключительно для собственного рода, он терпел поражение.

[169] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. I. С. 296.

[170] Тут Р. Г. Скрынников неточен: князья Трубецкие были на порядок знатнее Годуновых, они безусловно могли претендовать на первые места в командовании гарнизонами крепостей и полевых соединений. Тот же князь Федор Михайлович Трубецкой выдвинулся еще при Иване IV и уже тогда время от времени исполнял роль главнокомандующего полевыми армиями.

[171] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 111.

[172] *Маржерет Ж.* Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 150.

[173] Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 339, 346, 348, 352, 354.

[174] Видимо, в память о нем и последний сын царя — от Марии Нагой — также получил имя Дмитрий.

[175] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 3.

[176] Прибавления [к Первой Псковской летописи]. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. С. 113.

[177] Есть бесспорное свидетельство встречи царевича Федора и митрополита Филиппа, но она произошла задолго до того, как разгорелся конфликт между царем и митрополитом из-за опричнины: 10 декабря 1566 года Федор Иванович с царем, царевичем Иваном Ивановичем и всем Освященным собором был на митрополичьем освящении Входоиерусалимского придела в Благовещенской церкви Кремля. Ему тогда было восемь с половиной лет, и он вряд ли мог завести беседу с пожилым митрополитом. См.: Продолжение Александро-Невской летописи //

ПСРЛ. Т. 29. С. 353.

[178] *Тупиков Н.* Литературная деятельность царевича Ивана Ивановича // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. 296, декабрь. С. 358–374.

[179] Царь Федор Иванович.

[180] *Хомяков А. С.* Царь Феодор Иоаннович // Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. III. М., 1914. С. 55.

[181] Прибавления [к Первой Псковской летописи]. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. С. 116.

[182] Впрочем, дважды крепкая вера Федора Ивановича заставила его отступить от кротости: в 1590 году он вышел в поход во главе армии, чтобы сражаться с иноверцами-шведами за старинные русские города (см. подробнее главу «Дитя войны»); а в 1595 или 1596 году царь, увидев опыты шарлатана-алхимика и заподозрив некое «воровство», велел пытать его вместе с учеником (см. Приложение). Странные действия алхимика, так и не сумевшего доказать свое искусство и признавшегося, что Бог отнял у него умение, могли навести на мысль о бесопоклонничестве.

[183] В постриге она приняла имя Параскева.

[184] В действительности Иван Иванович был в тот момент на пять или шесть лет старше, но у царевича не росла борода, и поэтому он выглядел моложе своего действительного возраста.

[185] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 24.

[186] В специальной исторической литературе фигурирует несколько вероятных дат женитьбы царевича Феодора Ивановича. Чаще всего исследователи поддерживают либо 1574/1575-й, либо 1580 год. Первого варианта держался, например, А. А. Зимин, второй называла Т. Панова. Немецкий дипломат Даниил Принц мимоходом свидетельствует о первой дате. Это возможный вариант, особенно если учесть, что Феодор Иванович уже вошел тогда в брачный возраст, но еще не «задержался» в нем — царевичу тогда было 17–18 лет. Однако известие Принца — весьма краткое, сделанное мимоходом, — выглядит ненадежно. Пискаревский летописец сообщает, что «…царь и государь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси женил сына своего царевича Феодора Ивановича, да взял за него дочерь Феодора Годунова Ирину» в 1573 году. Однако и это известие не вызывает доверия: в этом месте летописец под 7081 (1572/1573) год поместил события, имевшие место на широком хронологическом пространстве от 1572 до 1576 года — явно ошибочно. Исаак Масса рассказывает о том, как Ирина Годунова, будучи замужем за царевичем Феодором в течение трех лет при жизни Ивана IV, вызвала недовольство царя, не дав супругу желанного наследника. Иван IV умер в начале 1584 года, следовательно, речь идет о начале 1581-го или конце 1580 года. Но и это известие сомнительно — возможно, недовольство царя Ириной Феодоровной вспыхнуло задолго до кончины монарха, и слова о трех годах надо понимать иначе: не до смерти Ивана Васильевича, а до конфликта, вызванного бесплодием этой его невестки. При подобной трактовке 1575 год остается возможной датой. Наконец, Дж. Горсей четко связывает женитьбу царевича Феодора с одной своей тайной дипломатической миссией, которая началась в 1580 году. Джером Горсей, как человек, постоянно пребывавший в России с середины 1570-х годов, знавший страну лучше заезжих дипломатов, которые знакомились с нею в течение нескольких месяцев или даже недель, доверенное лицо Бориса Годунова, посвященное в тайны рода Годуновых, заслуживает доверия. Однако есть и другое, более надежное свидетельство: от середины 1570-х годов дошли

шитые покрова, дарованные монастырям представителями правящего семейства, и в надписях на этих покровах Ирина Годунова отчетливо названа супругой Феодора Иоанновича. В качестве примера можно привести надпись на покрове для раки преп. Пафнутия: «В лето 7083 (1575) марта в 5 день сделан покров сий при государе царе и великом князе Иване Васильевиче и при его царице и великой княгине Анне и при его благородных чадах Иване Ивановиче и при его царице княгине Феодосии, и при благородном царевиче князе Феодоре и при его царице княгине Ирине…» Значит, брак состоялся где-то между 1573 и 1575 годами.

[187] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 75–76.

[188] Слова относительно дочери Федора Ивановича, родившейся еще при жизни Ивана Грозного, загадочны. Ирина Федоровна Годунова не была бесплодна. Она неоднократно оказывалась в положении, однако никак не могла разродиться жизнеспособным ребенком. Русские источники — как документы, так и летописи — ничего не сообщают о девочке, родившейся у царевича и его супруги до 1584 года. Поэтому возможны две трактовки странного известия Исаака Массы. Либо девочка действительно была, но умерла вскоре после родов, быть может, не дожив до крестильной купели. Либо нидерландский купец путает ее с царевной Феодосией Федоровной, действительно появившейся на свет, но лишь через много лет после смерти Ивана IV, когда Федор Иванович и его супруга давным-давно пребывали в сане царя и царицы.

[189] *Масса И.* Указ. соч. С. 31.

[190] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 263–264.

[191] В лучшем случае можно положиться на свидетельство, которое дал И. Масса: Федор Иванович не склонен был к блудному греху и прелюбодеянию, он хранил верность супруге. См.: *Масса И.* Указ. соч. С. 126.

[192] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 16.

[193] Есть, правда, одно документальное свидетельство, хотя бы косвенно показывающее отношение Ирины Федоровны к своему супругу. Постригшись после его смерти во инокини, бывшая царица дала Троице-Сергиевой обители вкладом по муже 3000 рублей. Это поистине фантастическая сумма для поминального вклада. Брат Ирины Федоровны и преемник Федора Ивановича на троне Борис Годунов пожертвовал лишь 1000 рублей. Больше Ирины Федоровны давал лишь Иван IV — скорбя по царевичу Ивану. Иные венценосные особы не позволяли себе столь значительные вклады на помин души. См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 28. Значит, памятью покойного супруга прежняя царица весьма и весьма дорожила.

[194] Причислена Церковью к лику святых как София Суздальская в чине преподобных. Особенным почитанием она пользуется в суздальском Покровском монастыре, где провела много лет как инокиня и где похоронена. Ее мощи сейчас пребывают в раке в древнем Покровском соборе этой обители.

[195] Хотя в его случае требование развода было действительно связано с ультимативными требованиями большой политики. У Василия III, когда он разводился, были наследники из Даниловичей — братья. У Ивана Грозного они тоже были — сыновья да и представители семейства князей Старицких. Рядом с царевичем Иваном Ивановичем присутствовал его младший брат — такой же законный отпрыск Ивана IV, как и он сам. А вот когда у Ивана

Грозного остался один бездетный законный наследник — Федор (царевич Дмитрий был рожден вне каноничного брака), на разводе царевича буквально свет клином сошелся, да только тот оказался тверже прочих мужчин в своей семье.

[196] Имеется в виду Троице-Сергиева обитель.

[197] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 125. Флетчер, скорее всего, достоверен в этом известии: он посетил Москву в 1588–1589 годах и не ошибается, как минимум говоря о том, что бесплодие царицы все еще не разрешилось.

[198] Речь идет о середине 1586 года. Таким образом, если отсчитать 7 лет, то получится вторая половина 1579 или начало 1580 года.

[199] Возможно, выкидыши или же появление мертвых младенцев. Петр Петрей сообщает, что у царицы Ирины Федоровны родилось «…много сыновей и дочерей, умиравших при самом рождении». См.: *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 270.

[200] *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII века. М., 1990. С. 98, 217, 222; *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией (1553–1593). СПб., 1875. С. 284–285.

[201] Сборник Русского исторического общества. Т. 38. С. 175; *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 159.

[202] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 147.

[203] Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 218–219. Собственно, драгоценные раки создавались тогда для мощей не только преподобного Сергия Радонежского, но и других русских святых. А. Л. Баталов полагает, что еще при Иване IV прослеживается «целостная, растянутая во времени картина», т. е. фактически программа строительства храмов над мощами русских чудотворцев, получивших на соборах 1547–1549 годов каноническое почитание. «Кроме того, и в местах, не связанных с их погребением или подвигами, при Иване Грозном возводятся посвященные им храмы». Что же касается Федора Ивановича, то он «…сооружая в конце XVI века над гробами чудотворцев храмы… тем самым следовал своему отцу». Драгоценные раки, созданные в его царствование, также являются свидетельством осуществления этой программы. См.: *Баталов А. Л.* Указ. соч. С. 20. Между 1584 и 1586 годами начали изготавливаться раки для мощей святителей Алексия, Ионы и Петра, преподобных Пафнутия Боровского, Кирилла Белозерского, Макария Калязинского, а также Василия Блаженного — помимо уже упомянутой раки в Троице-Сергиевой обители. См.: Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 199. Работы длились по многу лет, в ряде случаев они завершились только в царствование Бориса Годунова. Тот же Баталов связывает всю масштабную программу строительства рак с «молением о чадородии». См.: *Баталов А. Л.* Указ. соч. С. 24. Но данное предположение трудно доказать: стремление переложить мощи святых в драгоценные раки можно связывать и просто с благочестием царя.

[204] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 199. Кроме того, Троице-Сергиева обитель получала от Федора Ивановича богатые вклады «по отце» его, Иване Васильевиче (2833 руб. 33 коп. в три приема), а затем и «по дщери», царевне Феодосии (600 руб. в два приема). См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 28.

[205] Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 286–287, 289; Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 44–45.

[206] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 46. По другим сведениям — в 7102 (1593/1594) году. См.: Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 196.

[207] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 200.

[208] Там же.

[209] По другим сведениям — в 1387 году.

[210] *Бусева-Давыдова И. Л.* Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М., 1997. С. 243–245, 251–252.

[211] В напоминание о том, что именно митрополита Алексия связывали с основанием здесь монастыря в XIV столетии.

[212] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 200.

[213] Собственно, им и придавали значение отдельных храмов.

[214] Но, разумеется, участие Федора Ивановича в разработке архитектурного убранства для глав Покровского собора не более чем гипотеза.

[215] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 38.

[216] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 38; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 200; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI века // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 241.

[217] Имеется в виду такой же юродивый, только, в отличие от Василия Блаженного, еще живой: он бродит по улицам столицы с проклятиями в адрес Бориса Годунова на устах. О нем Флетчер пишет несколькими строками выше, поэтому Василий Блаженный для него — «другой».

[218] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 126–127. Впрочем, по иной версии Василий Блаженный скончался еще в 1552 году, и, значит, вряд ли он мог упрекать Ивана IV в какой-то особенной жестокости: в ту пору опричнина еще не началась и до массовых казней было очень далеко.

[219] О возобновлении Зачатьевского монастыря уже говорилось выше, что же касается основания Донского монастыря в Москве, то о нем будет рассказано в особой главе.

[220] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 124.

[221] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 4.

[222] Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 годов. М., 1998. № 222, 231, 240, 250, 253, 254.

[223] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 28.

[224] В частности, об одном щедром пожертвовании Стародевичьему Вознесенскому собору в Московском Кремле будет рассказано в главе о царевне Феодосии.

[225] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII века. М., 1998. № 24.

[226] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII века. М., 1998. № 139.

[227] В трех полях.

[228] Так в XVI веке звучало слово «архимандрит».

[229] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 48.

[230] Подробнее см. в главе об установлении патриаршего престола в Москве.

[231] Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588–1594. М., 1988. С. 53, 114. Цитируется по тексту, адресованному Константинопольскому патриарху. Возможно, царевна Феодосия уже появилась на свет и у Бога испрашивается сын-наследник.

[232] Прибавления [к Первой Псковской летописи]. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. С. 114.

[233] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 45.

[234] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 115.

[235] Царевна могла составить партию будущему наследнику русского престола, и одно это создавало угрозу для ее жизни. Подобный брак оказывался выгоден исключительно для Годуновых, а также родственных и союзных им аристократических родов. Семейства высшей знати — Шуйские, Мстиславские, Черкасские, Романовы-Захарьины-Юрьевы, лелеявшие планы возвести своего представителя на трон, напротив, оказывались на шаг дальше от исполнения своих заветных мечтаний. Между ними и вожделенным престолом появилась маленькая девочка… Высока вероятность того, что царевну Феодосию «убрали» с доски большой политики в продолжение давней борьбы придворных «партий».

[236] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 45.

[237] *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 34.

[238] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 16. У В. Н. Татищева село, отданное Вознесенскому монастырю, именуется иначе — Чертен или Черепеть. См.: *Татищев В. Н.* История Российская. Ч. IV. Т. V и VI. М., 1996. С. 285, 375.

[239] *Шереметев С. Д.* Царевна Феодосия Федоровна (1592–1594). СПб., 1902.

[240] С. Ф. Платонов определил ее по кормовым книгам Иосифо-Волоцкого монастыря, где покойную царевну поминали именно в этот день. См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. М., 1994. С. 145, 380. Вместе с тем и она может быть поставлена под сомнение: во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря указано, что Федор Иванович сделал вклад «по дщери» своей в сентябре 1593 года. Либо это писцовая ошибка, либо уже в 1593 году, в сентябре или несколько ранее, царевна Феодосия была мертва. См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 28. Еще в начале декабря 1594

года царь принимал «цесарского» посла Варкоча и пировал с ним; как заметил С. Д. Шереметев, «…по-видимому, тогда еще все было благополучно, и царевна Феодосия была жива». См.: *Шереметев С. Д.* Указ. соч. С. 46–47. А уже в феврале 1594 года персидскому и «цесарскому» дипломатам отказано в приеме у государя, поскольку он предается печали из-за смерти дочери. Предполагать, что на протяжении последних месяцев 1593 года Федор Иванович «держался» и выходил на аудиенции к иностранным послам ради интересов державы, а потом утратил душевную крепость и отказался принимать их, было бы явной натяжкой. Полностью отвергнуть подобный вариант оказалось возможным после обследования крышки саркофага. Там четко сказано: «Лета 7102 (1594) месяца генваря преставися раба Божия благоверная царевна Феодосия». См.: *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд., испр. и доп М., 2003. С. 34.

[241] Арсений Елассонский, процитированный тем же С. Д. Шереметевым, говорит о 26 мая, но это источник не очень надежный, поскольку записки ученого грека составлялись через много лет после происходивших с ним событий и не опирались на дневниковые записи. См.: *Шереметев С. Д.* Указ. соч. С. 11.

[242] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 45.

[243] *Маржерет Ж.* Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 150.

[244] Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 27.

[245] Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 279–280.

[246] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. СПб., 1852. С. 315, 336; *Шереметев С. Д.* Указ. соч. С. 43.

[247] Об «Удерживающем» сказано в Священном Писании. Так, во 2-м послании св. апостола Павла фессалоникийцам глава 2-я посвящена приходу последних времен и новому пришествию Иисуса Христа. Среди прочего там сказано: «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к нему, не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: *ибо день тот не придет*, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом, или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога. Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это? И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, — и тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих, и истребит явлением пришествия своего, того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения» (2 Фес. 2:2–10, а также вступительные строки главы).

[248] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 5. Отд. 1. М., 1996. Вступление.

[249] *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. М., 1999. С. 13.

[250] В этом А. П. Богданов ничуть не ошибается: митрополит Дионисий Годуновым был недруг, возможно, по той причине, что в начале правления Федора Ивановича правительство, формально возглавленное Годуновым, наложило ряд судебных и податных ограничений на

Церковь.

[251] Петр Петрей действительно пишет следующее: «Московские власти и простой народ… приняли намерение отправить в монастырь великую княгиню, выбрали вместо нее… родственницу великого князя, самого знатного рода в стране, и хотели ее выдать за него замуж. Но Борис думал совсем другое: он хитро предупредил это и втайне с патриархом, имевшим главный голос в этом деле, устроил так, чтобы он не разрешил развода и нового брака… Патриарх… сговорился с Борисом…» *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 272. Правда, не все считают это сообщение Петра Петрея достоверным. А. А. Зимин, например, видел в нем лишь искаженное изложение позиции самого митрополита Дионисия, а не патриарха Иоакима. См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 137. Но точка зрения А. П. Богданова должна считаться в данном случае более обоснованной.

[252] *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. М., 1999. С. 18–19.

[253] *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. М., 1999. С. 19.

[254] Имеется в виду Б. Ф. Годунов.

[255] *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. М., 1999. С. 34, 40.

[256] Подробнее об этом эпизоде в истории Русской церкви говорится ниже.

[257] Его даже почтили, пригласив на обед к государю.

[258] Денег на милостыню греческим иерархам уходило невероятно много. По данным митрополита Макария, щедрый богомольный государь Федор Иванович за первые пять лет своего царствования в Святую землю, Константинополь, на Афон и на Синай отправил более 5000 рублей серебром, не считая мехов и ценных предметов церковного обихода. К этому следует присоединить значительные суммы, отправленные сербским и болгарским обителям, а также тамошним архиереям. Православные братья, приезжавшие в Москву с юга, не знали отказа у Федора Ивановича. См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 4. Ч. 2. Отд. 2. М., 1996. С. 178–179.

[259] *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. М., 1999. С. 14.

[260] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 228.

[261] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 86–87, а также комментарии на с. 246.

[262] Вот что рассказывает об этом эпизоде Новый летописец: «Борис… Годунов с своими советники держаше великий гнев на Шуйских, а ини же ему противляхусь и никако ж ему поддавахусь ни в чом; гости же всякие московские, торговые люди черные все стояху за Шуйских. Митрополит же Дионисей не хотя в них сия вражды видети и хотяше в мир свести их и посла по них. Они же приидоша к нему, он же моляше их о мире. Они же ево послушавшее и меж себя помиришася и взяша мир меж себя лестию. И изшедшу от митрополита и приидоша к полате Грановитой; туто стояху торговые многие люди, князь Иван же Петрович Шуйской, идучи, возвести торговым людем, что они з Борисом Феодоровичем помирилися и впредь враждовать не хотят меж себя. И выступя ис торговых людей два человека и рекоша им: „Помирилися вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть да и

нам погинуть“. Борис же тое же нощи тех дву человек поима и сослал безвестно, неведомо куды. Борис же с своими советниками не умягча своего сердца на Шуйских…» (Новый летописец // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 36).

[263] Иов, будущий первый патриарх Московский и всея Руси.

[264] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 37.

[265] Летописный сборник, принадлежащий Новгородскому Николаевскому Дворищенскому собору // Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 449.

[266] Речь идет о царе Федоре Ивановиче.

[267] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 4.

[268] В церковно-исторической литературе высказывалось предположение, согласно которому грек Николай мог сочинить все это, «чтобы его пропустили за милостыней и не прогнали бы обратно». См.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 16.

[269] С 1587 года митрополичью кафедру в Москве занимает Иов.

[270] На 1000 рублей можно было выстроить каменную церковь; корова стоила менее 1 рубля, дневной заработок простого работника (плотника, каменщика) исчислялся несколькими копейками.

[271] Имеется в виду царь Соломон.

[272] Вероятно, имеется в виду камка — дорогая ткань.

[273] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 4.

[274] То есть из архиереев Русской церкви.

[275] Митрополит Московский Иов, архиепископ Новгородский Александр, архиепископ Ростовский Варлаам.

[276] Это произошло 30 января 1589 года.

[277] Вероятно, тут в книге опечатка: Арсений Елассонский имел архиепископский сан.

[278] *Дмитриева Р. П.* Летописец Соловецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI век). Ч. 1. А — К. Л., 1988. С. 25.

[279] *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI века // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 241.

[280] Архиепископии появлялись на месте епископий, а митрополии учреждались на месте архиепископий.

[281] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 88.

[282] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 233–234.

[283] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 196.

[284] Прибавления [к Первой Псковской летописи]. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. С. 113–114.

[285] Исключением может служить краткая и весьма прохладная, по московским понятиям, аудиенция, данная Федором Ивановичем митрополиту Дионисию Тырновскому, приехавшему в 1591 году с греческим вариантом «Утвержденной грамоты», да еще приглашение того же Дионисия к царскому столу перед отъездом.

[286] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 2. М., 1819. № 59.

[287] Хотя и он не согласился с постановлением Константинопольского собора о пятом месте для Московской патриаршей кафедры.

[288] До этого, примерно с 1553 года, работала так называемая «анонимная типография», по мнению большинства исследователей, локализуемая в Москве. Известен целый ряд «анонимных изданий», явно вышедших в России, в 1550–1560-х годах, но выходные данные их не известны.

[289] Отъезд из Москвы Ивана Федорова автор этих строк вслед за Е. Л. Немировским датирует весной-летом 1566 года. См.: *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. М., 1985. С. 118. Не желая прослыть «агентом Москвы», Иван Федоров впоследствии утверждал, что в Москве подвергся незаслуженным гонениям, но это могло быть и частью своего рода «легенды». Проезд через границу столь крупной фигуры, да еще с подводами, груженными типографским оборудованием (известно, что часть оборудования, использовавшегося в Москве, Иван Федоров применял также и в Литве), вряд ли мог пройти незаметно «по-партизански». Вероятнее, конечно, другое: первопечатники двигались не вопреки запрету московских властей, а по их прямому распоряжению.

[290] Псалтырь, изданная в 1577 году на территории Александровской слободы.

[291] Печатал ее опытнейший мастер Андроник Тимофеев Невежа, ученик Ивана Федорова с Петром Мстиславцем, и раньше занимавшийся организацией книгоиздательских процессов в Москве.

[292] *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Московский Печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 годы: от восстановления после гибели в Смутное время до патриаршества Никона: исследования и публикации. М., 2001. С. 170, 174, 175.

[293] *Енин Г. П.* Иов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI век). Ч. 1. А — К. Л., 1988. С. 416.

[294] *Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В.* Указ. соч. С. 175.

[295] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 200.

[296] *Володихин Д. М.* Документы конца XVI века о централизованном распространении книг // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 179–180.

[297] *Масса И.* Указ. соч. С. 32.

[298] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 44.

[299] *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI века // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 241.

[300] Разрядная книга 1559–1605. М., 1974. С. 256. В декабре 7098 года от Сотворения мира шел 1589 год от Рождества Христова.

[301] *Каргалов В. В.* Полководцы X–XVI веков. М., 1989. С. 320.

[302] *Володихин Д. М.* Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 270–277.

[303] *Володихин Д. М.* Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 5–33.

[304] Разрядная книга 1475–1605 годов. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 16.

[305] *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 230, 232.

[306] Там же. С. 245, 246, 253.

[307] Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 329–330.

[308] Разрядная книга 1475–1605 годов. Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 327; Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 115, 129.

[309] Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 262, 296.

[310] Об этом эпизоде речь пойдет ниже.

[311] Кроме С. Ф. Сабурова, не имевшего серьезного боевого опыта.

[312] Ям сдался 27 января 1590 года.

[313] *Каргалов В. В.* Полководцы X–XVI веков. М., 1989. С. 322.

[314] К тому времени Хворостинину было 50–55 лет. Не столь уж много, на первый взгляд. Но надо учесть интенсивность его службы: Дмитрия Ивановича на протяжении нескольких десятилетий постоянно ставили на воеводские посты в действующей армии, он без конца участвовал в дальних походах, больших и малых сражениях. Его воинское дарование использовали постоянно, при этом тело, конечно, изнашивалось.

[315] Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 259.

[316] Ругодив — русское название Нарвы.

[317] Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 264.

[318] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 38–39.

[319] В Новом летописце сказано, что он погиб во время приступа, а в разряде сообщается, что его назначили первым воеводой в Ивангороде, когда крепость впустила русские войска; по всей видимости, И. И. Сабуров мог получить тяжелое ранение в ходе штурма.

[320] *Масса И.* Указ. соч. С. 32–33.

[321] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 39.

[322] На владения Соловецкой обители в эту войну шведы, действительно, нападали, хотя высадиться на Большом Соловецком острове, где располагается монастырь, все-таки не решились. Тут было о чем тревожиться.

[323] Современный Приозерск.

[324] Этот русский полководец пробудет на воеводстве всего несколько месяцев перед кончиной. Вероятно, сказалось тяжелое ранение, полученное им при штурме нарвских стен 19 февраля 1590 года.

[325] *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 150.

[326] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 55.

[327] Цитирование ведется по Тулуповской редакции Жития: автор этих строк солидаризуется с В. А. Колобковым в том, что Тулуповская редакция является первичной по отношению к Колычевской. См.: *Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: опричнина Ивана Грозного. М., 2004. С. 86.

[328] Федор Иванович был венчан на царство 31 мая 1584 года.

[329] Очевидно, имеется в виду Освященный собор, т. е. собрание высшего духовенства Русской церкви. См.: Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 7.

[330] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 8.

[331] Собственно, дипломаты Речи Посполитой выговорили условие, согласно которому наши войска не могли оперировать против шведских владений в Ливонии, особенно же против Нарвы. Но это никак не мешало московским воеводам наносить удары в Карелии и Финляндии.

[332] Имеется в виду Юхан III — король шведский.

[333] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 7–8 // Сочинения: в 18 книгах. Кн. IV. М., 1989. С. 225.

[334] Впрочем, действия против них небольшого полевого соединения под командой П. Н. Шереметева также велись неудачно. Первый воевода передового полка князь В. Т. Долгорукий оказался в шведском плену.

[335] Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 264.

[336] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 92.

[337] Осень 1592 года.

[338] См., например: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII века. М., 1973. С. 56–62; *Рябошапко Ю. Б.* Тявзинские переговоры 1594–1595

годов // Социально-политическая история СССР. Ч. 2. М.; Л., 1974. С. 25–68; *Рябошапко Ю. Б.* Вопросы торговли в Тявзинском договоре 1595 года в связи с внутренней политикой правящих кругов Швеции // Скандинавский сборник. Т. 20. Таллин, 1975. С. 60–66; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 92–93; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 189–190.

[339] *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. М., 1998. С. 202, 208.

[340] Эпилепсия или весьма сильная хорея.

[341] Дмитрий Иванович родился 19 октября 1582 года.

[342] Еще один сын Ивана IV умер во младенчестве — Василий, рожденный от царицы Марии Темрюковны.

[343] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 84.

[344] А впрочем, непременно найдется какой-нибудь автор авантюрного романа, который припишет Федору Никитичу Романову-Юрьеву марафонскую интригу: умертвление царевича Дмитрия снимало одного претендента на трон из «очереди» претендентов, компрометация Бориса Годунова могла бы снять второго, но его лишь в 1605 году «снимет» старуха с косой, сдача Василия Шуйского полякам сняла третьего претендента, а дальше у России было два «великих государя» — Михаил Федорович Романов и его отец Филарет (в миру Федор) Никитич… Конструкция весьма маловероятная, но для приключенческого действия вполне пригодная.

[345] *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 94–96.

[346] *Цветаев Д. В.* Мария Владимировна и Магнус Датский // ЖМНП. 1878. № 3. С. 57–85. О достатке «старицы Марфы», бывшей королевы ливонской, свидетельствуют ее богатейшие вклады в Троице-Сергиеву обитель, сделанные в 1597–1599 годах. См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 30.

[347] Формально Семион Бекбулатович правил Россией в 1575–1576 годах, «замещая» Ивана IV. Реальной власти у него не было, однако *статусом* «великого князя» всероссийского и царским титулом (по Касимову) он располагал. В 1598 году представители высшей русской аристократии, действительно, составили заговор в его пользу, но ничего не добились.

[348] Григорий Васильевич Годунов «не приспе» к заговору против царевича Дмитрия и «плакася о том горько», что родня затеяла срамное дело. См: Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 40.

[349] Подобная версия в разной форме уже высказывалась ранее, например писателем Д. В. Евдокимовым.

[350] Известие о смерти царевича Дмитрия.

[351] *Масса И.* Указ. соч. С. 36.

[352] Пелымский городок, действительно, начал строиться в конце 1591 или первой половине 1592 года. См.: Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 292.

[353] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 42.

[354] Летописный сборник, принадлежащий Новгородскому Николаевскому Дворищенскому собору // Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 451.

[355] Весной — летом 1591 года в Москве, действительно, случилось несколько больших пожаров, причем погорельцам давал деньги на восстановление Б. Ф. Годунов. Кто устраивал поджоги на самом деле, установить трудно. Некоторые источники позволяют обвинить в этом Нагих, пытавшихся вызвать антигодуновские волнения, другие свидетельства направлены против самих Годуновых, якобы отвлекавших москвичей поджогами от угличского дела, обвиняли также татар и изменников… См.: *Масса И.* Указ. соч. С. 37. Но в равной мере возможно и самое простое развитие событий: тогда столица страдала от зноя и пожары могли то и дело вспыхивать по естественным причинам.

[356] Летописный сборник, принадлежащий Новгородскому Николаевскому Дворищенскому собору // Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 451–452.

[357] Борис Годунов.

[358] Иван Тимофеев пишет в данном случае о двух убийствах — царевича Дмитрия Ивановича и царя Федора Ивановича, поскольку он был уверен в том, что к смерти самого государя также приложил руку Борис Годунов, и это новое преступление также было замолчано. Относительно обстоятельств смерти Федора Ивановича см. последнюю главу этой книги.

[359] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 190–191.

[360] Г. Ф. Нагой был тестем А. П. Клешнина, но для того, очевидно, давняя дружба с Годуновыми значила выше подобных уз.

[361] Собственно, вскоре после нашествия Казы-Гирея русское правительство начало строить Земляной город, способный защитить Замоскворечье, где не было могучих стен и башен Белого города. Учло опыт, так сказать. Линия Земляного города прошла несколько севернее тех мест, где летом 1591 года стоял гуляй-город.

[362] Русское правительство до крайности опасалось подобного поворота событий. Поэтому в городе стояла крепкая стража, ловившая поджигателей. Боялись не только предателей, перебежчиков, нет, проблема была более серьезной. Время стояло смутное, после смерти Дмитрия Углицкого по столице прошла волна пожаров. Лихой люд норовил поживиться добром несчастных погорельцев на пожарище. Да и недоброжелателей у Бориса Годунова, вошедшего в состав командования оборонительной армии, теперь прибавилось: могли ударить в спину… На некоторое время, боясь возгорания, власти даже запретили печь хлеб. Опасения оказались не напрасными. Было арестовано 70 человек, проявивших склонность к поджигательству. Всех их жестоко покарали.

[363] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 234; Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 42–43; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 197; Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 271.

[364] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

[365] Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 234.

[366] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 90.

[367] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 200.

[368] Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 273. Патриарх Иов также свидетельствует о том, что с крепостных стен и «изо всех обителей, иже близ царьствующего града Москвы», велся артиллерийский огонь. См.: Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 13. А он был очевидцем событий 1591 года.

[369] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 43.

[370] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

[371] *Масса И.* Указ. соч. М., 1997. С. 34.

[372] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 201.

[373] В данном случае надо понимать как «начнет наступление…».

[374] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 43.

[375] В армии, отражавшей Казы-Гирея, было трое воевод из Годуновых: сам Борис Федорович (второй воевода Большого полка), Степан Васильевич (второй воевода Полка правой руки) и Иван Васильевич (второй воевода Передового полка); кроме того, первым воеводой «наряда» (артиллерии) был Семен Федорович Сабуров — близкий родственник Годуновых. И как раз от деятельности последнего весьма сильно зависел общий успех. См.: Разрядная книга 1559–1605 годов. М., 1974. С. 269–270.

[376] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

[377] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 43. Титул «слуга» или «служилый князь» носили представители знатнейших семейств княжеской аристократии — Ряполовские, Воротынские, Трубецкие. См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 180–181.

[378] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 91.

[379] «Сын боярский» — дворянский чин, к настоящим боярским семействам никакого отношения не имеет.

[380] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 44.

[381] Боевые действия у гуляй-города.

[382] *Масса И.* Указ. соч. С. 34.

[383] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 43.

[384] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 12–13.

[385] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 43.

[386] В данном случае имеется в виду «царь крымский» — хан Казы-Гирей.

[387] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

[388] Гуляй-город.

[389] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

[390] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 43; *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и его мемуары из русской истории по рукописи Трапезундского Сумелийского монастыря. К., 1899. С. 93.

[391] Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 15.

[392] *Забелин И. Е.* Историческое описание ставропигиального Донского монастыря. 2-е изд. М., 1893. С. 142.

[393] Сама икона оставалась в Благовещенском соборе Московского Кремля.

[394] До второй половины XVII столетия Донским монастырем управлял игумен, и лишь потом здесь утвердилась архимандритья.

[395] Когда большевики примутся массово разрушать храмы в Москве, сюда станут свозить их фрагменты.

[396] Имеется в виду заступничество Пречистой Богородицы и святых чудотворцев за Москву и православное воинство.

[397] Фрески XVI столетия в обители не сохранились. Основательно судить о том, был ли на самом деле изображен Б. Ф. Годунов на стене собора, не представляется возможным.

[398] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 208.

[399] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 197–200.

[400] *Баталов А. Л.* Указ. соч. С. 42.

[401] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 46; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 196. А. А. Зимин датирует пожар 1595 годом, однако основания для подобной датировки не ясны: более подробный и достоверный в этой части Пискаревский летописец сообщает, что пожар произошел в 7102 (между 1 сентября 1593 и 31 августа 1594 года) году; Новый летописец, на свидетельство которого, надо полагать, опирается А. А. Зимин, говорит о 7103 (между 1 сентября 1594 и 31 августа 1595 года) годе; здесь же сообщается: в Пафнутьев-Боровской обители Федор Иванович побывал в 7103 году. Очевидно, Китай-город загорелся в августе или сентябре 1594 года, отсюда и разночтения в датах. Но непонятно, откуда появился 1595 год. См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 191. Любопытно, что страшное бедствие пожара вместо печали и сокрушенного состояния духа у некоторых московских жителей вызвало идею с помощью поджога, пользуясь общим переполохом, ограбить «казну» Троицкого (Покровского) собора что на Рву. Когда дело открылось, главным зачинщикам — князю Василию Щепину-Ростовскому и Петру Байкову (Бойкову) с сыном — отрубили головы, прочих же вешали и рассылали по тюрьмам. См.: Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 46–47. Что ж, после нескольких великих московских пожаров, принесших

страшное разорение, эта суровость выглядит оправданной.

[402] Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 49; Повесть о честном житии царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Руссии. С. 16–17; Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 235.

[403] Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 190; *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 274; *Маржерет Ж.* Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 151.

[404] Прибавления [к Первой Псковской летописи]. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. Вып. 1. С. 116.

[405] *Масса И.* Указ. соч. С. 40.

[406] Самое крупное артиллерийское орудие в Европе на протяжении нескольких столетий. Это бомбарда, рассчитанная на стрельбу огромными каменными ядрами.

[407] Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 196.

[408] Там же. С. 198.

[409] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. М.; Л., 1950. С. 428–433.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch